A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Vesna

ВЕСНА.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

НА

1859 ГОДЪ.

С.-Петербургъ

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 18 Марта 1859 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

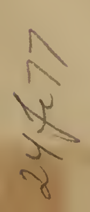
Въ Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

—

Въ литературѣ существуетъ обычай, по которому всякое собирательное изданіе, выходя изъ печати, спѣшитъ прежде всего стать подъ знамя какой нибудь партіи и сдѣлаться представителемъ какого нибудь извѣстнаго, исключительнаго направленія. Обычай этотъ проистекаетъ изъ очень обыкновеннаго желанія отличить себя отъ другихъ не только однимъ содержаніемъ, характеръ котораго бываетъ невдругъ доступенъ на взглядъ, а вмѣстѣ и явною, для всѣхъ удобопонятною вывѣскою, съ духомъ предвозвѣщаемаго ею содержанія совершенно согласною. Въ какой мѣрѣ и какъ часто это желаніе достигаетъ до своей цѣли безъ помощи пылкаго воображенія и громкихъ фразъ—это до насъ не касается, потому что мы его не имѣемъ. *Весна* является подъ *общимъ* знаменемъ русской литературы и цвѣтъ этого знамени довольно ясно опредѣленъ, чтобы избавить нашъ Сборникъ отъ скучной формальности: выставлять надъ собой особую вывѣску.

НИКОЛАЙ АХШАРУМОВЪ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ НОЧИ.

ПОВѢСТЬ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ НОЧИ.

—

ГЛАВА I.

Знаете ли вы городъ, среди лѣсовъ и болотъ, подъ вѣчно-туманнымъ небомъ? Его дома—казармы, улицы—площади, его площади—пустыни. Онъ не отличается ни чистотой, ни порядкомъ, хотя имѣетъ страсть къ тому и другому; его мостовыя не славятся прочностію и удобствомъ, за то врядъ ли гдѣ въ цѣлой Европѣ можно ѣздить такъ скоро, до съумасшествія скоро, и такъ легко ломать экипажи. Онъ хвалится образованностію, хотя до сихъ поръ не знаетъ, что значитъ давать на улицѣ свободный проходъ женщинѣ. Онъ хвастаетъ роскошью и изяществомъ жизни, хотя другіе говорятъ, что за эту роскошь и это изящество онъ весь въ долгахъ. Многіе его упрекаютъ въ порчѣ понятій и нравовъ, въ пренебреженіи . . . . . . , въ безчувственности и холодномъ эгоизмѣ. Я знаю, что онъ каждый праздникъ звонитъ въ колокола, и что онъ достаточно сердоболѣнъ, потому что въ немъ нѣтъ недостатка въ нищихъ. Онъ мало удивляется и не умѣетъ вообще выражать сочувствія; онъ очерствѣлъ къ впечатлѣніямъ, правда, но это потому, что онъ много видѣлъ: отъ сладострастныхъ ночей среди блестящихъ палатъ до аскетизма тюремныхъ келій, отъ Камчатки до Лондона, и далѣе. Говорятъ,

что въ немъ мало мужей, вѣрныхъ женамъ; я же знаю, что въ немъ еще менѣе женъ, вѣрныхъ мужьямъ. Хуже—говорятъ, что въ немъ вообще мало людей вѣрныхъ Россіи,—что онъ не похожъ на Русскій городъ какъ будто въ немъ мало гнилыхъ заборовъ, деревянныхъ домовъ и пьяныхъ по праздникамъ;—что въ немъ живутъ желчные, недоброжелательные, скрытные люди, льстецы, люди, которые любятъ ходить задами, носить личину и не давать явной свободы ни одной страсти, кромѣ тщеславія, которые любятъ жать руки и подкапывать провалы въ одно и тоже время, объѣдать и обыгрывать, все бранить и надъ всѣмъ смѣяться, не исключая самихъ себя, и съ этой внутренней ироніей подъ внѣшнимъ блескомъ гноить заражающія дѣла; а я знаю только, что нигдѣ человѣкъ не обладаетъ тѣмъ рѣдкимъ тактомъ, который даетъ ему постоянную, хотя наружную высоту и благородство во всѣхъ случаяхъ и положеніяхъ жизни, какъ бы онъ ни былъ жалокъ и пошлъ въ сущности.

Да! вы знаете этотъ городъ; ваши грезы дѣтства можетъ быть лелѣяли его далеко гдѣ нибудь на краю Россіи. Если вы побывали въ немъ разъ, вы носите уже въ глазахъ вашего околодка зеленую повязку, на подобіе татарина, сходившаго въ Мекку. Можетъ быть онъ растлилъ вашу юную душу своимъ суровымъ опытомъ, изсосалъ попусту ваши молодыя силы, обманувъ вашу дѣтскую вѣру въ свои золотыя маковки и блескъ, и жаръ, и громъ рѣчей; и въ вашемъ обиженномъ сердцѣ готовы желчные упреки его порокамъ или даже проклятія. Напрасно, бросьте ихъ, эти упреки, и постарайтесь сжиться съ его интригами и грязью и изнуряющимъ воздухомъ, холодомъ и скукою, и жизнію, закованною въ такія тѣсныя формы. Все равно, послѣ него вы нигдѣ не уживетесь больше въ Россіи. Спросите у этихъ старичковъ, что дрожатъ у ногъ дерзко-размазанныхъ красавицъ: что они сдѣлали, чтобъ такъ помолодѣть къ старости? и постарайтесь послѣдовать ихъ примѣру. И когда вы будете ѣздить въ каретахъ и пить тонкое вино, можетъ быть вы отыщите въ этой жизни такіе задатки свободы, которыхъ не захотите промѣнять ни на что на свѣтѣ. Вспомните одно только: чтобы вы не предприняли, на что бы вы не рѣшились здѣсь, никто васъ не предостережетъ и не остановитъ, никто не вмѣшается въ ваши намѣре-

нія и не станетъ заботиться и сплетничать; потому что здѣсь никому нѣтъ дѣла до васъ, и еще менѣе до вашей нравственности; а если и нашелся бы какой нибудь невѣжа, тогда . . . . Тогда слѣдующія главы помогутъ вамъ, можетъ быть, зажать ему ротъ, не пригласивъ *его обѣдать*.

Торжественно возвышается въ одной изъ бойкихъ сторонъ Петербурга одно громадное зданіе. Передъ главнымъ фасомъ его стелится обширная площадь. Ее многіе не любятъ, и вотъ почему: она такъ велика, что человѣкъ совершенно пропадаетъ среди нея, со всѣмъ своимъ величіемъ въ лицѣ и осанкѣ. Какъ бы онъ гордо ни несъ голову, сколько бы ни было у него власти, среди безконечныхъ рядовъ криваго булыжника онъ такъ затерянъ и малъ, что невольно начинаешь сомнѣваться въ его величіи. Остальными сторонами зданіе смотритъ на широкія улицы и занимаетъ, такимъ образомъ, цѣлый кварталъ. Не такъ еще давно на этомъ самомъ мѣстѣ тѣснился рядъ хилыхъ домовъ бѣдной архитектуры, то деревянныхъ, то каменныхъ, на половину какъ бы въѣхавшихъ въ землю, съ узкими, подслѣповатыми окнами, тѣсными дворами и сгнившими заборами. Возлѣ тянулся рядъ извозчичьихъ колодъ, вокругъ которыхъ стаями гнѣздились голуби, текла невысыхающими лужами мутная, заражающая жидкость, гнили, отмерзали и замерзали груды всякой нечистоты, и, если вѣрить разсказамъ, по ночамъ ходили смѣлые люди, встрѣчи съ которыми избѣгалъ запоздалый прохожій. Не много лѣтъ тому назадъ одно казенное вѣдомство откупило мѣсто, спугнуло его жителей въ разные концы города, снесло хилые дома и вывело то величавое зданіе, которое стоитъ здѣсь до сихъ поръ. Съ того времени любопытный прохожій останавливался не разъ передъ выросшею громадой, и стаи кочующихъ голубей не слетались болѣе на былыя мѣста вить разоренныя гнѣзда по вновь разбитымъ дворамъ и крышамъ. Дѣйствительно, есть передъ чѣмъ остановиться. Такъ выведены новыя стѣны, такъ обдуманы на нихъ всѣ архитектурныя украшенія, до малѣйшихъ подробностей, такими бойкими линіями заканчиваются всѣ разнообразные планы; во всемъ выдержана такая строгая пропорція: ни одинъ карнизъ нельзя исказить на волосъ, не нарушивъ общаго; все такъ цѣло, такъ обдуманно. И

потомъ, съ какимъ рвеніемъ къ опрятности содержится оно. Случится ли гдѣ пятно, обвалится ли гдѣ штукатурка, сію же минуту все это исправляется, чистится, красится, замазывается. Какая противоположность съ тѣми зданіями, что сплошными стѣнами жмутся возлѣ, составляя боковыя улицы. Въ нихъ все пожертвовано разсчету; этотъ разсчетъ налегаетъ на каждое окно, каждый кирпичь отдаетъ выгадывавшейся копѣйкой; на всемъ тяжелая рука спекуляціи. Тутъ совершенно другое дѣло: окна прорѣзаны такъ широко и свободно, съ разными затѣями; всякая дверь чуть не въ ширину другой комнаты; одна швейцарская могла бы вмѣстить цѣлое присутственное мѣсто; полъ въ ней, какъ въ рѣдкой гостинной. Но лѣстница—это уже верхъ совершенства; она одна занимаетъ большую часть зданія; на нее художникъ употребилъ все свое творчество, всю силу фантазіи и заботы, и всѣмъ сій, кажется, готовъ былъ жертвовать. Два льва, безпросыпные, какъ всѣ сторожа вообще, легли у ея начала. Дальше . . . но что дальше! Живи онъ, словомъ, лѣтъ триста назадъ, ему бы вѣрно выкололи глаза за эту лѣстницу. А далѣе пойдутъ по тремъ этажамъ зала за залой, одна богаче, просторнѣе другой. Строитель, кажется, хотѣлъ, чтобы свободно здѣсь было людямъ, чтобы ничто мелкое, пошлое не попадалось ихъ глазу, и чтобы человѣкъ, встрѣчая одни широкіе, благородные размѣры кругомъ себя, невольно проникался самъ этой свободой и благородствомъ.

На площади и окрестныхъ улицахъ постоянный шумъ, суета и движеніе съ утра и до поздней ночи, говоръ, хольба и ѣзда, никогда нестихающія; но никакая суета въ мірѣ, никакой базаръ или биржа, фабрика, или гульбище не сравнятся съ той суетой, которая царствуетъ въ верхнемъ и нижнемъ этажахъ этого зданія съ утра и до пяти часовъ по полудни, когда, какимъ то верховнымъ закономъ, угомоняются служебныя страсти и человѣкъ переходитъ въ тѣсный кругъ домашнихъ интересовъ. Съ утра, когда только два курьера выйдутъ къ подъѣзду стеречь пріѣздъ главнаго начальника, всѣ наружныя двери постоянно растворяются и одинъ за другимъ въ нихъ пропадаютъ чиновники. На лѣстницѣ, въ верхнемъ и нижнемъ этажахъ подымается бѣготня съ бумагами и безъ бумагъ. Курьеры съ оторопѣлыми

взглядами, влача громадные кожанные тюки, чиновники всѣхъ классовъ и физіономіи летятъ, толкаютъ другъ друга, торопятся. Тутъ самыя смирныя натуры, съ глубокимъ, неумолимымъ хладнокровіемъ рѣшающія труднѣйшіе вопросы своей домашней жизни, приходятъ въ какую то ярость, не могутъ сдѣлать шага, не кинувшись сперва во всѣ стороны, совершить самаго простаго, естественнаго отправленія безъ судорожныхъ движеніи во всемъ организмѣ, безъ страстныхъ выходокъ и озабоченнаго до растерянности вида, безъ страшной, превосходящей всякую мѣру суеты И вотъ передъ нами уже не простое зданіе, въ которомъ слабые смертные работаютъ надъ счастіемъ и спокойствіемъ себѣ подобныхъ, а огнедышущая гора. Прочь двери и крыши, и чиновный кратеръ начинаетъ метать сквозь всѣ возможныя жерла, съ неимовѣрной силой, на далекія пространства густыя массы сѣрыхъ отношеній, приказовъ, писемъ и рѣшеній, вмѣстѣ съ красной смолой и густымъ чиновнымъ чадомъ. Страшно вылетаютъ эти массы изъ горячаго горла, клубясь въ воздухѣ, готовыя съ часу на часъ похоронить жизнь цѣлыхъ городовъ и селеній подъ спудомъ чернильной лавы, быстро несутся къ разнымъ угламъ неоглядной Россіи, и падаютъ тяжелыми тюками на почернѣвшіе столы отдаленныхъ почтовыхъ конторъ.

Вамъ случалось, вѣроятно, видѣть и это зданіе, если не въ натурѣ, то гдѣ нибудь за выпачканнымъ мухами, запыленнымъ стекломъ на почтовой станціи, или въ уѣздномъ трактирѣ, или на ярмаркѣ въ губернскомъ городѣ. Можетъ быть, бурое пятно покрывало уголъ картинки и задѣвало край зданія. Не вѣрьте этой злой клеветѣ; этого нѣтъ въ натурѣ. Мы даже не имѣемъ невѣжественной привычки, какъ Нѣмцы, писать на углахъ: Dieser Ort darf nicht....Можетъ быть, среди площади были изображены подбоченясь какіе нибудь молодцы въ треугольныхъ шляпахъ съ перьями, верхомъ, или на калиберныхъ дрожкахъ, кареты четверней, съ двумя гайдуками на запяткахъ, или дамы въ фижмахъ; не вѣрьте и этому. Все это исчезло; одни калиберныя дрожки не могутъ изчезнуть.

Давно, въ одинъ зимній день, чиновники одного изъ отдѣленій зданія сидѣли на столахъ и за столами, бѣгали, разговаривали

передъ началомъ дѣла. Хотя было уже довольно поздно, и туманный день скоро долженъ былъ подойти къ сумеркамъ, но дѣло еще собственно не начиналось; потому что начальника отдѣленія не было въ присутствіи. Одни только канцелярскіе пѣли на своихъ гусиныхъ дудкахъ, каждый съ своимъ личнымъ мотивомъ, дѣла, отношенія, рапорты и т. д., когда появленіе въ дверяхъ небольшаго человѣка, съ довольно развязными, живыми, но угловатыми движеніями, крестомъ на шеѣ и огромнымъ портфелемъ подъ мышкой, произвело внезапное смятеніе въ средѣ присутствовавшихъ. Десять канцелярскихъ вскочили разомъ съ своихъ мѣстъ, произвели первые неожиданный громъ стульями и также скоро опустились. Вслѣдъ за ними остальные чиновники зашевелились, соскочили со столовъ и бросились на перерывъ изъявлять свое почтеніе развязному человѣку. Онъ сильно замоталъ головой во всѣ стороны, протягивалъ въ право и въ лѣво обѣ руки, жалъ что ни попадалось и наконецъ также усѣлся на столъ и въ такомъ уже видѣ, болтая тоненькими ножками, оканчивалъ пожимать руки подходившимъ чиновникамъ. По всему было замѣтно, что это былъ начальникъ отдѣленія. Мало по малу пожатія рукъ были кончены, но чиновники не разошлись, какъ бы слѣдовало ожидать, а составили около Начальства довольно плотный кружекъ. Самая поза, которую принялъ начальникъ отдѣленія, усѣвшись на столъ, а не въ кресла, поза, въ которой онъ чаще всего бесѣдовалъ съ подчиненными о постороннихъ предметахъ, кажется указывала ясно желаніе начальства переговорить о томъ, о семъ до начала занятій. Это поняли лучше всѣхъ молодые, блѣднолицые чиновники, съ бѣлыми чистыми воротничками, принадлежавшіе къ разряду молодыхъ дѣльцевъ, въ противоположность старымъ чиновникамъ, въ потертыхъ вицмундирахъ, фантастическихъ жилетахъ, безъ видимыхъ признаковъ бѣлья, называемыхъ обыкновенно чижами, крючками и т. д. Къ нимъ присоединилось еще нѣсколько чиновниковъ, составляющихъ средину между старыми и новыми вицмундирами, съ притязаніемъ на порядочность, но съ какимъ нибудь изъяномъ или ошибкой противъ строгаго вкуса въ галстухѣ, жилетѣ, физіономіи или даже языкѣ. Между послѣдними замѣтенъ былъ какой то длинный, длинный, съ совершенно вы-

сохшимъ лицемъ на худомъ туловищѣ, и широчайшимъ ртомъ, концы котораго пропадали въ бѣлыхъ воротничкахъ, плотно приклеенныхъ къ худымъ щекамъ. Это былъ одинъ изъ столоначальниковъ отдѣленія Иванъ Антоновичь Междоумовъ,—скажу въ скобкахъ, это была голова отдѣленія. Послѣ него обращалъ на себя вниманіе маленькій столоначальникъ другаго отдѣленія, съ бѣльмомъ на одномъ глазу и почти безъ волосъ на головѣ, называвшійся просто Петромъ Ивановичемъ. За ними слѣдовало нѣсколько чиновниковъ, болѣе или менѣе потертаго вида. Тутъ былъ одинъ рябой, высочайшаго роста, по имени Семенъ Ѳедоровичь, и одинъ въ рыжемъ парикѣ, съ сѣдыми бакенбардами, изъ другаго отдѣленія, и другой безъ парика, весь лысый, изъ того же отдѣленія. У всѣхъ, не исключая и молодыхъ чиновниковъ, лица были блѣдны, глаза ослаблены гемороемъ, въ манерахъ у всѣхъ была суетливость, но не было собственно живости. Одинъ начальникъ отдѣленія былъ свѣжъ лицемъ, беззаботенъ и здоровъ на видъ.

— Ну, Иванъ Антоновичь, началъ онъ, покачиваясь и обращаясь къ столоначальнику съ дѣтскимъ лицемъ, Ксаверьевскаго дѣла не могъ вынести; думалъ всю ночь проработать, да съ плечь свалить, а вмѣсто того до пятаго часа плясалъ у Графа.

— Ахъ! вы были тамъ, перебило его нѣсколько молодыхъ чиновниковъ такимъ тономъ, изъ котораго можно было догадаться, что они согласились бы охотно простоять цѣлое присутствіе на колѣняхъ, съ тѣмъ только, чтобы удостоиться вчерашней чести начальника отдѣленія.

— Чтожъ? на здоровье вамъ, Ѳедоръ Ивановичь, отвѣтилъ столоначальникъ.

— Какое тутъ здоровье. Ногъ подъ собою не слышу, голову ломитъ. И онъ интересно откинулъ назадъ своими густыми, вьющимися волосами.

— Да, это точно должно быть нездорово, замѣтилъ одноглазый Петръ Ивановичь. Вотъ у насъ былъ канцелярскій, тоже страсть имѣлъ къ танцамъ; чтожъ вы думаете? до чахотки затанцовался, тѣмъ и умеръ.

— Да! это намъ не по—нраву, отвѣтилъ Междоумовъ, ласково

ударяя по животу одноглазаго чиновника. Вотъ, если бы на право па лѣво, это была бы статья подходящая.

— Ничего, можно! улыбаясь отвѣтилъ тотъ. А мы васъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ начальнику отдѣленія, вчера поджидали у Вице-Директора. Что это, думаемъ, Өедоръ Ивановичь не ѣдетъ; человѣкъ кажется незабывчивый. А ужъ что за игра была! Его Превосходительство тринадцать картъ сряду убили. Можете себѣ представить тринадцать картъ! Ну, говорю я ему, это отъ того, что Өедора Ивановича здѣсь нѣтъ; онъ бы вамъ не далъ такого хода; такъ и сказалъ, право. Въ часъ, только что сѣли ужинать, пріѣзжаетъ экзекуторъ. Мы къ нему, въ одно слово: не знаете—ли, молъ, гдѣ Өедоръ Ивановичь? А я его, говоритъ, сейчасъ видѣлъ, въ щелочку, изъ прихожей; онъ такъ отплясываетъ у Графа. Ну, думаемъ, гдѣ ему до насъ теперь.—И много гостей было у Графа?

— Много отвѣчалъ начальникъ отдѣленія, зѣвая и потягиваясь.

— Экзекуторъ сказывалъ, что одного вина пошло больше, чѣмъ на тысячу рублей; что сами Его Превосходительство обивали лѣстницу, вмѣшался высокій, рябой чиновникъ.

— Чей оркестръ игралъ? спросилъ кто-то изъ молодыхъ.

— Право не знаю, отвѣтилъ начальникъ отдѣленія, видимо занятый другимъ. Тутъ за ушами трещитъ, когда подумаешь сколько дѣла.

— Иванъ Антоновичъ, продолжалъ онъ, адресуясь къ столоначальнику съ дѣтскимъ лицемъ, какъ же мы сдѣлаемъ съ Ксаверьевскимъ дѣломъ?

— Сегодня еще поступило подтвержденіе по этому дѣлу, закричалъ съ своего мѣста регистраторъ.

— Знаете, я думаю ужъ въ такомъ случаѣ его не просматривать; спустить такъ, сказалъ начальникъ отдѣленія.

— Какъ хотите, отвѣтилъ столоначальникъ.

— Отдайте переписывать; будетъ готово, я подпишу.—А! вотъ и Григорій Петровичь, сказалъ онъ, протягивая руку только что вбѣжавшему чиновнику. Какъ ваше здоровье; что новаго, какъ дѣла, что его превосходительство и какъ графъ послѣ бала? Въ отвѣтъ на такіе вопросы, Григорій Петровичь

Рѣжинъ, высокій, сухой и смуглый мущина, секретарь директора департамента, подалъ начальнику отдѣленія свою жилистую руку, сказавъ съ нѣкоторой ироніей, что его превосходительство ни свѣтъ, ни заря изволятъ бѣсноваться у себя въ кабинетѣ; а что графъ, вѣроятно, сегодня не будетъ, потому что съ полчаса тому назадъ экзекуторъ ѣздилъ, по приказанію его превосходительства, узнать о здоровьѣ; но что его сіятельство изволили еще почивать.—А вотъ полюбуйтесь, если это васъ интересуетъ, прибавилъ онъ, вынимая изъ синей обертки, съ печатнымъ заголовкомъ «къ исполненію», какую то бумагу. Балы задавать своимъ содержанкамъ, это мы умѣемъ, на это намъ тысячь не жаль, а несчастному чиновнику просятъ пятьдесятъ рублей, такъ жалко. На это у насъ достаетъ духу написать: «зачѣмъ женился, когда бѣденъ.»

Всѣ чиновники, стоявшіе возлѣ, въѣлись въ бумагу, какъ мухи въ медъ. Къ нимъ подскочило сейчасъ же все, что было чиновничества въ комнатѣ, кромѣ канцелярскихъ, отъ чего кругомъ начальника отдѣленія произошла на минуту страшная давка. Замѣтивъ сумятицу, секретарь поспѣшилъ взять бумагу обратно изъ рукъ начальника отдѣленія; вслѣдъ за тѣмъ набѣжавшая толпа также разомъ отхлынула и кружекъ остался въ прежнемъ составѣ.

— Вотъ, поди, послѣ этого, набирай чиновниковъ. Правда, что каторжнѣе нашего вѣдомства нѣтъ службы, сказалъ секретарь.

— Вездѣ одинъ чертъ, отвѣтилъ начальникъ отдѣленія, тряхнувъ головой и принимаясь зѣвать.

— А требованія какія, Боже ты мой! продолжалъ Рѣжинъ, который никогда былъ не прочь поговорить, а особенно о начальствѣ. Намедни еще, я вамъ скажу, присылаетъ за мной курьера на домъ. Что за чертовщина, думаю?—А я только что сѣлъ обѣдать; такъ противно стало, что ложки не проглотилъ, выплюнулъ и аппетитъ пропалъ. Прихожу.—По вашему, говоритъ, столу записка?—По нашему.—Нужно переписать.—Что такое.—Поля не по формѣ; да къ завтрему непремѣнно.—Помилуйте, говорю, кого же мнѣ теперь заставить писать? Всѣ чиновники по домамъ. Да и какая машина справится съ такимъ письмомъ къ

завтрему?—Знать, говоритъ, не хочу. Графъ не любитъ полей не по формѣ, а къ завтрему, чтобъ было готово, хоть сами пишите.—Ну и поѣхалъ я самъ отыскивать писарей. Никого не поймаешь. Ѣду уже назадъ, вижу, на мое счастье, Чернецкій за какими то дамами увивается. Началъ ему такъ и такъ; отличиться де можете, вниманіе начальства заслужить, карьера и т. д., ну, какъ обыкновенно.—Силъ, говоритъ, нѣтъ, грудь болитъ. —А по Невскому, говорю, шататься грудь не болитъ. Пожалуйте-ка въ департаментъ. Ну и переписалъ за одну ночь. Какъ онъ это сдѣлалъ, до сихъ поръ понять не могу. Чтожъ вы думаете? нужная записка до сихъ поръ въ кабинетѣ на окнѣ валяется.

— Какже вы хотите? на то служба, возразилъ Междоумовъ. Съ насъ требуютъ, знать и выше требуютъ.

— Какая служба! Фразеологія одна, сказалъ секретарь; отчего при старомъ директорѣ этихъ требованіи не было? А этотъ только бѣсноваться умѣетъ. Передъ графомъ все да, да да, какъ прикажете, а потомъ прибѣжитъ въ кабинетъ и рветъ на себѣ волосы.—Ахъ, я несчастный; есть ли человѣкъ, которому хуже меня на свѣтѣ? есть, говоритъ, это женѣ моей.—А намъ развѣ лучше.

— Фразеологія! нѣтъ изъ за этой фразеологіи другіе всю жизнь бьются, и не могутъ руки набить, отвѣтилъ Междоумовъ.

— Что жъ изъ этого всего выходитъ. Ну, вотъ мы здѣсь собрались; спрашиваю я васъ: что мы здѣсь дѣлаемъ? разговариваемъ. Ну, и на бумагѣ тоже разговариваемъ, и изъ этихъ разговоровъ кромѣ брани свыше, да распеканіи для насъ ничего не выходитъ.

— Ну, какъ! есть же своя благородная и серьезная сторона въ службѣ, вмѣшался начальникъ отдѣленія; исполненіе своей обязанности, наконецъ желаніе пользы. Зачѣмъ же вы иначе служите?

— Ѣсть хочу, батюшка, да и вы тоже, отвѣчалъ секретарь. Вотъ моя польза и мои обязанности, если хотите знать: не успѣешь глазъ продрать, Николай Ивановичъ зоветъ; сядешь обѣдать, Николай Ивановичъ зоветъ. А за чѣмъ?—Принесите мнѣ это письмо въ 6-ть часовъ и напомните отвезти его туда-то.— Придите ко мнѣ въ 4 часа напомнить, что графъ приказалъ мнѣ

съѣздить туда то.—У графа на дачѣ щенки перебѣсились, что намъ дѣлать? Скачите скорѣе туда.—Только и покоя, когда знаешь, что легъ въ постель.

— Дѣло дѣлу розь, отвѣтилъ одноглазый столоначальникъ. Вотъ, по нашему отдѣленію такія умственныя дѣла бываютъ, что его превосходительство голову поломаетъ.

— Полноте хвастать, вмѣшался рябой чиновникъ, у васъ то ужъ ровно нечего дѣлать.

— Этими то умственными дѣлами вы вѣрно на Невскомъ занимаетесь. Когда не выйдешь, вы тамъ, прибавилъ секретарь.

— Боже мой! третье отдѣленіе! въ тебѣ нѣтъ дѣла, да гдѣ же есть дѣла послѣ этого, закричалъ Петръ Ивановичь.

— Что вы говорите, съ ироніей продолжалъ секретарь, да одно дѣло X, напримѣръ, по третьему отдѣленію всего департамента стóитъ. На трехъ возахъ привезли. Петръ Ивановичь должны были квартиру перемѣнить, когда ему его отдали.

— Да вѣдь дѣло то гроша не стоитъ.

— Вздоръ, клевета, господа. Ей Богу этого никогда не было, закричалъ Петръ Ивановичь, догадавшись о какомъ дѣлѣ идетъ рѣчь.

— Какъ гроша не стоитъ? На одну перевозку 20 тысячъ испрашивалось, спокойно продолжалъ секретарь.

— Да вѣдь дѣло то о ненужныхъ вещахъ. Такъ зачѣмъ же ихъ перевозить еще.

— Какъ за чѣмъ? порядокъ того требуетъ. Казенная собственность въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ. Развѣ вы не знаете?

— Ну, опростоволосились же вы, Петръ Ивановичь, вмѣшался рябой весельчакъ.

— Всѣмъ бы такъ простоволоситься почаще, и вы бы не прочь. Отъ начальства благодарность получили; *самъ* написалъ своей рукой: «читалъ съ большимъ удовольствіемъ», продолжалъ за Петра Ивановича секретарь.

— Вздоръ, вздоръ, повторялъ Петръ Ивановичь, вытянувъ при этомъ впередъ свое лице. Ей Богу, этого никогда не было!—Между тѣмъ какъ все, что было кругомъ изъ чиновниковъ хохотало во всѣ силы легкихъ.

— Вотъ, какія у насъ серьезныя дѣла бываютъ, заключилъ Рѣжинъ.

Неизвѣстно какъ далеко зашла бы настоящая сцена, если бы въ то время, какъ Петръ Ивановичь кончилъ послѣднюю фразу Междоумовъ, разставлявшій запятыя во все время этого спора, перелистывая какой то докладъ, не перебилъ горячей бесѣды.

— Вотъ, Ѳедоръ Ивановичь, докладъ по Ксаверьевскому дѣлу, сказалъ онъ, подавая тетрадь начальнику отдѣленія.

— А! готово. Славно! Ну, дайте я подпишу, сказалъ тотъ, принимая докладъ. Позвольте господа, продолжалъ онъ, вставая со стола, и отыскивая перо. Господинъ Пыловъ! у меня опять нѣтъ перьевъ.

Нѣсколько молодыхъ чиновниковъ, стоявшихъ около, готовы были засуетиться, но дюжій канцелярскій въ тоже время загремѣлъ стуломъ и стремглавъ бросившись къ начальнику отдѣленія, подалъ перо.

— Ну, вотъ и дѣло сдѣлано, сказалъ послѣдній, подписавъ докладъ и отдавая его столоначальнику. Теперь господа пойдемте курить.... Съ этими словами начальникъ отдѣленія скрылся въ дверяхъ, перекачиваясь со стороны на сторону и мотая головой. Вслѣдъ за тѣмъ начали изчезать мало по малу въ туже дверь и другіе чиновники. Вскорѣ на столахъ уже никто не сидѣлъ, скрипѣли перьями одни канцелярскіе, да рьяный столоначальникъ съ дѣтскимъ лицемъ, работавшій—по слухамъ—за все отдѣленіе, трудился надъ новымъ докладомъ. Какъ онъ умудрялся работать, это было удивительно, потому что въ комнатѣ была все таки страшная суета. Постоянно прибѣгали и убѣгали чиновники другихъ отдѣленій, сторожа и курьеры мѣшали ему наслаждаться слогомъ новой записки и канцелярскимъ цѣдить изъ гусиныхъ трубокъ жидкія отношенія и доклады на форменные бланки.

Во все время прошедшей сцены, не принимая въ ней никакого, по видимому, участія, углубившись въ чтеніе какой то книги о пенитенціарной системѣ, молча, сидѣлъ за отдѣльнымъ столомъ молодой человѣкъ, наружность котораго, съ перваго взгляда, мало гармонировала съ тѣмъ, что его окружало. Его темные живые глаза, черные густые волосы, свѣжія губы, легкій румя-

нецъ на худыхъ, но здоровыхъ щекахъ, рѣзко дѣлились отъ поблекшихъ взглядовъ, блѣдныхъ, поношенныхъ физіономій, которыя толпились возлѣ него. Есть лица, постоянно улыбающіяся, есть физіономіи, постоянно готовыя заплакать, какъ есть голоса, ограниченныя тремя, четырьмя нотами. Они постоянно тянутъ свою короткую гамму, пока жизнь не смоетъ и этого скуднаго разнообразія въ одно вялое, безстрастное выраженіе. Есть въ свою очередь лица, которыя, такъ сказать, берутъ всѣ грудные тоны, въ которыхъ свѣтятся готовые акорды на всѣ разнообразныя настроенія души; въ нихъ чертится полнота нравственныхъ звуковъ, вся человѣческая гамма. Такая то полнота жизни выражалась въ лицѣ Дмитрія Николаевича Бобрищева, такъ звали молодаго человѣка, и давала ему какое-то aparté и превосходство въ средѣ, его окружавшей.

— Дмитрій Николаевичъ! обратился теперь къ нему Междоумовъ, который ужъ нѣсколько минутъ какъ оставилъ докладъ и грызъ карандашъ, размышляя, по видимому о чемъ то серьезномъ,—потрудитесь сходить въ канцелярію и спросить мнѣ у секретаря Ножкина, помните же, у секретаря Ножкина, дѣло Баронесы Ейсемаръ.

Слова эти были сказаны тѣмъ точнымъ, опредѣлительнымъ тономъ, которымъ говорятъ только закаленные въ дѣловой работѣ люди и при томъ каждое изъ нихъ сопровождалось мѣрнымъ ударомъ карандаша по воздуху.

— Да кстати, прибавилъ онъ, потрудитесь захватить тамъ же, у чиновника Хрулина, перышко.

— Курьеръ! кликнулъ молодой человѣкъ вмѣсто отвѣта. Иванъ Антоновичь имѣетъ что-то тебѣ приказать.

Оторопѣвшій курьеръ, зѣвавшій въ дверяхъ, бросился къ столоначальнику.

Междоумовъ позеленѣлъ отъ этой выходки и разгрызъ карандашъ съ досады, но не отвѣтилъ ни слова; за тѣмъ написалъ что-то судорожной рукой на клочкѣ бумажки и отдалъ ее канцелярскому Меркурію. Молодой человѣкъ снова углубился въ свою книгу.

— Дмитрій Николаевичь! опять отвлекъ его Междоумовъ, вы третьяго дня раньше ушли, и вчера васъ вовсе не было на

службѣ. Начальникъ отдѣленія у меня два раза спрашивалъ почему васъ нѣтъ, и я не зналъ что́ ему отвѣтить. Кажется, не трудное дѣло прислать цедулочку.

Молодой человѣкъ молчалъ.

— У васъ теперь нѣтъ работки, продолжалъ Междоумовъ, такъ потрудитесь написать отношеньице вотъ по этой бумагѣ; а вотъ это дѣльце будетъ по важнѣе, здѣсь нужно составить докладъ по частной просьбицѣ; такъ вы ужъ возьмите его на домъ и поразмыслите на досугѣ какъ лучше уладить. Въ существо дѣла не входите, потому что, какъ вамъ извѣстно, мы ничего сдѣлать ни по какой просьбѣ не можемъ. Это не наше дѣло, а тамъ посмотрите: о дѣльцѣ ли какомъ тутъ пишутъ, такъ можетъ быть какъ нибудь можно обойти.

Молодой человѣкъ взялъ дѣло и ушелъ на мѣсто. Между тѣмъ столоначальникъ сталъ читать вслухъ одну перебѣленную бумагу за другою. «Господину Гродненскому Гражданскому Губернатору » Тутъ онъ поставилъ точку. «По приказанію Его Сіятельства», и онъ вдругъ остановился, началъ дѣлать гримасы, думалъ, думалъ; лице его то успокоивалось, то опять исполнялось муки. Нѣтъ, нельзя, произнесъ онъ наконецъ громко. Г. Пыловъ пожалуйте сюда.

Въ туже минуту вскочилъ съ мѣста канцелярскій, высокій, стройный, но съ лакейскимъ лицемъ, въ веснушкахъ, и франтовски перекачиваясь, съ боку на бокъ подошелъ къ Междоумову.

— Читайте, произнесъ желчно столоначальникъ.

Тотъ началъ читать бумагу съ начала, раздѣляя склады, и прочелъ до конца.

— Ничего не замѣчаете?

Канцелярскій молчалъ.

— А гдѣ же *честь?*

— Да ее не было въ черновой-съ.

Междоумовъ взялъ отпускъ и сдѣлалъ еще гримасу, увидѣвъ, что канцелярскій былъ правъ.

— Экой глупый народъ, подумалъ онъ; хуже машины. Нечего стоять, возьмите ваше добро, извольте переписать мнѣ дома все

сорокъ циркуляровъ; изъ за вашей недогадливости не должны задерживаться дѣла.

Канцелярскій взялъ бумаги и ушелъ на мѣсто не такъ уже рисуясь.

Столоначальникъ сталъ снова читать вслухъ какую то бумагу и вдругъ опять остановился, и снова лице его исполнилось невыразимой муки. Какъ же это? такъ нельзя, г-нъ Хрулинъ! сказалъ онъ.

Другой канцелярскій, съ краснымъ носомъ, хромая на одну ногу, подошелъ къ столу.

— Смотрите сюда! развѣ можно переносить *нъ*?

— Что у васъ тутъ такое? вмѣшался Начальникъ Отдѣленія, только что вошедшій въ двери.

— Да вотъ *нъ* опять перенесъ.

— Какъ же это вы, г-нъ Хрулинъ, замѣтилъ начальникъ отдѣленія канцелярскому.

— А впрочемъ куда не шло, попробуемъ, Иванъ Антоновичъ, продолжалъ онъ; авось пройдетъ.

Столоначальникъ прочелъ до конца бумагу, разставилъ запятыя и положилъ её на столъ къ начальнику отдѣленія. Тотъ взялъ эту бумагу съ несчастнымъ *нъ* не на мѣстѣ. Развалившись въ креслахъ, онъ долго вертѣлъ её, смотрѣлъ со всѣхъ сторонъ, читалъ, перечитывалъ, думалъ, думалъ и думалъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ наконецъ, обращаясь къ Междоумову; не пройдетъ, нужно переписать, и сталъ читать какой то докладъ.

— Что за бойкое перо, думалъ онъ, у этого Ивана Антоновича; мнѣ бы въ вѣкъ того не придумать, что у него само собой льется. Что ни дѣло, то отдѣленіе полагаетъ сбыть въ другое вѣдомство, и доказано ясно какъ дважды два.

Въ это время курьеръ подалъ ему кипу бумагъ. Онъ развернулъ и отдавая ихъ Междоумову сказалъ: Иванъ Антоновичъ! по вашему столу.

Столоначальникъ взялъ бумаги и съ любопытствомъ посмот-

рѣлъ на обертку. На ней смѣлымъ карандашемъ было написано: «поля не по формѣ».

— Опять эти проклятыя поля, произнесъ онъ нервнымъ голосомъ и крикнулъ третьяго канцелярскаго.

— Нате, перепишите, сказалъ онъ ему бросая бумаги, которыя разлетѣлись по полу; но чтобъ это было въ послѣдній разъ.

Канцелярскій молча нагнулся, подобралъ бумаги и удалился на мѣсто.

Между тѣмъ отношеніе, заданное Бобрищеву, было готово и онъ теперь подалъ его.

— Скоро что то больно, сказалъ столоначальникъ. Оставьте! когда придетъ очередь, будетъ разсмотрѣно.

Молодой человѣкъ ушелъ на мѣсто и принялся читать просьбу, но глаза его тщетно старались овладѣть буквами; просьба была написана такъ искусно, что онъ не могъ сообразить въ ней ни слова. Нѣсколько разъ оставлялъ онъ её и снова принимался читать, дѣлая все, что могъ, чтобы овладѣть ключемъ загадочной грамоты, и все напрасно. Такой замысловатой разстановки словъ и мыслей, такихъ реторическихъ фигуръ онъ не встрѣчалъ еще. Напрасно пробывалъ онъ читать её съ конца и съ середины, думая наконецъ попасть на нить разгадки, и только тщетно трудилъ зрѣніе и голову. Среди такихъ полезныхъ, но мучительныхъ упражненій мозга, перебилъ его одинъ молодой чиновникъ.

— Дмитрій Николаевичъ! мнѣ нужно поговорить съ тобой, сказалъ онъ, ударяя его по плечу; есть ли тебѣ время? пройдемъ въ экзекуторскую.

— А, это ты Бронницынъ, отвѣтилъ Бобрищевъ; я очень радъ пройтись; у меня голова кружится, до того засидѣлся.

Полный, румяный, щеголемъ одѣтый Бронницынъ, Секретарь Графа, взялъ его подъ руку, и они пошли вмѣстѣ.—Миновавъ рядъ другихъ Отдѣленій и спустившись на два этажа по боковой лѣстницѣ, они очутились въ довольно большой, просторной комнатѣ. Изъ за густаго облака дыма слышались довольно громкіе голоса и сильный чиновничій хохотъ, но лицъ рѣшительно

не было видно. Черезъ секунду изъ дыма вырѣзалась черная, низенькая фигурка, съ армянскимъ носомъ и хронической улыбкой въ лицѣ, на тоненькихъ ножкахъ, обутыхъ, вѣроятно въ видахъ уваженія къ начальству, въ мягкіе, не производившіе ни малѣйшаго шума сапоги.

— Позвольте вамъ представить молодаго человѣка, сказалъ Броницынъ, указывая на Бобрищева.

— Какъ же, мы давно знакомы, отвѣтилъ Экзекуторъ, протягивая руку. Ну что, какъ вамъ нравится нашъ Департаментъ? продолжалъ онъ.—Вѣдь славное зданіе, дворецъ просто. Одна лѣстница чего стоитъ. Это еще ничего, если бы вы посмотрѣли бэль-этажъ внутри, что за отдѣлка. Милости просимъ, прибавилъ онъ, указывая на дымъ.

Молодые люди отошли и закурили папиросы.

— Какой ты толстый, румяный, началъ Бобрищевъ; съ каждымъ днемъ кажется полнѣешь, и какимъ щеголемъ одѣтъ. Что съ тобой дѣлается?

— Я призвалъ тебя, чтобы задать тебѣ почти тотъ же самый вопросъ; много у васъ работы?

— Какая работа? почти нечего дѣлать.

— Ну вотъ, ну вотъ, перебилъ его Броницынъ. Кажется не трудно сказать, вмѣсто мало, много, а этими пустяками ты портишь свои отношенія и вооружаешь противъ себя всѣхъ.

— Не ужели я долженъ ломать голову надъ тѣмъ, гдѣ бы получше солгать. Я говорю то, что думаю и то, что знаю.

— Вотъ теперь я и вижу, что съ твоихъ же словъ говорятъ, что ты ничего не дѣлаешь.

— Кто говоритъ?

— Этого я тебѣ опять не скажу. Я тебя только предупреждаю: будь осторожнѣе.

— Какой странный!

— Какъ хочешь; иначе я въ другой разъ буду просто молчать, а у тебя врожденнаго такта, я тебѣ прямо скажу, нѣтъ ни на грошъ. Что у тебя, напримѣръ, было съ Зеленецкимъ.

— Съ какимъ Зеленецкимъ? я его даже не знаю.

— Ну вотъ, тото и есть, что не знаешь, а его, видишь ли ты, всѣ знаютъ; потому что онъ лице нужное.

— Можетъ быть для другихъ, не для меня только, отвѣтилъ Бобрищевъ.

— Что за гордость такая? Если ты опредѣлился сюда для того, чтобы плевать на всѣхъ....

— Не для того же, чтобъ отыскивать кому поклониться.

— А для того вѣрно, чтобъ читать книги во время присутствія, ничего не дѣлать и со всѣми браниться. Ты думаешь, что весь Департаментъ не знаетъ уже, что ты сегодня имѣлъ сцену съ своимъ столоначальникомъ. Недалѣе какъ съ четверть часа былъ здѣсь о тебѣ разговоръ. Грубіянъ, ничего дѣлать не хочетъ; по цѣлымъ недѣлямъ въ Департаментъ не ходитъ, а придетъ, романы читаетъ; до сихъ поръ простаго отношенія написать не выучился, все надѣется на свои протекціи, на родство и при всемъ круглая неспособность.

— Это изъ рукъ вонъ. Это превосходитъ всякую мѣру гадости.... Я надѣюсь на протекціи!.... Я дуракъ!....

Все могъ простить Бобрищевъ, но послѣднее обвиненіе его вывело изъ терпѣнья.

— Нѣтъ, ты не горячись, а выслушай меня; будь осторожнѣе впередъ и любезнѣе со всѣми. Я самъ знаю, что это все de la canaille, но что же дѣлать. Кто рѣшился сдѣлать карьеру, тотъ долженъ быть на все готовъ.

Въ отвѣтъ на послѣдній совѣтъ Бобрищевъ плюнулъ чистой желчью и ушелъ на верхъ.

Едва онъ успѣлъ войти въ отдѣленіе, какъ его подозвалъ столоначальникъ.

— Я говорилъ, что скоро, сказалъ Междоумовъ; отъ того и вышелъ вздоръ.—Пора вамъ, кажется, пріучаться, ужъ довольно времени какъ у насъ, а до сихъ поръ отношенія написать не можете.

— Гдѣ тутъ вздоръ? спросилъ разгорячаясь Бобрищевъ, покажите мнѣ.

— Неграмотно.

— Въ чемъ тутъ неграмотность, я васъ спрашиваю?

— Какже можно писать: «честь имѣю».

— Такъ вы въ этомъ видите безграмотность.

— Г. Зерно, обратился столоначальникъ къ журналисту, отыщите Дмитрію Николаевичу циркуляръ о *чести*, знаете.

— Такъ вы бы такъ и сказали, а я бы вамъ прямо отвѣтилъ, что за такими пустяками гоняться не намѣренъ; что если вамъ это доставляетъ удовольствіе, можете сами переправлять честь имѣю на имѣю честь, сколько вашей душѣ угодно....

— Вся служба пустяки; все это пустяки, возразилъ Междоумовъ, указывая на кипу бумагъ, лежащихъ передъ нимъ....

— Пустяки, повторилъ Бобрищевъ; въ томъ то и бѣда, что вы изо всего съумѣете сдѣлать пустяки, все опошлить, забить въ рутину и потомъ кричать, что вотъ, дескать, я какой: на мнѣ одномъ все отдѣленіе держится. Помощники ничего дѣлать не хотятъ, круглые идіоты!....

— Помилуйте! гдѣ же мнѣ съ вами въ способностяхъ сравниться. Не отнимайте только у меня времени, жалобнымъ голосомъ пропѣлъ столоначальникъ и сталъ рыться въ бумагахъ.

Бобрищевъ вышелъ изъ комнаты и готовился уйти совершенно, когда ему попался на встрѣчу начальникъ отдѣленія и отозвавъ его въ сторону, сказалъ съ обычною развязностію:

— Иванъ Антоновичъ жалуется, что вы дурно занимаетесь.

— И говоритъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ самъ хорошо занимается.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Я хочу сказать, отвѣтилъ Бобрищевъ, что я до сихъ поръ понималъ подъ занятіями совсѣмъ не то что подъ ними здѣсь понимаютъ. Перенимать слогъ, граматическія ошибки, почеркъ, улыбаться въ лице, лгать на другихъ за глаза, это также занятія.

— Полноте, полноте горячиться! это я вамъ только такъ сказалъ, стоитъ ли сердиться изъ за такихъ пустяковъ. У насъ въ

отдѣленіи всѣ живутъ, можно сказать, душа въ душу. Это правда, Иванъ Антоновичъ немного формалистъ, да что же дѣлать? вѣдь отъ насъ того же требуютъ. Если мы хотимъ исполнять долгъ свой, быть сколько нибудь полезны, мы должны также кой чѣмъ жертвовать. Такъ ужъ вы постарайтесь понять это, и мы будемъ жить въ мирѣ.

— Еслибъ мы по меньше заботились объ общей пользѣ и меньше умѣли жертвовать, а больше старались просто о поддержаніи въ себѣ человѣческаго достоинства, можетъ быть отъ насъ меньше бы требовали, Ѳедоръ Ивановичъ; какъ вы думаете? отвѣтилъ Бобрищевъ.

— Помилуйте! да изъ чего же въ самомъ дѣлѣ хлопотать; вы знаете пословицу: своя рубашка....

Онъ махнулъ рукой и ушелъ на мѣсто.

— Иванъ Антоновичъ, подозвалъ онъ Междоумова, я говорилъ Бобрищеву. Знаете, вы ужъ его оставьте; съ родни Князю О**, пожалуй еще могутъ выдти непріятности.

Бобрищевъ остался въ раздумьи. Геройская жертва на пользу общую и чрезъ фразу эта милая пословица.... И все это съ такой свободой и непринужденностію подумалъ онъ, и вдругъ разсмѣялся.

Между тѣмъ, такъ какъ время присутствія подходило къ концу, шумъ и говоръ чиновниковъ усилился до невѣроятности. Нач. Отд. и Междоумовъ съ яростію напустились на какой то докладъ; одинъ изъ нихъ читалъ черновую, торопясь и крича изъ всей груди, другой слѣдилъ, разставляя запятыя на переписанномъ экземплярѣ. На другихъ столахъ происходила таже, или подобная работа. Одни чиновники торопились кончить дѣла на сегоднишній день, другіе мѣшали имъ сколько могли, заговаривали съ ними о постороннихъ предметахъ и спорили особо. Къ этому присоединялась постоянная бѣготня по комнатѣ. Чего тутъ не было? и чиновники всѣхъ отдѣленій, курьеры и сторожа, и просители, жиды, турки, греки, и русскіе.... можетъ быть даже чиновники совершенно постороннихъ вѣдомствъ. Бобрищевъ слышалъ какъ въ одномъ углу бранили начальство, и въ другомъ и въ третьемъ, на право, на лѣво, вездѣ бранили началь-

ство. Прибѣжалъ какой то старый, толстый, почтенный на видъ, весь лысый и пустился туда же въ брань.—Вы за чѣмъ утащили мой транспарантъ, кричалъ одинъ канцелярскій другому.—Вы врете; отвѣчалъ другой; я у васъ никакого транспаранта не бралъ. — Директоръ уѣхалъ, Директоръ уѣхалъ, крикнулъ курьеръ, заглянувъ въ двери, и опрометью пустился далѣе.— Все это вмѣстѣ составляло такой кагалъ, такую сумятицу, которую непредставитъ ни одна синагога, биржа или домъ сумашедшихъ.

Недождавшись конца этой суматохи или присутствія, Бобрищевъ вышелъ изъ Департамента. На порогѣ швейцарской онъ встрѣтился съ тѣмъ самымъ секретаремъ его превосходительства, Григоріемъ Петровичемъ Рѣжинымъ, котораго читатель уже видѣлъ бесѣдовавшимъ въ кучкѣ чиновниковъ, окружавшихъ начальника отдѣленія. Это былъ единственный изъ сослуживцевъ, съ которымъ Бобрищевъ сошелся больше другихъ и съ которымъ онъ, покрайней мѣрѣ, ве избѣгалъ встрѣчи. Секретарь также повидимому былъ радъ его увидѣть, и они пошли вмѣстѣ.

Сѣрая, Петербургская ночь, отъ которой не только кошки, но и все существующее кажется сѣрымъ, затягивала небо. Необъятная площадь бѣлѣла и замыкалась по краямъ тяжелыми силюэтами громадныхъ зданій. Взадъ и впередъ бѣжали санки, плелись прохожіе, шестой часъ гналъ суетливую жизнь куда слѣдуетъ. Начиналъ падать мелкій снѣгъ. Какая то свобода охватила душу Бобрищева, когда онъ вышелъ на улицу. Онъ почувствовалъ себя вдругъ такъ легко, какъ будто съ плечь его свалилась страшная тяжесть и онъ готовъ былъ забыть всѣ непріятности дня, если бы собесѣдникъ его первый не заговорилъ съ нимъ о Департаментѣ.

— Давно мы съ вами не видались, сказалъ онъ; что же, какъ идетъ служба? Много ли работы, и какъ вы довольны отдѣленіемъ?

Бобрищевъ разсказалъ ему подробно, какъ идетъ служба и какъ онъ доволенъ отдѣленіемъ.—Да, заключилъ онъ, вы были правы во всемъ; я самъ не зналъ, что говорилъ прежде.

— Какъ вспомнишь, даже смѣшно станетъ, сказалъ Рѣжинъ, какъ вы расходились, когда у насъ былъ первый разговоръ съ вами. Теперь, говоритъ, служба не то, что была прежде. Чиновники совсѣмъ другіе, люди образованные, современные, всѣ служатъ дѣлу. Повѣрьте мнѣ, люди всегда какъ люди, а съ ними и обманъ. На крики ума у всякаго хватитъ. Дѣла только, жаль, изъ пустословія не выжмешь; не то что дѣла, даже нашего бездѣлья изъ него не состряпаешь. Ну вотъ, вы можетъ быть пользы хотѣли; что каково съ ней служится?

— Отъ чего жь не послужить наконецъ, отвѣтилъ Бобрищевъ, пока нервы еще здоровы; они тверже и легче переносятъ всѣ непріятности; для нихъ многое ни почемъ, что не выносимо для человѣка, уже раздраженнаго. Будто нѣтъ ужъ, наконецъ, ни одного человѣка, который служилъ бы изъ влеченія къ дѣлу?

— Опять за старое, возразилъ Секретарь, гдѣ жъ вы видѣли такихъ служакъ; не эти ли молодцы, что буквы *ѣ* хорошенько не вытвердили, да лезутъ впередъ черезъ всѣ неправды? У нихъ ли есть влеченіе къ дѣлу, по вашему? Я вотъ служу, такъ у меня нѣтъ никакихъ влеченій; мнѣ вотъ прикажутъ такого то выгнать, потому что онъ изъ куска хлѣба служитъ, а на его мѣсто посадить вотъ этого, потому что онъ на службѣ про пользу разговариваетъ, а дома платки подаетъ, къ начальству въ гости ѣздитъ, около бабья трется и рекомендательныя письма вымаливаетъ,—я и пишу, и все напишу, что ни прикажутъ.

— Знаю, Григорій Петровичъ, все это!

— Опять вы говорите, пока здоровье есть—на долго ли хватитъ этого терпѣливаго здоровья?

— Можетъ быть я и неправъ, отвѣтилъ Бобрищевъ, но чтожъ вы хотите—пока человѣкъ молодъ еще, онъ всюду съ собой вноситъ свою молодость; онъ на всемъ ищетъ свѣтлыхъ, облагороживающихъ красокъ.

— Нѣтъ, Дмитрій Николаевичъ! я вамъ прямо скажу: хотите служить, если ужъ вамъ такая охота, ну такъ милости просимъ; только ужъ бросьте все, что не идетъ къ дѣлу. А не то васъ обнесутъ круглымъ дуракомъ, и убѣдятъ подъ конецъ всѣхъ, и васъ вмѣсѣ, что вы совершеннѣйшая неспособность. Вы не

знаете ни порядковъ нашихъ, ни секретовъ; для этого нужно особое чутье имѣть, жаться, прикидываться. Ну и поучитесь всему этому сперва; а то вотъ вы хотите брать съ самаго начала способностями, грудью толкаться впередъ; давайте дескать мнѣ мѣста, я умнѣе всѣхъ васъ. Сколько блѣднѣетъ и трясется надъ всякимъ повышеніемъ все изъ вашихъ же молодыхъ? Положимъ, они васъ не стоютъ, да развѣ вы рѣшитесь на то, что имъ плевое дѣло. Да вамъ не дадутъ хода, уже потому, что вы умнѣе можетъ быть другихъ; потому что мы тянемъ бездарность. Изъ васъ выжмутъ сокъ гдѣ нибудь въ темномъ углу и бросятъ потомъ, какъ лимонную корку. Вы посмотрите на меня: на кого я похожъ? я вамъ по опыту говорю это.—

— Положимъ, я соглашусь съ вами; положимъ молодое поколѣніе, покрайней мѣрѣ, столь же отвратительно и низко, какъ и старое; положимъ все подло и скверно. Развѣ это оправдываетъ насъ съ вами на бездѣйствіе? Нужно же наконецъ имѣть сколько нибудь упрямства, если не характера.

— Было бы для чего только, а то что думаете вы сдѣлать вашими толчками, возразилъ Секретарь; надсадить кулакъ недолго, да проку въ томъ мало. Погодите! вы все торопитесь, придетъ свое время. Да и много ли вы найдете въ наше время охотниковъ на такое дѣло? Всякій жить хочетъ, а не распинаться. Этимъ земля выросла, и люди достигли до того, что у нихъ есть.

— Хочетъ жить и не живетъ все таки, отвѣтилъ Бобрищевъ, а на зло себѣ распинается. Вы возьмите: нѣтъ наслажденія, которымъ бы человѣкъ пользовался такъ, какъ онъ его понимаетъ. Въ самыя свѣтлыя минуты является своя горькая примѣсь, напоминающая, что онъ и тутъ, какъ вездѣ, долженъ жертвовать и страдать. А большею частію, прохлопотавъ всю жизнь за себя и едва достигнувъ чего нибудь, онъ тутъ же срывается, не насладившись плодами своихъ трудовъ. Есть у него, напротивъ, что нибудь, какая то непреодолимая сила гонитъ его разстроить свое довольство. Пока онъ бѣденъ, онъ черезчуръ алченъ и скупъ; богатъ, онъ черезчуръ щедръ.

— Полноте! не въ то мы съ вами время живемъ, чтобы быть черезчуръ щедры; будьте поэкономнѣе на все и повѣрьте мнѣ, вы не раскаетесь. Лезетъ на смѣну одна молодость; она

лобъ подставляетъ подъ все, что хотите; оно хорошо, да безполезно. Она ничего не хочетъ принять дурнаго; ей подавай одну добродѣтель. Славная вещь добродѣтель, спору нѣтъ, и молодой человѣкъ славная вещь, да жить то съ ней одной нельзя. Пока сидишь за школьной скамьей, ну оно и ничего; а когда сунешься промежъ добрыхъ людей, оно и выходитъ, что или пропадай, или съ чортомъ знакомься. Будь подлецомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съумѣй остаться порядочнымъ человѣкомъ. Вотъ эквилибристика нашей жизни. А вы вотъ этого понять не хотите; все ищете брать прямо способностями, да благородствомъ. Развѣ наши дѣла стоютъ способностей: есть у васъ крупная, состарѣвшаяся бездарность—давайте ее сюда; а есть у васъ способности,—проходите далѣе; зачѣмъ ихъ губить по пусту. Кажется ясно?

— Куда же дальше? спросилъ Бобрищевъ; развѣ вездѣ, кромѣ своей комнаты, я не попаду въ тѣ же колодки и не принужденъ буду, какъ лакей, согнуть шею; да и тамъ еще насъ предостерегали съ дѣтства быть молчаливѣе тѣней.

— Учитесь въ такомъ случаѣ нашей эквилибристикѣ.

— Какъ не кинь все клинъ, стало быть—одинъ развратъ остается свободенъ, кончилъ молодой человѣкъ, невольно забываясь и не выдерживая спокойнаго голоса...

Они оба замолчали, прошли до поворота и разстались.—Снѣгъ между тѣмъ пересталъ падать: все яснѣй и яснѣй становилось небо. Послѣдній длинный рукавъ темнаго облака ухватилъ за Петропавловскій шпицъ и потянулся къ верху; но вотъ оборвался, пустился бѣжать далѣе и вдругъ разсѣялся и исчезъ. Легкое пятно фосфористаго свѣта показалось на томъ самомъ мѣстѣ и стало рости и горѣть, все сильнѣй и сильнѣй. Золотой мѣсяцъ вырѣзался наконецъ, повисъ вверху и сталъ бросать длинныя тѣни по мягкому снѣгу. Миріадами засвѣтились звѣзды. Съ каждымъ взглядомъ, ихъ какъ будто бы больше, и мѣсяцъ ярче, и небо темнѣе, и снѣгъ бѣлѣе.—Торжественно разгорѣлась сѣверная ночь, и мѣсяцъ поползъ все выше и выше.

Но по мѣрѣ того, какъ мирнѣй и величественнѣе становилось вверху, мрачнѣй и безотраднѣе становилось на душѣ молодаго человѣка. Это небо казалось для него раззолоченнымъ сводомъ

тюрьмы, опущеннымъ за рядъ дворцовъ съ одной стороны, и цѣпь мрачныхъ силюэтовъ противоположнаго берега съ другой. По срединѣ убѣгала въ даль лента набережной, по которой онъ пробирался. Въ этой картинѣ было что то, совпадавшее съ его нравственнымъ состояніемъ, съ двумя выборами, которые лежали у него на дорогѣ: между праздностью и развратомъ съ одной стороны, и глухою, безотвѣтною погибелью съ другой.

— Будь я мягокъ какъ воскъ, думалъ онъ, всѣ эти люди легко вдавились бы въ мое существо и улеглись въ немъ со всей своей пошлостью и грязью. Я незамѣтно принялъ бы въ себя ихъ разъѣдающія начала, думая, что ничего нѣтъ естественнѣе и проще, пока судьба не перебросила меня въ кучку другихъ людей, въ среду другихъ понятій, и я также легко не промѣнялъ бы стараго, и сталъ бы опять другимъ человѣкомъ. Такіе люди вездѣ годятся; они всегда льнутъ къ чему нибудь, ищутъ чужой руки, которая бы ихъ мяла и формовала по своему, чьего нибудь слѣда, къ которому можно бы было привязаться. Они боятся остаться одни, какъ дѣти въ темной комнатѣ, безъ чужой поддержки. Эта необходимость авторитета смолода приковываетъ ихъ слухъ и зрѣніе къ старшимъ, тянетъ ихъ въ роковую, битую рутину. Чѣмъ больше она истоптана шагами предшественниковъ, тѣмъ быстрѣе и легче идетъ по ней человѣкъ. Отъ того эти люди скоро развращены, скоро созрѣли и состарѣлись. Они не успѣли оставить школьной скамьи, а отъ нихъ вѣетъ трупомъ. Они не видали еще женщины и уже не способны любить, какъ будто въ нихъ кровь перебродила, какъ будто они прошли черезъ мучительные обманы, вынесли страшныя разочарованія. Ни чуть не бывало. Они въ душной атмосферѣ закрытыхъ зданій, не то тюремъ, не то монастырей, глядя постоянно на старшихъ, пока въ сердцѣ не было мысли о женщинѣ, пріучили желудокъ въ вину, измучили тѣло скотскими раздраженіями, узнали безсонныя ночи за игрой. И вотъ у нихъ щеки поблекли, ихъ глаза окаймились не по лѣтамъ, ихъ желудки не варятъ.—Ихъ кости еще не сложились, у нихъ нѣтъ еще всѣхъ зубовъ, а ужъ они истощены насильно не во время привитыми наслажденіями, лишенными своей лучшей, облагораживающей стороны, наслажденіями по приказу.

Ихъ молодость прошла уже безсвязно, рабски, ничего не давая сердцу. Ихъ стригутъ еще подъ мѣрку, а они успѣли уже посѣдѣть душой. Между тѣмъ впереди еще длинные годы; природа большею частію, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, должна подогрѣть охладѣвшую кровь, отстоять пораженные всходы. И она, чудесная волшебница, юнитъ и живитъ дѣйствительно это вялое племя, вынося на своихъ плечахъ грубыя нелѣпости, которыя съ собой дѣлалъ человѣкъ. Она вноситъ опять силу и жаръ въ кровь и кости. Человѣку хочется жить, и вѣрить и любить, но онъ не можетъ ни того, ни другаго, ни третьяго; потому что душа его уже разъ прокажена; потому что молодыя чувства отравлены раннимъ развратомъ. Что остается тогда? прикидываться разочарованнымъ, не имѣвъ никогда силы къ очарованію; рисоваться энергіей и нравственной силой въ то время, какъ уже разлагается мозгъ и кровь окончательно вянетъ; или еще лучше: опять смотря на старшихъ, въѣхать прямо въ грязную положительность, съ полною готовностію на все, лишь бы другіе были въ той же грязи и не имѣли права указать пальцемъ. Такъ изживается большею частію жизнь, блѣдно и подло, не принося съ собой ни одной мысли, ни одного стремленія, которое бы освѣтило ее хотя на время. На всемъ тяжелая рука безобразія, которое сгубило отцевъ, и которое по наслѣдству приняли дѣти. Но для всего этого нужно было растлить природу въ зернѣ, не дать ей ни одного свободнаго вздоха, заколотить съ дѣтства понятія, чтобы на ея нравственномъ безсиліи, на ея духовномъ оскопленіи утвердить свой порядокъ. Что же остается тому, кто случайно избѣжалъ безчеловѣчной операціи, кто къ двадцати годамъ вынесъ свѣжія страсти и силы? и ему одинъ исходъ: одна свобода тогоже разврата....

Съ этими словами онъ взялся за ручку рѣзнаго подъѣзда одного изъ богатыхъ домовъ дворцовой набережной, и пропалъ за зеркальной дверью.

ГЛАВА II.

—

Что за чудная ночь! она стоитъ всякой итальянской ночи, думалъ между тѣмъ Бронницынъ, подходя къ одному изъ господскихъ кабаковъ Петербурга, около того самаго времени, какъ мы оставили Бобрищева. Прелестный городъ! гдѣ можетъ найти умный человѣкъ столько свѣжей, дѣвственной пищи для своей дѣятельности, гдѣ такъ легко богатѣть, пріобрѣтать всякаго рода блага, идти по ступенямъ человѣческаго тщеславія; такъ легко пользоваться чужими пороками и тупоуміемъ, и такъ дешево имѣть подъ рукой всѣ удобства благоустроенной жизни. Кто же смѣетъ упрекать тебя послѣ этого въ дороговизнѣ? О близорукіе, смѣшные люди, измѣряющіе жизнь по таксѣ на говядину! Вы сидите среди роскошныхъ палатъ, на дорогихъ подушкахъ, въ раззолоченныхъ комнатахъ, а ваши головы все еще недалеко отъ кострюль. Гдѣ же дороговизна, если на пустыя слова, на ловкій обманъ, на лишній поклонъ я могу купить любаго изъ васъ, со всею его позолотой и гордостью, и пахать на его спинѣ поперекъ и вдоль.—Что за славное заведеніе наконецъ, гдѣ, благодаря благородной страсти къ обжорству, однимъ стаканомъ вина можно укротить звѣрское расположеніе любаго великосвѣтскаго гордеца и грубіяна, льва и львенка, связать съ нимъ тѣснѣйшую дружбу, дойти до самой безобразной безцеремонности, до права пожизненнаго на *ты* наговорить ему въ лице плевыхъ словъ наконецъ. Словомъ, снять съ него живьемъ львиную шкуру и сдѣлать его смирнѣе, ласковѣе и даже гаже выдресированной собаки; все это въ какіе нибудь полчаса. Странно, право, созданъ человѣкъ. Куда же уйдетъ наслѣдственная гордость, наглая, обидная самонадѣянность и грубость. Отъ рюмки этой жидкости онъ вамъ сознается самъ какъ онъ глупъ и какой круглый невѣжда, и какъ онъ готовъ всегда обыграть васъ въ карты, и что онъ живетъ въ долгъ. Подлейте еще рюмку и погладьте его по мордѣ въ эту минуту, онъ вамъ разскажетъ гдѣ и съ кѣмъ проводитъ время жена его, перейдетъ къ воспо-

минаніямъ дѣтства, и со слезами на посоловѣвшихъ глазахъ перечтетъ по пальцамъ всѣ грѣхи своей матери.

Такое справедливое, вполнѣ заслуженное признаніе своихъ сильныхъ сторонъ находила Петербургская жизнь въ мысляхъ Броницына, и я не скажу, чтобы въ словахъ его было черезъчуръ много самонадѣянности. Конечно, онъ лгалъ не много. Какъ человѣкъ съ воображеніемъ онъ не могъ не усилить красокъ, не прихвастнуть передъ самимъ собою и своимъ тщеславіемъ; но нужно отдать справедливость ему и природѣ, надѣлившей его особенной силой практическаго анализа и умѣньемъ владѣть людьми. Въ его молодомъ, бѣлокуромъ лицѣ, въ его маленькихъ чистыхъ глазахъ свѣтилась сама собою та совершенно русская плутоватость, то себѣ на умѣ, называемое очень часто здравымъ смысломъ, заставлявшее предполагать подъ сильно напомаженными волосами всѣ шишки такта и находчивости, съ которыми человѣкъ дѣлаетъ чудеса,—той биржевой и придворной мудрости, которая не платитъ гильдейскихъ денегъ и ведетъ торгъ невѣсомыми силами. Въ звукѣ его голоса, когда онъ хотѣлъ, была необыкновенная сладость и вкрадчивость, которую легко можно было принять за чистосердечіе и чистоту чувства. Самые образы рѣчи имѣли въ себѣ что то мягкое, ласкающее, готовое дойти до униженія, гдѣ нибудь съ вами наединѣ, безъ свидѣтелей. Хотѣлъ онъ напротивъ: онъ былъ полонъ достоинства и благородства, онъ былъ рыцарь, онъ былъ тузъ. По внѣшнимъ качествамъ это была, словомъ та двуличневая ящерица, что свѣтла и черна, и зелена и красна, которую ни какъ не поймаешь и никакъ не раскусишь, которую можно разорвать по поламъ безъ малѣйшаго вліянія на здоровье организма. Съ молода онъ обладалъ особымъ умѣньемъ постигать сущность вещей. Въ школѣ, гдѣ онъ воспитывался вмѣстѣ съ Бобрищевымъ, его больше любило начальство, чѣмъ товарищи. Онъ съ раннихъ классовъ имѣлъ способность угождать учителямъ и наставникамъ; изобрѣтательность его въ этомъ отношеніи была замѣчательна. Онъ дѣлалъ разныя тетрадки для балловъ по наукамъ и поведенію, красиво разграфленныя, и дарилъ ихъ профессорамъ. Каждаго учителя увѣрялъ, что его предметъ самый главный, пріятный и нуж-

ный, каждаго воспитателя, что онъ самый любимый и уважаемый изъ всѣхъ. Нужно ли было учителю перо, книга или бумага, ихъ подавалъ Броницынъ, хотѣлось ли наставнику воды, за ней бѣжалъ Броницынъ, были ли именины кого нибудь изъ воспитателей, у него являлся какой нибудь подарокъ, какъ будто отъ родителей Броницына, въ знакъ благодарности. Онъ былъ всегда исправенъ, тихъ, по формѣ одѣтъ, зная всю важность подъ часъ разстегнутой пуговицы.—По этому же онъ всегда смотрѣлъ прямо въ глаза начальству и даже рѣшался искусно передавать ему классныя тайны товарищей. Вмѣсто игры, въ свободное время, онъ красиво переписывалъ тетрадки, или бесѣдовалъ съ гувернерами. Вмѣсто того, чтобы спать, читать романы или заняться чѣмъ нибудь серьезнымъ, во время скучной проповѣди какого нибудь профессора *по приказу;* онъ усердно садился на самое видное мѣсто и водилъ сухимъ перомъ по лоскутку бѣлой бумаги, дѣлая видъ, что записываетъ. Учиться собственно, онъ никогда не учился, потому что зналъ разъ, что за знанія на экзаменахъ отвѣчаетъ не ученикъ, а профессоры, что по этому половина изъ нихъ назначитъ каждому свой вопросъ или выложитъ на столъ крапленные билеты, а для другой половины, за нѣсколько времени, можно будетъ прозубрить записки. Какъ было не любить такого воспитанника? и все начальство было въ восхищеніи отъ него. При выпускѣ ему дали дипломъ ужасающій качествомъ и количествомъ успѣховъ и нравственности, и имя его выбили на вѣчныя времена, въ примѣръ будущимъ поколѣніямъ, на мраморной доскѣ, золотыми буквами, въ одной изъ залъ заведенія. Товарищи сначала поколачивали его, чуждались, называли его фискаломъ, но онъ съ такою твердостію перенесъ всю брань, кулаки и неудовольствія, что они увидѣли свое безсиліе передъ его стойкостью и мало по малу оставили его въ покоѣ. Изрѣдка только кто нибудь давалъ ему, ни съ того, ни съ сего, пощечину—Броницынъ смалчивалъ и смиренно уходилъ на свое мѣсто. Между тѣмъ время шло, мало по малу товарищи, а съ ними и Броницынъ достигли тѣхъ классовъ, гдѣ драться считается неприличнымъ и Броницынъ могъ доживать школьное время спокойно отъ физическихъ непріятностей. Туже любовь онъ успѣлъ снискать къ се-

бѣ дома, въ кругу родныхъ и знакомыхъ. Какой прекрасный молодой человѣкъ, говорили про него; онъ вовсе не похожъ на нынѣшнихъ молодыхъ людей, такой вѣжливый, предупредительный, любезный, умный и образованный. На службѣ также ему удивлялись. Одинъ Бобрищевъ не былъ расположенъ къ нему; но тѣмъ болѣе Броницынъ оказывалъ ему всякаго рода вниманія и лезъ изъ себя, чтобы войти въ его дружбу.

Изъ всего этого читатель могъ заключить какъ практически было устроено воспитаніе Броницына, какъ принаровлено къ той жизни, среди которой ему предстояло жить и дѣйствовать, и какъ оно роднилось съ природными склонностями его характера. Послѣ этого понятно то розовое расположеніе и то удовольствіе, съ которымъ онъ привѣтствовалъ все кругомъ себя, начиная съ холоднаго, негостепріимнаго неба и кончая довольно грязнымъ кабакомъ, въ которомъ очутился. Я говорю грязнымъ, потому что дѣйствительно стѣны заведенія содержались въ довольно запущенномъ видѣ, не смотря на дороговизну обоевъ, гардинъ, каминовъ и т. д. Назвать же его такъ въ переносномъ смыслѣ я не рѣшусь, потому что знаю очень много почтенныхъ и порядочныхъ людей, которые уважаютъ и любятъ это заведеніе лучше собственнаго дома, и что по этому съ моей стороны было бы крайне неосмотрительно стать на сторону тѣхъ строгонравственныхъ жителей, въ глазахъ которыхъ заведеніе это пріобрѣло вообще славу дурнаго мѣста. Я готовъ былъ бы даже назвать имена этихъ господъ, еслибъ имѣлъ на то разрѣшеніе, чтобы такимъ образомъ разбить на голову общее мнѣніе, не знаю по чему рѣшившее, что человѣкъ, часто посѣщающій кабакъ N долженъ былъ непремѣнно кутить, разоряться, опутываться долгами и связями съ дурными женщинами и дурными людьми. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, попадались здѣсь постоянно люди, принятые въ лучшихъ обществахъ; ногти ихъ были, большею частію, чисты и платье хорошо сшито. Наконецъ у подъѣзда этаго заведенія, еще не давно отморозилъ себѣ обѣ щеки кучеръ самаго ****, имя котораго неизбѣжно останется въ лѣтописи замѣчательныхъ люлей XIX столѣтія. По этому, я считаю себя въ правѣ думать, что если привычные посѣтители этаго заведенія иногда скучивались и дѣлали поступки,

недостойные своего высокаго положенія, то это было изъ какихъ либо постороннихъ причинъ, а вовсе не потому, чтобы здѣсь имѣли обыкновеніе смотрѣть на всякаго забѣжавшаго человѣка, какъ на жертву, явившуюся для того, чтобы высыпать изъ кармана лишнее золото.—Еще менѣе можно повѣрить нелѣпымъ толкамъ о томъ, будто бы здѣсь можно было встрѣтить кого нибудь изъ добродѣтельныхъ и много уважаемыхъ дамъ. Въ массѣ, человѣкъ, попадавшій сюда часто, неизбѣжно выучивался только смотрѣть однимъ глазомъ, неимовѣрно гнусить съ какимъ то благороднымъ изнеможеніемъ въ тонѣ голоса; онъ получалъ, можетъ быть, страсть къ рысакамъ, разучивался даже орѳографіи, что никому не даетъ еще права считать его непорядочнымъ человѣкомъ; и я увѣренъ, что будь онъ при этомъ глупъ какъ пробка и имѣй лобъ уже сапога, не одинъ изъ читателей не откажется выпить на его счетъ, и не одна читательница готова будетъ назвать его въ глубинѣ души прекраснымъ мущиною, найдя своего рода привлекательность въ его изломанномъ туловищѣ. Я даже считаю не лишнимъ предостеречь, на всякій случай, строгонравственныхъ и дорожащихъ репутаціею особъ отъ слишкомъ большой откровенности съ подобными господами; иначе любой изъ нихъ въ состояніи будетъ дорого доказать при случаѣ, что значитъ принять узкій затылокъ за голову и фатскія кривлянія за великосвѣтскій тонъ.—Оговаривая однако настоящее заведеніе отъ совершенно несправедливыхъ обвиненій, я не могу не сознаться вмѣстѣ съ тѣмъ, что очутившись здѣсь послѣ 6-ти часовъ, Броницынъ могъ совершенно справедливо подумать, что попалъ въ сумасшедшій домъ—въ другой: такую суету, движеніе и разгромъ засталъ онъ здѣсь. Нескончаемый шумъ тарелокъ, бѣготня фрачной прислуги и говоръ посѣтителей, все это напоминало сильно курьеровъ, просителей и чиновниковъ, или лучше сказать напоминало вообще человѣка, осужденнаго всегда больше суетиться, чѣмъ дѣлать, больше трудиться, чѣмъ выработывать.

Войдя въ первую комнату, онъ вскинулъ стеклушко и началъ присматриваться къ лицамъ обѣдавшихъ, отыскивая знакомыхъ. На первомъ планѣ, тощій чиновникъ съ Владиміромъ на

шеѣ, чистилъ салфеткой ротъ. Правѣе сидѣлъ, развалившись, молодой, полный господинъ, весь красный отъ удовольствія.

— Что, наши здѣсь? спросилъ Броницынъ у офиціанта, не найдя ничего интереснаго въ этихъ двухъ физіогноміяхъ.

— Всѣ здѣсь, отвѣчалъ татаринъ; часа два какъ кушаютъ въ крайней комнатѣ.

Довольный такимъ отвѣтомъ, Броницынъ миновалъ еще комнату и вошелъ въ третью, когда отворилась сосѣдняя дверь и изъ нея съ шумомъ вышло нѣсколько молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ.

— А! Броницынъ, прогремѣло нѣсколько голосовъ разомъ.

— Откуда тебя чортъ несетъ такъ поздно?

— Мы всѣ разъѣзжаемся.

Броницынъ подалъ имъ всѣмъ по очереди руку и готовъ былъ начать свою обычную фразу о службѣ, но увидѣлъ, что дѣло было не до того, что изъ дверей высыпали постоянно новыя лица; такъ что здороваясь съ каждымъ изъ нихъ, онъ насилу пробрался наконецъ въ комнату, изъ которой выходили офицеры. Свѣжіе остатки гастрономическаго турнира, въ густомъ облакѣ табачнаго дыма, стаканы всѣхъ цвѣтовъ и формъ, бутылки и тарелки, битыя, пустыя и цѣлыя, салфетки, ножи и ложки покрывали столъ и валялись по-полу. На одномъ диванѣ спала дюжая фигура военнаго человѣка, лицемъ въ подушку; трое офицеровъ сидѣли еще возлѣ стола. Одинъ изъ нихъ былъ высокій, худощавый конногвардеецъ Лялинъ, съ маленькими, изящными усиками и англійской прической. Другой уланъ, Вроцкій, почти плѣшивый, съ большими русыми бакенбардами, въ которыхъ пропадали густые усы, и третій молодой, безъ-усый, веселый гусаръ Свѣчкинъ, съ идіотскимъ лицемъ. Всѣ они сидѣли, допивая и докуривая, когда вошелъ Броницынъ.—Двое изъ нихъ привѣтствовали его неизбѣжнымъ: — А!....., а корнетъ Свѣчкинъ только раскрылъ ротъ и засмѣялся.

Не давъ имъ сказать слова, Броницынъ объяснилъ, что онъ сейчасъ только что со службы, что у нихъ такъ много дѣла.

— Посмотри какъ онъ разодѣтъ? въ бѣломъ галстухѣ, дипломатомъ, перебилъ Лялинъ голосомъ, немного ударявшимъ въ носъ.

— Хорошенькій мальчикъ,—сказалъ Вроцкій.

— О! гвардія!—отвѣтилъ Броницынъ, слегка ударяя его по плечу.

— Ха, ха, ха, захохоталъ гусаръ на такое замѣчаніе.

— Прикажете приборъ, ваше сіятельство? спросилъ подбѣжавшій татаринъ.

— Конечно, отвѣтилъ Лялинъ за Броницына.

— А мнѣ подашь еще обѣдъ? спросилъ Свѣчкинъ.

— Слушаюсъ, ваше сіятельство,—отвѣтилъ татаринъ.

— Мишка! сколько тебѣ этотъ баринъ платитъ за сіятельство? спросилъ Вроцкій, указывая на Свѣчкина.

— Вчера 50 рублей на чай дали.

— А ты и радъ! пошелъ!

— Ха, ха, ха, опять засмѣялся Свѣчкинъ.

— Я тебѣ напишу обѣдъ, сказалъ Лялинъ,—садись же.

— Собственно мнѣ некогда, я на минуту только зашелъ; столько дѣла....

— Полно тоны задавать службой; садись же, когда говорятъ, сказалъ Вроцкій. Вотъ я также хотѣлъ сегодня дѣло сдѣлать, одного барина на рысакѣ надуть.—Не поддался, чортъ возьми! такая досада; какой то купчишка И откуда у этого народа деньги берутся?

— Ну а ты, что дѣлаешь? спросилъ Броницынъ, обращаясь къ Лялину.

— Ничего, отвѣтилъ тотъ. Всталъ въ три часа,—во рту скверно со вчерашняго перепоя; разсердился на кучера, чуть было не побилъ; потомъ завивался; прогналъ два раза по Невскому. . . .

— Что тамъ дѣлалось?

— Ничего,—все тѣже физіогноміи. Погребковъ съ Флорой катались; у казанскаго моста борзыхъ щенятъ продавали, хотѣлъ ужъ было купить отъ скуки. Зашелъ сдѣлать дагерротипъ, на всякій случай, можетъ какая нибудь женщина попроситъ,—чтобъ былъ на готовѣ. А потомъ вотъ этого барина встрѣтилъ, прибавилъ онъ, указывая на Вроцкаго. Вотъ мы и пріѣхали сюда ѣсть свѣжаго жеребенка и вспрыскивать эполеты Свѣчкина.— Ахъ, да вы незнакомы,—продолжалъ онъ;—корнетъ Свѣчкинъ и

Броницынъ, секретарь Общества поощренія....Нѣтъ, не такъ, сбился. Ну да все равно.

Корнетъ Свѣчкинъ захохоталъ, раскрывъ ротъ, и протянулъ руку.

Броницынъ сказалъ, что ему очень пріятно....

— А вы пьете? спросилъ сей часъ же корнетъ.

Броницынъ отвѣчалъ, что въ кругу хорошихъ пріятелей онъ никогда не отказывается, прибавивъ, что къ несчастью у него такъ мало свободнаго времени....

— Ха, ха, ха, перебилъ его корнетъ на половинѣ фразы, что жъ вы такъ поздно пріѣхали?

Броницынъ снова началъ объяснять о своей службѣ.

— Ну такъ велите подать стаканъ.

— Славное вино, сказалъ Броницынъ, пробуя.

— Дрянь вино, вода просто, отвѣтилъ Свѣчкинъ и въ доказательство выпилъ залпомъ полный стаканъ.

— Вы по гусарски пьете, замѣтилъ Броницынъ;—конечно, кто не занятъ службой....

— Далась ему эта служба, замѣтилъ Вроцкій.

— Это ваши рысаки бываютъ на бѣгу?

— Моего отца, отвѣтилъ Броницынъ, я имѣю такъ мало свободнаго времени....

— Ха, ха, ха, вашего отца; а у меня такъ свои бываютъ. Вотъ я одного кровнаго жеребенка сегодня и зажарилъ.

— Какже? это очень жаль, сказалъ Броницынъ, жертвовать лошадью, которая черезъ нѣсколько лѣтъ стоила бы большихъ денегъ.

— Ха, ха, ха, для товарищей? Отчего же? Мнѣ вѣдь это наплевать.

— Однако ты не завирайся, сказалъ Лялинъ.

— Я одной Клемансъ плачу 20.000. Ни у кого въ полку нѣтъ такихъ пуговицъ на мундирѣ, какъ у меня: всѣ литаго золота.

— Страшно глупъ этотъ Свѣчкинъ, сказалъ Вроцкій.

— Вообрази себѣ, прибавилъ Лялинъ, вчера Щогину въ полчаса проигралъ двѣ тысячи, да потомъ съ пьяныхъ глазъ и отколотъ ему, что онъ на содержаніи. Насилу дѣло уладили.

— Чтожъ, ты думаешь я его испугался?

— Мнѣ до тебя нѣтъ дѣла, сказалъ Лялинъ; я не хочу быть замѣшанъ ни въ какую исторію. Дойдетъ до Полковаго Командира. Что за охота непріятности имѣть.

— Ха, ха, ха, тебѣ бы только въ пѣхотѣ служить; ходить въ ногу, шагъ отбивать, да смотрѣть, чтобъ колѣно было мягкое.

— Поѣхали потомъ ночью на тройкахъ, продолжалъ Лялинъ, по дорогѣ заѣхали....и тамъ съ какимъ то статскимъ исторію завязалъ. Тотъ хотѣлъ на дуель весь полкъ вызвать.

— Не вызвалъ же! Смерть не люблю этого народа.

— Дѣло въ томъ, что страшно дерзки стали эти господа, никакого уваженія къ мундиру; всѣ думаютъ, что у нихъ семь пядей во лбу.

— Зачѣмъ же навязываться на исторію?

— Отъ того, отвѣтилъ Вроцкій, что нужно проучить.

— Ну вотъ напримѣръ N...и проучилъ.

— Онъ самъ виноватъ; я бы на его мѣстѣ не далъ дохнуть этому мальчишкѣ.

— Поздно было не дать дохнуть, когда онъ ему носъ отбилъ палкой, прогнусилъ Лялинъ.

— Ну, я бы посмотрѣлъ какъ бы онъ это со мной сдѣлалъ сказалъ Вроцкій, разгорячаясь.

— Ха, ха, ха, перебилъ корнетъ, обращаясь къ Броницыну; а вы право мнѣ нравитесь, не смотря на то, что вы статскій.

— Я не знаю, у меня есть врожденная способность уживаться со всѣми.

— Хотите выпить на ты?

— Очень радъ, отвѣтилъ Броницынъ.

— Только по всѣмъ правиламъ, съ крѣпкими словами, знаете....Вотъ мы съ Лялинымъ давно на ты, не смотря на то, что не одного полка. Славный малый, и большой bon genre, ногти въ молокѣ купать меня выучилъ. Я знаю одну дѣвицу, которая въ него влюблена и онъ влюбленъ. А знаете отъ чего не женится? Плутъ! ждетъ эскадроннаго командирства, тогда казенный фуражъ на рукахъ будетъ.

— Еслибъ я на всѣхъ захотѣлъ жениться, кто въ меня влюбленъ, прогнусилъ Лялинъ.

Вотъ Вроцкій, тотъ больше по части пикниковъ и на право

на лѣво. Счастье страшное; вчера въ орлянку у меня 500 р. выигралъ, вотъ на этомъ мѣстѣ.

— Не хочешь ли отыграться, сказалъ Вроцкій.

— Ха, ха, ха, пожалуй.

— Ты не думай, что я откажусь взять съ тебя сегодня столькоже.—Орелъ или рѣшетка, сказалъ онъ, и они начали играть.

Въ тоже время на диванѣ зашевелилась спавшая фигура и вслѣдъ за тѣмъ поднялся на ноги гусаръ, Мироновъ, съ краснымъ оплывшимъ лицемъ и всклокоченными волосами, глазами выпуклыми и залитыми кровью.

— Ну что жъ, узнали, что эта за баба была? произнесъ онъ потягиваясь.

— Ничего не узнали, прогнусилъ Лялинъ.

— Развѣ ты во снѣ не увидѣлъ ли?

— Я теперь только и вижу во снѣ, что носки.

Что развѣ въ пѣхоту переходите? спросилъ Броницынъ.

— А, Александръ Сергѣичъ—здравствуйте! Я васъ и не замѣтилъ, сказалъ новый гусаръ,—перехожусъ.

— Опѣшилъ братъ Мироновъ.

— Ха, ха, ха, опѣшилъ.

— Что такъ? спросилъ Броницынъ.

— Надоѣло баклуши бить; хочу дѣломъ заняться.

— А, да вотъ кто долженъ знать, господа, перебилъ Лялинъ, обращаясь къ Броницыну. Что это за барыня-была третьяго дня въ ложѣ, знаешь первая отъ края?

— Какъ же не знать, отвѣтилъ Броницынъ, самодовольно улыбаясь; она сегодня будетъ тамъ же. Вотъ я за этимъ букетомъ для нея рыскалъ два часа по городу. Это дама, которую покровительствуетъ Гр. З.

— Ба! кто же увѣрялъ сей часъ, что это Ремнюгина?—сказалъ Мироновъ.

— Ну да, это дѣйствительно она, продолжалъ Броницынъ, или лучше та самая, что была когда-то за Ремнюгинымъ; потому что онъ её продалъ.

— Какъ продалъ? спросилъ Лялинъ.

— Ты развѣ ничего не знаешь? ихъ успѣли ужъ развести, а Ремнюгинъ вѣрно прокутилъ деньги.

— Какой Ремнюгинъ, откупщикъ? изнемогая гнусилъ Лялинъ.

— Нѣтъ, сынъ его, въ гусарахъ служилъ; держалъ одно время Марью Ивановну, живо подхватилъ Мироновъ.

— Тотъ, съ которымъ была въ полку исторія? спросилъ Вроцкій.

— Тотъ самый; его тогда же заставили выдти.

— Какая исторія? Я не помню, опять спросилъ Лялинъ.

— Ну вотъ еще, векселей надавалъ, потомъ отказался....

— Славное состояніе имѣлъ и рѣдкихъ лошадей держалъ, сказалъ Мироновъ.

— Фу, милліонеръ, отвѣтилъ Броницынъ.

— И все это пошло прахомъ!

— Все дотла; за дѣломъ отецъ всю жизнь спаивалъ народъ, чтобы дать случай спиться собственному сыну. Изъ водки вышло и въ водку ушло. Жаль даже просто, когда такимъ людямъ достаются такія деньги. И какая фатальная физіогномія; глупъ какъ пустая бутылка.

— Я никогда не подозрѣвалъ, чтобъ онъ былъ женатъ. Одно время его часто можно было видѣть въ кабакахъ, на публичныхъ балахъ, всегда въ кругу женщинъ, болѣе или менѣе легкихъ, сказалъ Вроцкій.

— И всегда пьянъ; я теперь помню его блѣдную, вспаханную, испитую физіогномію, прибавилъ Лялинъ.

— Есть много, чего мы не подозрѣвали и что обнаруживалось послѣ, другъ мой, сказалъ Броницынъ. Въ томъ то и дѣло, что онъ былъ женатъ, и какъ видишь на очень хорошенькой.

— Прелесть просто, что за женщина. Дѣвочка точно. На видъ лѣтъ двадцати, не болѣе. Весь театръ только о ней и было разговору.

— Я тебѣ говорю, что когда я ее увидѣлъ въ первый разъ, я удивился откуда взяться такой въ Петербургѣ; и какъ я ее увидѣлъ, еслибъ вы знали. Это было года два тому назадъ; поймалъ онъ меня какъ то здѣсь, чуть ли не на этомъ мѣстѣ, и затащилъ къ себѣ съ пьяныхъ глазъ. Съ нимъ была Клемансъ и неизбѣжный Рдѣцкій. Что жъ вы думаете? онъ всей этой компаніи вва-

лилъ къ ней прямо въ гостиную и представляетъ не меня ей, а её мнѣ. Вотъ, говоритъ, Броницынъ, жена моя. Я вижу ребенокъ—женщина; жаль просто её стало и я тутъ же подумалъ; будь она въ моихъ рукахъ, ведь это кладъ, это карьера; а онъ съ такой женой спивается.

— Какъ она ему досталась?

— Какъ достаются всѣ жены; на дѣлѣ покупкой, сватовствомъ по названію, сказалъ Броницынъ. Вы, можетъ быть, слыхали фамилію Сѣверскихъ,—изъ очень хорошихъ Русскихъ фамилій. Одному Сѣверскому при Грозномъ уши отрѣзали, другаго Биронъ засѣкъ. Потомъ въ Петербургѣ была Сѣверская, бойкая баба, по всей Европѣ скандальничала, вездѣ любовниковъ оставляла и нигдѣ не уживалась. Всегда, бывало, доведетъ себя до того, что её попросятъ выѣхать. Такъ и колесила изъ столицы въ столицу. И со средствами была также; бездну наслѣдствъ получала; пока одно доколачиваетъ, другое вѣрно уже готово. Ну и доколотила наконецъ все, и вскорѣ потомъ умерла въ Парижѣ, въ самомъ жалкомъ состояніи. Осталась у нее дочь въ Россіи, на рукахъ какой-то тетки. Ремнюгинъ первый подвернулся, она и была её.

— И то сказать, какъ же было знать зарапѣе, что онъ её продастъ наконецъ, перебилъ Мироновъ.

— Помилуйте, это самое лучшее, что онъ могъ сдѣлать. Трудно себѣ представить, что за жизнь была ея. Чего только не дѣлалъ онъ съ ней. Онъ и въ шампанскомъ её купалъ и съ Марьей Ивановной заставлялъ цѣловаться и потомъ вѣдь чуть голодомъ не заморилъ. Послѣднее платье снялъ и продалъ. Я помню, что не узналъ её просто, когда пріѣхалъ за ней. Правда, что онъ былъ отчасти не виноватъ; вообразите себѣ положеніе человѣка, у котораго были милліоны и не осталось живой нитки. Ему говорятъ: убѣди жену согласиться принять покровительство,—ты получишь за это 15.000, ну онъ пришелъ къ ней и пилилъ съ утра до ночи, и угрожалъ, и мучилъ и довелъ наконецъ до изступленія.

— Да и вообще то, я думаю, больше былъ виноватъ Рдѣцкій, замѣтилъ Мироновъ. Онъ его съ молоду еще забралъ въ руки, спаивалъ, да съигрывалъ.

— Да они же вмѣстѣ, въ послѣднее время, по купцамъ ѣздили.

да руки грѣли. Нѣтъ, ея положеніе въ сравненіи съ тѣмъ, что было, просто великолѣпно, прибавилъ Броницынъ. А со стороны Гр. З. это было чисто благодѣяніе. Помилуйте, женщина, которая не имѣла двухъ грошей, теперь проживаетъ по 50.000;—которую мужъ держалъ подъ ферулою въ четырехъ стѣнахъ, въ обществѣ содержанокъ,—пользуется полной свободой;—которую я самъ видѣлъ, истомленною, почти умирающею—молодѣетъ и цвѣтетъ.

— Какъ самъ видѣлъ?

— Фу ты чортъ, заврался.—Которую самъ Гр. З. видѣлъ. И наконецъ, этотъ мужъ еще получилъ 15.000. До сихъ поръ её никто не зналъ, теперь она просто царица; за ней ухаживаютъ, ложа полна знатью и дома то же самое. Если захочетъ только, можетъ выдти замужъ, я не знаю за кого.

— Ха, ха, ха, славная исторія, сказалъ наконецъ Свѣчкинъ, который все время металъ золото.

— Ты откуда знаешь ее такъ хорошо? спросилъ Вроцкій.

— Въ другой разъ когда нибудь разскажу; мнѣ пора ѣхать, отвѣтилъ Броницынъ.

— Въ такомъ случаѣ выйдемъ вмѣстѣ, сказалъ Лялинъ.

— Ха, ха, ха, такъ вы смотрите же приходите ко мнѣ.

Броницынъ опять заговорилъ о службѣ, о томъ, что у него очень мало времени.

— Ха, ха, ха, вы все служите, отвѣтилъ корнетъ, а я такъ скорѣе васъ генераломъ буду. У меня дяденька министръ.

— Желаю вамъ успѣха, сказалъ Броницынъ и простился.

Они ушли вмѣстѣ съ Лялинымъ; Вроцкій остался обыгрывать Свѣчкина, а гусаръ Мироновъ, послѣ разсказа объ интересной бабѣ, вытянулся на диванѣ и снова заснулъ.

Едва Броницынъ съ Лялинымъ вышли въ сосѣднюю залу, какъ въ тоже время легкая женская фигура, въ черномъ платьѣ, закутанная въ кружевный капишонъ, промелькнула мимо изъ сосѣдняго кабинета къ выходу. Броницынъ остановился, желая разсмотрѣть незнакомку, какъ вдругъ что-то тяжелое упало къ нему на шею и поцѣловало въ щеку.

Высвободившись изъ неожиданныхъ объятій, онъ увидѣлъ передъ собой усы, огромное туловище въ растегнутомъ военномъ

сюртукѣ и раскраснѣвшееся лице одного знакомаго офицера. Все доказывало, что онъ былъ сильно пообѣдавши.

— А, это вы, князь.

— Очень радъ тебя встрѣтить, началъ офицеръ несвязно. Что же ты такъ поздно?

Едва оправившись, Броницынъ готовился начать свою обычную фразу о томъ, что онъ только что со службы и разсказать, что у него очень много дѣла, но убѣдился, что это будетъ совершенно напрасно; потому что князь, какъ оказалось, даже не узналъ его.

— Вотъ онъ тоже самое скажетъ, началъ офицеръ, качаясь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Броницына и указывая пальцемъ. Нировъ, душа, неправда ли?

— Вы ошибаетесь князь, я не Нировъ.

— А ктожъ ты такой?

— Я Броницынъ, у меня такъ много дѣла. . . .

— Ну, все равно—Броницынъ. А! знаю. твой отецъ, говорятъ, много накралъ. Да ты не сердись. Ну и накралъ; чтожъ тутъ такого? Всѣ воруютъ, а то вотъ этотъ господинъ увѣряетъ.... вретъ онъ, никто ему не платитъ. Къ полковому командиру, говоритъ, пойду. А плевать мнѣ на полковаго командира!—я развѣ боюсь его, я самъ себѣ командиръ! .... Что жъ ты, каналья, стоишь? обратился онъ къ офиціанту; не видишь развѣ— гуляю.

— Карета готова, ваше сіятельство.

— Ну веди, когда готова.

— Прощай Нировъ, опять сказалъ бояринъ, некогда. . . . и съ этими словами исчезъ съ помощью офиціанта.—Вслѣдъ за тѣмъ вышелъ и Броницынъ.

— Накралъ, накралъ! Страсть у этихъ господъ напирать на отцевъ; и что имъ мой сдѣлалъ? думалъ Броницынъ, садясь въ сани, и съ этими словами погналъ кучера къ Большому театру.

Въ залахъ одного изъ Петербургскихъ заведеній, другаго разряда, начинали тушить свѣчи. Одно изъ самыхъ жаркихъ

побоищъ, какія только помнитъ исторія зеленаго поля, было цѣло въ записи на скромномъ квадратномъ столикѣ, только что оставленномъ партнерами. Лампа смутно освѣщала рядъ мѣловыхъ цифръ, выведенныхъ здѣсь разнообразными почерками, путаницу сложеніі и вычитаніі, въ лабиринтѣ которыхъ, собственно говоря, трудно было добраться результата, еслибъ чья то рука не догадалась поверхъ всего крупнымъ почеркомъ написать итогъ проигрыша. Двое изъ партнеровъ сидѣли не много поодаль, за стаканами пуншу. Одинъ изъ нихъ былъ дюжій мущина, тяжелаго сложенія, съ большими усами и совершенно краснымъ лицемъ, выражавшимъ, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, большую рѣшимость. Другой, напротивъ того, былъ скорѣе сухощавъ, чѣмъ плотенъ, съ тонкими усами; бугровато - блѣдное лице его отдавало худосочіемъ, усталые глаза его были вовсе лишены жизни, между тѣмъ какъ всѣ члены находились въ какомъ то судорожномъ состояніи и руки замѣтно тряслись, когда онъ брался за стаканъ пьяной влаги. Оба они были довольно грязно и бѣдно одѣты и оба немного навеселѣ.

— Да, хорошо, чортъ возьми, взять этакой кушъ, говорилъ первый изъ нихъ, ударяя кулакомъ по столу. Этакихъ два денька бы сряду, такъ и жизнь бы кажется отдалъ Не везетъ проклятая, что тутъ будешь дѣлать.—А все таки я тебѣ скажу, Сашка, ты плохой игрокъ; оборвался и посоловѣлъ и носъ повѣсилъ; кажется не мало проигрывалъ, какъ это до сихъ поръ не привыкнешь. Побудь въ моей школѣ, я тебя выучу терпѣть. У меня бровь не пошевелится, глазъ не мигнетъ, отъ того, что я родился игрокомъ; это у насъ въ родѣ. У моего отца надъ самой кроватью, была вдѣлана бубновая пятерка. Я имѣю фатальную вѣру въ карты. Я долженъ выиграть когда нибудь много, много денегъ. Тогда то мы съ тобой заживемъ; какихъ женщинъ заведемъ!—что твоя жена была! Такого форсу покажемъ; её же купимъ опять, если тебѣ ее жаль. Пей, не унывай только— . . . . У меня есть предчувствіе.

— Всѣ предчувствія вздоръ, отвѣтилъ другой господинъ. Одинъ случай все дѣлаетъ. У меня были деньги—кто ихъ

далъ?—случай, одинъ случай, вотъ видишь, и нѣтъ ихъ. Кто меня съ ней свелъ?—случай,—и все пропало.

— Полно говорить о ней, брось ты ее; стоитъ ли она того.

— Она меня не любила, вотъ отъ чего я пропалъ; а я ее любилъ. Я ее люблю до сихъ поръ; а все таки я подлецъ, Рдѣцкій, я ее продалъ. Эти деньги не впрокъ, я оттого и проигрался.

— Если у тебя не было предчувствія, зачѣмъ же было играть. Да что говорить о томъ, что прошло; одни зайцы назадъ скачутъ. Хочешь мою руку на счастье.? Ну хочешь, я для тебя выиграю, навѣрно выиграю.

— Твоя рука? Ты самъ давно проигрался. Тяжела твоя рука мнѣ далась.

— Не вѣришь ты еще мнѣ, а я незнаю чего для тебя не сдѣлаю. Будь не я, если не выиграю. Карты накраплю наконецъ, а выиграю.

— Нѣтъ, Рдѣцкій, не я ее продалъ; это этотъ мерзавецъ Броницынъ во всемъ виноватъ; онъ призвалъ меня....Деньги, деньги, гдѣ вы!

— Ну хочешь, я отплачу ему, какъ нѣкогда Пичурину; съ права и съ лѣва отщелкаю, хоть при всѣхъ, хоть убью до смерти? Видишь какая ручище, сказалъ онъ, протягивая ладонь; съ такой лапой развѣ можно пропасть? Въ кучера пойду, если на то пошло; тебѣ мѣсто дамъ. Да нѣтъ, лучше я тебѣ выиграю.

— Душно братъ что то....

— Пей, будетъ веселѣе, это мое первое правило: игра и вино. Выиграешь—выпьешь на радости; проиграешься—выпьешь съ горя. Да нѣтъ, будетъ весело; хочешь черезъ часъ будетъ весело? я черезъ часъ выиграю, дай мнѣ только денегъ. Я мигомъ навострю лыжи къ Лопаткину, тамъ вѣрно есть дѣло; сожму кулакъ и пойду валять. Дай денегъ въ самомъ дѣлѣ, или пойдемъ вмѣстѣ.

— На, кути на остальныя, сказалъ Ремнюгинъ, бросая послѣднюю связку бумажекъ.

— Такъ ты меня здѣсь подожди; я мигомъ отработаю. Пей, подкрѣпляйся....

— Живетъ! сказалъ Ремнюгинъ.

Рдѣцкій ушелъ.

— Ну, какъ онъ выиграетъ. . . . . Нѣтъ, все пропало. Эй! водки, спирту, чего нибудь. Если бъ теперь ножъ, и тотъ проглотилъ бы кажется!....

ГЛАВА III.

На другой день былъ канунъ новаго года. Рано наступили сумерки и затянули блѣдное небо; оно темнѣло, темнѣло и вдругъ вспыхнуло звѣздами и торжественно загорѣлось надъ снѣжными лентами улицъ, стенями площадей, и стало бросать по нимъ прозрачныя тѣни колоколенъ, дворцевъ и лачугъ. А между тѣмъ тамъ, гдѣ оставался свѣтъ, снѣгъ горѣлъ необыкновенно ярко и стѣны блѣдно свѣтлѣли на окраинѣ воздуха. Сѣверная ночь, какъ новый день, охватила болѣзненную жизнь города и задышала надъ ней чѣмъ то живымъ, успокоивающимъ. Ни одинъ ударъ колокола не напоминалъ праздника, сходившаго на землю, а между тѣмъ все какъ будто одушевлялось, выздоравливало съ наступленіемъ этого вечера, исполнялось большаго торжества. Старый годъ отходилъ и вѣтреное племя, какъ корыстный наслѣдникъ, уже ликовало надъ его послѣдними минутами. Петербургъ отобѣдалъ и сталъ ждать двѣнадцати часовъ. Чернорабочій пришелъ въ кабакъ, усталыми руками взялся за фляжку и черезъ минуту повеселѣлъ. Подъ фалдами тощей шинели протащилъ чиновникъ, вмѣсто пыльнаго дѣла, праздничную покупку, и геморой лица его принялъ также праздничный видъ. Важный господинъ засѣлъ въ свои послѣобѣденныя кресла, забылся на минуту и увидѣлъ розовый сонъ .. Черезъ нѣсколько часовъ городъ перецѣлуется, пожелаетъ другъ другу сломать шею; но эти часы, предшествующіе пошлой церемоніи, это послѣ-обѣда, не знаю отъ чего, не похоже на всѣ остальныя. Въ окнахъ домовъ болѣе свѣта, чѣмъ когда нибудь; на улицахъ

больше движенія. Все готовится къ чему то, все чего то ждетъ. Изрѣдка только тощіі прохожіі, дрожа отъ холода, явно блуждающіі безъ цѣли, безъ участія ко всему, что происходитъ кругомъ, остановится передъ свѣтящимися окнами, въ которыхъ мелькаютъ живыя фигуры, посмотритъ мутными глазами безъ участія и даже мысли, и поіідетъ далѣе. Можетъ быть онъ правъ; можетъ быть напрасно желаніе насильно отыскать кругомъ себя и въ этихъ окнахъ мимолетную картинку, не похожую на вереницу блѣдныхъ, однообразныхъ дней, исполненную примиренія и свободы, и красоты; но пусть оно лучше всегда останется при насъ, это желаніе, обманчивое, но молодое, вмѣстѣ съ радушнымъ угломъ и цѣлымъ платьемъ, и пусть проходитъ мимо бездомныіі бродяга. Богъ съ нимъ, съ его правотой и его лахмотьями!

Есть довольно въ Петербургѣ бель-этажеіі, которые ярко освѣщены каждыіі вечеръ, въ зеркальныхъ окнахъ которыхъ, изъ-за полу-опущенныхъ гардинъ, при вечернемъ свѣтѣ, прохожіі можетъ съ улицы замѣтить ихъ богатое убранство. Часто далеко за полночь длится съѣздъ каретъ у этихъ домовъ и доносятся на улицу звуки музыки. Между тѣмъ, неизвѣстно кто оплачиваетъ это освѣщеніе и эти праздники. У подъѣзда чинно дежуритъ полиція. Изъ подъѣзжающихъ экипажей выходятъ гости; ихъ встрѣчаетъ ливреіная прислуга и на лѣстницѣ толпится хвостъ общества, отъ котораго ломится зала. Не всякіі аристократъ, денежныі и безденежныі, дѣлаетъ у себя такіе пріемы, а между тѣмъ въ этихъ бель-этажахъ живутъ пролетаріи. У этихъ людей нѣтъ имени, нѣтъ очага, нѣтъ закона, нѣтъ даже общественнаго мнѣнія, которое могло бы прикрыть ихъ гражданское ничтожество. А между тѣмъ жизнь ихъ больше, чѣмъ всякая другая похожа на праздникъ.

У подъѣзда такого бель-этажа, въ улицѣ N....., около 8-ми часовъ этого вечера, выросъ изъ земли полицейскіі чиновникъ; вслѣдъ за нимъ, такимъ же образомъ, показалось двое жандармовъ и стали по обѣимъ сторонамъ двери. Между тѣмъ полицейскіі чиновникъ вошелъ въ подъѣздъ, попросилъ «испить чего

нибудь согрѣвательнаго» и, вынувъ изъ кармана грязную щеточку, началъ гладить русые виски, когда къ крыльцу подкатила карета.

— Это долженъ быть графъ, сказалъ швейцаръ, бросаясь къ двери. Онъ у меня завсегда первый.

Но полицейскій уже не слыхалъ его и въ одинъ мигъ очутился на улицѣ.

— Такъ и есть, это онъ, проговорилъ швейцаръ, отворяя двери и низко кланяясь сѣдому старику, завитому по послѣдней модѣ. Съ новымъ годомъ имѣю честь поздравить ваше сіятельство...

Сильный запахъ духовъ распространился почти въ тоже время кругомъ вошедшаго старика. Скинувъ шубу и принявъ изъ рукъ ливрейнаго лакея букетъ свѣжихъ цвѣтовъ, онъ, съ помощію официанта, поползъ по лѣстницѣ. Вслѣдъ за тѣмъ подъѣхала другая карета; изъ нея вышелъ также старикъ. Какъ гремушка, которую даютъ дѣтямъ, когда у нихъ рѣжутся зубы, онъ былъ также желтъ лицемъ и также весь гремѣлъ разными бубенчиками. За этой каретой слѣдовала третья, потомъ четвертая, и все старики, и все съ букетами въ рукахъ. Вотъ вошло двое молодыхъ статскихъ, уже безъ букетовъ; за ними одинъ военный и еще двое статскихъ; толстая маска въ бѣломъ, другая въ зеленомъ, третья въ желтомъ и всѣ въ сопровожденіи ливрейныхъ лакеевъ. За ними опять статскіе, военные, и пошелъ сыпать народъ. Швейцаръ то и зналъ, что растворялъ двери. Сиплый басъ полиціи былъ также слышенъ на морозѣ, что доказывало, что и она не стояла безъ дѣла. Въ какіе нибудь полчаса, въ швейцарской сдѣлалось тѣсно и душно отъ наводнившихъ ее лакеевъ съ шубами вновь прибывавшихъ гостей. Все суетилось, шумѣло. Одинъ только Аполлонъ съ Музами безмолвно смотрѣлъ изъ за тропической зелени на слетавшуюся стаю фетишей, выгнавшихъ старыхъ боговъ изъ храмовъ въ прихожую, и вѣроятно проклиналъ въ душѣ свое безсмертіе, между тѣмъ какъ варвары толпой бѣжали на верхъ.

Здѣсь, съ верхней эспланады лѣстницы, открывался рядъ роскошныхъ покоевъ, уже полныхъ народа, множество люстръ, лампъ и свѣчей ярко освѣщали ихъ довольно длинную перспек-

тиву, а стѣнныя зеркала съ разныхъ сторонъ удвоивали свѣтъ, повторяя въ право и въ лѣво пеструю картину раута и путали обманчивое зрѣніе въ лабиринтѣ этихъ повтореній. Музыка гремѣла. Перемѣшивая съ нею свой шумъ и говоръ, пестрой толпой ходили гости, крестя залы по всѣмъ направленіямъ, сидѣли и стояли гдѣ попало, составляя небольшіе кружки. Дамы въ костюмахъ различныхъ временъ, въ газѣ, шелку и золотѣ, маски всѣхъ цвѣтовъ, пудренныя головки, головки въ цвѣтахъ съ послѣдней модной картинки, открытыя до послѣднихъ предѣловъ плечи и заманчиво скрывающіеся бюсты подъ кружевами и шелкомъ домино. Полная француженка, одѣтая вивандьеркой и тощая нѣмка королевой ночи, и съ нею пухленькая блондинка пажемъ, русскій сарафанъ и швейцарская пастушка, костюмъ статской совѣтницы и дѣйствительной статской совѣтницы. и т. д. Сильно шумя юбками, осматриваясь почти въ каждомъ зеркалѣ, все это ходило, мѣшаясь и разговаривая съ мущинами, въ числѣ которыхъ были также самые пестрые образчики. Старики и молодые, военные, страшнаго роста и груди, сильно гремѣвшіе амуниціей, и статскіе, большею частію жидкіе и поджарые, въ черныхъ фракахъ; бороды иностраннаго покроя. бороды въ видѣ бакенбардъ ex officio, усы, отращенные до нельзя, и чиновничьи бакенбарды, и совершенно бритые подбородки, совершенно плѣшивые лбы и лбы въ парикахъ и накладкахъ, галстучки à l'enfant и хомуты людей почтенныхъ, подобострастные взгляды и гордо поднятыя лица, звѣзды, густые эполеты и еврейскія улыбки. Все, что было изъ этого числа отмѣчено какимъ нибудь знакомъ, дающимъ человѣку право на внушеніе другимъ своей особой, все, что было бойче и нахальнѣе изъ неимѣвшихъ такого знака, все это конечно лезло, толкаясь, впередъ; остальная молодежь, faisant l'antichambre, толпилась у дверей и въ углахъ, подобострастно засматриваясь то на юбки, то на звѣзды, то на подносы, которыми безжалостно обносили её официанты. Среди всей этой толпы гордо проходила, по временамъ, молодая пролетарьятка Роза, дававшая настоящій праздникъ. То была высокая, полная блондинка съ греческимъ типомъ, богатой русой косой и высокой грудью. На этотъ разъ она была одѣта въ костюмъ временъ Людовика XV. Гирлянда изъ розъ вилась въ

напудренныхъ волнахъ волосъ, вокругъ шеи горѣлъ жемчугъ; букеты свѣжихъ цвѣтовъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ дополняли пестроту бальнаго платья.—Къ ней на перерывъ подходили гости, говоря любезности, восхищаясь то настоящимъ праздникомъ, то ея красотой, то вкусомъ ея костюма. И она при этомъ становилась еще самодовольнѣе и веселѣе, и торжествующимъ взглядомъ окидывала пеструю толпу.

Дѣйствительно все цвѣло и горѣло, и музыка играла, въ глазахъ рябило, въ ушахъ шумѣло, въ носъ билъ запахъ духовъ, въ бока толкало, голова шла вверхъ—дномъ, всѣ чувства поражались разомъ. Несмотря однако на этотъ блескъ, круговоротъ лицъ, цвѣтовъ и звуковъ, какая то печать лежала все таки надъ обществомъ. Сквозь цвѣты и улыбки, сквозь лоскъ и мягкость словъ пробивалась темная фата, которой не можетъ отодрать Петербургскій человѣкъ отъ своего тѣла и поверхъ которой были разбросаны теперь эти цвѣты и улыбки. Сколько нибудь привычный глазъ сейчасъ сбрасывалъ эти украшенія. И тогда одно сплошное чувство, какъ крепъ, затягивало для него всѣ лица.—Шарлатанство, шарлатанство и шарлатанство, бѣдность и бѣдность и нищета. Худые отъ жажды къ деньгамъ, зеленые отъ интригъ и желчи, съ параличемъ въ мозгу, съ раздраженіемъ въ позвонкахъ отъ ранняго перегара, сбѣжались эти цыгане на праздникѣ модной красавицы, также цыганки, возгордились и пріосанились, и приняли какой то ложно благородный, официіальный тонъ. Все ловко, гладко, заучено, но зачѣмъ же этотъ туманъ, поверхъ улыбки, поверхъ всѣхъ словъ и движеній?.... Какъ бы то нибыло, какія бы драмы не скрывались за нимъ, какія бы разсчеты не тлѣли, никто вамъ не напомнитъ про нихъ. Сколько хорошаго, свѣтлаго въ свою очередь не скрывала бы эта масса людей и объ немъ вы ничего не узнаете. Съ языка можетъ сорваться хвастливое слово какой нибудь гадостью не по лѣтамъ; никогда свѣтлый порывъ сердца не вырвется изъ подъ стыдливой фаты приличія. Въ этомъ же все отличіе порядочныхъ людей отъ непорядочныхъ. Игрокъ, который проигрывается до копѣйки и блѣднѣетъ при этомъ, непорядочный человѣкъ, человѣкъ, у котораго на груди умираетъ любимое существо, если у него дрожитъ слеза, непорядочный чело-

вѣкъ, воръ, который мѣняется въ лицѣ при неожиданномъ словѣ, юноша, у котораго бросается въ лице краска и горятъ глаза при видѣ обожаемой женщины, и обманутый мужъ, если онъ не умѣетъ застрѣлить подлаго любовника между двумя визитами, все это непорядочные люди. И вы благороднѣйшій читатель, если вамъ случится встрѣтить вашу жену или вашу невѣсту тамъ, гдѣ я ни кому не желаю встрѣтить своей, смотрите не удивитесь; иначе названіе порядочнаго человѣка для васъ потеряно невозвратно.

О, строгія, благородныя дамы! что удивляетесъ вы, что ваши дочери засиживаются, что ваши гостинныя пустѣютъ. Не къ вамъ же стекаться этой толпѣ; ваши преферансы и балы не стоятъ свѣчь и ваши сплетни не даютъ денегъ и мѣстъ; ваша мораль также. Гдѣ мѣсто перегорѣвшему шарлатану, фактотуму, благородному цыгану, какъ не въ домѣ такой же цыганки Розы.

А между тѣмъ кругомъ роскошь и роскошь, блескъ и блескъ, и праздникъ какъ праздникъ; пара проходитъ за парой и ведетъ разговоры.

— И такъ, говоритъ маркиза, идя подъ руку съ разбитнымъ старикомъ, двѣ пары лошадей, шесть тысячъ въ мѣсяцъ и ничего меньше;—и ихъ уже не видно.

—

— Много было на балѣ у Гр. Р.? спрашиваетъ розовое домино, играя вееромъ и хватая подъ руку рослаго франта.

— Все таки кажется меньше, чѣмъ здѣсь.—Фу, какая жара!

— Говорятъ, что на другой день ростовщики двери выломали.

— Я тебѣ отвѣчаю, что здѣсь ничего подобнаго не случится, И эта пара пропадаетъ за первой.

—

— Какая тоска, говоритъ одинъ военный другому; на сегодня билліардъ вынесли; лучше бы ужъ все заведеніе закрыли. Хоть-бы въ буфетъ пробраться.

—

— Что? купилъ лошадей? спрашиваетъ статскій съ усиками у другаго безъ усовъ.

— Нѣтъ еще, Скрипицкій предлагаетъ.

— Скрипицкій? о! надуетъ навѣрно; у нихъ это непочемъ они этимъ хвастаютъ.

— Съ кѣмъ это ты только что говорилъ, пристаетъ третій, статскій.

— Не знаю, право.

— Какъ? ты съ нимъ на ты.

— А все таки не знаю. Кажется ничего, неслужащій дворянинъ.

— Остерегайся.

— Нѣтъ! онъ говоритъ, что богатъ. Денегъ между тѣмъ нѣтъ никогда. Держалъ модистку изъ Пассажа; послѣ самъ у нея торговалъ въ магазинѣ. Теперь опять лошадей покупаетъ.

—

— Хоть бы ужинать остаться; какъ бы это уладить?

— Черта съ два! уладишь ты это. Вотъ еслибъ Броницына поймать.

— Онъ что?

— О! онъ вездѣ свой человѣкъ, благородный ораторъ, факторъ.

—

— Что! ну какъ?

— Чисто, братецъ, какъ видишь; до послѣдняго гроша. И еще передъ праздникомъ.

— Что же дѣлать? игра то вѣрно будетъ; нужно бы какъ нибудь примазаться, а то вѣдь плохо.

— Махнемъ братъ лучше къ купцамъ,—къ Погребкову напримѣръ; это дѣло вѣрнѣе будетъ. Тамъ на чистоганъ.

— И въ самомъ дѣлѣ.

— Дуемъ!

— Дуемъ!

И они уходятъ.

—

— Что, какъ дѣла съ купчихами?

— Ничего. На двухъ промахнулся; есть теперь въ виду Княжна.

— Желаю успѣха.

— До свиданія.

—

— Ты какъ сюда попалъ?

— Черезъ двери.

— Я тебя считалъ въ тюрьмѣ.

— Я изъ нея съ утра.

— Что, какъ?

— Все женщины!

—

— Кто этотъ Адъютантъ?

— Какъ, ты не знаешь развѣ? Вѣдь молодецъ собой.

— Извѣстный человѣкъ,—Арбатовъ.

—

Такіе разговоры слышались въ толпѣ, когда въ ней показался высокій красивый мущина, Адъютантъ Арбатовъ, и изрѣдка здороваясь, то на право, то на лѣво, прошелъ къ внутреннимъ покоямъ. Вслѣдъ за нимъ, спѣшилъ низенькій старичекъ, почти плѣшивый, на тоненькихъ ножкахъ, съ признаками несомнѣнной прошлой привлекательности въ лицѣ, не смотря на изрытыя морщинами щеки и потухшіе глаза. Въ рукахъ у него былъ букетъ. Онъ сильно суетился и спѣшилъ, пробираясь въ толпѣ.

— Куда вы графъ? спросилъ его кто-то, попадаясь на встрѣчу.

— Спѣшу; я опоздалъ, отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ старикъ; и въ слѣдъ за этими словами еще болѣе ускорилъ шаги.

Такъ пробираясь изъ гостинной въ гостинную, онъ достигъ наконецъ небольшаго будуара, заканчивавшаго рядъ комнатъ, въ которыхъ шелъ праздникъ. Здѣсь, полулежа, полусидя на рѣзной кушеткѣ, крытой узорнымъ бархатомъ, сидѣли двѣ дамы. Одна изъ нихъ была пролетарьятка Роза, хозяйка дома. Она грѣла у камина свою миніатюрную ножку, обутую въ розовую атласную туфлю, и чему то смѣялась, отбросивъ назадъ бѣлокурую головку.—Другая была молодая Француженка въ фантастическомъ костюмѣ изъ шелка, газа и кружевъ, всевозможныхъ цвѣтовъ, съ открытыми плечами, бойкими большими глазами и прической, которая могла бы поставить въ тупикъ всякую канцелярскую опытность въ искуствѣ хоронить концы. Передъ ними сидѣлъ уже, видный собой, Адъютантъ Арбатовъ, котораго мы только что видѣли въ толпѣ. Болѣе въ комнатѣ никого не было, кромѣ развѣ миніатюрной кингъ-чарлзъ, которая спала на подушкѣ между обѣими дамами.

— Извините, я опоздалъ, говорилъ графъ, подавая букетъ

Розѣ.—je vous en fais mon compliment, продолжалъ онъ. Такая толпа, что я насилу пробрался. Et quelle société recherchée. У васъ, кажется, весь Петербургъ;—это хоть графинѣ Р. дѣлать такіе пріемы.

— Что жъ вы не привезли графиню?

— Méchante, произнесъ графъ, погрозивъ пальцемъ.

— Кстати, какъ ея здоровье?

— Плохо, отвѣтилъ графъ, самъ едва держась на ногахъ. Cette femme ne vaut rien.

— Когда же наше знакомство съ ней?

— A quand tout Pétersbourg, отвѣтилъ Графъ, разводя рукой.

— Тогда и она пріѣдетъ?

— Puisqu'elle est aussi de Pétersbourg.

— Въ такомъ случаѣ хотите пари, что она будетъ.

— Заставьте ее проиграть Графъ, сказалъ Арбатовъ.

— О! еслибъ я могла сорвать маску со всѣхъ тѣхъ, которыя въ настоящее время у меня. Можетъ быть я уже выиграла бы, живо отвѣтила блондинка.

Графъ какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ, что его Графиня, старуха лѣтъ 60-ти, которую онъ оставилъ въ постелѣ, была на праздникѣ Розы; по крайней мѣрѣ его лице сдѣлалось вдругъ задумчиво и онъ нѣсколько секундъ не отвѣчалъ ни слова.

— Vraiment, mesdames, произнесъ въ это время, входя въ комнату, высокій, пожилой, но еще крѣпкій мущина, съ гордымъ лицемъ,—Князь Б.—On se croirait aux fêtes de Versailles.

— C'est alors vous seul, qui pourriez être Louis XIV, отвѣтила Роза.

— Et vous, ma chère Rosa, M-me de Maintenon en ce cas, отвѣтилъ онъ, пожимая ей руку.

— A quand donc notre mariage, шутливо спросила блондинка. puisque vous êtes Louis et moi la Maintenon.

— Ah, c'est farce, вмѣшалась теперь француженка; j'aimerais toujours mieux me croire à la Closerie des Lilas. Paris, ce n'est que là qu'on s'amuse!

— Toujours un peu grisette! ah ça, quand donc aurez vous l'air d'une grande dame comme Rosa?—сказалъ Князь.

— Allons donc; je ne m'en moque pas mal de tous ces grands

seigneurs et dames. A quoi bon que ça sert? Fichtre! on ne vit pas deux fois!

— Ah, je t'en montrerai une ce soir.

— Это знаменитая Ольга? спросилъ Арбатовъ.

— Qui que c'est que ça, Olga? повторила француженка.

— Encore une comtesse comme nous autres ma chère; en v'la une qu'on a fait soufffrir.

— Ah, ces hommes, ne m'en parlez pas. Rien qu'à y penser j'ai mes nerfs. Et d'ailleurs ce soir je les ai en horreur tous sans exception, произнесла она съ рѣшительнымъ жестомъ.

— C'est toujours à cause de la malheureuse paire de chevaux? спросила Роза, заливаясь смѣхомъ.

— Et je suis dans mon droit, ma chère; pourquoi donc qu'on aime? c'est gros et c'est bête et ça n'a pas une misérable mille de roubles à jeter pour vous. Ma foi j'aime mieux retourner en France; au moins là on est poli avec une femme comme il faut; c'est pas comme ici.

— Oh, la jeunesse d'aprésent, ne m'en parlez pas, вмѣшался низенькій Графъ. Voyez vous, c'est quelque chose d'atroce. Это все такъ развращено. У нихъ нѣтъ ничего святаго.

— Слушая ихъ подумаешь, что мы живемъ во времена Содома, прибавилъ высокій Князь.

— Я былъ молодъ, продолжалъ Графъ, я понимаю въ молодомъ человѣкѣ большее или меньшее стремленіе къ шалостямъ. У нихъ нѣтъ, совершенно напротивъ; хотя бы они къ сектѣ какой принадлежали; ростовщики какіе то, просто. Всѣ чувства, все, кончая женщиной, они цѣнятъ на вѣсъ золота.....

— Все это совершенно справедливо. C'est excessivement vrai tout ce que vous dites Comte, подтвердилъ князь.

Представьте себѣ когда я узналъ эту женщину, она была почти въ лохмотьяхъ, продолжалъ графъ.

— Vraiment, comte, vous parlez à faire croire que vous avez du coeur, замѣтила Роза:

— J'ai très bien connu la mère, продолжалъ графъ; я думаю вы также должны были ее знать. Какже! это была замѣчательная женщина. Вы конечно ее уже не помните,— прибавилъ онъ, обращаясь къ Арбатову.—Изъ очень хо-

рошаго рода. Около Москвы у нихъ было прекрасное имѣніе и домъ съ колоннами. Я покойника Илью Алексѣевича еще зналъ; жилъ бариномъ, любилъ поѣсть и выпить. Теперь конечно это все продано, пошло по рукамъ. Mais c'était une femme! что эта передъ ней! Paris, Londres, elle a fait fureur partout. Послѣ начала кутить, кончила разными скверными исторіями.....Она уѣхала въ Парижъ и тамъ умерла, въ самомъ жалкомъ состояніи. Sans un sou d'argent, dans un hôpital; elle a eté mangée par la vermine. Дочь была выдана послѣ за какого-то, который ее бросилъ—Voilà le fait.

Такъ кончилъ графъ, когда въ дверяхъ будуара показалась женщина въ маскѣ, высока и стройна съ легкой таліей, въ дорогомъ голубомъ платьѣ, по которому двумя рядами сбѣгали отъ корсажа внизъ гирлянды свѣжихъ цвѣтовъ. Черные, густые волосы опрокидывались назадъ, огибали лобъ и затягивались вѣнкомъ косы, посреди которой яркой звѣздой горѣлъ солитеръ. Она сняла маску и тонкій, худой профиль вырѣзался на богатомъ фонѣ пестраго будуара. Рѣдкое благородство было въ ея чертахъ, какъ и во всей фигурѣ. Ничего чувственнаго, пошлаго, невольно вызывающаго на свободу языкъ не было въ этомъ лицѣ. Это достоинство взгляда, этотъ дѣвственный разрѣзъ улыбки на ряду съ красотой Розы и бойкостью и жаромъ француженки имѣлъ что-то особенно поражающее, что невольно заставляло остановиться и спросить: какъ эта женщина попала сюда? Такова была Ольга Н...., или «та интересная баба», исторію которой Броницынъ расказалъ въ прошлой главѣ.

При ея появленіи Князь всталъ и началъ раскланиваться.

— Не я ли васъ выгоняю? спросила Ольга.

— Pitié, ma belle et mesdames, сказалъ онъ; но завтра двѣсти визитовъ и это одна треть еще.

— Мы васъ оставляемъ съ молодежью, сказалъ Графъ, также вставая. Вѣдь ужъ поздно, скоро часъ, прибавилъ онъ, смотря на часы, и они оба уѣхали.

— И вы здѣсь наконецъ, сказалъ Арбатовъ, подходя къ Ольгѣ.

— Какъ видите. Что мнѣ беречь и чѣмъ мнѣ дорожить, и для кого? забыто прошлое и слава Богу!

— Здѣсь есть свои удобства, отвѣтилъ Арбатовъ; свобода словъ, свобода дѣлъ, веселье, живая праздность.

— Конечно.

— Жаль, вы не привыкли только.... васъ лишнее слово заставитъ вздрогнутъ. Будьте посмѣлѣе. Лучше школы Розы на этотъ счетъ найти трудно; прибавилъ онъ, обращаясь къ блондинкѣ.

— Ну, и Арбатовъ не отстанетъ, отвѣтила Роза.

— Мы васъ вмѣстѣ обстрѣляемъ за одинъ вечеръ, сказалъ Арбатовъ.—На завтра все будетъ вамъ ни почемъ.

— Пора бы ужинать, сказала Роза; я думаю ужъ всѣ разъѣхались, Пройдемтесь, господа, здѣсь душно, и съ этими словами вышли изъ будуара.

— Пойдемте и мы съ вами, сказалъ Арбатовъ.

— Мнѣ страшно какъ то.

— Пустое! одинъ, другой стаканъ вина и съ нимъ весь стыдъ и вся мораль....Давайте руку. Зачѣмъ же маска?..,

— На всякій случай....

— Пустое, сказалъ Арбатовъ, и они также вышли.

Между тѣмъ въ залахъ почти не было гостей, составлявшихъ раутъ. Въ гостиной, примыкавшей къ будуару оставалось небольшее общество молодежи и дамъ изъ приглашенныхъ къ ужину.—Большая часть ихъ только что съѣхалась. Въ томъ числѣ съ нетерпѣніемъ выжидая появленія Розы, у одной колонны стоялъ Броницынъ, когда чьято рука ударила его по плечу.

— Ты здѣсъ давно дежуришь? спросилъ насмѣшливо Бобрищевъ.

— Ахъ! это ты?—Сначала....

— Я кажется не опоздалъ?

— Какъ разъ въ минуту; вотъ наконецъ идутъ, сказалъ онъ, завидѣвъ Розу.

Бобрищевъ посмотрѣлъ по направленію къ дверямъ будуара, изъ котораго выходило все общество, хотѣлъ отвѣтить что то, но вдругъ остановился и поблѣднѣлъ какъ полотно. Что это за женщина, спросилъ онъ не твердымъ голосомъ,—вышла подъ руку съ Арбатовымъ?

Броницынъ шепнулъ ему что то на ухо и сталъ раскланиваться съ Розой.

— Не можетъ быть, отвѣтилъ Бобрищевъ и сталъ еще блѣднѣе прежняго.

— Ah, v'la qui est charmant, сказала въ то же время Роза, кивнувъ головой Броницыну и протягивая руку Бобрищеву.

— Regarde un peu, Antonin, обратилась она къ Арбатову, указывая на Бобрищева; pas mal n'est-ce pas. Ça n'a pas l'air suffisament bête comme toi. Qu'est-ce que vous en dites, Berthe. Ma foi, je n'ai jamais rien vu de plus beau.

— Ah, quand à moi je n'y comprends rien; quand je vois un homme, il me fait l'effet d'un bilboquet, v'la tout, отвѣтила француженка.

Громкій хохотъ раздался вслѣдъ за этими словами; но Бобрищевъ не слыхалъ ни этого разговора, ни хохота; онъ не помнилъ даже поклонился ли онъ Розѣ, или нѣтъ. Глаза его потеряли все окружащее и были остановлены неподвижно на Ольгѣ и она, въ свою очередь, дрожала какъ листъ, блѣдная, испуганная. Въ его взглядѣ было удивленіе, вопросъ, усиліе рѣшить что то, горечь тайной догадки, страданіе и борьба, и усиліе скрыть эти страданія. Все это кажется не оставило капли крови его лицу и онъ стоялъ нѣмъ, чувствуя на себѣ всѣ взгляды. Была одна минута: онъ хотѣлъ вскрикнуть и кинуться къ ней, но не кинулся, а закусилъ слабый языкъ, но не въ силахъ былъ отвести отъ нея взгляда; и она понимала его волненіе; ей также хотѣлось, чтобы разомъ погасли всѣ свѣчи. Она судорожной рукой искала маску и не находила её.

— Роза, скоро ли ты дашь намъ ужинать? перебилъ наконецъ эту сцену Арбатовъ.

— Allons donc à table, puisqu' on l'exige, отвѣтила Роза, бросивъ взглядъ на Арбатова и подавая руку одному изъ офицеровъ.

Оставшіеся гости зашевелились

— Что мнѣ остается думать? сказалъ Бобрищевъ, бросаясь теперь къ Ольгѣ.

— Все, что вы ни придумаете будетъ ниже правды....... успѣла отвѣтить она и подала руку Арбатову.

— Броницынъ, спросилъ тотъ, правда ли что тебя вывели третьяго дня съ бала гр. Р,?

— Какой вздоръ! кто это выдумалъ? произнесъ тотъ краснѣя.

— Ахъ, это очень похоже на правду,—смѣясь замѣтила Роза, и гости вышли въ столовую.

— Боже, что за встрѣча! произнесъ Бобрищевъ, оставшись одинъ. Одинъ свѣтлый образъ хранила душа, и тотъ....Онъ закрылъ лице руками и упалъ на диванъ.

Воздухъ былъ чистъ и свѣжъ; букеты живыхъ цвѣтовъ, привезенные стариками, благоухали. Фонтанъ журчалъ, золотясь отъ блеска огней и звеня о мраморный бассейнъ. Каминъ горѣлъ, вытягивая послѣдніе остатки угольной кислоты, нанесенной раутомъ. Въ окно смотрѣлъ полный мѣсяцъ. Гости сѣли за столъ. Застучали тарелки, зазвнѣло стекло, забѣгали официанты и вдругъ грянула музыка. Какъ электрическій ударъ пробѣжалъ по всѣмъ лицамъ. Все ожило, заговорило, зашумѣло весело и свободно, подъ первые акорды оркестра и какъ бы похорошѣло въ этомъ шумѣ.

— Ah que ça sent bon! говорила Француженка, поднося первый бокалъ къ губамъ. On croit rajeunir de dix ans rien qu'a flairer ça.

— Et on vieillit rien qu'a boire ça,—отвѣтилъ ей сосѣдъ.

— Voyons, pas de philosophie ici Messieurs продолжала она, одушевляясь; faut que jeunesse se passe!

— Faut que jeunesse se passe! повторило за ней разомъ нѣсколько голосовъ.

— A la santé des amours! прибавила она, puisque c'est moi qui doit mettre tout en train.

Между тѣмъ на другомъ концѣ пили также шумно, говорили и звенѣли бокалами.

— Ахъ этотъ Графъ не выходитъ у меня изъ головы, говорила здѣсь Роза. Въ полчаса проигралъ пятьсотъ червонцевъ. Выпьемъ за его здоровье! Пей, мой другъ, говорила она молоденькому, безъусому корнету, сидѣвшему по ея правую руку. И она расхохоталась, гляля на него страстными глазами.

— Прежде всего за здоровье стариковъ покровителей, подняла

она опять. Пьемъ ихъ здоровье, Ольга; отъ этой дряни молодежи ничего не жди кромѣ дерзостей.

— Храбрѣй, обратился Арбатовъ къ Ольгѣ, наливая ей полный стаканъ. Пейте больше, пейте сначала; смѣлость придетъ сама. Вы такъ блѣдны, это вамъ дастъ красокъ.

— Antonin! продолжала Роза, оживляясь еще болѣе и обращаясь черезъ столъ къ Арбатову . . . .
. . . Будешь ты мнѣ впередъ кланяться на улицѣ?

— Когда ты выйдешь замужъ за твоего Кн.

— Тогда можетъ быть я тебѣ не отдамъ поклона.

— Не шути! Вы не кланяетесь только тому, кого вы въ пухъ раззорили, вмѣшался другой Офицеръ.

— Что жъ вы сами любите такъ тѣхъ кто васъ проматываетъ, такъ унижаетесь передъ нами? Душно должно быть дома. Пригласи меня когда нибудь запросто, и сказавъ это она захохотала.

— Перестаньте Господа, вмѣшался молодой корнетъ. Развѣ изъ десяти женъ девять не проматываютъ мужей, не давая имъ взамѣнъ ничего. . . . . . .

Роза, Роза! гдѣ у тебя сердце, съ которой стороны? Между нами есть дѣти, которыя въ состояніи тебѣ повѣрить.

— Что дѣти играютъ въ куклы, это понятно, но отъ чего же взрослые люди летаютъ надъ ними какъ вороны, отвѣтилъ корнетъ.—

— Роза, слышишь эти слова? сказалъ Арбатовъ. Въ нихъ столько молодости и страсти, и желчи. Я ничего не въ состояніи отвѣтить подобнаго. Замотай на усъ; тутъ можетъ быть славная пожива.

— Я еще не кончила съ тобой непобѣдимый человѣкъ, шутливо отвѣтила Роза. Ты еще мало стоялъ у моихъ ногъ. Ты еще меня пригласишь къ себѣ, поклонишся мнѣ первый. Я все тогда припомню, какъ я посмѣюсь надъ тобой тогда. Посмотри на себя, ты теперь дрожишь отъ любви ко мнѣ. Одно слово и ты все забудешь и отдашь мнѣ, даже усы, которыми кажется, дорожишь больше всего на свѣтѣ. Выпьемъ за нашу будущую свадьбу.— Ха, ха, ха, какъ это будетъ смѣшно, я теперь себѣ представляю. Весь городъ будетъ кричать au scandale. Арбатовъ женится.—На комъ? на какой княгинѣ? На Розѣ. Потомъ мы будемъ жить

comme femme et mari, у насъ будутъ дѣти, кривыя, глупыя; А ты будешь бѣгать къ другой Розѣ. Нѣтъ это будетъ черезъ чуръ смѣшно. Я не выйду за тебя Арбатовъ; я тебя только промотаю, и она разхохоталась.

— Ты меня промотаешь? возразилъ теперь Арбатовъ, который все время сосалъ свои усы и улыбался. Признаюсь, ты слишкомъ много надѣешься на свои разкрашенные глаза.

— О, какъ ты любишь эти разкрашенные глаза! Ни одинъ полевой цвѣтокъ не имѣетъ для тебя той прелести. Выпей этотъ стаканъ съ водой, прибавила она. Ты не въ состояніи выпить глотка чистой воды, а хочешь меня увѣрить, что невинность имѣетъ для тебя какую нибудь прелесть. Посмотри на звѣзды; онѣ расхохочутся тебѣ въ лице. Ты вывернулъ на изнанку свою душу, а я все таки не люблю тебя.

— Когожъ ты любишь? засмѣялся Арбатовъ.

— Его сегодня, отвѣчала Роза, указывая на корнета и кокетничая съ нимъ.

— Лжешь, отвѣтилъ Арбатовъ.—Тебѣ вовсе не то нужно; тебѣ ревность моя нужна. Ты бы хотѣла заставить меня изойти кровью, какъ Ленскаго. Помнишь какъ онъ блѣднѣлъ на этомъ самомъ мѣстѣ. Пощади меня Роза; мнѣ хочется еше пожить, насмѣшливо кончилъ Арбатовъ.

— Мнѣ измучить тебя? Еслибъ этотъ домъ упалъ къ тебѣ на голову, я и тогда не побоялась бы за нее. Въ твоихъ плечахъ столько силы, что они готовы вынести этотъ столъ; въ твоихъ глазахъ столько самоувѣренности и гордости, что нѣтъ кажется человѣка, котораго они не въ состояніи были бы взбѣсить и обидѣть. Ты левъ Петербургскихъ гостиныхъ; у тебя длинный хвостъ молодежи, которая подобострастно готова отрѣзать себѣ носъ за тобою; а ты боишься, кого же?—женщины съ раскрашеннымъ лицемъ. Арбатовъ! ты, и твои друзья, всѣ вы только гаеры силы, жалкіе фаты. Я не могу безъ смѣху смотрѣть на васъ. Я подымаю тостъ за васъ!

. . . .

— Погоди еще не много! дай досказать, продолжала Роза. Небойся, мой другъ, такіе люди, какъ ты не плюютъ кровью; вы только проматываетесь. Ваше здоровье тужe

кошелька; Какъ Ленскій, ты продашь послѣднее чтобы купить мнѣ попугая. О, тогда ты узнаешь есть ли у меня сердце. — и.....и примешь мое предложеніе. Тогда я, старая, разодѣтая кукла, какъ живой грѣхъ, буду летать важно въ публикѣ съ презрѣніемъ ко всѣмъ, а ты старый наѣздникъ будешъ трястись верхомъ за моей коляской. Всѣ будутъ смѣяться кромѣ насъ; но всѣ будутъ учиться любить глядя на насъ. — Ахъ какъ будетъ смѣшно! Дай мнѣ руку, помиримся, кончила Роза.—

— Charmant! quelle femme! quelle énergie! повторило между тѣмъ нѣсколько офицеровъ въ одинъ голосъ. Vive Rosa!

— Bravo! прибавила Француженка, vla ce qui s'appelle savoir parler. Ah, quelle tripotée tu viens de flanquer a tous ces Messieurs là.

— Что ты на меня такъ смотришь, начала опять Роза; какъ будто я сказала тебѣ что нибудь новое. Развесели лучше сосѣдку; ей неловко и скучно она ни слова не скажетъ.—Ольга, что ты такъ блѣдна?

— О! я её мигомъ заставлю покраснѣть, если въ томъ дѣло, перебилъ Арбатовъ. Ольга, продолжалъ онъ, обращаясь къ ней; гдѣ ты забыла свой языкъ? О комъ ты думаешь?

Еще блѣднѣе стала женщина и не отвѣчала ни слова. Эта перемѣна тона въ Арбатовѣ, это *ты* заставили ее вздрогнуть.—

. . . .

Она оттолкнула его.—

— Шутишь, продолжалъ Арбатовъ.—Къ чему эта строгость?

. . . .

Она вся вздрогнула; сильная краска вдругъ покрыла лице ея; глаза помутились и полный кубокъ выпалъ изъ рукъ и разбился.

— Что я говорилъ? сказалъ Арбатовъ, указывая Розѣ на Ольгу, какъ бы торжествуя.—

— Allons donc, ma chère, on ne' fait pas tant de farces......

— Ради Бога! перебейте этотъ разговоръ, обратилась Ольга къ Арбатову; я не выношу....

— Роза! довольно наконецъ, сказалъ тотъ. Спой лучше что нибудь,—пѣсню Ленскаго.

— Пѣсню Ленскаго, закричало разомъ нѣсколько голосовъ и вслѣдъ за тѣмъ двое дюжихъ офицеровъ, раньше, чѣмъ Роза успѣла опомниться, подняли её на стулъ. Она выставила одну ножку, откинула назадъ бѣлокурую голову и съ поднятымъ кубкомъ запѣла:

Онъ говорилъ: у ногъ твоихъ
Лежу, прикованъ чудной властью;
Ловлю желанія твои,
Но шутишь ты моею страстью.

Иди на волю, жалкій рабъ,
Ему съ усмѣшкой я сказала;
Весь лучшій сокъ твоей любви,
Я, какъ пчела, давно всосала.

Сегодня ты, а тамъ другой;
Любить хочу я на свободѣ.
Разсчетъ и долгъ противны мнѣ,
Какъ цѣпи пламенной природѣ.

Онъ говорилъ: обманутъ я;
О горекъ, горекъ часъ познанья!
Земля разверзись подо мной,
Зарой мой стыдъ, засыпь страданья.

Земля, конечно, приметъ всѣхъ,
Сказала я ему съ улыбкой,
Какъ вѣрно то, что насъ съ тобой,
Судьба на ней свела ошибкой.

Ты мнѣ, въ недѣлю надоѣлъ,
Ребенокъ слабый и плаксивый;
Отъ моря бѣшеной любви,
Ты тянешь къ пристани пугливо.

Сиди въ пруду, пловецъ такой,
Съ твоею шаткою ладьею;

Женись скорѣе милый мой,
Ты будешь славно жить съ женою.

Женись на рыбѣ, милый мой,
И подъ березою плакучей
Ворочай сонное весло
По тинѣ грязной и вонючей.

Такъ пѣла блондинка и чѣмъ ближе пѣсня ея подходила къ концу, тѣмъ сильнѣе звучалъ ея голосъ, разгоряченные глаза страстно улыбались и въ этой улыбкѣ тонули, какъ будто хотѣли совсѣмъ сгорѣть въ ней и пропасть подъ густыми рѣсницами; ноздри жадно пили воздухъ, зубы сверкали; между тѣмъ какъ изъ за нихъ лились звучныя ноты и грудь волновалась все сильнѣй и сильнѣй, вѣя такой силой наслажденія, такимъ сладострастнымъ жаромъ. Вотъ, вотъ казалась она сдѣлалась вся страсть и вся огонь, и вдругъ оборвался голосъ и быстро замеръ. Откинувъ назадъ голову, закрывъ опьяненные глаза она бросила бокалъ на полъ. Сильное браво, сопровождаемое рукоплесканіями раздалось со всѣхъ сторонъ разомъ и съ этимъ вмѣстѣ зашумѣли стулья. Оставивъ мѣста, многіе гости пошли обнимать и поздравлять другъ друга, напѣвая кто что попало. Все смѣшалось, все перепуталось. Въ этой суматохѣ вдругъ погасли свѣчи и въ то же время изъ середины стола, надъ жертвенникомъ полнымъ ананасовъ, винограда и грушъ, сверкнуло бѣлое пламя, за нимъ другое, потомъ третье, и три огненные столба пошли бѣгать кругомъ себя, шататься и рваться на воздухъ, сильно освѣщая всю залу какимъ то волшебнымъ, фантастическимъ свѣтомъ. Одна сцена живѣе другой рисовалась въ этомъ свѣтѣ. Неслыша подъ собой земли, глазами полными страсти глядѣлъ молодой корнетъ въ лицо Розы, а она то улыбалась, то плакала, то замирала всѣмъ существомъ. Арбатовъ подсѣлъ къ француженкѣ и они давно пили бокалъ за бокаломъ, при чемъ Берта безъ устали играла глазами, картавила на всѣ тоны смѣялась, изрѣдка принимая мило недовольный видъ, когда шутки адъютанта заходили слишкомъ далеко, и давала ему de petites tapes куда попало. Остальная молодежъ также раздѣлилась по—парно.

Дама въ зеленомъ съ гусаромъ, дама въ желтомъ съ уланомъ, старуха экономка, suivante Розы, съ Броницынымъ, и такъ далѣе. Все кричало, пѣло, шумѣло, било стекло, пило и хохотало, все пришло словомъ въ какой то дикій азартъ. Разыгралась буйная вакханалія и въ адской обстановкѣ волшебныхъ огней потеряла всѣ оттѣнки человѣческаго праздника. Одинъ только офицеръ, тотъ самый бояринъ, съ которымъ Броницынъ цѣловался въ прошлой главѣ, не участвуя въ общей суматохѣ, принялъ на свою спеціальность наблюденіе за огненными столбами и сидѣлъ въ раздумьи надъ ними.

А музыка между тѣмъ пѣла тихое pastorale. Словно глубокій миръ лежалъ надъ землею; тотъ миръ, котораго ищетъ душа, потрясенная горемъ, послѣ первой тревоги, котораго ищетъ природа послѣ своего разрушенія въ человѣкѣ; миръ тѣхъ простыхъ образовъ, въ которыхъ впервые заявилась жизнь, покой идилліи. Въ тихихъ аккордахъ разцвѣтали полевые цвѣты, шумѣла свѣжая трава, пѣлъ жаворонокъ въ голубомъ поднебесьи; въ яркихъ лучахъ солнца пестрѣла и золотилась необозримая равнина и нигдѣ среди нея гордый образъ дерзкаго человѣка не смущалъ на этотъ разъ великаго покоя природы. Странно какъ то звучала эта музыка среди звона чашъ, страстныхъ смѣховъ и криковъ. И чѣмъ шумнѣе и тревожнѣе становилось кругомъ, тѣмъ тише и мирнѣе становилось въ оркестрѣ. Послѣдняя нота жаворонка пропала въ пространствѣ и съ нею замерло послѣднее тревожное чувство. Аккорды тихли, тихли, какъ будто совершенно пропали и вдругъ, среди разгара—вакхической, ночи запѣла свирѣль и оборвалась въ пьяномъ воздухѣ.—Адская ночь, безумная ночь! какая гордая насмѣшка въ тебѣ надъ безсильнымъ человѣкомъ, Какое отчаянное усиліе со стороны послѣдняго къ наслажденію, и какой жалкій обманъ! Чего онъ только не сдѣлалъ съ собою? Какъ долженъ жечь этотъ горячій ромъ его горло и воздухъ давить слабый мозгъ? Сколько чувствъ молодыхъ попрано въ грязи, сколько стыда выгнано навсегда изъ сердца, и женщинъ опрокинуто и опозорено, и все напрасно. Нѣтъ, все таки наслажденія. Напрасно закрывая пьяные глаза, протягивая одну руку на стаканъ, другую на женщину, онъ всѣмъ, чѣмъ попало шпоритъ свою душу какъ изъѣзжанную клячу. Нѣтъ все таки наслажденія!

О человѣкъ! старый источникъ! Напрасно ты сусишь всякую грязь въ свою жизнь, думая, что она просвѣтлѣетъ отъ этого.

— Готово, наконецъ сказалъ бояринъ, и свѣчи снова зажглись и гости стали подходить и подставлять стаканы офицеру, разливавшему золотымъ ковшемъ горячую влагу.

— Ah, que ça sent bon! ah, que ça sent bon! проговорила француженка; ah, que ça sent bon! повторила она еще разъ, наклоняясь къ Арбатову, laisse que je t'embrasse pour ça, mon bibi, и не ожидая отвѣта отмѣтила звонкій поцѣлуй на щекѣ офицера.

— Tenez donc, обратилась она къ Розѣ, il paraît que le beau jeune homme ne soupe pas?

— N'y faites pas attention, il a des moments d'absence, il est a rêver quelque part. C'est poète ça, ma chère, ça fait tout ce qui lui passe par la tête.

— Онъ просто прикидывается чудакомъ; сказалъ Арбатовъ.

— Вотъ онъ, смотрите какъ некстати задумчивъ.

— Да, вотъ онъ въ самомъ дѣлѣ, прибавила Роза, увидѣвъ Бобрицева.

Онъ стоялъ блѣдный среди залы, не понимая что съ нимъ и что дѣлалось кругомъ его, скрестивъ вытянутыя руки.

— Дмитрій Николаевичъ, сказалъ Арбатовъ, не выпьете ли съ нами?

— Voyons donc, jeune homme, venez par ici. Laissez de coté vos rêveries. Un ver de n'importe quoi, ça vous rendra plus gai.

— Отъ чего ты сегодня бѣгаешь отъ насъ? прибавила Роза. Въ кого ты влюбленъ?

— Хочешь мнѣ послужить черной лѣстницей, сказалъ Бобрицевъ, я брошу тебѣ подъ ноги эту любовь сегодня.

— Полюби меня сперва такъ, отвѣтила Роза.

— Шутишь, сказалъ Бобрицевъ; знаешь ты старую пѣсню:

Въ скверномъ городѣ выросъ юноша.
Онъ полюбилъ дурную женщину,
Онъ положилъ къ ногамъ ея сердце,
Она наступила и раздавила его.

— Сдѣлай изъ меня сперва шута и я также подложу тебѣ свое, вмѣсто скамейки.

— Небойсь! придетъ и твоя очередь, отвѣтила Роза. Чтожъ ты не кончаешь: Въ скверномъ городѣ....

Въ скверномъ городѣ прокутилась мать.
Дочь продала за лихаго барина,
Лихой баринъ душу черту продалъ.
Чертъ купилъ, а жену взялъ въ придачу.

— За его здоровье, крикнула Роза.

— A la santé du diable, подняла француженка, подавая Бобрищеву полный стаканъ. Онъ взялъ его и хотѣлъ выпить, но горячій ромъ обжогъ ему горло. Едва проглотивъ половину, онъ уронилъ его на полъ.

— Вотъ молодой человѣкъ, перебила его расхохотавшись француженка, который не умѣетъ порядочно осушить бокала. A-t-on on jamais vu quelque chose de pareil. Tenez, voulez vous que je vous montre ça, прибавила она, наполняя самый большой стаканъ и выпивая залпомъ.

Опять загремѣла музыка и съ первыми аккордами оркестра въ сосѣдней комнатѣ зазвенѣло золото.—Француженка быстро разбила стаканъ, раскрыла до нельзя глаза, раздула ноздри и убѣжала напѣвая:

Pour l'or je donnerai tout ce que je possède.
Ma vie et ma chasteté ...

Роза и Арбатовъ послѣдовали за ней. Большая часть гостей была уже тамъ.

Услыхавъ звонъ изъ сосѣдней комнаты, Бобрищевъ весь вздрогнулъ, сверкнулъ глазами, и сдѣлалъ движеніе вслѣдъ француженкѣ, но чья то рука остановила его. Передъ нимъ стояла Ольга.

— Дмитрій! куда ты? сказала она.

Онъ посмотрѣлъ ей въ глаза —Въ нихъ былъ страхъ, въ нихъ было страданіе, въ нихъ была рѣшимость, но онъ ничего не замѣчалъ, его мозгъ былъ подавленъ, глаза потемнѣны, душа убита, глубоко огорчена, и онъ могъ только отвѣтить.

— Играть, разъ я въ игорномъ домѣ.

— Ты не помнишь себя; тебя обыграютъ навѣрно.

— У меня дьявольское счастье во всемъ. Отъ этого счастья, видишь ли, желчь мнѣ давитъ горло, мнѣ душно. Пусти меня,

сказалъ онъ, вырывая съ руку и кидаясь къ двери, за которой шла игра.

Но раньше его была тамъ Ольга и загородивъ ему дорогу, спиной ударившись объ дверь, обѣими руками ухватилась за рукоять ея. Страшно сверкали ея глаза теперь; грудь готова была разорваться отъ волненія, и задыхающимся, полнымъ отчаянія голосомъ она выронила эти слова.

— Если на то пошло; ты не будешь играть; чего бы мнѣ это ни стоило.

Онъ ухватилъ ее за обѣ руки, готовый оттолкнуть ихъ; но вдругъ остановился, посмотрѣлъ ей въ глаза и спросилъ задыхаясь:

— Въ силу чего, наконецъ, ты меня удерживаешь? Что тебѣ до меня? развѣ можетъ еще что нибудь быть между нами?

Она опустила голову, но глаза, полные стыда и отчаянія, смотрѣли на Бобрищева и дрожащія руки, казалось онѣмѣли надъ рукоятью.

— Ты не хочешь видѣть того, что дѣлается со мной. Бей меня! никакія проклятія въ мірѣ не вырвутъ и не убьютъ въ моей душѣ....

— Въ твоей душѣ! какихъ чувствъ еще ждать отъ нея, чего ждать отъ....И онъ вдругъ остановился въ страшной борьбѣ съ собою. Лице его то блѣднѣло, то оживало и онъ стоялъ неподвижно. Она подняла къ нему умоляющіе глаза и руки.

— Я готова кинуться въ ноги, я готова разбить объ полъ голову, говорила она, но ты уйдешь со мной, ты меня выслушаешь; я не оставлю тебя безъ этого.

— Боже! какъ она все таки хороша; произнесъ Бобрищевъ. Душа рвется отъ благородныхъ проклятій; голова поднята къ небу и тутъ грязь и низость беретъ свое!......

—

Праздникъ продолжалъ шумѣть въ домѣ Розы, игра шла и золото звенѣло, переходя изъ рукъ въ руки. Одинъ Арбатовъ кажется былъ въ выигрышѣ; француженка выходила изъ себя, кусала губы за всякой ставкой. Роза хохотала по прежнему и ор-

кестръ гремѣлъ, покрывая звонъ червонцевъ, желчный голосъ Берты, беззаботный смѣхъ Розы и говоръ другихъ гостей.

За нѣсколько домовъ отсюда, въ спальнѣ Ольги горѣлъ свѣтъ. Ломая худыя руки, кусая блѣдныя губы, сидѣлъ здѣсь Бобрищевъ. Передъ нимъ стояла красавица съ волосами отброшенными въ безпорядкѣ назадъ.

— Видишь эту грудь, говорила она, въ ней нѣтъ свѣжаго мѣста. Отъ тебя одного я могу ждать только участія и пощады.

— Откуда у меня право прощать? что я для тебя теперь? за чѣмъ тебѣ эти прощенья?

— Погоди, дай срокъ сказать нѣсколько словъ по крайней мѣрѣ. Еслибъ я не дорожила собой еще, ты не былъ бы здѣсь; я неиспугалась бы такъ при встрѣчѣ съ тобой, не вышла бы изъ себя, и не мучилась какъ теперь. Я была спокойна; все, что могло мучить совѣсть забывалось. Я думала, что оно не вернется никогда болѣе. Одинъ взглядъ твой, и все прошлое подступило сюда. Сколько разъ я пыталась винить себя за свою жизнь; каждый разъ я могла только проклинать другихъ, теперь я потеряла все, за что держалось мое спокойствіе; я возненавидѣла себя. У меня одна надежда—мои прошедшія страданія. Если ты отъ нихъ отвернешься, мнѣ не нужно ничего болѣе, ни даже жизни.

— Ты называешь это жизнію. Жизнь была тогда, когда я тебя называлъ сестрой.

— Слушай наконецъ. Еслибъ я упала такъ низко, я бы тебѣ засмѣялась въ глаза теперь, и не привязалась бы къ твоимъ слѣдамъ, ожидая послѣдняго рѣшенія.

— Что мнѣ рѣшать? я продалъ бы кажется душу, чтобъ уничтожить все, что ты сдѣлала съ собою, и все таки это будетъ напрасно,—и онъ отошелъ въ сторону и закрылъ лице руками.

— Я уничтожена, разбита; всѣ наступаютъ мнѣ на лице. И ты отворачиваешся; а ты любилъ меня еще когда то. Что же мнѣ дѣлать съ собою. Боже мой! продолжала она, съ отчаяніемъ подымая голову и руки къ небу; ты видѣлъ какъ меня два раза продавали; ты бросилъ меня здѣсь безъ защиты, ты знаешь виновата ли я, и ни въ одну душу не пошлешь сострадания. И съ этими словами голова ея опустилась на грудь, руки упали на

подушку кресла, она бросилась въ него и зарыдала.—Бобрищевъ очнулся; эти слова, эти рыданія подавили въ немъ всю желчь и горечь противъ нея; въ разстроенномъ мозгу пронеслась вереница страданій, которыя могли ее опрокинуть, и отдалась тяжелой болью въ сердцѣ. Жалость давила его; но онъ не находилъ словъ для ея выраженія; между тѣмъ слезы Ольги казалось надрывали его собственную грудь.

— Ольга, сказалъ онъ наконецъ, подходя къ ней, перестань мучиться; видитъ Богъ сколько мнѣ жалко тебя. Я готовъ на все, чтобы только унять эти рыданія. Лучше бы, казалось, все это прошло надо мною.

— Тебѣ жаль меня, сказала она, подымая на него страшный взглядъ и вставая. Нѣтъ, я для тебя потерянная женщина. Какъ Арбатовъ, какъ всѣ, ты готовъ наступить на меня безжалостно. Но знай, продолжала она, возвышая голосъ и подымая надъ нимъ руку,—такъ же какъ онъ, ты мнѣ пустъ и жалокъ, и я, смѣюсь надъ вашими обидами и презираю васъ.

— Что съ тобой, произнесъ онъ, кидаясь къ ней.

— Ты поймешь мои страданія! продолжала она; нѣтъ ты можешь только смѣяться надъ ними. Тебя достанетъ на одни упреки, на одни оскорбленія. Ты будешь шутить въ то время, какъ я буду валяться въ ногахъ. Нѣтъ! я тебѣ ничего не повѣрю. И она остановилась, перевела духъ и опять продолжала.—Въ то время, какъ я, забывая себя, на все рѣшалась, чтобы удержать тебя отъ сквернаго шага, ты готовъ былъ сказать, что я притворяюсь, ты кидалъ мнѣ въ лице слова, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ; ты меня равнялъ съ грязью. Не смотря на то, я рѣшилась еще ждать отъ тебя чего то, надѣяться. Ты отъ меня отвернулся, и я послѣ этого пойду разсказывать тебѣ, что меня мужъ бросилъ! Я тебѣ покажу его росписки, доказательства, ты мнѣ и тогда не повѣришь, или спросишь къ чему я позволила все это сдѣлать съ собою; что я тебѣ отвѣчу на это? что онъ меня голодомъ принудилъ согласиться на все; что онъ меня выгналъ изъ дому, что на мнѣ были лохмотья, что онъ промотался впухъ, сдѣлался шулеромъ? Ты во всемъ въ состояніи меня упрекнуть, тогда какъ я шесть лѣтъ сряду рвала на себѣ волосы, продавая послѣднія кольцы на оплату долговъ моей матери. Развѣ все это для

тебя имѣетъ какую нибудь силу оправданія? Вы, свѣтскіе, люди, развѣ ваше дѣло видѣть страданія и щадить; развѣ затѣмъ вы ѣздите къ Розѣ? Чего ты самъ искалъ у нея и чѣмъ я тамъ взяла твою волю; на какихъ надеждахъ ты позволилъ мнѣ увезти себя?....и она остановилась, устремила на него разгоравшіеся глаза, въ то время какъ губы ея дрожали, сдерживая рвавшуюся наружу рѣчь.

— Чего я тамъ искалъ? сказалъ Бобрищевъ. Ты не хочешь видѣть....

— Нѣтъ Дмитрій! Видишь эти стѣны, это серебро и дерево кругомъ, эту смѣющуюся голову въ рамѣ. Онѣ плачутъ когда я передумываю свое прошедшее. Тебя оно не тронетъ; въ немъ нѣтъ крови, нѣтъ ножей,—не рѣжутъ, не жгутъ, въ немъ дѣвушка, которую оставляютъ мать и разорившійся мужъ. Это такъ обыкновенно, что ты разсмѣешься, или спросишь зачѣмъ я соглашалась на этотъ бракъ. Онъ былъ богатъ и ты продала себя, скажешь, это дѣлается каждый день; и я послѣ этого, не щадя себя, пойду тебѣ разсказывать, что это богатство мнѣ было противно, что я валялась въ ногахъ, прося невыдавать меня за Ремнюгина, что я писала и говорила всѣмъ, что онъ мнѣ невыносимъ. Меня полуживую везли къ вѣнцу. Я кричала; я билась, я звала на помощь ..... видишь эти рубцы ногтей, сказала она, открывая плечо.

— Ольга, произнесъ Бобрищевъ изнемогающимъ голосомъ; тебѣ нужны слезы, нужны крики отчаянія; безъ нихъ ты ничего не поймешь. Въ моихъ жесткихъ словахъ, въ невольно вырвавшихся упрекахъ ты ничего не прочла себѣ кромѣ оскорбленій; ты не хотѣла видѣть что дѣлалось у меня на душѣ, какая скорбь давила ее. И ты меня поставила на одну доску съ Арбатовымъ! Что я тебѣ сдѣлалъ?.... Я исхудалъ въ эту ночь. Я чуть не задохся отъ злобы; я хотѣлъ проиграться потомъ, бросить, подъ ноги другимъ свою душу, чтобъ она немогла по крайней мѣрѣ болѣе чувствовать; и ты ничего не видѣла. Что же мнѣ дѣлать, если я плохой актеръ, Ольга!. Если ты не вѣришь словамъ,—глазамъ вѣрь по крайней мѣрѣ. Видишь этотъ платокъ, сказалъ онъ кидая его на полъ. Вотъ, что сдѣлала эта ночь со мною....

Страшнымъ, раздирающимъ крикомъ огласилась комната; и вслѣдъ за тѣмъ женщина грохнулась къ ногамъ Бобрищева. Платье ея порвалось и упало съ плечь, волосы раскидались по полу; она рвала ихъ, повторяя страшныя слова на себя. И онъ долго, тщетно старался поднять ее, бралъ за руки и цѣловалъ ихъ и незналъ чѣмъ ее успокоить.

ГЛАВА IV.

Въ городѣ говорили о праздникѣ Розы въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ и притомъ съ большими прибавленіями. Увѣряли, напримѣръ, что тамъ присутствовали сановитыя лица, а что между масками находились дамы высшаго круга. Все это могу завѣрить, была ложь, выдумка города самого на себя, по его слабости къ клеветѣ на свои нравы. Всѣмъ извѣстно какъ онъ гордъ и чваненъ, и сколько у него врожденнаго такта и порядочности. Правдоподобнѣе были слухи о баснословной цифрѣ расходовъ, которой потребовала эта странная ночь, но и то удивительно, какъ цифра эта могла сколько нибудь занимать умы, столь барски привыкшіе играть милліонами, съ наслѣдственнымъ незнаніемъ цѣны имъ и таковой же безкорыстностію. Случись подобный праздникъ въ одномъ изъ домовъ порядочнаго круга, объ немъ бы даже не говорили; но вотъ, на этотъ разъ, хозяйка дома была Роза, и обстоятельство это приводило разные концы Петербурга въ волненіе. Съ нѣкоторыхъ поръ вообще эти женщины не давали покоя общественному языку; то онѣ перекупали неслыханную по цѣнѣ вещь, то на нихъ видѣли бриліанты, какихъ нѣтъ у самой графини Р., то онѣ выходили за мужъ за графовъ, князей и т. п. Большей частію эти слухи на дѣлѣ не имѣли почти никакихъ основаній, но достаточно было разъ дать толчекъ общественному воображенію и за тѣмъ оно само собой, не находя другихъ интерессовъ, останавливалось на этой средѣ, отыскивая всегда случаи для возгласовъ и удивленій. Такъ, на этотъ разъ очередь выпала на долю Розы и объ ней говорили. Много при этихъ толкахъ конечно тратилось благороднаго не-

годованія и упрековъ молодежи. Жаловались, что порядочные дома стоятъ пусты, что всѣмъ завладѣли эти женщины, что мущины Петербурга всѣ до одного скучаютъ въ порядочныхъ обществахъ и только ѣздятъ еще охотно къ продажнымъ красавицамъ, развращаясь и проматываясь на нихъ; и я не знаю какъ понять эти упреки при классическомъ примѣрномъ отвращеніи къ пороку, развиваемомъ у насъ въ сердцахъ юношества строго-нравственнымъ, патріархальнымъ воспитаніемъ. Въ другомъ мѣстѣ гдѣ нибудь все это можно было бы объяснить наносной заразой, повѣтріемъ на развратъ изъ отпѣтыхъ въ этомъ отношеніи угловъ земнаго шара, вліяніемъ чужихъ нравовъ; но здѣсь и того даже нельзя. Всякій знаетъ нашу историческую привязанность къ своему и пренебреженіе къ иноземному, нашу стойкость въ застоѣ и предразсудкахъ и патріархальное цѣломудріе, и съ этимъ вмѣстѣ такіе странные упреки въ предпочтеніи общества дурныхъ женщинъ.... Какъ бы то ни было, но эти упреки занимали общественные толки. Много притомъ читалось еще эклогъ современному человѣку, его мелкой разсчетливости, торговому характеру, сухости и бездушію; между тѣмъ какъ въ сущности одно сплошное чувство неизмѣримой, безвыходной скуки затягивало и ораторовъ и слушателей, Розу и ея сестеръ, всѣхъ и все что жило подъ этимъ сѣрымъ небомъ, среди негостиріимной, никогда неласкающей природы. Дни тянулись одинъ за другимъ, прокладывая оттепель въ началѣ Января, по улицамъ, разсвѣтало въ одиннадцать, темнѣло въ два, и казалось не будетъ конца тоскливой погодѣ. Между тѣмъ сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ; балъ за баломъ и праздникъ за праздникомъ готовились впереди, и воображеніе истощалось на выдумки, одну богаче, затѣйливѣе другой, нещадя денегъ, лишь бы поразить, озадачить, заставить поговорить о себѣ безчувственнаго, равнодушнаго зрителя и гостя.

Одинъ изъ такихъ тяжелыхъ зимнихъ дней подходилъ къ сумеркамъ. Холодный свѣтъ темнѣющаго неба обливалъ зеленовато-грязнымъ полуднемъ черезъ три большихъ окна одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ кабинетовъ въ Петербургѣ по вкусу и рѣдкостямъ, кабинетъ Арбатова. То была большая, просторная зала; высокія стѣны ея были завѣшаны всѣ картинами въ

темныхъ, рѣзныхъ рамахъ, средневѣковымъ и восточнымъ оружіемъ, уставлены мебелью рѣдкой старинной работы. Между послѣднею можно даже назвать папское кресло, подаренное въ 17 . . . . Австрійскимъ Императоромъ Князю П.,—письменный столъ, шедевръ позднѣйшей поддѣлки, перекупленный въ состязаніе съ кошелькомъ короля Британскаго отцемъ Арбатова,—дорогую рѣзную шкатулку розоваго дерева, полную патентовъ, грамотъ, рескриптовъ и писемъ отъ разныхъ историческихъ особъ, У..;—три, не имѣвшіе цѣны шкафа, изъ которыхъ одинъ былъ полонъ придворныхъ мемуаровъ и скандальныхъ хроникъ на разныхъ языкахъ, другой рѣдкими изданіями Библіи и вообще книгъ духовнаго содержанія, преимущественно французскими, по которымъ каялась и ханжила мать Арбатова, и третій кипсеками и альбомами, преимущественно во вкусѣ Буше. Между рѣдкимъ оружіемъ Арбатовъ самъ назвалъ бы вамъ прежде всего шлемъ, подаренный Рюрикомъ его предку, а потомъ, можетъ быть, шпагу за военную храбрость, полученную имъ самимъ неизвѣстно за какой доблестный подвигъ. Бездна античной бронзы, лампъ, преспапье, наслѣдственныхъ печатей и всякой всячины покрывала столы и столики, этажерки и т. д., дополняя богатую коллекцію рѣдкихъ вещей, находившихся въ комнатѣ. И здѣсь также все имѣло свою неподдѣльную цѣну, исторію; отъ простой бездѣлицы, отъ печати, напримѣръ, которою П. печаталъ свои нѣжныя письма къ Герцогинѣ О., отъ песочницы, въ которую плевалъ Карлъ IX,—отъ орлиной пасти, изъ которой когда то черпалъ такія страстныя признанія въ собственныхъ галостяхъ одинъ изъ величайшихъ людей прошлаго вѣка, и золотаго ковша, изъ котораго, томимый хронической жаждой, какой то восходящій Арбатова пропилъ нѣсколько тысячъ людей,—до мраморнаго бюста мадонны, или просто жены Арбатова, красавицы-женщины, передъ которой преклонялся весь Петербургъ, которою восхищалась Европа и внесла портретъ ея въ свои кипсеки.

Все это было развѣшано и разставлено съ тѣмъ неизмѣннымъ единствомъ, съ которымъ собралъ его и расположилъ замѣчательный вкусъ вельможи, наслѣдникомъ котораго родство сдѣлало Арбатова. Самъ Антонинъ Николаевичъ внесъ сюда только

большой, дорогой персидскій диванъ, лежавшій на ковровомъ полу посреди кабинета, противъ рѣзнаго камина во вкусѣ Буше, нѣсколько качающихся и некачающихся креселъ, богатую коллекцію трубокъ, завѣсилъ послѣднія свободныя мѣста по стѣнамъ оружіемъ новѣйшей работы и уставилъ окна лѣпными и литыми статуэтками гвардейскихъ солдатъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, пѣшихъ и верховыхъ; да еще устроилъ въ одной угловой нишѣ потайной шкафъ съ богатымъ выборомъ миніатюрныхъ портретовъ современныхъ и знакомыхъ ему женщинъ. Если прибавить къ этому двухъ рѣдкихъ, огромныхъ собакъ, которыя кажется безпросыпно спали на мягкихъ коврахъ кабинета, то мы получимъ приблизительно полную обстановку той комнаты, среди которой стоялъ теперь самъ Арбатовъ, одинъ изъ героевъ Петербургскаго общества, высокій, красавецъ собой, богатырь въ плечахъ, гвардеецъ изъ гвардейцевъ. Крупныя капли пота выступали на лбу его, лицо было въ жару, въ глазахъ усталость, волосы въ безпорядкѣ, львиную грудь давило безсиліе. Воинственная обстановка комнаты, ростъ и сложеніе человѣка противорѣчили его настоящему состоянію. Какъ богатырь послѣ страшнаго боя, изнемогая отъ быстрой потери силъ, онъ стоялъ теперь передъ зеркаломъ, выдержавъ только что одинъ изъ самыхъ страшныхъ поединковъ, какой только видѣла обстановка этой комнаты,—сцену ревности и упрековъ со стороны женщины, которую онъ любилъ и которая ему отвѣчала, казалось.

— Я исхудалъ отъ этихъ сценъ, говорилъ онъ теперь самъ съ собою; онѣ меня вгонятъ въ чахотку. Будь проклятъ тотъ часъ, въ который я узналъ эту женщину; одна исторія за другой, сплетни, ревность. Сколько испортишь крови себѣ, недоспишь ночей, недоѣшь обѣдовъ, ... отъ однихъ толковъ.

Такъ говорилъ онъ, между тѣмъ какъ по лѣстницѣ всходила другая женщина. Не очень молода, но бойка и красива на видъ, разодѣта въ пухъ и прахъ, съ прихотью и вкусомъ тѣхъ туалетовъ, которые выходятъ въ полномъ ихъ цѣломъ изъ рукъ лучшихъ модистокъ и ставятъ иногда въ затрудненіе рѣшить при видѣ незнакомой женщины кто и что она. Разрѣшимъ разомъ на этотъ счетъ недоумѣніе читателя, и не входя въ подробности ска-

жемъ, что это была княгиня Марья Михайловна Глинская, тетка Бобрищева. Она была извѣстна въ Петербургѣ какъ молодая вдова и очень бойкая женщина; отношенія ея къ Арбатову составляли въ томъ что у ней была младшая, не замужняя сестра, княжна Лиза Мирская, надъ имѣніемъ которой Арбатовъ былъ опекуномъ. Княгиня съ своей стороны, въ послѣднее время поглядывала кажется не совсѣмъ равнодушно на выразительные глаза племянника. Бобрищевъ однако, не знаю за что, не любилъ ее, кажется, она просто ему не нравилась. Княгиню раздражали холодность и равнодушіе мальчишки, какъ она понимала племянника, она не могла простить ему сдѣланнаго имъ разъ отказа сопутствовать ей съ маскерада отъ графини Р**., и являлась тѣмъ болѣе строгимъ и безпокойнымъ сторожемъ у его холостой жизни. Къ чему она мучила его, неизвѣстно;—также неизвѣстно по крайней мѣрѣ, какъ неизвѣстно почему человѣкъ вообще не любитъ видѣть въ чужихъ рукахъ то, что невозвратно умчалось изъ его собственныхъ, оставивъ его за собою; по чему не можетъ онъ также хладнокровно смотрѣть на чужую для него на всегда утраченную силу и молодость, на чужой блескъ, чужой успѣхъ и чужія надежды, какъ оставленная дорога спокойно смотритъ, зростая глушью, на новый путь, подымающій пыль въ глаза одному за другимъ путнику.

— Княгиня! что вы опять надѣлали! встрѣтилъ Арбатовъ Глинскую, посреди комнаты, и скрестивъ руки.

— Что такое опять еще?

— Это странно наконецъ! — За что вы наговорили дерзостей Л . . . ?

— Какихъ дерзостей; я ничего не знаю отвѣтила княгиня, принимая разсѣянный видъ.

— Полноте притворяться наконецъ, сказалъ Арбатовъ; вы видите въ какомъ положеніи вы меня застаете. Она сейчасъ отъ меня.

— Ah, mon cher ami, fichez moi la paix avec ça. Стоитъ ли вспоминать о такихъ пустякахъ. Вы знаете, что разъ я разговорюсь, я не могу болѣе удержаться. Да и есть ли мнѣ теперь время думать о томъ. Quelle journée. Si vous saviez quelle journée!

— Да, дѣйствительно скверное утро, отвѣтилъ Арбатовъ, утирая лобъ и имъ я вамъ обязанъ.—Это называется старая дружба.

— Мы съ вами будемъ послѣ браниться. Скажите мнѣ ради Бога сперва: что сдѣлалось съ моимъ племянникомъ?

— Какъ «что», спросилъ Арбатовъ

— Представьте себѣ все шло какъ нельзя лучше до новаго года: онъ у меня обѣдалъ, онъ у меня ужиналъ, онъ платилъ даже кой какіе ничтожные счеты за меня. Развѣ все это недоказывало что онъ меня любитъ. Je me croyais aimée enfin. И вдругъ пропалъ— безъ слѣда. Ни у меня, ни дома, ни у княгини, ни у дядюшки ни у тетушки. Пишу—нѣтъ отвѣта. Ѣду сама—нѣтъ дома, посылаю—также. Это ужасно!

— Ужасно! повторилъ Арбатовъ

— Ah j'enrage продолжала княгиня, вотъ двѣ недѣли что я теряю голову. Пріѣзжаю къ графинѣ—она мнѣ читаетъ мораль, и спрашиваетъ гдѣ я была у обѣдни. Ѣду отъ нея къ княгинѣ Вавѣ—она мнѣ начинаетъ разсказывать какъ она сама кормитъ ребенка. И подумать, что есть люди которыхъ это занимаетъ. Elle n'a pas même fait attention à l'etoffe que javais;—un gros bleu magnifique, mon cher, который мнѣ стоилъ 200 рублей—долгу конечно. Ахъ, кстати, вы знаете, говорятъ—Броницынъ—Камеръ-юнкеръ.

— Все это очень интересно, сказалъ Арбатовъ.

— Не мѣшайте мнѣ — дайте досказать, перебила княгиня. Вечеромъ я имѣю еще терпѣнье ѣхать къ Недарскимъ—его тамъ не было;—скука, какой небывало еще—pas un seul joli garçon á la lettre, и въ довершеніе всего une parvenue, une bête, une femme sans nom cette L....

— Княгиня!.... тономъ упрека сказалъ Арбатовъ

— Ахъ извините! я забыла что это вашъ вкусъ. Cette parvenue, disai-je, разсказываетъ цѣлую исторію о какой то потерянной женщинѣ....и все это съ такимъ торжествомъ. О! тогда я не могла удержаться и....и женила васъ въ свою очередь не помню на какой то танцовщицѣ. Вотъ все, что я имѣла съ вашей L. Все это меня конечно не подвинуло ни на шагъ. Ужинаю съ Броницынымъ — онъ мнѣ говоритъ тоже. Ah me suis-je dit alors, если это потерянная женщина только—никто не можетъ знать правды лучше Арбатова, и вотъ я у васъ.

Все это говорила Княгиня торопясь и глотая слова, какъ будто ей оставалось всего пять минутъ жизни, и кончивъ, запыхавшись, въ какомъ-то полуизнеможеніи упала въ кресла.

— Это ужасно! повторилъ еще разъ Арбатовъ съ притворной задумчивостью, сквозь которую слышалась насмѣшка.

— Ужасно! послѣ всего что я испытала, подумать что ни одинъ человѣкъ не могъ меня полюбить какъ слѣдуетъ, отвѣтила Глинская тономъ грустной задумчивости и лице ея приняло на минуту выраженіе меланхоліи.

— Что-жъ вы мнѣ скажете на это, обратилась она вдругъ къ Арбатову послѣ нѣкотораго молчанія.

— Попробуйте заявить въ полицію, отвѣтилъ тотъ.

— Я у васъ спрашиваю серьезно, повторила княгиня.

— Что вамъ сказать серьезно на это, сказалъ Арбатовъ подходя къ ней и глядя пристально на ея куафюру. Княгиня, произнесъ онъ живо: — у васъ сѣдые волосы.

Глинская подняла на него рѣзкій взглядъ.

— У кого же ихъ нѣтъ? отвѣтила она гнѣвно, если у васъ, то вы значитъ слишкомъ молоды, что-бъ мнѣ дѣлать замѣчанія.

— Послушайте, сказалъ Арбатовъ смягчая голосъ. У васъ сестра невѣста; не ужели вы не понимаете, что свѣтъ будетъ судить ее вмѣстѣ съ вами. За что? скажите пожалуйста. А ей больше, чѣмъ кому нужна поддержка общаго мнѣнія. Ея состояніе было въ вашихъ рукахъ, вы его промотали; не мѣшайте же ей, по крайней мѣрѣ, найти человѣка, который дастъ ей возможность жить честно, а можетъ быть и уплатить ваши счеты.

— Арбатовъ! васъ считали до сихъ поръ умнымъ человѣкомъ, я начинаю убѣждаться въ противномъ. Вы говорите глупости. Могу васъ увѣрить, что читать мораль вамъ менѣе всего къ лицу. Ханжите и кайтесь сами. Мнѣ это не по нраву. Думаете ли вы, что я меньше васъ забочусь о судьбѣ Лизы. Вы мало еще жили.—Вотъ вамъ небольшое доказательство; читайте, прибавила она, вынимая изъ за таліи записочку и подавая ее двумя пальцами.

— Не смотря на мои сѣдые волосы, на мои тридцать лѣтъ, на всѣ исторіи, которыя чернили мою репутацію.... Что вы скажете? спросила она, бросая на него торжествующій взглядъ.

— Признаніе отъ Бронпцына! вы бы за него вышли, чтобъ заплатить ваши долги. Въ самомъ дѣлѣ нужно состояніе Бронпцыныхъ, чтобы вы не могли промотаться.

— Я сдѣлала лучше, чѣмъ вамъ пришло въ голову. Бронпцынъ женится на Лизѣ и уплотитъ мои долги. Читайте, кончила она указывая на записку.

Арбатовъ развернулъ письмо, раскрылъ ротъ и остановился въ недоумѣніи.

— Вотъ что хорошо, то хорошо.—И такъ, ваша сестра изъ Княжны Мирской просто Бронпцына.—И какъ вы называете эту сдѣлку, спросилъ онъ.

— Вы пустѣйшій человѣкъ съ вашими отсталыми идеями и привязанностями къ старымъ игрушкамъ. Знайте, что въ наше время одинъ титулъ—голова и деньги, а о княжествѣ Мирскихъ конечно никто спорить не будетъ. Это смѣшно для всѣхъ.

—Вы не шутите? спросилъ Арбатовъ.

— Лиза влюблена въ него; противъ этого надѣюсь вы ничего не можете сказать.

— Я могу влюбиться завтра въ мою крѣпостную женщину; это не причина кажется жениться на ней.

— Оставимъ привязанности наконецъ, я растратила состояніе Лизы, я же нашла случай возвратить ей его. Чему же вы здѣсь удивляетесь?

— Хорошъ возвратъ!—выдать насильно дѣвушку....

— Помните, что я могу обойтись безъ вашего совѣта.

— Ну; не совсѣмъ. Вы подумайте о томъ, что скажетъ первый князь Семенъ Михайловичъ.

Князь первый вамъ скажетъ: моя племянница дѣлаетъ что хочетъ; она дружна съ графиней Малаваль, а графиня Малаваль вы знаете кто.

— Есть лица сильнѣе той графини. Не далѣе, какъ сама княгиня; вы объ ней забыли, кажется.

— При имени княгини лице Глинской поблѣднѣло отъ злости и досады.

— И вы рѣшились, бы.... сказала она.

— Отчего же? разъ пойдетъ на споры.

— Послушайте! перестаньте наконецъ меня сердить. Я знаю, что вамъ рѣшительно ни жарко, ни холодно отъ того выйдетъ ли Лиза, и за кого. Доказательство, что вамъ не было жаль передать въ мои руки ея состояніе, хотя вы имѣли полную возможность не сдѣлать этого; но вы, стало быть, одинаково виноваты со мной передъ нею, и намъ нужно вмѣстѣ, поправить это дѣло. Я сознаю дѣйствительно, что этотъ бракъ дѣло щекотливое; я знаю, что всѣ языки готовы подняться на меня, что мнѣ нужна чья нибудь поддержка. Я на васъ, признаться, надѣялась и пріѣхала именно съ тѣмъ, чтобы просить васъ; но вы приняли меня такъ сурово.

Арбатовъ едва могъ скрыть улыбку гордаго удовольствія, внезапно пробѣжавшую, при этихъ словахъ, по его пустому и мелко—тщеславному лицу. Кажется Суворовъ не былъ такъ доволенъ собой ни послѣ одной изъ своихъ побѣдъ, какъ онъ теперь.

— Antonin! au nom de nos relations passées! Я тебя прошу. Этотъ бракъ необходимъ, я такъ много должна...продолжала княгиня....

— Хороша причина!.

— Ты ничего не понимаешь. Лиза должна выйти за Броницына; она не можетъ выйти за другаго человѣка. Поддержи этотъ бракъ. Повѣрь, у меня не меньше гордости, чѣмъ у тебя; но что же дѣлать; упустить этотъ случай, значитъ осрамить ее. Кто другой кромѣ Броницына захочетъ молчать. Да и не она одна, мы всѣ осрамимся.

— Какъ! сказалъ удивленный Арбатовъ.

— Какъ видишь....отвѣтила княгиня.

Арбатовъ скрестилъ руки и покачалъ головой.

— Ты дождалась наконецъ. Славно мы, однако, съ тобой ея судьбу отработали.

— Молчи, ради Бога! сказала Глинская, понижая голосъ, я боюсь, что стѣны услышутъ.

— Плачте, плачте теперь.—О, женщины!

— Ты видишь теперь, что мнѣ нечего терять времени. Нужно скрутить свадьбу въ двѣ недѣли и есть предлогъ: эта mésalliance.—Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ Дмитрій Николаевичъ....Я теряю

голову;—je ne me suffis pas.—Ради Бога, помоги мнѣ все это кончить.

— Чтожъ ты хочешь, чтобъ я сдѣлалъ; не отъ меня зависитъ убѣдить всѣхъ, что этотъ бракъ въ порядкѣ вещей. Одна княгиня Наталья Кириловна что скажетъ; ты знаешь ее.

— Тстъ! сказала вдругъ княгиня, прислушиваясь; я слышу кто то идетъ. Это должно быть Броницынъ; онъ обѣщалъ сюда заѣхать.

Изъ сосѣдней комнаты дѣйствительно послышались шаги, все ближе ближе и наконецъ въ комнату вошелъ, или лучше сказать вбѣжалъ Броницынъ, распомаженъ, раздушенъ, стеклушко въ глазу, съ вѣчной улыбкой на розовыхъ губахъ.

— На силу вырвался, княгиня; столько занятій, сказалъ онъ. Я себя не заставилъ ждать? и поздоровался съ Арбатовымъ.

Послѣдній указалъ ему на стулъ.

— Броницынъ окинулъ взглядомъ Арбатова и Глинскую и сѣлъ. Какъ ни старались они скрыть на своихъ лицахъ ощущенія, возбужденныя въ нихъ прошлымъ разговоромъ, Броницынъ отгадалъ въ полной оффиціальнаго, ложнаго спокойствія минѣ Арбатова и нервномъ состояніи Глинской какое впечатлѣніе должно было произвести на перваго извѣстіе, переданное ему княгиней. Онъ молчалъ; княгиня также молчала, расправляя pour contenance складки своего платья. Арбатовъ не говорилъ ни слова. Это была торжественная минута.

— Вотъ, Александръ Сергѣевичъ дѣлаетъ намъ честь, начала наконецъ Глинская, обращаясь къ Арбатову.

— Полноте, княгиня. Къ чему эти фразы, перебилъ ее Броницынъ. Я, напротивъ, прошу сдѣлать мнѣ честь осчастливить меня рукой Елизаветы Михайловны.

— Прекрасно, Александръ Сергѣевичъ, сказалъ Арбатовъ; у васъ вкусъ не дуренъ.

— Я не хотѣлъ, поспѣшилъ прибавить Броницынъ, чтобъ это рѣшилось мимо васъ. Вы опекунъ Елизаветы Михайловны.

— Мнѣ остается всегда поднять тостъ за счастье ея, на кого бы ни палъ ея выборъ. Къ тому же, разъ княгиня его одобряетъ.

Внѣ себя отъ восторга Броницынъ началъ бормотать въ от-

вѣтъ что-то очень краснорѣчивое, но спутался на первой половинѣ фразы и проглотилъ остальную.

Арбатовъ велѣлъ принести шампанскаго и провозгласилъ здоровье жениха и невѣсты. Броницынъ со слезами на глазахъ отъ восторга и умиленія подошелъ къ Глинской и попросилъ ее благословить его еще разъ. Послѣ чего княгиня выпила бокалъ вина и уѣхала, а Арбатовъ оставилъ Броницына, чтобы переговорить съ нимъ кой о чемъ, касающемся до его новаго положенія.

— Какъ вы знаете.... началъ онъ, садясь въ кресла когда уѣхала Глинская.

— Отчего же «какъ вы?» перебилъ его Броницынъ; вы кажется мнѣ до сихъ поръ говорили «ты.»

— Если позволите.... И такъ, какъ ты знаешь, я былъ опекуномъ Елизаветы Михайловны, то есть надъ имѣніемъ ея; но распоряжалась имъ, собственно говоря, княгиня, потому что она всетаки ближе ей чѣмъ я; и мѣшаться въ это дѣло съ моей стороны было бы странно. По этому то я тебя долженъ откровенно предупредить, что если ты найдешь финансовыя дѣла своей невѣсты не много разстроенными....

— Помилуйте! Мнѣ разсчитывать на состояніе! У меня кажется своего довольно, съ голоду не умру.

— Это совершенно справедливо; но моя обязанность сказать тебѣ все таки это.

— Пожалуста и не заикайтесь, отвѣтилъ Броницынъ. Можетъ и глупо быть столь равнодушнымъ въ этомъ случаѣ въ наше положительное время, но я не могу въ одно и тоже время любить дѣвушку и думать о деньгахъ. Это не въ моемъ характерѣ. У кого есть благоразуміе и прилежаніе, тотъ всегда найдетъ чѣмъ жить. Я же, какъ вамъ извѣстно, служу довольно успѣшно и надѣюсь впередъ служить еще успѣшнѣе.

— Это одно, перебилъ его Арбатовъ; а вотъ второе: какъ скоро вы думаете сдѣлать свадьбу?

— Это будетъ совершенно зависѣть отъ княгини; по моему, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— И я думаю также, сказалъ Арбатовъ. Я, конечно, человѣкъ современный, свободно смотрю на вещи; но другіе, какъ тебѣ не безъизвѣстно, смотрятъ на нихъ иначе. Родство Лизы велико

и связи также. Это все люди помѣшанные на своихъ титлахъ. Богъ знаетъ какъ они примутъ это извѣстіе.

— О, въ этомъ случаѣ, я вамъ откровенно скажу, что съ этимъ со всѣмъ можно сладить. Деньги великая вещь. Всѣ толки и разговоры, прекращаются обѣдами и завтраками. Нѣтъ гордости, которая бы не растаяла передъ ними. Мой отецъ готовитъ на слѣдующей недѣлѣ праздникъ, на которомъ будетъ весь Петербургъ. Онъ одурѣетъ отъ него; мы подъ эту дурь и повѣнчаемся.

— Есть личности однако, которыя не такъ то легко урезонить, первая хоть княгиня Наталья Кириловна.

— Объ ней то ужъ не безпокойтесь. Она первая меня поздравитъ. Я зналъ гдѣ копать, Антонинъ Николаевичъ, она души во мнѣ не слышитъ за бриліантовыя четки, которыя я ей подарилъ. Всѣ замолчатъ, будьте увѣрены, не безпокойтесь.

— Да—если ты такъ увѣренъ въ старухѣ Натальѣ Кириловнѣ. Признаюсь, я что то сомнѣваюсь, чтобъ она замолчала; она, которая не могла простить Екатеринѣ....

— Екатерина и я другое дѣло. Я недаромъ становился въ носилки съ ея камердинеромъ каждый разъ, какъ она пріѣзжала къ Графу. Я и еще кой какіе грѣхи знаю про княгиню; и отъ чего она ханжитъ, знаю. Какъ первое число мѣсяца, такъ я получаю отъ нея сумму, довольно плотную.

— Для раздачи бѣднымъ?

— Да, бѣднымъ, только эти бѣдные родились довольно богаты.

Арбатовъ засмѣялся.

— Я, видите, такимъ образомъ лице не совсѣмъ ей лишнее; точно также и другимъ. Знаете, Антонинъ Николаевичъ, рѣшилъ онъ; нѣтъ человѣка, котораго нельзя бы было переломить и положить себѣ подъ ноги. Нужно знать только за какой бокъ его схватить.

— Бестія, а не человѣкъ, подумалъ Арбатовъ; и я долженъ стать съ нимъ на одну ногу, принимать его какъ роднаго.

— Чтоже, Александръ Сергѣевичъ, сказалъ онъ, подходя къ Броницыну и ударяя его по плечу; теперь finis для васъ праздникамъ Розы, и подарковъ—Клемансъ и Бертѣ нельзя удетъ болѣе устраивать.

— И слава Богу! онѣ мнѣ порядочно надоѣли. Было бы не простительно, наконецъ, не отказаться отъ нихъ, имѣя на рукахъ жену, ангелъ красоты и невинности.

— Да, хорошо кому удастся жениться такъ какъ вамъ, по чувству.

— Къ несчастью, въ наше время это случается все рѣже и рѣже. Въ такомъ святомъ дѣлѣ большею частію руководствуются мелкимъ разсчетомъ, ищутъ поправленія обстоятельствъ, денегъ или связей, или словомъ чего нибудь недостойнаго.

— Даже и безъ этого, сказалъ Арбатовъ, женишься иногда на красавицѣ, при всѣхъ условіяхъ, обезпечивающихъ счастіе, и тутъ...онъ сдѣлалъ гримасу не кончивъ фразы.

— Конечно; но въ этихъ случаяхъ если есть только деньги, они спасаютъ все . . . .

. . . .

Да, деньги; деньги — и у вашихъ ногъ всѣ сердца мужскія и женскія; въ доказательство вспомните хоть Ольгу Н. напримѣръ кончилъ Броницынъ.

— Ольгу Н.... повторилъ Арбатовъ и взявъ въ ротъ правый усъ задумался на секунду.

— Попалъ! подумалъ про себя Броницынъ.

Не пройдете ли вы къ женѣ, продолжалъ Арбатовъ, выходя изъ раздумья и мѣняя разговоръ она должна быть дома. Это съ ней случается довольно рѣдко. Мы воспользуемся этимъ случаемъ, чтобъ вамъ не ѣздить лишній разъ.

— Помилуйте; я готовъ сколько хотите разъ ѣздить—съ особеннымъ удовольствіемъ, отвѣтилъ Броницынъ; а впрочемъ въ самомъ дѣлѣ, отъ чего же и не воспользоваться.

— Арбатовъ позвонилъ и отправилъ человѣка доложить Еленѣ Николавнѣ, то есть женѣ своей, о себѣ, и о Броницынѣ. Минуту спустя человѣкъ вернулся съ отвѣтомъ и они вышли изъ кабинета на половину Арбатовой...

Удачно этотъ бестія, Броницынъ, мнѣ напомнилъ о ней, думалъ полъчаса спустя Арбатовъ, сидя одинъ въ креслахъ, вытянувъ ноги и запустивъ обѣ руки въ карманы. Хорошо бы устроиться съ этой Ольгой. Женщина хоть куда; безъ цинизма,

съ одной стороны, и безъ претензій съ другой, то есть именно то, что нужно человѣку, установившемуся. Отдыхая на тридцати шести годахъ, на нѣсколькихъ десяткахъ женскихъ портретовъ, на грудѣ любовныхъ писемъ, можно было бы такъ легко закончить карьеру сердца этой лакомой вдовой. Спокойно опоражнивая погреба и не опасаясь какой нибудь сцены, которая могла бы подѣйствовать на желудокъ, опорожнивъ самую голову отъ всякихъ суетныхъ безпокойствъ, съ стоическимъ презрѣніемъ ко всякой мысли, прогуливаться гордо среди пировъ и кукольныхъ комедій, безъ долговъ, потому что была врожденная скупость и разсчетъ при большомъ состояніи, не драпируясь глупымъ романтизмомъ, который такъ не присталъ здоровой русской натурѣ.

— Нужно будетъ побывать у нея сего дня же, рѣшилъ онъ. Будетъ упрямиться, тогда мы за бока вотъ этого шута Броницына и княгиню. Да нѣтъ, я не думаю; къ чему бы повело съ ея стороны это упрямство.

Не считаю лишнимъ прибавить, что побывать у женщины, по мнѣнію Арбатова, значило успѣть у ней. Дѣло въ томъ, что онъ, какъ лунатикъ особаго рода, не зналъ почти никогда на этомъ полѣ препятствій и дѣлалъ вещи, которыя могли бы рѣшительно показаться невозможными для человѣка въ полномъ присутствіи мыслящихъ способностей. Гнулъ подковы, отворялъ двери, для всѣхъ непроходимыя, лазилъ по колокольнямъ и крышамъ, и даже никогда не спотыкался. Его хранила фатальная вѣра въ свой успѣхъ и свои силы. Съ этой вѣрой, наскучивъ великосвѣтскими интригами, онъ останавливалъ теперь свой выборъ на Ольгѣ.

Такъ цѣнили Ольгу Арбатовъ и Броницынъ. Это было вмѣстѣ съ тѣмъ трезвое сужденіе общества. Между тѣмъ вопреки этому сужденію, при событіяхъ, разыгравшихся въ прошлой главѣ, сами собой навязываются вопросы, которыхъ не могла миновать жизнь, а стало быть и писатель, принявшій на себя изображать эту жизнь. Такъ, говорю я, цѣнилъ Ольгу Арбатовъ, которому все удавалось, вездѣ и всегда, который не привыкъ по этому видѣть и понимать ложныхъ положеній въ другихъ; для котораго всѣ люди стояли на своихъ мѣстахъ и не

могли съ нихъ никогда сдвинуться; потому что невидимая рука сдѣлала одного героемъ высшаго общества, другую слабой женщиной. Между тѣмъ жизнь, среди своихъ пестрыхъ столкновеній, поставила судьбу этой женщины передъ судьей совершенно другаго разбора, передъ человѣкомъ, которому, напротивъ, до сихъ поръ мало удавалось, сердце котораго съ молода носило протестъ противъ общества, среди котораго онъ выросъ. Условія этого общества стояли у него какъ ножъ поперекъ горла и мѣшали его свободному дыханію. Онъ долженъ былъ по этому умѣть понимать страданія другихъ немного лучше Арбатова. Мало того, жизнь свела эту женщину съ человѣкомъ, который любилъ ее когда-то достойную и чистую въ глазахъ всѣхъ. Въ низверженіи ея, судьба оскорбила и растоптала, стало быть, собственныя чувства этого человѣка. Какъ онъ долженъ быть смотрѣть на нее?—болѣе—какой оцѣнки, вообще, достойна была эта судьба, насильно опрокинутая въ сферу естественнаго права? Могла ли Ольга, послѣ всего, что прошло надъ ея головой, сохранить любящую и достойную благородной любви душу? Былъ ли ей возможенъ когда нибудь возвратъ передъ лицемъ мало прощающаго общества, или роковымъ, невозвратнымъ затворомъ закрылась за ней дорога, представляя впереди одну свободу разврата и пресыщенія грубыхъ страстей, вмѣстѣ съ позоромъ и презрѣніемъ,—и всякая жертва и рѣшимость помочь ей подняться могла бы только упасть безплоднымъ ярмомъ на чужую жизнь. Могъ ли, словомъ, кто нибудь взять ее теперь подъ руку и сказать всѣмъ: вотъ жена моя, не почувствовавъ въ тоже время подавляющей насмѣшки всѣхъ надъ собою, презрительнаго вызова, который доказалъ бы ему явно, что онъ напрасно связалъ себѣ руки? и не былъ ли бы онъ похожъ въ такомъ случаѣ на печальнаго рыцаря, сражающагося съ крыльями вѣтряной мельницы? Могъ ли бы онъ, по крайней мѣрѣ, послѣ, пожертвовавъ все, унести на край земли людьми оскорбленное чувство съ твердой, справедливой вѣрой, что та въ свою очередь, для которой онъ все забылъ, не оскорбитъ его и не докажетъ его напраслины?—да и въ правѣ ли человѣкъ вообще рѣшаться на такія жертвы; въ правѣ ли онъ проклинать судьбу, потому что она искалѣчила одну жизнь, кидать общество и

рѣзать живыя нити, которыми онъ все таки съ нимъ сросся, потому что оно изувѣчило одно существованіе, которое, къ несчастію, ему было дорого? какъ живой листъ упасть отъ пестрой вѣтви на голую землю вслѣдъ за угасшимъ листомъ, жалѣя о немъ. Развѣ ему не также больно оставить—эту другую любовницу — задушить въ себѣ одну половину жизни, жизнь общественныхъ страстей; какъ оставить на произволъ судьбы въ тѣсномъ домашнемъ углу изнемогающую женщину, къ которой онъ разъ привязался? Можетъ ли онъ, наконецъ, надѣяться, какъ патриціи временъ паденія, забыть весь свѣтъ, погибающій Римъ, на возлюбленной, но опустошенной груди?—Другая жизнь, другіе нравы, другіе люди и другая путаница несется къ концу на фонѣ—и иной закатъ, и иной отвѣтъ, иныя рѣшенія всему,—вѣроятно,—среди него.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, вотъ вопросы, которые опутывали корни завязавшейся игры событій. Посмотримъ теперь, что дѣлалъ въ виду ихъ Бобрищевъ.

Ольга Н. напрасно терзалась въ ногахъ его, въ ночь послѣ праздника Розы. Послѣ этой ночи прошло три недѣли и онъ не простилъ ей. Онъ посѣщалъ ее каждый день;—даже болѣе: почти былъ безвыходно у нея; что было тѣмъ болѣе удобно, потому что графа все это время не было въ городѣ. Ходили слухи, что между ними завязались отношенія тѣснѣе простой дружбы. Онъ изучилъ подробно всѣ частности ея печальной исторіи; но онъ не могъ забыть этой исторіи, и это главное. Встрѣча съ этой женщиной упала свинцемъ на его сердце; оно разболѣлось; *ея* прошедшее легло ярмомъ на его шею, и онъ напрасно боролся, думая высвободить ее. Онъ любилъ *ее*, если хотите, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что это не была та прошлая любовь, которая существовала между ними когда-то,—когда отъ одного взгляда ея въ немъ замирали всѣ горькія волненія, душа теряла прошедшее и будущее, какъ будто въ нее кто то тайкомъ подливалъ все болѣе и болѣе счастія—та жгучая любовь, полная трепетной жизни, отъ которой въ груди, словно разомъ, выростали крылья и несли ее высоко надъ всѣмъ, что валялось внизу, несли ее туда, отъ куда вся роскошь и золото кажутся грязью, люди червями и всѣ ихъ гордыя волненія смѣшными и пошлыми;

когда огнистымъ разсвѣтомъ была полна его душа, и этотъ разсвѣтъ выходилъ изъ нея и заливалъ все кругомъ, до послѣднихъ тумановъ. Той любви, словомъ, для которой нѣтъ ничего труднаго и дурного кругомъ, онъ не чувствовалъ за собою. Онъ видѣлъ теперь, что ему трудно рѣшиться взять на себя судьбу этой женщины; тяжелыя чувства охватывали его душу и угнетали мозгъ, и онъ тщетно старался высвободиться отъ ихъ поразительнаго вліянія. Словно кто-то неотвязчиво шепталъ ему на ухо: «Тебѣ казалось пошлымъ и жалкимъ мертвое теченіе жизни; ты былъ гордъ и самолюбивъ; твоя ребяческая, дикая душа все оскорбляла кругомъ, противъ всего подымала протестъ; ей хотѣлось подняться на трудный подвигъ. Вотъ тебѣ необыкновенное положеніе, критическій запросъ отъ обстоятельствъ; хочешь помѣрять силы, которыя такъ неугомонно до сихъ поръ горячились. Что? ты шатаешся; ты гнешь шею; видно она у тебя не лучше, чѣмъ у другихъ?»—И онъ страдалъ: но не рѣшился сдѣлать до сихъ поръ шага ни чтобъ развязать ложныхъ отношеній Ольги къ графу, ни даже своихъ отношеній къ службѣ. Обстоятельства работали за него, и пока графъ находился въ отлучкѣ, Департаментъ первый вспомнилъ о немъ.

Въ одно утро, внезапный сильный звонокъ разбудилъ его и въ то же время что-то шепнуло ему на ухо слово: курьеръ. Волненіе его еще болѣе усилилось когда сквозь полурастворенную дверь онъ увидѣлъ форменный воротникъ и курьерскую бляху. Ну, дѣло идетъ къ развязкѣ, подумалъ онъ и поспѣшилъ распечатать конвертъ, который былъ ему поданъ. Онъ перечелъ разъ, другой, третій — неожиданное посланіе, и не вѣрилъ глазамъ. Онъ ждалъ формальнаго приглашенія выйти въ отставку, а вмѣсто того его звали на вечеръ къ Его Превосходительству. Долго ходилъ онъ взадъ и впередъ быстрыми шагами по комнатѣ, ломая голову чтобы это могло значить; не ошибка ли, или не мистификація ли ужъ. Въ недоумѣніи дождался вечера и кончилъ тѣмъ, что не поѣхалъ. На другой день онъ съ любопытствомъ пришелъ въ Департаментъ. Здѣсь удивленіе его удвоилось. Всѣ встрѣтили его съ необыкновеннымъ радушіемъ, спрашивали о здоровьѣ, засматривали въ глаза, стараясь будто бы разсмотрѣть не произошло ли въ лицѣ его чего нибудь новаго; но къ удивленію

ихъ онъ былъ все тотъ же. Начальникъ отдѣленія, отъ котораго онъ ждалъ вѣроятно выговора, первый протянулъ ему руку и спросилъ отъ чего онъ такъ мало воспользовался праздниками. Междоумовъ объявилъ, что въ Департаментѣ нечего дѣлать и предложилъ погулять еще денька два, а экзекуторъ, встрѣтивъ его въ дверяхъ, поклонился ему какъ-то двусмысленно вѣжливо. Все это, кончая послѣднимъ поклономъ экзекутора, объяснило ясно Бобрищеву, что оставаться долѣе на службѣ въ этомъ мѣстѣ для него было неловко. Взбѣшенный, онъ ушелъ домой; день за день собирался прислать просьбу объ отставкѣ и такъ протянулъ двѣ недѣли, пока наконецъ Начальникъ отдѣленія не приготовилъ ему громаднаго дѣла, чтобы дать случай выказать свои способности и вмѣстѣ съ тѣмъ высшаго мѣста у себя въ отдѣленіи. Обо всемъ этомъ онъ увѣдомилъ Бобрищева утромъ настоящаго дня, прося зайти его въ Департаментъ. Бобрищевъ вмѣсто Департамента отправился все таки къ Ольгѣ, но ушелъ отъ нея ранѣе обыкновеннаго, чтобы написать наконецъ просьбу и покончить такимъ образомъ со службой.

Было около семи часовъ вечера, когда онъ вышелъ отъ Ольги; четверть часа спустя, сани Арбатова подлетали къ ея подъѣзду.

Арбатовъ не мало удивился, когда швейцаръ сталъ ему отказывать, но онъ не остановился за этимъ.

— Да ты узналъ ли меня, видишь ли кто я такой?.... Поди скажи, что я хочу, что мнѣ очень нужно, что..., понимаешь.... и онъ всунулъ ему какую то монету.

— Понимаю, ваше высокоблагородіе.

И немного спустя Арбатовъ, уже входилъ въ залу.

— Боже! какъ она хороша въ этомъ простомъ нарядѣ! Я ее еще не видѣлъ такою, произнесъ Арбатовъ, завидѣвъ Ольгу, выходившую изъ сосѣдней комнаты.

— Арбатовъ! произнесла та съ удивленіемъ, ожидая, по видимому, встрѣтить кого нибудь другаго.

— Это васъ удивляетъ!

— Нѣтъ.... извините, но признаться я вовсе не васъ ждала встрѣтить; мнѣ доложили со всѣмъ другое.

— Эти люди такъ часто перевираютъ.

— Да! но на этото разъ это вышло довольно странно.

— Ничего нѣтъ страшнаго. Подобный случай вышелъ со мной недавно еще у княгини Б; но тамъ это случилось такъ комически, что стоило бы даже разсказать. Вообразите, тогда меня смѣшали съ старухой Змѣинцевой.

— А теперь съ графомъ З.; одно стоитъ другаго.

— Нечего дѣлать, сказалъ Арбатовъ; если хотите, я вамъ сознаюсь во всемъ, пріѣзжаю, мнѣ отказываютъ. Нужно вамъ сказать, что это со мной случается довольно рѣдко. Я подумалъ, что вы на меня сердитесь, или боитесь меня съ праздника Розы: можетъ быть я вамъ показался тамъ такимъ мужикомъ, я и рѣшился войти во что бы то ни стало, чтобъ убѣдить васъ въ противномъ и помириться съ вами. Для всѣхъ другихъ я могу, можетъ быть, быть невѣжей, не для васъ только.

— Отъ куда столько милости, сказала ободренная Ольга.

Арбатовъ сѣлъ.

— Ахъ, вы не повѣрите какъ надоѣли мнѣ всѣ эти свѣтскія барыни съ своими притворными чувствами и интригами, или эти грязныя куклы какъ Роза. Поневолѣ начнешь имъ дѣлать дерзости и сдѣлаешься невѣжей.

— Что же я такое, какъ не такая же кукла, какъ Роза?

— Откровенно говоря, есть маленькая разница, съ улыбкой отвѣтилъ Арбатовъ. Я у васъ сижу съ пять минутъ, я думаю; мы успѣли сказать по полдесятка фразъ каждый, и вы мнѣ не предложили еще ни картъ, ни вина. Думаете вы что Роза не успѣла бы уже меня обыграть на полсотни?

— О! вы слишкомъ на нее злы сегодня.

— Можетъ быть; я золъ на всѣхъ сегодня; мнѣ съ утра разстроили день. На всѣхъ, кромѣ васъ, конечно, прибавилъ онъ. Нѣтъ не клевещите на себя, отъ Розы васъ конечно съумѣетъ отличить всякій.

— Не думаю, или не всѣ такъ думаютъ, какъ вы, по крайней мѣрѣ.

— Вы странны; будто для женщины возможны только два положенія, или честной жены или куртизанки. Если вы начнете присматриваться къ кулисамъ жизни сколько нибудь, вы безъ труда отыщите съ перваго шага бездну положеній.... Я вамъ

могу насчитать сей часъ же нѣсколько дамъ, которыя не смѣшиваютъ себя вовсе съ Розами.

— Мы съ вами пускаемся, Антонинъ Николаевичъ, въ слишкомъ большія откровенности. Думаете ли вы, что я когда нибудь любила графа? мое положеніе слишкомъ ясно очерчено, чтобъ можно было обманываться въ немъ.

— Вотъ въ этомъ то и вся запинка, что вы попали на графа, который въ васъ видѣлъ жертву своего тщеславія и поставилъ васъ поневолѣ на одну доску съ Бертами, довелъ васъ наконецъ до знакомства съ ними; а у васъ недостало такта не дать ему довести себя до этого.

— Помилуйте! развѣ это для меня была новость. Меня мужъ давно пріучилъ къ ихъ обществу.

— Это ни на что не похоже. Пожалѣйте себя, я вамъ говорю. Вы пропадете вѣдь между ними. Подумайте, развѣ вы родились на одной доскѣ съ Розой?

— Я не знаю гдѣ я родилась; но я увѣрена, что лучше было бы еслибъ я вовсе не родилась. Чтожъ вы хотите, чтобъ я сдѣлала съ собой наконецъ?

— Бросьте вы вашего графа!

— Къ чему это послужитъ? чтобъ назавтра умереть съ голоду? Моложе я можетъ быть была бы способна на послѣднее; теперь я уже слишкомъ убита духомъ. Мнѣ остается кончать то, что начато. Лучше мнѣ не будетъ и не можетъ быть.

— Кто знаетъ. Случается, что и Розы попадаютъ въ княгини. Неужели, еслибъ вы нашли человѣка, который бы оцѣнилъ васъ выше, гораздо выше того, чѣмъ вы сами цѣнили себя сейчасъ, который не вынесъ бы вашего униженія, который полюбилъ бы васъ благородно, съ увлеченіемъ молодости, рѣшился бы наконецъ пожертвовать вамъ всѣмъ; неужели вы бы ему отказали?

— Вы мнѣ задаете странный вопросъ. Знайте, что я никого не въ правѣ больше любить и что никто не можетъ меня такъ полюбить даже.

— Если бъ однако....

— Я не знаю къ чему дѣлать предположенія на вѣтеръ.

— Люди большіе вѣтренники, а судьба еще вѣтреннѣе ихъ.

Могу васъ увѣрить, что это вовсе не такъ не возможно. Представьте себѣ еслибъ я вамъ сказалъ теперь: Ольга Николавна! вы мнѣ нравитесь. Безъ обмана, я вамъ обѣщаю благородное, искреннее сочувствіе; я буду уважать васъ больше, чѣмъ кого нибудь. Будемте жить вмѣстѣ. Что бы вы на это сказали?

— Я бы вамъ разсмѣялась въ глаза, и вы бы вѣроятно также вслѣдъ за мной.

— А если бъ я не разсмѣялся, а напротивъ потребовалъ у васъ серьёзнаго отвѣта.

— Я бы вамъ сказала, что это не возможно; потому что знаю слишкомъ хорошо, что вы ни любить, ни уважать меня не можете.

— Отъ чего же? Вы представьте себѣ, что я могъ знать васъ и привязаться къ вамъ прежде, и что эта любовь пережила то ложное положеніе, въ которомъ я васъ встрѣтилъ бы послѣ. Мнѣ было бы больно и за себя и за васъ вмѣстѣ; или неужели и это невозможно?

Она устремила на него пристальный взоръ.

— Что съ вами? спросилъ Арбатовъ.

— Вы, кажется, принимаете на себя роль лазутчика, сказала она. Полно, честно ли это, Антонинъ Николаевичъ? Если это такъ, я васъ покорнѣйше прошу прекратить эту встрѣчу.

— Успокойтесь! я не былъ шпіономъ; мнѣ нѣтъ дѣла до слуховъ и толковъ. Я не могу вѣрить, чтобъ вы могли рѣшиться опутать мальчишку, котораго вамъ навязываютъ эти слухи. Я вамъ предложилъ, какъ честной человѣкъ, средство выйти изъ вашего смѣшнаго и грустнаго положенія, а впрочемъ какъ знаете.

— И вы думаете, что я могу вамъ повѣрить? Знаю я, чего вы хотите отъ меня; чего вы можете хотѣть только, послѣ предложеній, которыя вы мнѣ дѣлали на праздникѣ Розы.—Благодарю васъ за участіе.

— Ольга Николаевна! повторяю вамъ, сказалъ Арбатовъ, останавливая ее; увѣряю васъ, я буду отказывать женѣ, дѣтямъ;—вамъ не буду отказывать.

— Пустите меня, сказала она. У васъ нѣтъ столько денегъ, сколько я отъ васъ потребую.—

Онъ сдѣлалъ шагъ въ сторону; она вышла.

— Ого! сказалъ Арбатовъ, оставшись одинъ; будь не я теперь, если ты уйдешь отъ меня.

—

— Этого нельзя оставить такъ, думалъ между тѣмъ Бронницынъ въ тотъ же вечеръ, выходя послѣ обѣда отъ Глинской. Право, я люблю этого Бобрищева; но принимать на свою шею всѣхъ его сумасбродствъ, воля его я не стану. Шутка ли пойти на что? на связь съ женщиной, подъ начальствомъ которой онъ, можно сказать, служитъ. Ну, зналъ бы свое мѣсто, ну ѣздилъ бы къ ней наконецъ, какъ всѣ другіе; а то нѣтъ. Со дня на день, того и смотри, что найдется какая нибудь бестія, которой вздумается подслужиться и донесетъ наконецъ. При чемъ же я тогда останусь? Нечего дѣлать; сегодня же нужно будетъ сообщить объ этомъ графу. Княгиня, правда, также, кажется приняла къ сердцу эго дѣло когда я сообщилъ ей; ну да ее ждать нечего. Отъ этого всѣ выиграютъ. Я первый, второй Бобрищевъ, потомъ Ольга, княгиня. Арбатовъ. Фу ты, Боже мой! сколько пользы; и онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, изъ бумажника письмо, нѣжное, раздушенное. Вотъ оно, сокровище, сказалъ онъ, взявъ его двумя пальцами и нюхая. Какъ пахнетъ то, какъ пахнетъ. «Вся твоя, Ольга Н.» прочелъ онъ; а, каково! Подумаешь для чего люди стараются, пишутъ, любятъ, страдаютъ. Для того, чтобъ другіе прокладывали себѣ дорогу; и онъ спряталъ письмо и полетѣлъ Богъ вѣсть куда.

Рано, на другой день утромъ, карета графа З. остановилась у подъѣзда Ольги.

— Eh, bon jour, ma belle, говорилъ вскорѣ за тѣмъ графъ входя и пожимая руку своей возлюбленной. Я немного рано къ вамъ. Извините; къ дамамъ не принято ѣздить въ такую пору.—

— Ольга ничего не отвѣчала и смотрѣла на него молча, расправляя складки своего утренняго платья.

— Какъ здоровье? продолжалъ графъ, не выпуская ея руки и засматривая ей въ глаза. Вы мнѣ кажется не совсѣмъ спокойны, не помѣшалъ ли я вамъ?

— Нисколько, поспѣшила отвѣтить Ольга.

— Вы такъ со мной до сихъ поръ застѣнчивы, что мнѣ страшно даже часто надоѣдать вамъ, ma tourterelle. Вы даже те-

перь какъ будто спрашиваете отъ чего я такъ рано. Нѣтъ, дѣло въ томъ, что женщины имѣютъ особенное свойство все отгадывать. Отъ нихъ ничего не скроешь. Дѣло въ томъ что я имѣю дѣйствительно что то сказать вамъ, но успокойтесь—ничего серьёзнаго. — Позвольте мнѣ прежде сѣсть; въ наши лѣта все дѣлается лучше сидя.

Ольга подвинула ему кресло.

— Дѣло въ одномъ несчастномъ письмѣ которое попало не по адресу, началъ графъ, медленно опустившись въ кресло и направляя руку въ боковой карманъ. Lisez, polissone, прибавилъ онъ, подавая ей письмо.

— Ольга взглянула, судорожной рукой взяла его, догадавшись въ чемъ дѣло и не раскрывая держала. Глаза ея опустились въ смущеніи; она не знала что отвѣчать и что дѣлать.

— Я на васъ не сержусь. Je ne vous en veux pas, сказалъ графъ, дѣлая отрицательный жестъ костлявой рукой. Я для васъ ничего болѣе какъ отецъ. Я васъ люблю какъ дочь и потому имѣю право побранить немного. Я понимаю, что въ ваши лѣта можно имѣть des par-ci par-là; но нужно быть осторожнѣе, особенно съ молодыми людьми. Какъ вы знаете, что между вашими поклонниками не найдется мерзавца, который прямо отъ васъ придетъ мнѣ пересказать все, расчитывая на какія нибудь выгоды. Для нынѣшней молодёжи всякія средства ни почемъ; въ ней нѣтъ ни на каплю благородства.

Ольга молчала; она не знала даже какъ ей принять слова. Признаться, она ждала совершенно другаго тона съ его стороны, болѣе рѣзкаго.

— Я вамъ не мѣшаю; меня даже увѣряли, продолжалъ графъ, перекладывая ногу на ногу, что вы влюблены въ него. Но я знаю вы слишкомъ умны для этого. Въ вашемъ положеніи это было бы непростительно. Вы женщины гораздо хитрѣе чѣмъ думаютъ. Я васъ понимаю, выходите за него, въ этомъ нѣтъ дурного. Я готовъ вамъ дать приданое; и ему также. Послѣ какъ это водится, мы найдемъ ему мѣсто.

— О, что я терплю, произнесла Ольга, понижая голосъ, блѣднѣя и хватаясь за спинку креселъ, въ которыхъ сидѣлъ графъ.

— Не бойтесь; вы не уѣдете съ нимъ продолжалъ тотъ.

но какъ можно менѣе переписки, потому что это уже документъ. Что съ вами? Вы дрожите прибавилъ онъ, оглядываясь на нее. Кажется я не сказалъ вамъ ничего дурнаго.

— Я его люблю, сказала она наконецъ, выходя изъ себя;—дѣлайте со мной все, что въ подобныхъ случаяхъ угрожаетъ женщинѣ, въ моемъ положеніи. Я не дочь для васъ....

— Что васъ заставляетъ думать это, моя красавица? сказалъ графъ ласковымъ голосомъ, гладя ее руку на своей костлявой ладони. Развѣ я когда нибудь осмѣлился бы сравнить васъ.... развѣ я для васъ не дѣлалъ всего? Любите его; я даже и на это согласенъ; но чтобъ это было какъ можно более скрыто, за что жъ, наконецъ, надо мной будутъ смѣяться? Et surtout pas de lettres.

— Развѣ я могу любить кого бы то ни было оставаясь.... какъ есть? развѣ эта любовь можетъ выносить ваши благодѣянія? Поймите, что они мнѣ сдѣлались тяжелы, больше чѣмъ когда нибудь. Чтобы меня ни ожидало, я не могу ихъ принимать болѣе. Во мнѣ всѣ чувства могли исчезнуть, наконецъ, кромѣ гордости. Помните, я родилась на одной ступени съ вами и гдѣ я теперь поставлена. Я не могла до сихъ поръ помириться съ вашими благодѣяніями, а теперь, теперь они мнѣ слишкомъ гадки. Возьмите ихъ назадъ, ради Бога! кончила она, падая блѣдная, изнеможенная на стулъ.

— Вы потеряли голову, сказалъ графъ, подходя къ ней. Чтожъ тутъ унизительнаго. Общество имѣетъ свои условія; ихъ нужно понимать. А вы женщины, вы какъ молодость, васъ увлекаетъ воображеніе. Что вы будете дѣлать, разъ вы меня оставите? У васъ нѣтъ ни одной нитки своей. Этотъ мальчишка васъ броситъ и вы вернетесь къ тому же; можетъ быть хуже. Красота, красота все это хорошо, но это скоро теряется. Эти капризы сердца вамъ не по состоянію. Нужно, въ самомъ дѣлѣ, быть такъ привязаннымъ къ вамъ, какъ я, чтобы оставаться хладнокровнымъ,—сказалъ онъ разгорячаясь.

— Бранитесь! Это будетъ снослѣе и легче для меня, произнесла она она съ трудомъ, подымая на него глаза, больные, страдальческіе.

— Les droits de l'homme ne sont pas encore posés, началъ было графъ, подходя къ ней, между тѣмъ какъ на глазахъ его навер-

тывались слезы; но вдругъ остановился на половинѣ фразы. Видите, сказалъ онъ, вы меня растрогали. Я самъ готовъ плакать; такъ мнѣ жаль васъ . . . Вы не владѣете собой, вы больны, вамъ нужно успокоиться. Я не радъ, что началъ съ вами говорить объ этомъ, въ такую дурную минуту. Подумайте о вашей судьбѣ я вамъ даю все время. Въ другой разъ вы мнѣ дадите отвѣтъ и я надѣюсь, что вы тогда будете благоразумнѣе, кончилъ онъ.

— Развѣ вы не видите моего отвѣта? произнесла она кидаясь на колѣни и опуская голову въ подушку дивана, между тѣмъ какъ слезы захватывали ея голосъ.

— Въ другой разъ, повторилъ графъ, уходя. Эти женщины! ихъ никогда не узнаешь довольно, прибавилъ онъ про себя, уже исчезая въ дверяхъ.

— Ольга подняла голову.

— Онъ ушелъ. Что я надѣлала? думала она. Все равно. Это золото жжетъ меня, эти безсловесные камни унесли мою честь, всѣ права; они оказались убѣдительнѣе всѣхъ языковъ, и она ухватила судорожной рукой за ожерелье, обвивавшее ея шею, оборвала его и съ сердцемъ бросила на полъ. Карета отъѣзжавшаго графа въ то самое время простучала подъ окнами.

Всталъ наконецъ и Бобрищевъ,—взялъ свою просьбу объ отставкѣ и пошелъ въ департаментъ. Швейцаръ привѣтствовалъ его радушнымъ поклономъ.

— Вы изволили получить? на дняхъ была къ вамъ записка, спросилъ онъ, готовясь снять шинель.

— Какъ, когда, отъ кого? Невольно спросилъ Бобрищевъ.—Я ничего не получалъ; я не былъ здѣсь три недѣли.

— Такъ должно быть къ вамъ на домъ отправили.

Бобрищевъ вернулся поспѣшно домой. Здѣсь онъ не нашелъ конечно записки, о которой шла рѣчь. Лакей положительно утверждалъ, что изъ департамента никакихъ писемъ кромѣ тѣхъ, которыя изволили получить передано не было, и вмѣсто того подалъ ему письмо отъ Броницына.

Странное дѣло, подумалъ Бобрищевъ и быстро распечаталъ конвертъ.

Вотъ что писалъ Броницынъ:

Я хотѣлъ къ тебѣ заѣхать самъ, дорогой Дмитрій Николаевичъ, чтобы сообщить кое что касающееся до тебя; но у меня такъ мало свободнаго времени, что я едва имѣю возможность написать тебѣ нѣсколько словъ. Судьба рѣшительно не хочетъ благопріятствовать твоей службѣ. Я всегда готовъ былъ дѣлать что могъ, чтобы помогать твоему ходу; но ты кажется самъ объ этомъ мало заботился. Не мое дѣло конечно мѣшаться въ твои частныя дѣла; но дѣло въ томъ, что одна изъ тѣхъ грязныхъ душъ, которыми изобилуетъ человѣчество, перехватила одно изъ писемъ адресованныхъ тебѣ. Считаю лишнимъ прибавить, что самое лучшее, что ты можешь сдѣлать, это подать въ отставку.

искренно любящій тебя, à toi de coeur.
А. Броницынъ.

P. S. Вчера рѣшена моя свадьба съ княжной Лизой. Княгиня удивляется, что ты медлишь поздравленіемъ и скучаетъ по тебѣ.

— Развѣ я ошибся, произнесъ Бобрищевъ задыхающимся голосомъ, кончивъ письмо и съ сердцемъ сжимая его въ рукѣ. Они, знали, все знали. Все равно; благо дѣло идетъ къ развязкѣ . . и съ этими словами онъ кинулся къ Ольгѣ.

Будто послѣ долгой, тяжелой разлуки кинулись они другъ другу и потомъ остановились глядя, будто стараясь угадать взаимно, по выраженію лицъ, что случилось необыкновеннаго съ каждымъ изъ нихъ съ тѣхъ поръ какъ они не видѣлись.

— Одна изъ твоихъ записокъ перехвачена, сказалъ наконецъ Бобрищевъ, и находится въ рукахъ графа. Онъ все знаетъ.

— Вотъ она, отвѣтила Ольга; онъ былъ у меня. Все кончено между нами.

— Люди хлопочутъ за меня, видишь ли ты, сказалъ онъ, опустивъ голову и руки.

— Что все это значитъ? чье это дѣло, однако?

— Это Арбатовъ, это Броницынъ, это Петербургъ, это всѣ ... да, люди хлопочутъ за меня, повторилъ онъ.

— Брось ихъ и всѣ ихъ дрязги. Скажи только что я могу дать, тебѣ за одну минуту твоего спокойствія. Забудь ихъ;—и она положила обѣ руки къ нему на плечи и прижала голову къ его груди.

— Еслибъ я могъ забыть все прошлое, произнесъ онъ тяжелымъ голосомъ.

— Лице ея покрылось болѣзненнымъ выраженіемъ.

Онъ быстро поднялъ голову, какъ бы опомнившись вдругъ, взялъ ее за обѣ руки и сказалъ:

— Ольга! я не упрекаю тебя. Я самъ себя презираю; я жалокъ, мнѣ измѣняетъ моя природа. Намъ не въ чемъ считаться. Всѣ мы тѣже развратныя женщины. Всѣ мы безъ исключенія стоимъ презрѣнія.

— Ты мнѣ вѣришь Дмитрій? спросила она.

— Боже я не могу самъ себѣ вѣрить, произнесъ онъ про себя. Гдѣжъ та сила, та ясность; отъ чего то, что казалось такъ просто прежде, пугаетъ теперь лицемъ къ лицу съ дѣломъ? Зачѣмъ я не въ силахъ снять съ нея всетаки общественнаго приговора? Ея взглядъ такъ ясенъ; она такъ чисто счастлива мною; она такъ спокойна. Чтожъ я такъ взволнованъ, какъ будто жду чегото съ часу на часъ. Чего хотятъ отъ меня эти предчувствія? и онъ остановился. Другіе кругомъ стараются за меня,— продолжалъ онъ опять; а я измѣняю себѣ, я не могу уронить съ языка одного только слова. Одного только слова, повторилъ онъ, хватаясь за голову и упалъ на стулъ.

ГЛАВА V.

—

Такъ покончилъ Бобрищевъ со службой, Ольга съ графомъ; но этимъ далеко не развязались петли того нравственнаго узла, который лежалъ въ зернѣ развертывавшейся драмы, къ которому примыкали всѣ лица, выведенныя до сихъ поръ на сцену и какъ въ фокусѣ сходились всѣ событія. Онъ, напротивъ, еще болѣе затянулся, а положеніе Бобрищева и Ольги стало еще

болѣе ложно, трудно, неразрѣшимо. Въ помощь ему, можно сказать на смѣну службы и графа примѣшались Арбатовъ и Глинская и стали хлопотать, каждый въ своихъ видахъ, о развязкѣ. Арбатову хотѣлось забрать въ свои руки Ольгу, Глинская боялась за сумазбродство племянника, за неисправимый ложный шагъ съ его стороны. Она не могла простить, вмѣстѣ съ тѣмъ, предпочтенія, отданнаго Бобрищевымъ Ольгѣ и двойное чувство опасенія, съ одной стороны, злобы и ревности съ другой поставило ее въ прямой, тѣсный союзъ съ Арбатовымъ. Въ серединѣ стоялъ Броницынъ, какъ капельмейстеръ махая на право и на лѣво своей черной палочкой; угождая всѣмъ и себѣ всего болѣе, изобрѣтая и соображая пригодныя средства.

Такъ, мало по малу, зрѣла и развивалась эта интрига въ тайнѣ, бокомъ пробираясь по всѣмъ правиламъ стратегіи къ непріятельскому лагерю. Поражающимъ орудіемъ Броницынъ признавалъ, клевету, какъ вѣрнѣйшее осадное средство противъ человѣческаго сердца; но онъ молчалъ о своихъ предположеніяхъ. Княгиня шла другимъ путемъ. Арбатовъ ничего не придумывалъ, во всемъ полагаясь на союзниковъ. Обстоятельства обѣщали свою долю новыхъ и можетъ быть рѣшительныхъ фактовъ. Подготовляя ихъ, дни бѣжали одни за другимъ. Остановимся на одномъ изъ нихъ.

Новое утро размѣтало, также, какъ и предъидущія свои отравляющіе туманы, повысило температуру на нѣсколько градусовъ и полило оттепель на грязный снѣгъ, сильнѣе вчерашняго. Удивленный еще разъ отсутствіемъ морозовъ отъ которыхъ птицы падаютъ въ воздухѣ, недовольный городъ поплелся и поползъ по мокрымъ тротуарамъ и лужамъ, понесся въ разные концы по снѣжнымъ выбоямъ и ямамъ, стуча вчастую о голый камень полозьями саней и возковъ. Между тѣмъ крещенскій морозъ готовъ былъ явиться съ часу на часъ, какъ званый гость и сѣсть прямо на грудь и горло очень многимъ изъ недовольныхъ, вмѣстѣ съ безсильнымъ солнцемъ, поднять гололедицу по всѣмъ путямъ и отправить съ легкой руки по раскатистой, скользкой дорогѣ лишніе десятки дрогъ въ право и въ лѣво, на всѣ четыре стороны изъ города. Стоило бы только

повернуться флюгеру на Адмиралтейскомъ шпицѣ и въ два часа земля побѣлѣла бы и трескучій морозъ перебилъ бы на половинѣ начатую гостинымъ льстецомъ фразу объ оттепели.

Отъ адской дороги и грязи не было спасенія на самомъ Невскомъ. Несмотря на то Корсо былъ, какъ всегда, полонъ народа, и всякаго народа. Онъ какъ извѣстно, у насъ все: ристалище для конскихъ бѣговъ съ препятствіями, мѣсто аристократической прогулки и нищенства, пріятная дорога на биржу и на Смоленское кладбище, путь для тяжестей и ломовыхъ телегъ всякаго рода и будуаръ для объясненій. Здѣсь торговля, служба и бездѣлье и любовь, и страсть къ порядку и безпорядокъ; публичная выставка тщеславія и выставка варварства и шарлатанства на французскомъ языкѣ, въ перчаткахъ gris de perle; взглядъ на жизнь однимъ глазомъ, съ ногами поднятыми выше головы,—съ блестящихъ, подвижныхъ троновъ, изъ салоповъ шотландскаго бархата и собольихъ шубъ, изъ зеркальныхъ оконъ трактировъ, магазиновъ и кандитерскихъ; и самая жизнь въ дырявыхъ тряпкахъ и потертыхъ овчинахъ, въ вицмундирахъ на голое тѣло и въ батистовыхъ рубашкахъ; на рысакахъ и дорогихъ колесахъ.

На этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, все это было здѣсь отъ единственной, можетъ быть, въ цѣломъ мірѣ кареты съ двумя гайдуками на запяткахъ до оборваннаго собачника; отъ дипломата Щелкунова съ колѣнями на англійскихъ рессорахъ, выбѣжавшаго показаться вдовѣ генералъ маіора К. и вмѣстѣ съ тѣмъ вдовѣ нѣсколькихъ Щелкуновыхъ, до дипломата, лавирующаго возлѣ кармановъ и вдовы съ несчастнымъ ребенкомъ, спящимъ подъ дребезжаніе шарманки, которую она вертитъ; отъ позавтракавшихъ до красноты лица офицеровъ до голодающихъ собакъ. И все это шло, то важно выступая будто говоря: «смотрите на меня, сударыни; я молодецъ; другіе хуже, ей Богу хуже;» то торопясь и спѣша съ досадой и желчью въ лицѣ, прямо говорящемъ: «пустите меня; я спѣшу, я весь промокъ отъ сырости; мнѣ ѣсть хочется;» то просто зѣвая, едва двигаясь, съ родственнымъ участіемъ поглядывая на крючки и петли фонарей.

Между тѣмъ, въ нѣсколькихъ шагахъ вбокъ, носятся мимо,

взадъ и впередъ, бѣшеныя пары съ крикомъ и гиканьемъ, ломая мостовую и принимая иногда живыхъ людей за постилку для колесъ. Съ неимовѣрнымъ искусствомъ все таки и ловкостію летятъ, не зная препятствій и страха. Флора переогняется съ Бертой; Берта съ Клемансъ; послѣдняя съ Погребковымъ; Погребковъ съ какимъ то извощикомъ, извощикъ съ гусаромъ; гусаръ опять съ Бертой и. т. д. Одни ломовые, флегматически, цугомъ тянутся шагомъ, но и тѣ вдругъ заразятся примѣромъ Флоры или гусара и полетятъ вскачь, завидѣвъ полицію. Вдругъ толпа среди улицы; крики, суета полиціи, сломанное колесо, фонарь или сломанный человѣкъ; городовые хватаютъ за уздцы лошадь какого нибудь Свѣчкина; тотъ кричитъ, не даетъ, ругается и ходячій живой порядокъ тщетно суется возлѣ въ каскахъ и тесакахъ, только еще усиливая сумятицу.

Среди всего, Глинская косится отъ гостинаго двора къ англійскому и другимъ магазинамъ, закупая приданое для Лизы, перенося свою любезность отъ гостинодворцевъ, къ дипломатамъ-жидамъ магазиновъ солнечной стороны. Показывается Броницынъ на сѣромъ рысакѣ, съ портфелемъ, туго набитымъ нѣсколькими дестями бѣлой бумаги, который онъ старается держать такъ, чтобъ онъ былъ видѣнъ со всѣхъ сторонъ. Онъ убѣжденъ,, что всѣ его замѣчаютъ и поглядываютъ на него съ завистью, особливо съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался женихомъ княжны Мирской. Арбатовъ еще спитъ; но за то встала уже и разодѣлась впухъ Роза, и опытный глазъ многихъ узналъ издали легкій, плетеный корпусъ ея щегольского фаэтона, сѣрыхъ рысаковъ въ золотой сбруѣ, цвѣтныя возжи въ рукахъ бородатаго кучера и маленькаго грума въ желтой ливреѣ, ея салопъ пестраго бархата и дорогіе соболя; словомъ всю богатую, царапающую глаза прихоть, въ которой каталась эта модная женщина.

Коляска Розы сдѣлала два конца взадъ и впередъ, потомъ повернула въ боковую улицу и забросавъ грязью нѣсколько десятковъ саней, попавшихся на встрѣчу, остановилась у подъѣзда Ольги. Дорогая красавица легко выпрыгнула; сказала что то высаживавшему ее груму, что заставило разъсмѣяться не только его, но и кучера, что вѣроятно заставило бы разсмѣять-

ся всякаго, кто бы ни случился около, и побѣжала по лѣстницѣ.

— Ольга, мой другъ, какъ я рада тебя видѣть, говорила она затѣмъ; входя въ спальню къ послѣдней; наконецъ то я застаю тебя. Я была у тебя два раза и ты меня не приняла, или тебя не было дома. Le diable le connait. Потомъ ты перемѣнила квартиру. Я также хочу мѣнять свою, несносно вторую зиму жить въ одной и той же. Какъ у тебя здѣсь мило, продолжала она; цвѣтовъ,цвѣтовъ сколько. Кто это тебя убралъ, неужели Арбатовъ?

Роза очень хорошо знала кто, и съ умысломъ назвала Арбатова.

— Арбатовъ—повторила Ольга. Я даже не знаю что съ нимъ.

— Нѣтъ, онъ слишкомъ былъ бы скупъ для всего, что здѣсь есть, перебила Роза. Кто же? продолжала она; не графъ же наконецъ. Ты съ нимъ поссорилась и хорошо сдѣлала; для меня онъ былъ невыносимъ своей приторностію. Говори, кто же? или это тайна?

— Тайна, повторила Ольга. Никто пока. Ты видишь, я живу гораздо скромнѣе прежняго: у меня нѣтъ ни швейцара ни такихъ ковровъ; я почти нигдѣ не показываюсь. Живу тѣмъ, что осталось, а впереди, что Богъ дастъ. Наше положеніе страшно, сказала она, кидая на Розу тяжелый взглядъ.

— Полно, кто хочетъ, можетъ всего бояться. Бываетъ много кому хуже чѣмъ намъ. Теперь, хорошенькая женщина, если она дурно живетъ, сама виновата. Намъ теперь лучше, чѣмъ кому нибудь. На нашей улицѣ праздникъ. Намъ все позволено, намъ нечего скрывать ma foi; тогда какъ эти порядочныя женщины просто жалки. Кто женится на нихъ? тотъ, кто но на насъ промоталъ и карманъ и здоровье. Намъ золото, имъ долги, намъ вино, имъ воду; намъ молодость, имъ истощеніе; намъ праздники, имъ скука; намъ свѣтъ, имъ тюрьма. Ma foi! j'ai tiré ça d'un roman, mais c'est vrai. Нѣтъ, право бываютъ положенія хуже нашего. Фу, какъ мнѣ жарко однако; вели мнѣ дать чего нибудь прохладительнаго.

— Чего прикажешь?

— Всего лучше du Chypre, еслибъ было; или нѣтъ, просто Perkins Stout, съ сыромъ, это очень здорово, и папиросу, крѣпкую.

Портеръ былъ скоро поданъ, папиросы также. Роза разлеглась на диванѣ и принялась пить и курить.

— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ теперь вдовствуешь, сказала она, кончивъ до половины первый стаканъ. Tiens, à propos, въ городѣ на твой счетъ носятся совсѣмъ другіе слухи.

— Да!

— Говорятъ, ma chère, что ты будто бы завлекла одного юношу изъ тѣхъ, которые были у меня наканунѣ новаго года; что ты изъ-за него поссорилась съ графомъ, и что онъ на тебѣ женится.

— Право! я вижу, обо мнѣ заботятся.

— Гмъ! Ничего нѣтъ удивительнаго: ты одна изъ лучшихъ женщинъ въ городѣ. Когда я говорю—женщинъ, я понимаю насъ; потому что все остальное—все остальное съ нѣкоторыми исключеніями—Графиня Р. напримѣръ. . . . .
. . . . . Да еще, я тебя увѣряю, не менѣе охотниковъ попасть въ домъ къ Розѣ, чѣмъ къ графинѣ Р.; и потому когда говорятъ, что быть принятымъ у этой графини значитъ быть принятымъ вездѣ, это вездѣ все таки значитъ кромѣ Розы. По этому, прибавила она смѣясь, жениться на тебѣ—своего рода положеніе.

— И кто распускаетъ такіе нелѣпые слухи?

— Какъ всегда, всѣ; но я сейчасъ поняла, что ты слишкомъ умна и добра вмѣстѣ, чтобы рѣшиться одурачить и завлечь до женитьбы юношу; рѣшиться играть человѣкомъ молодымъ и красивымъ, почти ребенкомъ. За что наконецъ? что онъ тебѣ сдѣлалъ?—Шло бы дѣло еще о какомъ нибудь смѣшномъ старикашкѣ....

— Такъ ты думаешъ, что молодой человѣкъ, какъ бы онъ нибылъ заинтересованъ женщиной въ нашемъ положеніи, не въ правѣ рѣшиться! Признаться, мнѣ кажется что это на тебя не похоже.

— О, согласись однако, что это не можетъ назваться успѣ-

хомъ въ жизни. На мои глаза всякая сватьба нелѣпа, а такая въ особенности. Подумай, outre les misères domestiques онъ мѣста не найдетъ отъ упрековъ и насмѣшекъ. Онъ будетъ не шутя смѣшенъ, жертвуя всѣмъ для того, что пріобрѣтается гораздо легче. Да и ты сама, развѣ ты могла бы уважать его и внутренно не смѣяться надъ такимъ дурачкомъ! Allons donc, ma chère; нужно понимать вещи какъ онѣ есть....

— Успокойся; я конечно сама такого же мнѣнія, отвѣчала Ольга.

— Я бы тебѣ не совѣтывала даже, продолжала Роза, поддерживать сколько нибудь эти толки. Они могутъ поднять на ноги всю его родню, и тогда, ты знаешь, ce qu'on fait avec nous autres femmes. Vite, marche, въ двадцать четыре часа изъ города, особливо теперь, когда ты развязалась съ графомъ. Да что бы ты выиграла наконецъ? Нравственной женой ты быть больше не можешь. Эта роль уже не для тебя: она невозможна для женщины, которая разъ испытала нашу свободу. Черезъ мѣсяцъ ты бросила бы мужа.

— Во всякомъ случаѣ вышло бы на одно. Ты слишкомъ права. Не я, такъ онъ меня бросилъ бы.

— Я думаю; если они съ порядочными женщинами не церемонятся. И потомъ эта вѣчная обязанность благодарности неизвѣстно за что. Нѣтъ, ma chère, это никуда не годится.

Ольга задумалась и опустила полный тяжелой грусти взоръ. Раскраснѣвшаяся отъ портера, живая беззаботная Роза, въ густомъ облакѣ табачнаго дыма, своей суровой, неотразимой правдой наступила, можетъ быть, на смутныя, недоговорившіяся еще, но взывавшія къ прошлымъ надеждамъ, волненія сердца.— Я тебя заставила задуматься, кажется, моя милая, сказала Роза, вставая и подходя къ зеркалу. Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ. У тебя много новыхъ вещей? спросила она. Ты знаешь, это моя страсть новыя вещи.

— Между тѣмъ глаза ея бѣгали въ разныя стороны, какъ бы отыскивая и соображая что-то, и вдругъ остановились на небольшомъ ящикѣ, стоявшемъ на сосѣднемъ столѣ, заблестѣли, и улыбка удовольствія пробѣжала по губамъ красавицы.

— Все, что я вижу, мнѣ кажется уже знакомо, равнодушно

продолжала она, направляя лорнетъ и обходя стѣны. Вотъ это что-то новое, сказала она, вдругъ останавливаясь надъ ящикомъ, замѣченнымъ ею прежде.

Вопросъ этотъ видимо озадачилъ Ольгу.

— Это... Это, отвѣтила поспѣшно Ольга, подарокъ Гр.

— Ахъ, это интересно, сказала Роза; покажи пожалуста. И раньше, чѣмъ Ольга успѣла отвѣтить что нибудь, она повернула замокъ и открыла ящикъ. Боже! какъ это мило, какая прелесть, съ какимъ вкусомъ! Неужели тебѣ это графъ подарилъ? Наконецъ я нашла, что мнѣ было нужно, чего я долго искала. Ангелъ, Ольга, душечка! изъ дружбы къ чему хочешь, дай мнѣ эти брилліанты на одинъ часъ, не больше, я отъ тебя же полечу къ ювелиру. Я непремѣнно хочу мои отдѣлать также,—и она продолжала упрашивать.

— Ольга не знала что отвѣчать. Ей видимо не хотѣлось давать брилліантовъ; но она не находила предлога къ отказу, ни средствъ извернуться изъ труднаго положенія.

— Такъ я беру ихъ, сказала Роза, пристально глядя на нее.

— Нѣтъ, рѣшилась теперь отвѣтить Ольга. Проси у меня все, что хочешь, все, что видишь, кругомъ; но этихъ брилліантовъ я тебѣ дать не могу.

— Это хорошо! Отъ чего такое исключеніе?

— Я тебѣ солгала; будь это подарокъ гр., я бы не заикнулась; но они мнѣ дороже всякой памяти.

— Эти брилліанты тебѣ подарилъ Дмитрій Николаевичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вскрикнула Ольга. Ты откуда знаешь?

— Роза значительно посмотрѣла на нее.

— Видишь, сказала она; городскіе слухи имѣютъ, значитъ, кой какія основанія. Ты напрасно отъ меня скрываешься; я пріѣхала къ тебѣ, чтобы сдѣлать доброе дѣло. Мнѣ, конечно, не нужны твои игрушки. Тебѣ готовятъ непріятности, другъ мой. Арбатовъ далъ слово выгнать отсюда Дмитрія. И онъ его выгонитъ навѣрно. Онъ кричитъ на весь городъ про связь его съ тобой; онъ вчера уговаривалъ Глинскую, его тетку, принять полицейскія мѣры противъ тебя. И не далѣе, какъ вчера же, онъ совѣтывался съ Броницынымъ у меня вечеромъ по этому дѣлу. А эта ящерица куда она только вмѣшается.... Въ городѣ толь-

ко и говорять о васъ. Я тебя предупреждаю, ты дурно кончишь.

Какія низости, произнесла Ольга, задрожавъ и блѣднѣя. Чтоже мнѣ дѣлать; всѣ противъ меня.!—Роза, другъ мой, продолжала она, ухвативъ ее за руку; помоги мнѣ. Чѣмъ бы я ни кончила, забыть его, потерять его послѣднее участіе, это смерть для меня.

— Ah bah, сказала Роза; vous êtes folle, ma chère, de risquer tout pour un vaurien. Мой откровенный совѣтъ тебѣ, если ты дорожишь имъ сколько нибудь,—это какъ можно скорѣе закрыть двери этому мальчишкѣ и помириться съ Гр... Сколько я не читала романовъ, ни въ одномъ не выходило ничего добраго изъ такихъ отношеній, какъ ваши.

— Развѣ это въ моей силѣ?

— Я думаю. Есть убѣжденія, противъ которыхъ трудно устоять. Покажи ему, наконецъ, что у него нѣтъ столько денегъ, сколько у другихъ, если на то пошло. И ты сдѣлаешь еще хорошее дѣло.

— За что же я буду лгать на себя? Развѣ на мнѣ мало еще лежитъ дурнаго.

— Чтобъ вывести себя изъ ложнаго положенія. Ты ослѣплена; у тебя все какія-то надежды.—Имъ не дадутъ хода ни въ какомъ случаѣ. Послушайся меня, reépousez vorte vieux: мы сегодня же отпразднуемъ, и тебѣ нечего будетъ бояться.

— Это выше силъ моихъ, произнесла Ольга, блѣдная, опуская руки. Ты знаешь ли что такое гордость и страсть? у меня нѣтъ смысла; я съумасшедшая; но я не могу помириться съ моимъ положеніемъ, и я знаю, что я люблю этого человѣка, какъ ни одна женщина не будетъ любить его.

— Дѣлай въ такомъ случаѣ; какъ знаешь; я, признаться, болѣе надѣялась на тебя.

— Я ничего не соображу; у меня голова идетъ верхъ дномъ. Можетъ быть ты права, но и я права также; можетъ быть я кончу тѣмъ, что ты мнѣ совѣтуешь; но гдѣ найдти въ себѣ силу отказаться отъ всего. Останови ихъ, заставь дать мнѣ сроку нѣсколько дней, нѣсколько дней только.

— Я тебѣ совѣтую торопиться, сказала Роза, потому что они не дадутъ тебѣ отсрочки.

— Нѣтъ! все будетъ напрасно. Я никогда, никогда не найду этой силы. Кто,—кто бы нашелъ ее! Она упала на диванъ и зарыдала.

Роза уѣхала.

На порогѣ съ ней встрѣтился Броницынъ. Съ своимъ портфелемъ, набитымъ туго бѣлой бумагой, въ качествѣ вывѣски о множествѣ занятій, онъ такъ торопился, что чуть не сшибъ ее съ ногъ. Они только перекинулись нѣсколькими словами и, вслѣдъ за тѣмъ Броницынъ вошелъ почти насильно къ Ольгѣ.

— Извините, сказалъ онъ ей; входя на цыпочкахъ, но дѣло очень важное для васъ. Пожалуйста, не церемоньтесь, лежите; я у васъ свой человѣкъ.

— Что вамъ еще нужно? спросила Ольга, не поворачивая головы.

— Дѣло очень важное, повторилъ Броницынъ;—и при томъ у меня право такъ много хлопотъ,—я женюсь на Княжнѣ Мирской,—что я никакъ не могъ ожидать. Графъ поручилъ мнѣ передать вамъ вотъ эту записку.

— Хорошо, оставьте, сказала Ольга.

— То есть не графъ просилъ, а я самъ вамъ привезъ ее, Ольга Николаевна; я на счетъ вашихъ отношеній къ Дмитрію Николаевичу.

— Вамъ до нихъ что еще за дѣло?

— Мнѣ жаль васъ просто; вы посмотрите, что еще противъ васъ подымается. Я, собственно, для того пріѣхалъ, чтобы предупредить васъ.

— Ахъ, дайте мнѣ срокъ; вы видите, я ничего не могу понять теперь.

— Повторяю вамъ, Ольга Николаевна, дѣло не терпитъ отлагательства. Вамъ нужно рѣшиться на что нибудь. Княгиня Глинская хлопочетъ объ удаленіи васъ изъ города. Вотъ ея письмо къ Графу по этому предмету. Я не могъ не сообщить вамъ объ этомъ. Пока вы еще можете предупредить такую непріятную мѣру ......вспомните о томъ, кѣмъ вы были облагодѣтельствованы.

Онъ замолчалъ.

Ольга также молчала. Она взяла холодной рукой письмо, взглянула и также скоро опустила руку, не отвѣтивъ ни слова. Холодный потъ только покрылъ лице ея, и глаза помутились.

— Чтожъ вы скажете? спросилъ Броницынъ, наскучивъ молчаніемъ.

— Дайте мнѣ покой теперь, когда вы наконецъ все сказали,— съ вашими доносами и чужими письмами, отвѣтила она, подымая съ трудомъ голову и обращая глаза на него.

Броницынъ взглянулъ на нее теперь. Волоса ея были раскинуты по плечамъ; блѣдная, изнемогающая, вся дрожа отъ страха и волненія, она напомнила ему вечеръ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, и въ темномъ углу пятаго этажа изступленную красавицу. Ему стало неловко; онъ невольно опустилъ глаза и вышелъ.

Нѣма, въ какомъ то изнеможеніи, осталась она одна, вперивъ куда-то неподвижно глаза. Все теперь было на лице: угрозы и сила. Съ ума теперь сойдти оставалось, или отравиться, или послушаться совѣтовъ Розы. Вотъ была задача. Еслибъ она могла упасть еще на колѣни… И этого исхода небыло. Душа могла только проклинать красоту, все, прошедшее и настоящее, до послѣднихъ святыхъ чувствъ, которыя въ ней уцѣлѣли. Истерика захватила ей, наконецъ, горло, и она упала на полъ безъ чувствъ.

— Броницынъ все стоялъ за дверью; онъ вошелъ теперь бережливо, повернулся, отперъ ящикъ, который недавно отворяла Роза, схватилъ брилліанты, опять заперъ, позвонилъ дѣвушку и вышелъ. Глаза его горѣли неизъяснимымъ удовольствіемъ; въ груди спиралось дыханіе отъ непонятной радости.

— Victoire! произнесъ онъ, и скорыми шагами побѣжалъ къ выходу.

— Не подозрѣвая ничего рѣшительно, не зная ни о проискахъ Княгини, ни о намѣреніяхъ Арбатова, между тѣмъ какъ описанныя сцены происходили съ утра въ домѣ Ольги, Бобрищевъ сидѣлъ у себя дома, праздно глядя въ запыленныя окна. Мрачный день потухалъ за плоскими строеніями Васильевскаго острова, и онъ провожалъ его съ тѣмъ тяжелымъ спокойствіемъ, съ которымъ часъ за часъ значительная доля нашего поколѣнія пережи

вала свои бѣдные годы. На улицѣ, передъ его глазами, повторялись съ несносной точностію все однѣ и тѣже старыя картины. Проходилъ караулъ солдатъ, одинъ, другой, третій, за ними проѣзжала карета, изъ нея выглядывалъ чиновникъ и опять тоже; затѣмъ часы били въ крѣпости, передъ глазами выросталъ будочникъ. Онъ могъ видѣть, какъ въ тоже время показывались возы съ дровами, какъ рука благочинія сперва косилась, потомъ, подбѣжавъ, схватывала нѣсколько полѣнъ въ охабку и удалялась; какъ проходившія въ то же время двѣ нищія физіономіи съ завистью смотрѣли въ слѣдъ полицейскому. А онъ искалъ свѣтлаго пятна кругомъ. Ни сильнаго свѣта, ни сильной тѣни; все затянуто сѣрымъ, холоднымъ тономъ смеркающагося дня; все блѣдно и вяло. И ему казалось, что не напрасно этотъ сѣрый день повисъ на небѣ; что не оно виновато въ немъ, а что самая жизнь, надъ которой оно раскинуто, не въ силахъ отражать другихъ красокъ. Что все такъ же какъ будто смеркается въ ней, но не можетъ вмѣстѣ тѣмъ перейдти въ ночь; носитъ печать разрушенія, но не рушится; едва занявшись, не въ силахъ освѣтиться и подняться высоко и стройно, а осуждено на вѣчную посредственность, такъ же, какъ этотъ туманный день, съ утра смеркающійся, съ утра безсильный и мертвый. Напрасно звалъ онъ на помощь молодые порывы собственнаго сердца, надежды на темную будущность, на скрытыя, незаявившіяся силы. Его душа съ каждымъ днемъ, казалось, теряла молодую вѣру въ себя передъ обстоятельствами, высказывая усиленные упреки и проклятія обществу, среди котораго возможны такія явленія, какъ случай Ольги. Но отступить окончательно передъ этимъ случаемъ, склониться передъ обстоятельствами онъ не могъ ни по своей природѣ, ни по понятіямъ. Бѣжавъ разъ, ему бы оставалось по этимъ понятіямъ или принять цѣликомъ всѣ professions de foi людей, противъ которыхъ онъ протестовалъ постоянно, убѣдившись въ несостоятельности своихъ стремленій пойти вслѣдъ за Бронницынымъ или доживать въ тяжеломъ, неисцѣлимомъ разладѣ съ собою.

Было почти совершенно темно; фонарщикъ, напившись полускипидара, полуспирта, прошелъ мимо, зажигая рожки, когда онъ спросилъ шинель и вышелъ.

— Эге! Александръ Сергѣевичъ! куда вы спѣшите? кричалъ

онъ теперь, останавливая Броницына, выходившаго отъ Ольги, въ послѣдней залѣ. Мы съ тобой такъ давно не видѣлись, продолжалъ онъ.

— Ахъ это ты! очень радъ. Въ Петербургѣ это вещь очень обыкновенная.

— И еще болѣе обыкновенная, когда избѣгаютъ встрѣчи. Право я могу подумать, что ты на меня сердишься.

— Помилуй!

— Или боишься; одно изъ двухъ.

— Я не знаю, что тебѣ дастъ поводъ дѣлать такіе выводы.

— Что мнѣ дастъ поводъ? съ улыбкой повторилъ Бобрищевъ. Тото и есть, любезный; затѣять дѣло, на это ты мастеръ, а выдержать его до конца, на это у тебя не достаетъ смѣлости. Молодъ ты, братъ, еще. Нужно бить людей, если ты хочешь, чтобъ они тебя уважали; а ты все у нихъ, какъ будто бы просишь прощенья. Перестань! я на тебя не сержусь. Тебѣ хотѣлось подслужиться,—ты перехватилъ письмо и донесъ; это твоя обязанность. Спрашиваю я тебя, чтожъ тутъ такого, чтобъ послѣ пугаться и бѣгать человѣка, которому ты напакостилъ? Это такъ обыкновенно, что всякій сдѣлалъ бы тоже на твоемъ мѣстѣ. Кто не готовъ на все, тотъ не готовый человѣкъ. Это твои же слова, кажется.

— Послушай! у меня есть свои правила и свое благородство.

— Полно! Какія у тебя правила! Ты ли останавливаешся за такими пустяками. Не знаю какъ ты а я бы не удивился еслибы ты сего дня же обокралъ меня.

Броницынъ поблѣднѣлъ.

И завтра не менѣе прилично бы тебя встрѣтилъ; по тому что я увѣренъ, что ты отъ этого не менѣе горячо меня любишь. Не правда ли?

— Дѣйствительно; нужно знать тебя, какъ я тебя знаю, чтобы прощать тебѣ..... и позволять говорить.

— Видишь, что̀ я сказалъ! У тебя слезы готовы навернуться

на глазахъ. Мнѣ страшно за тебя, у тебя такое сердобольное, чувствительное сердце. Избѣгай, ради Бога, привязанностей.

— Пожалуйста, не заботься обо мнѣ. Я вотъ женюсь на княжнѣ Мирской, а ты....

— Знаешь ли ты, однако! У людей....

— Мое почтеніе! сказалъ Броницынъ, намѣреваясь выдти.

— Стой! остановилъ его Бобрищевъ: ксажи ка сперва чего ты искалъ здѣсь еще? сказалъонъ, возвышая голосъ.

— Улыбка нахальнаго удовольстія и торжества пробѣжала по устамъ Броницына.

— Чего я искалъ? Вотъ чего, отвѣтилъ онъ, вынимая записку Глинской, которую онъ показывалъ Ольгѣ.

Бобрищевъ прочелъ и сжалъ бумагу отъ злости.

Броницынъ вышелъ.

Онъ кинулся къ Ольгѣ.

Можно приблизительно угадать, въ какомъ состояніи онъ засталъ ее. Лежа въ креслахъ, лицемъ въ подушку, обѣими руками схватившись за голову, она видимо не успѣла еще совершенно придти въ себя. Замѣтивъ его, она быстро повернулась и встала, стараясь скрыть тяжелое волненіе и принять спокойный видъ; но напрасно. Она оставалась блѣдна; онъ взялъ ее за руку, эта рука дрожала и была холодна.

— Что съ тобой? невольно спросилъ онъ; ты блѣдна, ты вся дрожишь.

— Ничего; это пройдетъ, теперь мнѣ легче. Видишь, я смѣюсь, и она пыталась сдѣлать послѣднее усиліе надъ собою, чтобы улыбнуться; но вмѣсто того опустила голову на его руку и заплакала.

Онъ сталъ на колѣни, безсознательно повторяя нѣсколько разъ все тотъ же вопросъ.

— Ты ничего не знаешъ, сказала она, наконецъ. Я тебя завлекла, я тебя проматываю, я хочу обойти тебя кругомъ, выйти за тебя. Мнѣ грозятъ, меня упрекаютъ. Я не знала сама, что дѣлала, рѣшаясь видѣться съ тобой.

— Они ничего не пощадили. Люди! гдѣ ваша совѣсть, сказалъ онъ, закрывая глаза и хватаясь за голову. Ты меня завлекала? Ты меня погубила? Я люблю тебя больше, чѣмъ думалъ; больше чѣмъ выноситъ людская гордость. Кто смѣетъ грозить тебѣ? Люди? Они ничего не могутъ надъ тобой; я возлѣ тебя, я люблю тебя, повторялъ онъ, прижимая ея руку къ сердцу и стараясь ее успокоить.

— Не они, сила все можетъ, противъ насъ всѣ, насъ толкнутъ врозь; меня задушатъ если нужно.

— Сила! гдѣ она, въ чемъ? или ты не видишь, какъ безсильно сдѣлалось все? Одна сила деньги. Успокойся; онѣ сдѣлаютъ что нужно, онѣ зажмутъ рты и свяжутъ руки. Всему есть оцѣнка; нѣтъ предразсудка, котораго нельзя бы было размѣнять на гроши, намъ будутъ кланяться; тебя будутъ уважать.

— Нѣтъ! все будетъ напрасно; брось меня. Ты только даромъ будешь мучиться.

— Что жъ я дѣлалъ до сихъ поръ? У меня съ дѣтства ножъ въ горлѣ, и я дышалъ же. Гдѣ наконецъ убережется человѣкъ отъ оскорбленій, ему все трудно; вездѣ боль и мука одной природѣ все шутка и все легко. Онъ нигдѣ не найдетъ угла безъ борьбы и горя. Тѣмъ хуже тому, кто не умѣлъ терпѣть, кто разъ бѣжалъ отъ чего нибудь, тотъ......

— Боже! я умру скорѣе, произнесла она замирающимъ голосомъ.

— Кого вразумитъ твоя смерть? Еслибъ одинъ подлецъ задыхался отъ смерти двухъ честныхъ людей, была бы причина умирать еще. Скорѣе измѣнить всему. Лучше отошли этотъ пакетъ къ графу, прибавилъ онъ, вынимая полновѣсный конвертъ за печатью. Здѣсь все, что ты должна ему. А о княгинѣ не безпокойся; я ей зажму ротъ не позже, какъ сей же часъ.

Было около восьми часовъ. Гостиная Глинской была скромно освѣщена одной настольной лампой. Сама княгиня сидѣла въ креслахъ, зѣвая и дымя папироску, усталая отъ дѣловаго утра, которое все прошло въ бѣготнѣ по магазинамъ для закупки приданаго Лизѣ на деньги Броницына. Возлѣ нея помѣщался въ

такихъ же креслахъ господинъ, небольшаго роста, съ краснымъ, разгорѣвшимся лицемъ, сильно выкрашенными усами и бакенбардами, и весьма малымъ остаткомъ волосъ на узкихъ вискахъ и жирномъ затылкѣ. Это былъ братъ княгини—князь Сергѣй Мирскій. Членъ обѣдовъ англійскаго клуба, знаменитый ѣдокъ и знатокъ винъ, и счастливый игрокъ въ карты. Онъ кажется былъ сильно уставши; по крайней мѣрѣ пыхтѣлъ, съ трудомъ переводя дыханіе и вытягиваясь. Несмотря, однако, на такое тяжелое состояніе, онъ, по видимому, все таки былъ очень доволенъ собою.

Глинская разсказывала брату похожденія дня и свои закупки, когда вошелъ Бобрищевъ.

— А! очень радъ! кстати, сказалъ старикъ, просыпаясь и узнавая племянника; а мы уже думали, что ты не шутя пропалъ. Даже обѣдать никогда не придешь. Сердишься что ли?

— Я пришелъ васъ поздравить, сказалъ Бобрищевъ; я слышалъ, что Елизавета Михайловна....

— Да, братецъ, какже! невѣста.

— Васъ прежде всего, княгиня.

— Кажется пора бы! Ужъ три дня какъ это извѣстно. И то, я думаю, еслибъ я не послала за вами....

— Что такое три дня, княгиня, сказалъ Бобрищевъ, садясь, для васъ, которая возстаетъ вообще противъ свѣтскихъ условій.

— Ну, конечно, перебилъ старикъ, засыпая; у всякаго свои дѣла, матушка. Петербургъ не Москва; и хотѣлъ бы.. .

— Вѣжливость одинаково къ стати въ Петербургѣ и въ Москвѣ, замѣтила княгиня. Такъ кажется для насъ, простыхъ смертныхъ, покрайней мѣрѣ. Конечно Дмитрію Николаевичу оно можетъ казаться совершенно иначе, какъ человѣку съ высшими взглядами.

— Полноте, княгиня, прикидываться Московской тетушкой. Уменя голова можетъ идти верхъ дномъ, нѣтъ, я иди показывай свою желчь и скуку тѣмъ, кому вовсе нѣтъ дѣла до нихъ. Если можно торопиться поздравлять съ чѣмъ бы то ни было, то конечно не съ такой находкой, какъ Броницынъ.

— Ну, это ужъ не правда, перебилъ старикъ. Малый очень

хорошій. Еслибъ ты зналъ, что за обѣдъ онъ намъ задалъ. Просто рѣдкость. И чортъ его знаетъ, какъ онъ умѣетъ все это кстати сдѣлать! Родился бы онъ еще на такихъ обѣдахъ, ну понятно; а то вѣдь извѣстно, что онъ такое. Слушай! во первыхъ была уха. Какія стерляди, сказалъ онъ, закладывая обѣ руки за уши. То есть вотъ,—и онъ развелъ руками, показывая мѣру; вся желтая. Словомъ такой ухи я въ жизнь не ѣдалъ. Что Гурьевскіе обѣды! это значитъ поваръ такъ и стоялъ надъ ней, и смотрѣлъ: а, готово, ну и подалъ. Потомъ filet de boeuf, потомъ стерлядь, ну страшилище; а ужъ какія форели были въ сливочномъ маслѣ; и заложивъ на этотъ разъ обѣ руки за одно ухо, онъ замоталъ головой. Ну, и вино тоже, мое почтеніе. Ужъ за то я люблю этого старика Броницына. Онъ бестія, но ужъ обѣдъ задать, мое почтеніе!

— Этому человѣку нужно дать медаль за усердіе....

— Отъ чегожъ вы думаете, что Броницынъ не находка? перебила княгиня.

— Для всѣхъ, только не для васъ. Я думалъ, что вы гораздо честолюбивѣе и, признаться, не мало удивился.—Кажется, что онъ ни по родству, ни по связямъ не можетъ подходить подъ ваши виды.

— По моему, всякая партія хороша, когда есть сочувствіе. Вотъ мой взглядъ.

— Вы ошиблись въ одномъ только словѣ; поставьте на мѣсто сочувствія деньги, и вы получите вашу фразу въ настоящемъ видѣ.

— У Лизы, кажется, своего довольно.

— Да, но при извѣстныхъ требованіяхъ, нынче по крайней мѣрѣ, ни у кого своего не довольно. Отъ этого же всѣ въ долгахъ, и мы съ вами первые не безъ того. Отъ этого же мы невольно въ рукахъ шутовъ, и ростовщиковъ.

— Ха, ха, ха. Вы мнѣ совершенно напоминаете тетушку Наталью Кириловну съ вашими нападками.

— Я говорю свое мнѣніе.

— Къ несчастію у васъ его не спрашиваютъ.

— Вы меня, кажется, упрекали въ невѣжливости сей часъ. Я вамъ объясняю только отъ чего я не торопился.

— Какъ ты тамъ хочешь, а обѣдъ все таки былъ хорошъ, перебилъ старикъ, опять просыпаясь; и я тебя жалѣю, потому что ты на немъ не былъ.

— Я удивляюсь только какъ вы туда попали. Вы, который надуваетесь обыкновенно при видѣ человѣка не много ниже васъ и протягиваете ему только два пальца.

— Я развѣ одинъ попалъ туда? я попалъ за другими. Какъ же мнѣ не сдѣлать честь, наконецъ, человѣку, который проситъ.

— Такъ, Сергѣй Петровичъ, сказалъ Бобрищевъ отъ чегожъ не сдѣлать изъ чести ходячей монеты; время сдѣлалось торговое всѣ торгуютъ: одни умомъ, другія....

— Другіе желчью, продолжали Глинская. Сколько вы берете, чтобъ горячиться изъ пустяковъ?

— Отъ женщины очень не много, отвѣтилъ Бобрищевъ. Хоть все таки право на названіе благовоспитаннаго человѣка, не смотря на нарушенную роль автомата въ пріемахъ и голосѣ.

— Разговоръ затихъ, оборвавшись на этихъ словахъ. Всѣ молчали. Княгиня видимо сердилась; но за то старикъ былъ совершенно спокоенъ. Болѣе всего гастрономъ, онъ былъ невозмутимъ въ часы пищеваренія, а потому не выразилъ во все время ни малѣйшаго сердца.

— Какъ ты тамъ меня не называй, перебилъ онъ ихъ общее молчаніе; а обѣдъ былъ все таки очень хорошъ. Послѣ обѣда онъ далъ мнѣ выкурить регалію;—рай просто, и онъ вдругъ остановился, будто стараясь припомнить что то интересное и стоящее расказа. А, погоди—ка, братъ; я посмѣюсь надъ тобой, подумалъ онъ, восторжествовавъ надъ памятью.

— А отъ чего ты вышелъ въ отставку? спросилъ онъ вдругъ.

— Я вамъ говорилъ кажется,—незахотѣлъ служить.

— Чтожъ, тяжело показалось, или также унизительно? вѣдь теперь все ваша братья либералы служатъ.

— Я не либералъ, отвѣтилъ Бобрищевъ.

— Охъ, Дмитрій Николаевичъ; ты считаешь себя умнѣе всѣхъ. Славная, говорили, у тебя голова и свѣдѣній тьма. Чтожъ съ этимъ со всѣмъ будетъ? хоть бы изъ милости послужилъ.

— Какъ видите у меня не такое сердобольное сердце.

— Ну, хоть бы получилъ, сдѣлали бы тамъ чѣмъ нибудь. Стыдно вѣдь, братъ, въ твои лѣта пропадать такъ.

— Перестаньте, пожалуста, трогать этотъ вопросъ. Всякій его рѣшаетъ по своему, съ неудовольствіемъ отвѣтилъ Бобрищевъ.

— Это все таки не отвѣтъ. Ты скажи мнѣ правду; отчего ты вышелъ въ отставку? напирая на послѣднее слово, сказалъ старикъ.

Бобрищевъ молчалъ.

— Не хочешь, ну такъ я тебѣ скажу. Сегодня въ клубѣ Гр. Сергій Петровичъ мнѣ сильно на тебя жаловался. Что у тебя тамъ были за шашни съ его знакомой,—съ этой ..какъ бишь ее...Вѣрой или Ольгой не знаю......

— А, браво, вмѣшалась княгиня. Признаюсь, это для меня новость; я, которая до сихъ поръ думала, что вы просто боитесь женщинъ.

— Погодите радоваться, сказалъ Бобрищевъ. Вы можете даромъ протратить вашъ восторгъ и удивленіе. Все это сплетни; я не отбивалъ у графа никакой женщины.

— О, лгите, но не такъ дерзко по крайней мѣрѣ, замѣтила княгиня: недѣлю тому назадъ вы закупили чуть не весь магазинъ Тура и весь magazin de Lyon. Мало того, я вамъ скажу болѣе: въ городѣ говорятъ, что вы на ней женитесь. И какъ ни нелѣпъ можетъ казаться этотъ слухъ, есть нѣкоторыя основанія ему вѣрить; потому что у той же Ольги, какъ ее? оказались бриллiанты, которые мнѣ довольно знакомы, какъ наслѣдственное сокровище вашей семьи.

— Можетъ быть, отвѣтилъ желчно Бобрищевъ. Кому какое дѣло! да, я женюсь, наконецъ, на ней. Кто вправѣ сказать мнѣ слово?

— А, позволь! перебилъ Мирскій: дурачиться ты съ ней можешь, сколько душѣ угодно; но если дѣло дойдетъ до женитьбы, то для этого есть порядочныя дѣвушки.

— Бобрищевъ засмѣялся.

— Найдите мнѣ одну изъ нихъ, которая въ свою очередь не могла попасть туда, гдѣ стоитъ женщина, о которой идетъ рѣчь,

еслибы ее начали топтать обстоятельства; и я завтра женюсь на ней.

— Развѣ это причина вводить въ семью....... Марайте себя, не марайте другихъ, надменно перебила княгиня.

— Нечего вводить того, что къ ней принадлежитъ уже, насмѣшливо и съ разстановкой перебилъ Бобрищевъ. Княгиня! если вы такъ дорожите родствомъ. — Сѣверскіе, кажется, вамъ не много сродни, вы забыли одну кузину.

— О! это слишкомъ, прошептала Глинская, блѣднѣя и стиснувъ зубы отъ злости.

— Нѣтъ, братъ; это какъ ты тамъ себѣ хочешь, перебилъ, не слушая, Мирскій,—а жениться на ней, это уже ты слишкомъ крѣпко задумалъ.

— Если на то пошло, знайте, что есть средства противъ съумасшедшихъ, разрѣшилась Глинская.

— Полиція? спокойно отвѣтилъ Бобрищевъ. Перестаньте; не горячитесь. Я ничего не затѣвалъ; я даже не въ связи съ ней, и еслибъ былъ даже, вамъ нечего бояться.

— Откуда же такое жаркое заступничество за женщину безъ чести для всѣхъ, и къ которой вы такъ равнодушны?

— Мнѣ просто досадно, когда кидаютъ каменья въ кого нибудь; всѣ сплошь и рядомъ, безъ отчета и права. Будто бы уже въ нашемъ кругу все такъ безъукоризненно и свято. Повѣрьте, часто недостаетъ только вывѣски. Вы наконецъ могли забыть *ее*, я не могъ потому что я съ ней воспитался и выросъ.

— Замолчите же наконецъ, сказала Глинская, выходя изъ себя и сжимая руки съ досады.

— Замолчать! нѣтъ, княгиня; я договариваю обыкновенно, когда мѣшаются въ мои дѣла. Видите вы это? прибавилъ онъ, вынимая письмо Глинской къ графу. Когда пишутъ такія письма; когда принимаютъ на себя роль фактора, тогда выслушиваютъ до конца обыкновенно.

— Такъ ты такъ то не знакомъ съ этой красавицей! сказалъ тихо Мирскій подходя и ударяя по плечу Бобрищева, между тѣмъ какъ княгиня вся дрожала отъ злости и удивленія.

— Думайте, что хотите, отвѣтилъ ему Бобрищевъ. Вотъ все,

что мнѣ нужно было вамъ сказать. Не совѣтую вамъ повторить попытку, обратился онъ къ княгинѣ, и вышелъ.

Глинская осталась нѣма, неподвижна на томъ же мѣстѣ. Въ ея страстномъ лицѣ шла нѣмая борьба, кипѣла потаенная жизнь желчи, ревности. Глаза ея были остановлены на одной точкѣ, и она не проводила ими даже Дмитрія.

— Что же мнѣ то дѣлать теперь, подумалъ Мирскій. Десять часовъ;—въ клубъ рано. По моему, пускай его женится; я только такъ погорячился. А обѣдъ все таки былъ очень хорошъ, прибавилъ онъ громко, и также вышелъ во внутреннія комнаты.

— Гдѣ вы пропадаете? встрѣтила теперь Глинская вбѣжавшаго Броницына, выходя изъ своего раздумья. Когда вы ненужны, отъ васъ не отвяжешься; васъ не дождешься, напротивъ, когда есть дѣло.

— Что такое? у меня право такъ много дѣла.

— Вы ничего не знаете! Моя записка....на счетъ этой.....въ рукахъ Дмитрія. Что вы на это скажете!

— Неужели! отвѣтилъ Броницынъ, принимая удивленный видъ. Нечего дѣлать, приходится бросить ихъ.—Пусть женятся. Я не знаю, право, что вы такъ хлопочете объ этомъ мальчишкѣ.

— Вы говорите глупости, отвѣчала нетерпѣливо княгиня. Это не ваше дѣло.

— Видите; я вамъ говорилъ, что насильственныя средства вещь отсталая. Вотъ онѣ и не удались.

— Что же, наконецъ, намъ дѣлать!

— Я вамъ говорилъ: одно средство,—клевета. Безъ нея не обойдетесь.

— Клевета, клевета! все это еще очень не ясно. Чтожъ вы сидите въ такомъ случаѣ сложа руки. Ищите, говорите, дѣйствуйте.

Броницынъ отошелъ нѣсколько шаговъ и остановилъ полный плутовской улыбки взглядъ на княгинѣ.

— Полюбуйтесь! эта вещь вамъ знакома, сказалъ онъ, вынимая изъ боковаго кармана брилліантовое ожерелье.

— Какъ эти брилліанты попали къ вамъ? вскрикнула она, сверкая глазами и одушевляясь внезапно.

— Купилъ,—княгиня;—купилъ, повторилъ онъ, передавая ихъ ей.

Княгиня какъ будто поняла что значило это слово купилъ, повторенное Броницынымъ два раза. Она такъ взглянула на него по крайней мѣрѣ, схватила холодной рукой ожерелье и опрокинулась на диванъ, едва переводя духъ отъ торжества и удовольствія.

ГЛАВА VI.

—

Высокъ и казисть, богатъ и громаденъ, смотритъ дворцемъ домъ одного изъ денежныхъ людей Петербуга. Ряды зеркальныхъ оконъ отражаютъ въ глаза прохожему Неву, Петропавловскій шпицъ съ его окрестностями, удачно передаютъ иногда игру облаковъ по холодному небу и игру воды внизу, нѣкоторые эффекты свѣта, рыжую ярь заката и ярь позолоты на тонкомъ шпилѣ; покрайней мѣрѣ на стольже удачно, какъ передаютъ немного безтолковую, но вычурную мысль художника-зодчаго лѣпныя работы по наружнымъ стѣнамъ, каріатиды колоннъ, словомъ всѣ подробности фаса, начиная съ верхнихъ карнизовъ и кончая рѣзнымъ подъѣздомъ. Здѣсь показывается иногда тузомъ разъѣвшійся швейцаръ; дерзокъ, важенъ и неумолимъ на видъ, онъ однако, за рубль серебромъ можетъ вамъ прислать приглашеніе на одинъ изъ зимнихъ праздниковъ, которые даетъ по временамъ хозяинъ дома, и я не совѣтывалъ бы вамъ пренебрегать такимъ средствомъ, будь это только изъ любопытетва, изъ одной возможности осмотрѣть внутренность дома.

Дѣло въ томъ, что это не наживую нитку убранныя за большія деньги залы, гостинныя и кабинеты, какими изобилуетъ квартира всякой Розы и всякаго обывателя, умѣющаго проживать около полусотни тысячъ въ годъ. Здѣсь собралась вѣковая роскошь. роскошь золота и мрамора, рѣдкихъ картинъ и статуй, собралась мало по малу, но очень просто: путемъ залога и аукціоновъ, путемъ крушенія нѣсколькихъ аристократическихъ состояній, спаслась въ руки фактора и пролетарія, который поднялъ

ее по дорогѣ и поползъ, опираясь на эту-роскошь, все дальше, отъ лакейской добираясь до верхней площадки, той заманчивой площадки, на которой лежитъ V книга съ именами именитыхъ людей, чтобъ вписать вслѣдъ за именемъ князей Курбскихъ имя Броницыныхъ.

Мраморныя и золоченыя залы этого дома съ недѣлю уже убирались въ тропическіе сады, съ фонтанами и гротами; чистились и дополнялись новыми украшеніями гостиныя и кабинеты; закупались пудреные парики и пестрые камзолы, похожіе на тѣ, какіе носили при Луковикѣ XV,—для многочисленной прислуги. Со всего города собирались негры, чтобы составить изъ нихъ особый разрядъ офиціантовъ; сгонялись на кухню лучшіе повара и, если вѣрить всему, что говорилось, дѣлалось много и много еще глупостей, чтобы удивить, поразить, запоить на славу и заставить говорить о себѣ городъ. Молодой Броницынъ изнемогалъ надъ изобрѣтеніями всякаго рода для праздника, готовившагося въ честь его помолвки съ княжной Мирской, а отецъ его то и зналъ, что выдавалъ новыя сотни и тысячи. Онъ готовъ былъ, на радости, засыпать гостей золотомъ и гости ждали этого золотого дождя, не спрашивая какимъ образомъ онъ могъ попасть въ руки Броницына, чтобы изъ нихъ разсыпаться прахомъ надъ ихъ головами и сгорѣть въ одинъ вечеръ.

Кончены были, наконецъ, приготовленія и Петербургъ съѣзжался на давно обѣщанный вечеръ, среди фонтановъ, картинъ и статуй, подъ звуки двухъ оркестровъ, при ослѣпительномъ блескѣ огней. Съѣзжался весь, пестрой толпой, со всѣми своими достоинствами и недостатками. Холодный и офиціальный, нѣмой и притворный, но приличный, больной отъ зависти и искательствъ, съ апатіей въ мозгу и скукой въ сердцѣ, но завитой, разодѣтый, блестящій, и гордый, и чинный, подъ ношей вѣчнаго comme il faut, въ помадѣ и духахъ, въ тонкомъ бѣльѣ, въ накладкахъ и парикахъ и краскѣ. Скрывая чванство подъ бездной улыбокъ, голь и нищету подъ гибелью фальшивыхъ цвѣтовъ и общихъ фразъ, въ долгъ и на прокатъ взятыхъ костюмовъ и камней. Съѣзжался, будто совершая обрядъ, полонъ паркетнаго достоинства, искусный гаеръ, и многочисленное общество въ условный часъ быстро наполнило мраморныя и

зеркальныя залы, искуственные сады и золоченыя клѣтки. И вотъ, между серебромъ и золотомъ, сама себя осуждая, сама въ серебрѣ и золотѣ, при яркомъ блескѣ огней, какъ пестрое море, заколыхалась толпа въ дорогомъ чертогѣ.

Она была глупа, она была смѣшна; ей было тѣсно и душно и неловко себя самой, она изнемогала, по волеи какой то роковой силы все колыхалось, мѣшаясь и пестрѣя, какъ калейдоскопъ.

Балъ открылся сперва чинно и покорно, но мало по малу сталъ все больше и больше оживать и шумѣть подъ звуки музыки и пара понеслась за парой. Но все какъ то странно, будто вспоминая что-то забытое, чтобы дать изъ себя зрѣлище другимъ, будто говоря: «смотрите же на меня; я не даромъ вышла и кружусь и стараюсь передъ вами. Смотрите на мой жемчугъ и дорогой нарядъ и нарочно открытые плечи, на мой ростъ и ловкость; я вся принужденіе и вся обманъ. Любуйтесь старой шуткой, на которую я рѣшилась. Рѣшайте, что никто не умѣлъ надѣть на себя больше денегъ какъ я; никто не умѣлъ такъ искусно скрасть недостатки лѣтъ и образъ жизни въ лицѣ, Составляйте партеръ кругомъ: чѣмъ тѣснѣе, тѣмъ лучше. Этотъ партеръ мое единственное ощущеніе для этого партера я готова еще на вершокъ срѣзать платье. Мнѣ нуженъ наконецъ этотъ партеръ, потому что на этотъ нарядъ мой отецъ, мужъ или братъ пустилъ послѣдніе чистыя деньги, разсчитывая на его соблазнительную силу; потому что мнѣ мужъ нуженъ, какой-нибудь, только съ вѣсомъ или деньгами; иначе я увядаю. Мнѣ за двадцать лѣтъ; и т. д. О, смотрите же на меня!»

И партеръ толпится и смотритъ, и критикуетъ. «Милое созданіе«, отвѣчаетъ изъ него женихъ, подъ алгебраической буквой;— «Ваши бѣлыя плечики и мягкая ножка не соблазнятъ меня; мнѣ нужны ножки и плечи, которыя можно было бы заложить при случаѣ и пустить въ ростъ и въ посредничество; а такія которыя съумѣютъ всегда только тратить мои деньги, спасибо за нихъ. Я потертъ, моя милая; потертъ какъ червонецъ, который побывалъ и въ башмакѣ новобрачной et sur le tapis franc, и въ рукахъ жида, который нагло подточилъ мои бока. Найдите себѣ мужа, и мое сердце на завтра къ вашимъ услугамъ.»

Глинская въ нарядѣ, сшитомъ на деньги Бронницына, танцова-

ла съ Арбатовымъ. Блѣдна и худа, съ истомленіемъ не по лѣтамъ, испытуя однако свою чарующую силу надъ всякими мужскими глазами, съ которыми только встрѣчались ея собственные, въ первой парѣ проносились невѣста съ румянымъ Броницынымъ, не чувствовавшимъ ногъ отъ удовольствія. Леди Н. съ графомъ Запольскимъ; жена банкира Ш. съ своимъ первымъ конторщикомъ; на рубежѣ между долговой тюрьмой и богатымъ наслѣдствомъ, присяжный танцоръ Кеверлей, въ золотомъ мундирѣ съ молодой женой своего начальника; публично оскорбленный баронъ К. и это какъ говорили, было еще самое честное обстоятельство въ его жизни,—богатый вѣчный женихъ, съ сестрой молодаго Броницына; секретарь Турецкаго посольства, по плечо своей дамѣ, кавалергарды, преображенцы, и т. д., и т. д.

—

— Каковъ балъ задалъ Броницынъ, говорилъ записной танцоръ Кеверлей своей хорошенькой дамѣ.

— Ахъ избавьте, я эту фразу слышу въ десятый разъ отъ васъ сегодня. Я буду продолжать за васъ, если хотите: «жаль что душно!» Не правда ли?

Онъ шепчетъ ей что то на ухо.

— Перестаньте смѣшить, отвѣчаетъ дама, откидывая головку и самодовольно улыбаясь, И есть что то дѣтски-наивное, какой-то faux air шалости въ ея взглядѣ и во взглядѣ Кеверлея, чего не убиваютъ даже гусиныя лапки, слегка уже рисующіяся около глазъ танцора.

— Какой славный голосъ у Арбатова, мѣняетъ разговоръ дама; онъ какъ будто созданъ для паркета.

— Да, только ему пора въ отставку.

— Jalousie du métier.

— Не шутя; онъ слишкомъ старъ: Вѣдь княжна невѣста чуть не дочь его.

— Полноте нести вздоръ.

— Точно также, какъ и Глинской пора бы кончить.

— Нѣтъ; она хороша до сихъ поръ.

— Намазана!

— Если это въ модѣ.

— Напоминаетъ Богъ вѣсть кого.

— Если эти воспоминанія нравятся.

— Левъ Николаевичъ! вамъ начинать, кричитъ Арбатовъ. Кеверлей быстро вскакиваетъ, беретъ даму и уносится съ нею.

— Будьте такъ добры, подержать мнѣ мой букетъ, говоритъ въ это же самое время дама, возлѣ, одному статскому и за тѣмъ уносится съ другимъ кавалеромъ.

Статскій нюхаетъ букетъ, его глаза покрываются вдругъ блескомъ и онъ старается ловко уронить изъ букета себѣ въ шляпу клочекъ бумаги, который, къ счастью его, дѣйствительно попадаетъ въ нее. Дама кончаетъ вальсировать; статскій отдаетъ ей букетъ и исчезаетъ.

Я нигдѣ такъ не веселился, какъ въ Петербургѣ, говоритъ теперь, запыхаясь отъ усталости, низенькій турокъ дамѣ, передававшей только что свой букетъ. Русскія женщины! Еслибъ у васъ только не было такъ холодно.

— Правда, М-г, Эфенди, вдругъ спрашиваетъ дама, вмѣсто отвѣта, что вашъ посланникъ можетъ вамъ выколоть глаза?

— Было бы поздно, отвѣчаетъ турецкій дипломатъ; потому что вы раньше его меня уже ослѣпили.

— Il est charmant le petit turc, говоритъ дама про себя, довольная такой восточной метафорой, когда къ ней подходитъ новый танцоръ.

— Сдѣлайте одолженіе, подержите мнѣ мой букетъ, говоритъ опять дама маленькому турку и уносится.

— Турокъ вертитъ букетъ и самодовольно смотритъ на потолокъ.

— М-r, Vous laissez tomber quelque chose, говоритъ ему молодой Броницынъ, пробѣгая мимо.

Турокъ нагибается, благодаритъ, краснѣетъ и въ замѣшательствѣ подымаетъ клочекъ бумажки, выпавшій опять изъ того же букета.

— Александръ Сергѣевичъ видите вы платье Леди Н, говоритъ между тѣмъ княжна Броницыну; я непремѣнно хочу, чтобъ у меня было такое.

— Я готовъ отравить Леди Н, чтобы доставить вамъ все что угодно, кромѣ ея безобразія. Восемь тысячь восемь сотъ, да

три тысячи, это 11,800. Да тысячь двѣнадцать ужъ ты мнѣ стоила; вотъ всего недѣля какъ я женихъ.

— Александръ Сергѣевичъ! снова начинаетъ княжна; поговоримте о томъ, какъ у насъ будетъ домъ устроенъ; это меня очень занимаетъ. Мы будемъ жить съ вами на двѣ половины.

— Чтобъ одна сторона не знала что дѣлается на другой.

— Это прекрасно; вы мнѣ подсказываете мои собственныя мысли. Мы обѣщаемъ потомъ никогда не входить безъ доклада другъ къ другу, и вообще не мѣшаться обоюдно въ дѣла.

— Далѣе; никогда не говорить другъ другу о чувствахъ.

— И особенно о любви, подхватываетъ княжна; это верхъ несообразности.

— Далѣе: никогда не платить обоюдно счетовъ, замѣчаетъ Броницынъ.

— А! это до меня не касается. Я конечно ничего не буду платить, а вы дѣлайте тамъ, какъ знаете.

— Это, по крайней мѣрѣ, женщина, думаетъ Броницынъ, и утираетъ потъ съ счастливаго лица.

— Отъ чего вы до сихъ поръ не камеръ-юнкеръ? спрашиваетъ опять княжна.

— Отъ того, что еще не было кому за меня пококетничать; а вотъ когда у меня будетъ жена, которая съумѣетъ....

— Это хорошо: если съумѣетъ. Думаете ли вы меня поучить еще?

— Elle est plus forte que moi. Cette femme a fait son Balsac.

— Что же, батюшка! представьте вы меня невѣстѣ, пристаетъ толстая княгиня, показываясь.

Броницынъ, долго не думавши, знакомитъ ее съ княжной.

— Я еще въ домѣ матушки бывала; сестрица ваша также меня жаловала. Будете замужемъ, я надѣюсь и вы со мной покороче познакомитесь. Я вездѣ свой человѣкъ, начинаетъ она, надоѣдая Мирской.

Между тѣмъ Броницынъ очутился уже возлѣ сѣдаго низенькаго старичка, въ звѣздахъ, одного изъ тѣхъ, которые являлись когда то на праздникѣ Розы.

— Вы не изволили читать, Ваше Сіятельство, кричитъ онъ ему, забѣгая впередъ, статью, напечатанную въ Публичномъ Лгунѣ? Очень вольная статья; я удивляюсь какъ цензура пропустила такую; чего она смотритъ!

— Нѣтъ, ничего не читалъ, отвѣчаетъ князь, останавливаясь.

— Вы вѣроятно говорите о статьѣ противъ роскоши женщинъ легкаго поведенія. Это дѣйствительно, ваше сіятельство, ни на что не похоже; это значитъ не имѣть никакого уваженія къ лицамъ достойнымъ уваженія пристаетъ жидкій дипломатъ изъ нѣмцевъ, въ очкахъ. Позвольте мнѣ вамъ прислать ее.

— Я ничего не читалъ. Скажите, пожалуйста, что жъ это въ самомъ дѣлѣ за статья? крехтитъ Князь и беретъ таинственно подъ руку дипломата.

Бронницынъ краснѣетъ съ досады и невольно уступаетъ нѣмцу старика.

— Посмотрите на молодыхъ; я ими не налюбуюсь, говоритъ между тѣмъ одна старая дѣва, московская тетушка, Арбатову. Какъ они счастливы. Столько поэзіи.

— Да, очень, отвѣчаетъ тотъ.

— Чай, свадьбу сладили насильно. У Глинскихъ гроша нѣтъ своего, замѣчаетъ съ другой стороны другая дама, статная, гордая и строгая.

Вы, ma soeur, во всемъ сей часъ видите дурное, возражаетъ первая. По вашему, одно хорошее въ Москвѣ; а подика, присмотрись.

— И въ Москвѣ все тоже нынче. Балъ не въ балъ, и свадьба не въ свадьбу; все будто покойникъ въ домѣ. И тотъ же торгъ родствомъ, и торгъ дѣтьми.

— Богатства все таки нѣтъ того.

— Здѣсь откуда ему быть? чай все побрали на прокатъ отъ танцовщицъ да актрисъ, и Кавалеры, чай, по найму.

— О чемъ вы спорите такъ, бабушка, подходитъ княжна.

— О деньгахъ, матушка; другаго толка нѣтъ больше; никто и слушать не станетъ.

— Что жъ, вещь будто дурная.

— И ты тудаже. Я знаю, вы за грошъ готовы всю родню замарать.

Княжна вдругъ вспыхиваетъ и надуваетъ губы.

— Что, слушать правду тошно? а выслушай, оно въ урокъ послужитъ.

Княжна быстро роняетъ букетъ; ловкій кавалеръ подымаетъ его и подаетъ ей; она благодаритъ и уносится съ нимъ.

— Арбатовъ! зоветъ кто то его теперь, толкая подъруку. Смѣльскій совершенно пьянъ; его бы нужно вывести.

— Оставьте; намъ какое дѣло, отвѣчаетъ онъ.

— Онъ лѣзетъ въ танцы.

Не отвѣчая, Арбатовъ беретъ подъ руку гордую старуху и отводитъ ее къ дверямъ. Та уѣзжаетъ.

Во все время этихъ сценъ съ самаго начала бала, безмолвенъ, перетянутъ большимъ галстукомъ, съ виду очень похожъ на офиціанта, стоитъ у дверей залы старикъ Бронщынъ. Кто бы могъ отгадать, кто бы могъ заподозрить въ этомъ ничтожномъ на видъ, столь мало увѣренномъ въ себѣ человѣкѣ, въ его наружности,—хозяина дома и милліонера, Здѣсь, у порога залы встрѣчаетъ онъ почетныхъ гостей, гнется передъ ними и провожаетъ ихъ до гостиной. А они гордо и величественно выступаютъ, покровительственно привѣтствуютъ его, будто въ самомъ дѣлѣ дарятъ сокровищами. Ихъ входитъ такъ много что бѣдный старикъ не успѣваетъ всѣхъ встрѣтить.

Среди такихъ гостей, среди общей обстановки бала, странно какъ то поражаетъ фигура хозяина, невольно останавливаетъ и задаетъ вопросъ, или лучше, сама заставляетъ вызвать себя къ допросу. Но несмотря на все желаніе узнать истину, на все любопытство, вы можете узнать только то что всѣ давно знаютъ. Вдругъ явился человѣкъ неизвѣстно откуда, съ неизвѣстной фамиліей и состояніемъ, и вдругъ зажилъ и сталъ толкаться впередъ милліонами; вамъ раскажутъ, можетъ быть, кой какія темныя исторіи о крушеніи нѣсколькихъ купеческихъ и дворянскихъ состояній, о дѣлахъ съ казною: но изъ нихъ вы все таки ничего не выведете положительнаго. Одни увѣряютъ что помнятъ какъ этотъ человѣкъ, вмѣсто Сергія Степановича, подъ именемъ просто Сережки, чистилъ сапоги у какого-то Князя; другіе, что помнятъ какъ онъ собиралъ шинели въ одномъ изъ театровъ и по

томъ женился на одной кордебалетной фигуранкѣ съ толстыми ногами и краснымъ носомъ; третіе, что знали его ходатаемъ по дѣламъ, посредникомъ и третейскимъ судьей, и ростовщикомъ, предсѣдателемъ конкурсовъ; что помнятъ даже его квартиру, представлявшую всегда странную смѣсь нищеты и роскоши, какую-то кладовую рѣдкихъ и цѣнныхъ вещей. Одни считали его армяниномъ, другіе жидомъ. Сколько ему было лѣтъ отъ роду, и этого нельзя рѣшить хорошенько, потому что всѣ его документы считались утерянными. Если все то справедливо, то все таки непонятно какъ онъ до сихъ поръ не выучился писать слово деньги не черезъ *ѣ*. Достовѣрно, я думаю, одно только, что природа родила его съ особенными пальцами, не съ такими, какія у меня, на примѣръ, или у васъ, читатель. Есть руки, которыя имѣютъ особенное свойство все, за что ни возьмутся, превращать въ золото, все, отъ куска грязи, отъ обглоданной кости, до голаго слова, до неуловимаго чувства переливать въ слитки, передъ которыми стоитъ на колѣняхъ, по горло въ грязи, пресмыкаясь и обожая добрѣйшій читатель. Такія руки, вѣроятно, были и у Броницына. Считаю лишнимъ прибавить, что онъ былъ подъ судомъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ. Отсюда то именно и начинается его извѣстность. Но онъ прошелъ черезъ этотъ судъ, какъ козырной тузъ, черезъ зеленое поле, побивая всѣ масти; выстроилъ громадный домъ и зажилъ. Самъ онъ продолжалъ одѣваться скупо и грязно; но жена его одѣвалась въ шелкъ и одѣвалась бы вѣроятно до сихъ поръ въ него еслибъ не сошла во время въ могилу. Дочь выучилась по Англійски, а сынишка, ѣвшій прежде, всего чаще, березовую кашу, сталъ бѣгать съ лицемъ, вѣчно выпачканнымъ сластями.

Но на этомъ не останавливается человѣкъ. Лакей, который сего дня наживаетъ сто на сто въ день, отдавая краденные на барскихъ счетахъ полтинники подъ залогъ всякой движимости, не остановится при одномъ кошелькѣ, разъ онъ будетъ достаточно туго набитъ; и также протянетъ грязную, еще не омытую руку выше кармана, и ему захочется согнуть передъ собой чужую шею, какъ гнулась нѣкогда его собственная; и у него отыщутся страсти, какихъ не зналъ его тятенька, и онъ будетъ платить

страшныя деньги за миніурную поддѣлку уваженія и славы, за самообманъ чужимъ лицемѣріемъ. Умeнъ онъ только, если, оборачивая рубли въ сотни, онъ не слишкомъ рано захочетъ скинуть ливрею, Тогда не смываіся грязь изъ за грубыхъ его ногтей; къ нему полетятъ кареты съ гербами и не одна гордая совѣсть растаетъ отъ бутылки лакомаго вина. Онъ будетъ поить и кормить изжившихъ, одрѣхлявшихъ дѣтей, нашего вѣка Сыновья его будутъ носить тонкое бѣлье, а правнукъ поражать бѣлизною кожи и благодарствомъ чувствъ. Безпаспортный бѣглецъ изъ за прилавка, изъ лакейской въ гостинную, онъ самъ откроетъ переднюю. Всѣ будутъ бранить его и многіе проклинать, и всѣ завидовать; а онъ пойдетъ широко и скоро на какую захочетъ горку человѣческаго величія.

— Деньги, деньги и деньги, говорила Глинская, благословляя сестру. У васъ есть деньги; вы будете счастливы. У него есть деньги, говорилъ весь городъ про Броницына и ѣхалъ къ нему..

Да деньги, деньги! сколько разъ я приходилъ больной отъ зависти, голодный отъ поста въ свою пустую комнату. Отчего вы постоянно бѣжали отъ меня? Отчего ни нужда, ни годы не выучили меня каждый день обѣдать?

Такъ длится балъ, чинно и чопорно. Кончается мазурка и гости уже ждутъ ужина.

— Фу, какъ мнѣ душно! Какая тоска! говоритъ наконецъ княжна Лиза, отмахиваясь вѣеромъ и бросаясь на диванъ въ одной изъ угловыхъ комнатъ съ пейзажемъ Калама, освѣщеннымъ особенной лампой. Куда не обернешься, гдѣ не прислушаешься, вездѣ только и разговоръ, что я себя продала, что это подло и низко. Хоть бы поскорѣе кончился этотъ вечеръ. И она опрокидываетъ голову и опускаетъ руки въ какомъ то полуизнеможеніи, когда чьи то шаги заставляютъ ее поднять глаза.

Въ дверяхъ показывается Бобрищевъ, разговаривая съ женой Арбатова.

— Hélène! вы не знаете гдѣ сестра? спрашиваетъ княжна.

— Я сейчасъ ее видѣла въ сосѣдней залѣ съ моимъ мужемъ, отвѣчаетъ Арбатова.

Княжна встаетъ и идетъ отыскивать Глинскую. Арбатова и Бобрищевъ садятся на пустой диванъ, довольно узкій, чтобъ помѣстить удобно однѣ юбки Арбатовой.

— Не церемоньтесь, не жалѣйте моего платья. Эти тряпки для того существуютъ, чтобы мяться.

— Какая скверная ночь, говоритъ Бобрищевъ, садясь возлѣ. Толкаешься какъ угорѣлый; не сыщешь покойнаго мѣста.

— О, молодость! возражаетъ Арбатова. Рядомъ съ хорошенькой женщиной, вы говорите о покойныхъ подушкахъ. Гдѣ ваша кровь и вашъ огонь. Подите! застегните мнѣ лучше перчатку.

— Моя кровь, мой огонь. . . .

— Скорѣе, нетерпѣливо повторяетъ Арбатова.

— Моя кровь, мой огонь,—все это должно молчать по неволѣ.

— Какъ, вы съ вашими глазами такъ трусливы и застѣнчивы?

— Чтожъ дѣлать? Вездѣ гдѣ моя кровь пробовала играть, это было такъ не кстати, что я поневолѣ потерялъ смѣлость.

— Какая нибудь безотвѣтная любовь дѣвченки, насмѣшливо замѣтила Арбатова.—Вы, пожалуй, стоите лучше этого.

Бобрищевъ поблагодарилъ.

— Судя по вашему лицу, можно подумать, что у васъ есть свой томъ приключеній. Въ особенности у насъ, гдѣ такъ мало порядочныхъ мущинъ,—все какіе то . . . . Послѣднее слово было сказано по французски и потому нисколько не рѣзало уха.

— Развѣ я такъ истощенъ?

— Напротивъ, слишкомъ мало.

— Мой альбомъ, если онъ есть, во всякомъ случаѣ очень коротокъ.

— О сколькихъ страницахъ?

— Объ одной всего.

— Я угадываю: дочь бѣднаго чиновника.

— Вы дурно попали.

— Чтожъ такое? московская кузина, или институтка? скажите мнѣ по секрету на ухо, чтобъ никто не слыхалъ. Не упрямтесь же; я васъ не выдамъ...

— Потерянная женщина, сказалъ Бобрищевъ.

— Такъ; еще одинъ. Скажите! что такое на васъ нашло? пер-

вое слово на языкѣ молодаго человѣка деньги, второе карты, третье непремѣнно камелія.

— Позвольте! я не начиналъ ни съ денегъ ни съ картъ.

— А кончили все тѣмъ же. По моему, это значитъ не уважать себя. Неужели вы не нашли ни чего лучше, какъ тратить молодость и здоровье на куклу, которая васъ проматываетъ.

— Отъ этого нигдѣ не убережешься.

— Въ кругу такихъ женщинъ конечно.—Не дарите ей брильянтовъ, по крайнѣй мѣрѣ; иначе она также продастъ ихъ, какъ та у которой Броницынъ на дняхъ перекупилъ ожерелье, насмѣшливо прибавила она.

— Будьте покойны.

— De magnifiques bijoux, vraiment. Вы ихъ видѣли на княгинѣ?

— Я ее не встрѣчалъ еще сегодня.

— Къ стати, вы съ ней поссорились?

— Немного.

— Она держала однако пари, что будетъ ужинать сегодня вмѣстѣ съ вами.

— Оригинально.

— Вотъ она. Если хотите помириться, я васъ оставлю en tête à tête.

— Княгиня, на два слова. Что за пари идетъ на мой счетъ сегодня? спросилъ Бобрищевъ оставшись вдвоемъ съ Глинской.

— Пустое! Былъ разговоръ о вашей страсти, съ часъ тому назадъ, не далѣе. Я настаивала только, что вы не будете ужинать сего дня съ вашей возлюбленной.

— И почему это?

— Много съ вами денегъ? холодно спросила княгиня.

— Сколько вамъ нужно?

— Тысячъ до трехъ,

— Нѣтъ;—виноватъ.

— Я вамъ въ кредитъ повѣрю, отвѣтила она насмѣшливо и надменно, направляя руку за газовый шарфъ, которымъ была обвита ея шея, разстегнула брильянтовое ожерелье, бросила его въ руки Дмитрію, еще разъ надменно кивнула ему головой и вышла.

Онъ остался блѣденъ, въ какомъ то иступленіи глядя на дрожавшія въ его рукахъ камни; постоялъ и бросился вонъ.

Княгиня! ужинать, кричалъ теперь Броницынъ, останавливая Глинскую на порогѣ сосѣдней залы. Я велѣлъ вамъ накрыть особо въ кабинетѣ на шесть особъ. Vous, Arbatoff, le petit turc, l'anglais Smith, le prince Savoujsky, et la princesse V. Ахъ, я забылъ одного,—Дмитрія Николаевича, прибавилъ онъ, ударяя себя по лбу.

— Inutile, mon cher, décampez d'abord; le coup est porté plus tôt, que je ne le croyais.—Antoine! baisez—moi ma vieille main, обратилась она теперь къ подходившему Арбатову. Vous avez votre femme. Et maintenant allons boire.

— La santé du petit diable, qui vous a aidé en tout, вмѣшался Броницынъ.

— De l'adorable princesse, сказалъ Арбатовъ.

— D'un garçon, qu'elle vient de sauver, строго отвѣтила Княгиня и они всѣ прошли къ ужину.

Сплошная туча тянулась по небу.—Вѣтеръ дулъ съ моря, подымая ледъ и клубилъ облака. Тысячи смертей смотрѣли разомъ со всѣхъ сторонъ и обѣщали свой нѣмой пріютъ. Какой то дикій гулъ проносился подъ землею; словно, хоръ тайныхъ духовъ отправлялъ оргію. Ни одного вѣрнаго звука кругомъ, ни клочка свѣта. Все злое собралось сверху и снизу и съ боковъ, стало опредѣляться въ живыя, но уродливыя формы, переходя изъ одного безобразія въ другое. Словно, изъ за всякаго угла вышла злая сила, наводнила воздухъ и хоръ злыхъ духовъ съ хохотомъ и крикомъ и гиканьемъ, понесся надъ землею. Онъ смѣялся надъ всѣмъ, что осталось благородства и правды, что голодаетъ и терпитъ и трудится, что чувствуетъ и вѣритъ и любитъ. Онъ смѣялся надъ дѣтьми, которыя не воруютъ, надъ людьми, которые не уронили всѣхъ жертвенниковъ, надъ ножами, которые лежатъ праздно, надъ всѣмъ, что тяготится своей совѣстью и своими днями. Смѣялся и началъ плевать наконецъ въ лице всему подавшемуся.

Бобрищевъ очнулся. Крупныя капли дождя стучали о его шляпу. Онъ стоялъ у подъѣзда Ольги.

Онъ вошелъ, изнеможенный, блѣдный и остановился въ дверяхъ.

— Я тебѣ принесъ подарокъ, сказалъ онъ ей не своимъ голосомъ, не подымая глазъ выбросилъ на столъ ожерелье, и упалъ изступленный на стулъ.

— Блѣдная, испуганная женщина съ крикомъ отскочила отъ него назадъ и остановилась мертва, неподвижна, ухватившись одной рукой за сердце, будто думая тѣмъ сдержать его тревогу, не понимая что все это значитъ.

Онъ поднялъ глаза на нее. Они такъ страшно блестѣли, эти глаза, въ которыхъ она привыкла читать участіе. Они готовы были прожечь ее на сквозь силой упрековъ, сомнѣнія, злобы и торжества и страха.

— Слушай! сказалъ онъ, вставая и подходя къ ней. Я былъ глупъ и смѣшонъ. Тѣ порывы, которые вращали мою кровь, на всегда потеряли цѣну между людьми; имъ нѣтъ болѣе обмѣна. Не правда ли? Ольга! я съ ума сойду; говори какъ эти брильянты попали къ Глинской?

Она молчала.

— Если тебѣ нужны были деньги, продолжалъ онъ; нужнѣе моей привязанности; нужно было выбрать лучшихъ купцевъ. Эти въ состояніи были заплатить тебѣ фальшивыми бумажками и, какъ видишь, заплатили.

Эти слова объяснили ей все. Послѣднее присутствіе духа оставляло ее. Она начинала сомнѣваться слышитъ она или нѣтъ; правда ли происходитъ кругомъ ее или все это бредъ, тяжелый бредъ подавленной, запуганной души. Она чувствовала, что у нея въ глазахъ темнѣетъ, что сердце какъ будто бы не бьется и кровь стала холодѣть.

— Говори! что жъ ты не отвѣчаешь? сказалъ онъ еще живѣе.

— Она въ ужасѣ отвела глаза и упала на стулъ.

— Такъ это правда. Боже! какая правда! Тебѣ мало было всего, что я терпѣлъ, что я несъ тебѣ въ жертву. Всѣмъ я не могъ купить одной минуты привязанности.—Все это ты продала. Къ чему ты притворялась тогда? Тебѣ было смѣшно, что нашелся

одинъ человѣкъ, который повѣрилъ,—повѣрилъ женщинѣ которая была продана.

— Дмитрій! кинулась она теперь къ нему съ отчаяніемъ, собирая послѣднія силы, не довѣряя еще всему, что происходитъ кругомъ ее; но также скоро отступила назадъ. Онъ былъ полонъ желчи и презрѣнія, неумолимъ и безотвѣтенъ, и страшенъ, и въ сердцѣ ея замерли всѣ надежды. Опрокинутая, какъ ударомъ грома, пораженная, она упала на колѣни и опустила голову въ руки.

— А я думала, что онъ мнѣ вѣритъ.—Чтожъ теперь дѣлать? умолять и оправдываться, и на завтра опять подозрѣнія, и опять умолять и оправдываться, и такъ всю жизнь. Нѣтъ; я могу только красть и обманывать; у меня одно вѣроятное чувство:—деньги и деньги. Другимъ никогда больше никто не повѣритъ, произнесла она съ какимъ то больнымъ, отравленнымъ крикомъ и слезы задушили ея голосъ на этихъ словахъ.

Еслибъ онъ могъ хладнокровно взглянуть теперь на нее, прислушаться къ ея плачу и страданіямъ, его сердце бы надорвалось; онъ не повѣрилъ бы никакимъ клеветамъ и упалъ бы передъ ней. Она такъ была полна правды и жизни. Поддѣльно нельзя было такъ страдать. Но бываютъ состоянія, когда мозгъ подавленъ, вѣра запугана и ослѣпленное сердце не различаетъ больше права отъ лѣва и вотъ, разбиваясь какъ волны о холодный утесъ, неслись къ его ногамъ ея благородныя слезы и разбивались о замученную душу, лишенную свѣта больше чѣмъ глухая ночь, смотрѣвшая въ окна.

— Не оправданія и слезы твои мнѣ нужны теперь, сказалъ онъ наконецъ. Помнишь рядъ ветхихъ избъ на берегу Волги? Въ память той жизни скажи мнѣ: неужели ничего не уцѣлѣло въ тебѣ; докажи мнѣ, что, что нибудь не пропало еще, и я буду кажется счастливъ этой крохой. Иначе ты не знаешь что я терплю. Твоя судьба меня задушитъ.

— Моя судьба! она проклята; ты ей ничѣмъ не поможешь, отвѣтила она, продолжая терзаться и произносить страшныя слова на себя.

— Такъ! все кончено, думалъ онъ. Мнѣ никогда не поднять

за нее гордо головы; въ моихъ глазахъ ее будутъ топтать и меня вмѣстѣ; моя любовь будетъ вѣчной мишенью насмѣшкамъ и презрѣнію, я отдалъ изъ рукъ послѣднюю долю гордости и достоинства. Но душа не была все таки въ силахъ отступить шага назадъ.—Что же мнѣ дѣлать, произнесъ онъ подавленнымъ голосомъ, если не смотря ни на что, я ее люблю все таки, и онъ опустилъ голову и разгрызъ платокъ въ безпамятствѣ. Но подавленный мозгъ напрасно собиралъ всѣ силы и доводы. Разсудокъ могъ разбить вѣру; его ядовитый шквалъ не могъ залить чувства. Оно всплывало цѣло безъ опоры и сознанія, слѣпо и рѣшительно, и непреодолимо.

Бросить ее—Нѣтъ, никогда, никогда!

— Нѣтъ, кончилъ онъ громко; я никогда, никогда не буду въ силахъ ее бросить. Пусть упадетъ на мою шею топоръ вмѣстѣ съ нею.....

Ольга подняла теперь глаза на него. Эти глаза видимо хотѣли чтото сказать, языкъ также; но вмѣсто всего голосъ вырвался наружу тяжелымъ, неяснымъ крикомъ, взоръ потухъ; она грохнулась на полъ и кровь ручьемъ потекла изъ горла......

—

На другой день послѣ этой сцены дѣйствующіе лица настоящей драмы узнали, что Ольга больна, а на третій ни ея, ни Бобрищева, къ крайнему удивленію всѣхъ, не было уже въ городѣ. По всѣмъ разсчетамъ, къ тому времени, какъ парикмахеръ нагрѣлъ щипцы, чтобы завить подъ вѣнецъ Броницына, Ольга и Бобрищевъ должны были давно переѣхать за двойной шлагбаумъ, между двумя журавлями котораго еще недавно княгиня Р. разрѣшилась отъ бремени...чѣмъ бы вы думали? нѣсколькими фунтами французскихъ кружевъ, въ то время, какъ подъ кринолинами ея гувернантки измѣнившіе часы пробили полдень, и еще недавнѣе Корнетъ Свѣчкинъ попался съ какими-то запрещенными книгами.

—

Прошло нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, больше во всякомъ случаѣ, чѣмъ нужно было Броницыну, очутиться на балѣ

Графини Р., а его супругѣ, чтобъ уронить тутъ же ничтожный клочекъ бумажки въ шляпу перваго секретаря французскаго посольства,—Бобрищевъ не возвращался изъ за границы. Мало того, никто не зналъ гдѣ онъ и что съ нимъ, и еще менѣе что сталось съ Ольгой. Толкнула ли ихъ гдѣ нибудь врозь по дорогѣ судьба, разорвавъ наконецъ силой то, что не могло разорваться добровольно и понесла ее дальше; внизъ по грязному теченію, изъ котораго онъ хотѣлъ ее вырвать во что бы то нистало, запугавъ наконецъ, и проучивъ его неугомонную душу, разбивъ его цѣльную натуру о колючія сваи опыта. Заставили ли обстоятельства его понять, что есть состоянія, среди которыхъ нѣтъ ни семьи, ни отечества, среди которыхъ можно пировать и цѣлить по чужимъ лбамъ съ равнодушіемъ этой природы, которой удивляются люди, всегда готовой уронить свой топоръ надъ ихъ шеей. Дала ли жизнь почувстовать ему, что онъ будетъ вѣчно обманутъ, отыскивая и созидая свой миръ мысли и чувства, что онъ одинокъ и слабъ передъ чудовищной силой дикой судьбы, которая всѣмъ руководитъ; что благоразумнѣе выронить безъ борьбы всѣ идеалы и дунуть самому на карточные домики, потому уже, что природа и случай на завтра въ состояніи создать мышцы, которыя сломятъ разомъ все созданное до сихъ поръ человѣкомъ, и отдать на жертву вѣтра города и селы; и съ такой вѣрой найдти одну цѣну въ жизни, цѣну грубыхъ страстей, сибаритства, лѣни, безалаберности и комфорта. И славянскія пролежни, неуспѣвшіе образоваться дома, выступили синими пятнами гдѣ нибудь, въ праздномъ барствѣ, среди парижскихъ зимъ и переѣздовъ отъ рулетки къ рулеткѣ лѣтомъ;—или онъ до сихъ поръ все также гордъ и вѣренъ себѣ, скрывая гдѣ нибудь въ далекомъ углу вѣрованія, которымъ не нашлось мѣста въ жизни, и опозоренную женщину, къ которой онъ разъ привязался, не захотѣвъ ничего бросить подъ ноги людямъ изъ всего, чѣмъ дорожилъ когда то....

Все это оставалось и остается до сихъ поръ вопросомъ для всѣхъ, исключая, конечно, присяжнаго враля петербургскихъ гостиныхъ, далеко не сѣдого еще князя М., le petit bouffon, какъ его называютъ, который знаетъ рѣшительно все, какъ зналъ это все когда то, недавно умершій, знаменитый шутъ

О, лучше выношенный матерью всѣхъ лгуновъ въ мірѣ. Тотъ самый О., что поддержалъ плечомъ Александровскую колонну, готовую пошатнуться и упасть при ея водруженіи и ѣздилъ съ Наполеономъ по желѣзнымъ дорогамъ въ 1810 году. Этотъ князь М., наслѣдовавшій этому О., давно зналъ по этому, что Бобрищевъ погибъ гдѣ то среди послѣднихъ кровопролитій, что даже онъ самъ видѣлъ его изъ Петербурга на одномъ изъ Палатинскихъ холмовъ съ обнаженною шпагою умирающимъ подъ пулями, вспоминая о своемъ другѣ князѣ М., и въ то же самое время Ольгу, толкнувшую его подъ руку въ одномъ изъ переулковъ возлѣ Геймаркета, у той самой таверны, гдѣ у него украли часы годъ тому назадъ, въ то время, какъ онъ пилъ джинъ вмѣстѣ съ Лордомъ Сутеемъ. Все это онъ разсказывалъ при мнѣ за обѣдомъ въ Англійскомъ Клубѣ въ присутствіи одного очень пожилаго человѣка графа З., Арбатова и барона Ш., и я видѣлъ самъ, что графъ З., готовъ былъ прослезиться при этомъ разсказѣ, уронилъ даже одну слезу въ кофе и уронилъ бы вѣроятно другую, если бы Арбатовъ, сидѣвшій прямо напротивъ, не сталъ бы въ тоже время полоскать съ шумомъ ротъ и мыть пальцевъ въ знакомомъ, вѣроятно, читателю извѣстномъ апаратѣ, вытирая ихъ послѣ салфеткой; что заставляло всегда вздрагивать, хмурить брови и отворачиваться стараго графа, бывшаго во всемъ консерваторомъ и нелюбившаго этой новой моды. Я готовъ былъ бы, можетъ до сихъ поръ, вѣрить разсказу князя М., если бы послѣ зимы, въ теченіи которой онъ распускалъ такія извѣстія, слѣдующимъ же лѣтомъ мнѣ не удалось видѣть самому и Бобрищева и Ольгу, правда мелькомъ и въ послѣдній разъ. Вотъ какъ это было: Въ 185.... я жилъ въ Кобленцѣ. Большое общество, возвращавшееся съ окрестныхъ водъ Германіи, въ одинъ вечеръ толпилось у пристани. Въ толпѣ я замѣтилъ мущину, лице котораго мнѣ показалось знакомо. Это было онъ. Его не трудно было узнать, но черныя волосы его были уже съ замѣтной просѣдью; лице погрубѣло, но было полно все таки мужественной красоты и неослабѣвающей жизни; глаза поражали той же фанатической силой, онъ велъ подъ руку женщину; въ ней можно было узнать Ольгу: но это далеко уже не была та женщина, которую мы знали преж-

де; она видимо угасала; въ лицѣ какое то зловѣщее спокойствіе не оставляло никакого сомнѣнія догадкамъ....

Пароходъ быстро умчался изъ виду. Я остался одинъ на берегу въ раздумьи; я думалъ о современномъ человѣкѣ, о судьбѣ русскаго человѣка среды современности, и о судьбѣ русской женщины. Рейнъ несъ мимо свои мутныя, зеленыя волны, золотясь и блестя въ лучахъ заката, и мимо, мимо, бѣжали мысли, но какъ то безсвязно и я ничего не могъ придумать лучше, какъ рѣшить только, что вѣроятно покойникъ О неподдержалъ плечемъ Александровской колонны и неѣздилъ по желѣзнымъ дорогамъ въ 1810 г., также какъ его преемникъ М., не видѣлъ Ольги возлѣ Геймаркета.

— Да, я знаю этого князька М., скажетъ вслѣдъ за мной теперь Броницынъ; правда, онъ записной придворный лгунъ,— ни мало не подозрѣвая, что онъ то и есть этотъ князь.

— Какъ? спрашиваетъ удивленный читатель.

— Очень просто. Неужели вы недогадались, что онъ принялъ давно фамилію жены своей, и что на визитной карточкѣ его значится такъ: Prince Alexandre Mirsky-Bronitzine, gentilhomme и т. д. и что есть уже маленькіе князьки, укоторыхъ еще не выпали рѣзные зубы, и слѣдовательно не могъ, достаточно опредѣлиться характеръ носа и рта, чтобы рѣшить справедливо ли говоритъ Глинская, что имъ вѣрнѣе называться просто Мирскими безъ всякаго прибавленія. Замѣчаніе, которое всегда сердитъ Арбатова.

Юл. Жуковскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

СТАРУХА.

—

У церкви домъ старинный,
Кругомъ туманъ и мракъ;
На площади пустынной
Чуть слышенъ лай собакъ.

Подъ лѣстницей крутою
Чуть свѣтится одно,
Надъ самою землею,
Вспотѣлое окно.

Ужъ свѣчка догараетъ,
Въ каморкѣ чадъ и жаръ,
Шумитъ и напѣваетъ
Къ погодѣ самоваръ.

Нали́та ве́рхомъ кружка,
Отъ чая паръ валитъ
И вотъ, вздохнувъ, старушка
Сосѣдкѣ говоритъ:

«Весь вѣкъ трудомъ живу я,
Безъ гро́ша за душой;

Куда какъ, погляжу я,
Сталъ дорогъ хлѣбъ чужой!

А лишнюю денженку
Хотѣлось бы скопить...
Родимую сторонку
Предъ смертью навѣстить.

Ни слуху нѣтъ, ни духу
Оттуда отъ родныхъ:
Забыли всѣ старуху,
Да я-то помню ихъ.

О Господи Владыко!
Ѳадѣевна, мой свѣтъ!
Не малое толико
Я натерпѣлась бѣдъ.

Про счастье мнѣ гадала
Одна ворожея;
Но счастія не знала
И въ молодости я.

Въ года неурожая
Отъ барыни моей
Взяла меня чужая
Въ-счётъ долга, въ сто рублей.

Шестнадцать лѣтъ мнѣ было,
Рыдала вся семья,
И всё, что слёзъ хватило,
Всѣ выплакала я.

Тогда иное дѣло:
Румянецъ вдоль щеки,
Коса до пятъ висѣла,
Глаза, какъ угольки!

Ну вотъ меня и взяли;
И, первою порой
Ласкали, баловали,
Шутили надо мной.

Такая жизнь, казалось
Была бъ и не худа......
Такъ барыня попалась
Такая, что бѣда!

Ужъ я-ль не угождала?....
Да кто ей угодитъ:
Побьетъ меня, бывало,
И плакать не велитъ.

Охотникъ до бабёнокъ,
Красивенькій собой,
У барыни барчёнокъ,
Племянникъ жилъ родной.

Не долго дожидался,
И, со втораго жъ дня
Ко мнѣ онъ привязался,
Сталъ сманивать меня.

И тутъ... сказать примѣрно....
Случился грѣхъ такой,
Ѳадѣевна, какъ вѣрно
Случалось и съ тобой.

Чтожъ лучшаго барчёнку
И въ умъ могло придти,
Какъ сманивать дѣвчонку?......
О Господи прости!..

Но барыня дознала,
Пронюхала о всемъ,
Къ допросамъ затаскала,
Замучила стыдомъ.

И вотъ какъ порѣшили:
Въ барчёнкѣ будетъ прокъ,
Барчёнка похвалили,
А дѣвку на оброкъ!

Такъ съ мо́лоду досталось
Мнѣ по̀ свѣту гулять;
Чего ужъ ни случалось!....
Всего не разсказать.

Подчасъ про то что было
И вспомнить-то смѣшно:
Вѣдь замужъ выходила......
Да знать не суждено!....

И точно, ужъ како̀ва
Имѣла женишка!
У Князя Салтыкова
Служилъ за деньщика.

И рослый и румяный,
Пивалъ.....да кто-жъ не пьетъ?...
Гляди-ка мужъ Татьяны....
Запо̀емъ цѣлый годъ!

Но тутъ Французъ проклятый
Къ Москвѣ сталъ подступать:
Женихъ мой взятъ въ солдаты,
Съ тѣхъ поръ и не слыхать.

Да!...много натерпѣлась
И горя и хлопотъ,
За-то ужъ насмотрѣлась
Я въ жизни на господъ.

Какъ вотъ у Покрова я
Тогда еще жила,
Такъ притча-то какая,
Подумаешь, была.

У барышни сиротки
Денжёнокъ кой-какихъ
Сыскалось послѣ тётки,
Сыскался и женихъ.

За что любить-то было
Картежникъ онъ и мотъ;
А ужъ вѣдь какъ любила,
Бывало, плачетъ—ждетъ... .

Какъ восковая, выйдетъ
Подъ-вечеръ на крыльцо,
Но чуть его завидитъ,
И вспыхнетъ все лицо.

Зашутитъ, засмѣется.....
За то, глядишь, потомъ,
Прощаться какъ придется,
Повиснетъ вся на немъ.

Иль на колѣнки станетъ,
Одежу-то за край
Ухватитъ, и пристанетъ:
«Голубчикъ не играй!»

И плачетъ, горько плачетъ.....
Да плачь ему хоть вѣкъ—
Такой ужъ камень, значитъ,
Былъ этотъ человѣкъ.

Въ комодѣ всё обшарилъ,
Послѣдній грошъ стянулъ,
И барышню оставилъ,
Дѣвицу обманулъ.

Не долго горевала
Голубушка моя:
Закашляла, завяла
Почесть съ того же дня.

Вся стаяла; зимою
Ходила чуть жива
И кончилась весною,
Какъ тронулась Нева.

Да это что? и хуже
Видали мы дѣла:
Какъ барыня при мужѣ
Съ аптекаремъ жила.

Не крайность и не голодъ,
Смѣшно и грѣхъ сказать.....
А чтожъ что мужъ не молодъ!.. .
Самой за тридцать пять.

За то, поди какъ ловко
Вела себя.....придетъ,
Бывало, да головкой
Къ нему и припадетъ.

Въ слезахъ цалуетъ руки,
Въ глаза ему глядитъ.....
Смотрѣть на эти штуки —
Такъ просто затошнитъ!

Да мнѣ нужда какая!....
А мужу не вдогадъ,
Что на себѣ, играя,
Чужихъ возилъ ребятъ.

Что людямъ на потѣху
Жену рядилъ въ атласъ.....
Что̀ съ этимъ было смѣху,
Ѳадѣевна, у насъ!

Но разъ, когда стемнѣло,
Нашъ баринъ той порой
Хворалъ.....подъ осень дѣло......
Съ нимъ дядя жилъ родной....

Ужъ какъ провѣдалъ дядя,
И Богъ вѣсть, только ну.....
Вдругъ, слышимъ, на ночь глядя,
Какъ взялись за жену.

Какъ взвизгнетъ въ кабинетѣ
Она!....Какъ зарыдалъ
Нашъ баринъ!....даже дѣти
Проснулись.....Онъ кричалъ:

«Ухъ!...Дѣти!..Не вводите!..
«Прочь!......Вонъ дѣтей чужихъ!...
«Змѣя!...Да оттащите
«Ее отъ ногъ моихъ!»

Кровь горломъ; разослали
Людей, и до утра
За ночь перебывали
Съ Москвы всѣ доктора.

За ночь глаза ввалились,
Осунулось лицо;—
Гробовщики ломились
Съ утра ужъ къ намъ въ крыльцо.

Къ заутренѣ звонили,
Я помню... дождикъ шёлъ...
Какъ барина обмыли,
Обмыли..... и на столъ.

Такъ вотъ дѣла лихія!...
О Господи!...бѣда,
Подумаешь, какіе
Бываютъ господа!

И много я видала....
Да что!—Въ послѣдній годъ
Сама ужъ оплошала,
И память выдаетъ.

Совсѣмъ, совсѣмъ хилѣю,
И смотришь, тутъ—какъ—тутъ,
Чуть только заболѣю,
Извощика наймутъ...

И я возьму, въ тряпицу
Гроши свои сберу,
Свезутъ меня въ больницу,
Да тамъ я и помру»!

—

II.

ЛѢТОМЪ.

Въ утро ясное лѣтняго дня
Въ лѣсъ вхожу я, гдѣ сосны шумятъ,
Ихъ смолистый, живой ароматъ
Обдаетъ, освѣжаетъ меня;
По землѣ тамъ въ жилища свои
Тянутъ соръ и песокъ муравьи;
Но межъ ихъ городовъ, безъ хлопотъ,
Я на землю ложусь подъ сосной,—
Птица звонкія пѣсни поетъ,
Векша прыгаетъ тамъ надо мной.
Славно тамъ!—Но какъ выпадетъ снѣгъ,
Стану вновь я больной человѣкъ;
Стану въ городѣ дымномъ скучать
И, зарывшись въ снѣга какъ медвѣдь,
На грядущее мрачно глядѣть,
И прошедшаго лапу сосать.

—

III.

МОГИЛА.

На Охтѣ есть одна могила,
За нею сторожъ не глядитъ:—
Трава весь крестъ почти закрыла,
И самый крестъ едва стоитъ.

Сугробомъ снѣгъ на ней зимою,
Весной вода стоитъ кругомъ,—
И точно островъ надъ водою
Она съ погнувшимся крестомъ.

Землей холодною объята,
Въ могилѣ грѣшница лежитъ;
И повѣсть страшную разврата
Объ ней преданье говоритъ.

Порокъ, сплетая преступленья,
Кровавыхъ много пролилъ слёзъ—
И въ раннiй гробъ всѣ обольщенья
И красоту ея унёсъ.

Осеннiй вѣтеръ пѣлъ уныло,
Когда могильщикъ гробъ забилъ; —
И надъ позорною могилой
Никто слезы не уронилъ.

Но пусть заброшена людями,
Ее природа бережётъ:—
И солнце съ яркими лучами
Надъ ней не менѣе взойдетъ.

Трава зеленая не рѣже
И, будто даръ свой раздѣливъ,
Съ чужихъ могилъ берёзы тѣже
Ей тѣнь дарятъ наперерывъ.

—

IV.

ГАДАНІЕ.

Ярко блещетъ Востокъ,
Утро нѣгой дышетъ,
На лугахъ вѣтерокъ
Чуть цвѣты колышетъ.

Но туманъ отъ земли
Къ небесамъ восходитъ,
И ужъ тучка вдали
Надъ горами бродитъ.

Быть грозѣ!—Грянетъ громъ;
Небо не разъяснитъ,
И въ дождѣ проливномъ
Жаркій день погаснетъ.

Такъ и ты, межъ людей,
Свѣтлое явленье:—
Утро жизни твоей
Ясно на мгновенье.

Предъ тобой, какъ пророкъ,
Я судьбу пытаю,
И страданья залогъ
На тебѣ читаю.

Много розъ на груди
У тебя завянетъ—
Много слезъ впереди,
Жизнь тебя обманетъ.

Не съ твоею душой
Пылко-справедливой,
Не съ такой красотой
Вѣкъ прожить счастливо.

Нѣжной, вѣрной любви
Ласки не земныя
Обѣщаютъ твои
Глазки голубые.

Точно пѣсни, звучатъ
Огненныя рѣчи—
Щечки жаромъ горятъ,
Вздрагиваютъ плечи.

И порой, не путемъ,
Смѣхъ твой слишкомъ звонокъ;
И о горѣ чужомъ
Плачешь, какъ ребёнокъ.

Свѣжимъ сердцемъ чутка
Ты на зовъ страданья,
И безъ счета рука
Сыплетъ подаянья.

Божество на челѣ
У тебя сіяетъ:—
Значитъ крестъ на землѣ
Тяжкій ожидаетъ.

—

V.

. .
.

Пускай грозитъ и гонитъ свѣтъ!....
Для непреклонныхъ убѣжденій,
Для пылкихъ сердца увлеченій
Смѣшонъ чужой авторитетъ.

Куда бъ они ни привели,
Тотъ правъ, кто жилъ согласно съ ними,
Хотя законами земными
Казнится бѣдный сынъ земли.

—

Вл. Ахшарумовъ.

СВАДЬБА.

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

—

Давно, давно, во времена моего счастливаго дѣтства, ѣзжалъ я лѣтомъ въ деревню къ дѣду.

Дѣдъ мой былъ богатый помѣщикъ, большой добрякъ и страшный хлѣбосолъ. Много видывалъ я разныхъ гостей у дѣда: богатыхъ и бѣдныхъ, молодыхъ и старыхъ, и много разнаго всякаго народа; но между всѣми этими лицами остался у меня всѣхъ болѣе въ памяти одинъ высокій, сухощавый гость, со страшно-сдвинутыми бровями и густыми черными волосами съ просѣдью.—Онъ пріѣзжалъ всегда въ большой каретѣ четверкой съ гербами и длинными гайдуками на запяткахъ. Про гостя этого говорили, будто онъ презлой, пресердитый, и разсказывали много разныхъ страшныхъ исторій.

Мы, дѣти, невольно боялись его, и какъ бы ни капризились, какъ ни плакали, тотчасъ утихали, лишь только няня погрозитъ бывало, отдать *страшному дядѣ,* и прибавитъ, поглядѣвъ въ окно, и таинственно качая головой: «а вонъ, вонъ и большая карета ѣдетъ».—

«*Страшный дядя*»,—такъ звали мы, дѣти, этого гостя,—придавая этимъ словамъ какое-то особенное, мрачное значеніе;—но настоящее имя его было Валеріанъ Михайловичъ Корниловъ:—

онъ былъ Предводитель Дворянства и первый богачъ во всемъ уѣздѣ.

Съ нимъ пріѣзжала иногда жена его Наталья Кириловна,—маленькая, худенькая,—всегда печальная, молчаливая,—въ очкахъ и бѣломъ чепчикѣ съ лентами.

Пріѣзжали также дѣти ихъ: мальчикъ и дѣвочка,—Митя и Лизочка, какъ ихъ тогда звали,—и тогда насъ заставляли выходить изъ дѣтской и занимать нашихъ маленькихъ гостей.—Но мы дичились сначала и дѣтей этихъ, перенося на нихъ невольно весь страхъ и ужасъ страшнаго дяди.

Но дичились мы совершенно напрасно,—дѣти были такія милыя, ласковыя: дѣвочка —бѣлокурая, нѣжная, съ большими голубыми глазами,—мальчикъ-черноволосый, черноглазый,—но такой добрый и ласковый.

Про дѣтей этихъ ходили какіе-то странные разсказы:—говорили, будто Лизочка не дочь страшнаго дяди и не сестра Мити, а воспитанница, пріемышъ,—будто ея мать нищая была, и нашли ея полузамерзшую, гдѣ-то въ снѣгу, зимою, въ то время, когда Митя былъ при смерти боленъ,—и будто нищая умерла въ ту ночь, а дѣвочку въ домъ приняли, и съ того дня Митя выздоровѣлъ и росъ и учился неразлучно съ этою дѣвочкой.

Помню я однажды, мы дѣти, расхрабрившись и разшалившись, и не понимая сами, что дѣлаемъ, оттѣснили маленькую Лизочку отъ Мити, окружили ее, и держась крѣпко за руки, стали кружиться и кричать всѣ въ одинъ голосъ: «воспитанница, воспитанница,—пріемышъ!»

Бѣдная дѣвочка поблѣднѣла и горько заплакала,—но Митя съ гнѣвомъ бросился на насъ, разорвалъ нашъ кругъ, вытащилъ оттуда Лизу, и, весь дрожа, и грозя намъ кулаками, громко закричалъ: «Лиза моя сестра,—кто смѣетъ назвать ее иначе»!

Онъ сдвинулъ брови, глаза его заблестѣли, и онъ вдругъ сдѣлался такъ похожъ на страшнаго дядю,—что мы всѣ съ ужасомъ и громкимъ плачемъ выбѣжали изъ комнаты и попрятались по разнымъ угламъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много, много лѣтъ, и мы, дѣти, всѣ повыросли и разбрелись по разнымъ путямъ, и село дѣда моего

опустѣло,—и самъ страшный дядя давно лежитъ въ гробу, подъ тяжелымъ золоченымъ мраморомъ.

—

На горѣ, надъ свѣтлымъ озеромъ, изъ-за столѣтняго сада виднѣется издали старинное каменное село.

Напротивъ церковь,—за нею лѣсъ,—а внизу безконечныя поля и деревня съ длиннымъ рядомъ крестьянскихъ избъ.

Было теплое весеннее утро, солнце свѣтило ярко и весело, блестѣло на куполѣ церкви и заглядывало въ окна избъ и въ садъ у села, и пробиваясь сквозь тяжелыя занавѣски, играло на дорогихъ обояхъ и старинныхъ рѣзныхъ диванахъ и освѣщало длинный рядъ высокихъ барскихъ комнатъ.

Въ зеленой спальнѣ, на диванѣ сидѣла маленькая худенькая старушка, Наталья Кириловна Корнилова и разбирала какую-то пачку писемъ. Недалеко отъ нея, у окна шила за пяльцами молодая дѣвушка, съ большими голубыми глазами и густою темно-русою косой.—Въ противоположномъ зеркалѣ отражалась ея головка и рисовался профиль съ длинными рѣсницами. Маленькая ручка безпрестанно подымалась надъ канвою, а на канвѣ быстро росли и распускались цвѣты, согрѣтые теплымъ, чистымъ дыханіемъ дѣвушки.

Долго длилось молчанье:—дѣвушка продолжала свою работу,—старушка по прежнему перебирала свои письма, щурилась на нихъ, надѣвала очки, охала и вздыхала.

«Скучно что-то, Лизочка,» сказала она наконецъ,»—отъ Мити давно писемъ нѣтъ, да и сонъ я сегодня такой не хорошій видѣла.»

Дѣвушка за пяльцами только вздохнула, но ничего не отвѣчала.

«Вотъ я все старыя письма перечитывала, продолжала Наталья Кириловна, да что-то глаза не видятъ Лиза, совсѣмъ плохи стали».—

«Мамаша», начала нерѣшительно Лиза и слегка покраснѣла,—«чтобы вы попросили Валеріана Михайловича».

«О чемъ Лизочка?»

«Да чтобъ онъ Дмитрію позволилъ на лѣто къ намъ пріѣхать, посмотрите, какъ тепло стало, какъ хорошо»!—

«Ахъ, я ужъ просила,—отвѣчала Наталья Кириловна, махнувъ рукой,—ужъ не разъ просила, да вчера только заикнулась, какъ крикнетъ, и Боже упаси!»

Лиза опять вздохнула.

«Да, да Лизочка, а какъ бы хорошо было, кабы Митя пріѣхалъ,—да нѣтъ, лучше и не думать объ этомъ, даже сердце замираетъ;—а вотъ я сонъ тебѣ свой еще не разсказывала, послушай ка...., да нѣтъ, вотъ что я вспомнила, знаешь, Валеріанъ Михайловичъ мнѣ вчера про тебя говорилъ; ну—ка, угадай, что онъ говорилъ?—

«Я не мастерица, Мамаша, угадывать, вы лучше ужъ мнѣ сами скажите».

«Да онъ говорилъ, что тебя пора замужъ отдать, что десять тысячь тебѣ въ приданое дастъ, вотъ онъ что говорилъ!...»

Лиза поблѣднѣла.

«Да еще какъ на меня раскричался, Лиза, кабы ты знала, а за что?—я только сказала, что мнѣ съ тобой разстаться скучно будетъ, что я и думать объ этомъ боюсь....

Но Лиза вдругъ вскочила съ своего стула, подбѣжала къ ней, крѣпко ее обняла и, съ трудомъ удерживая слёзы, быстро заговорила:

«Нѣтъ, мамаша голубушка, родная вы моя, я не выйду замужъ, никогда, ни за что не выйду, я никогда съ вами не разстанусь!...

«Выйдешь, Лизочка, съ нимъ вѣдь говорить не будешь;—а кабы моя воля, я бы знала за кого тебя выдать, не пришлось бы намъ съ тобой разставаться!»

Лиза вся вспыхнула и спрятала голову къ ней въ платье.

«Ну полно же, полно, не плачь,» говорила Наталья Кириловна,—но сама плакала:—«полно,—еще когда что̀ будетъ, а у тебя глазки будутъ красны, да еще Валеріанъ Михайловичъ какъ нибудь услышитъ, бѣда намъ будетъ!»

Въ это время сквозь отворенныя окна послышалось отдаленное дребезжанье колокольчика.

«Взгляни-ка, Лиза, кто это ѣдетъ, взгляни скорѣй, не гости ли?—а ты вся заплакана!»—

Лиза поспѣшно отерла слёзы и подошла къ окну.

«Тарантасъ какой-то ѣдетъ, сказала она,—тройкой,—на гору подымается.»

«Дамъ не видать?—

«Нѣтъ, мужчина, кажется, одинъ,» отвѣчала Лиза, перегнувшись въ окно и начиная пристально всматриваться.

«Исправникъ вѣрно,» возразила Наталья Кириловна, совершенно успокоившись, «къ Валеріану Михайловичу съ бумагами,—или становой.»

«Ахъ!—вскрикнула вдругъ Лиза, и какъ стрѣла бросилась изъ комнаты.

Она промелькнула черезъ двѣ гостиныя, длинную залу, переднюю, выскочила на крыльцо, и чуть не упала подъ колеса подъѣзжавшаго экипажа.

«Ахъ, Господи!»—говорила между тѣмъ въ своей спальнѣ Наталья Кириловна,«что это случилось, что съ ней?» и поднявшись съ дивана, она отворила дверь въ гостиную. Но лишь только переступила порогъ, какъ къ ней бросился молодой человѣкъ въ запыленномъ, дорожномъ платьѣ, крѣпко обнялъ ее и почти вынесъ на рукахъ, назадъ въ ея спальню. За нимъ очутилась и Лиза, вся раскраснѣвшаяся, заплаканная и взволнованная.

«Митя!»—только могла проговорить Наталья Кириловна, да такъ и залилась слезами, «Митя, голубчикъ мой!» и она хотѣла снова броситься обнимать его,—но вдругъ ослабѣла и опустилась въ кресла.

Въ эту самую минуту въ сосѣдней комнатѣ послышались тяжелые скорые шаги.

Наталья Кириловна вскочила съ своихъ креселъ, какъ будто поднятая электрической силой,—Лиза отбѣжала къ окну,—пріѣзжій молодой человѣкъ невольно посторонился отъ распахнувшейся настежь двери.

На порогѣ показался высокій, сѣдой старикъ, со страшно-сдвинутыми густыми бровями, въ плотнозастегнутомъ сюртукѣ, съ фуражкой и тяжелой тростью въ рукахъ.

«Это что значитъ, Дмитрій?- спросилъ онъ сурово.

«Папà»-сказалъ молодой человѣкъ, протягивая къ нему обѣ руки.

«Стой, обниматься будемъ послѣ, прежде, братъ, скажи, какъ ты сюда попалъ?»

«Я прямо изъ Петербурга, въ отпускъ пріѣхалъ.

«Въ отпускъ!... безъ году недѣлю служитъ, да и въ отпускъ,-и мнѣ ни слова не написалъ, даже позволенья не спросилъ!...

«Да я, Папà, и написать не успѣлъ, отпускъ совсѣмъ неожиданно получилъ.

«Вздоръ!... маршъ назадъ!.. Эй! лошадей не откладывать, подавай къ крыльцу.

«Валеріанъ Михайловичъ, завопила Наталья Кириловна, бросившись къ сыну,«боишься ли ты Бога, дай хоть съ дороги вздохнуть,—да нѣтъ, я не пущу,» и она судорожно обняла и прижала къ себѣ Дмитрія.

«Папà, ради Бога! воскликнула Лиза.

«Вонъ, бабы! прочь, не ваше дѣло, крикнулъ Валеріанъ Михайловичъ, страшно нахмуривъ брови и повелительно указывая тростью на дверь.

Наталья Кириловна тотчасъ отступила, залилась слезами, и вышла изъ комнаты; за нею бросилась и Лиза.

Лишь только бабы вышли, Валеріанъ Михайловичъ бухнулъ въ кресла, и подавая сыну фуражку и палку, грозно проговорилъ: «положи на столъ.» Тотъ молча повиновался.

«Ну чего ты стоишь? маршъ назадъ, въ дорогу!»

Дмитрій все стоялъ.

«Ну скажи, какого чорта ты пріѣхалъ сюда,-зачѣмъ?»

«Какъ зачѣмъ, съ вами повидаться.»

«Врешь!... ты съ бабами нюниться пріѣхалъ, баклуши бить. Хорошъ служака!»

«Да помилуйте, возразилъ нетерпѣливо Дмитрій, неужели вы хотите, чтобъ служба такъ поглотила все мое время, всѣ мои мысли и чувства, чтобъ не оставила во мнѣ даже простаго, естественнаго желанія увидѣть мать и сестру?»

«Успѣешь еще съ ними нацѣловаться,-прежде послужи. А вотъ, погоди, я напишу Михайлу Никитичу, чтобъ онъ тебя завалилъ работой,-чтобъ онъ тебѣ дохнуть не далъ,-чтобъ объ этихъ отпускахъ и помину не было,-баловство одно!!...»

«Воля ваша, отвѣчалъ Дмитрій, я такъ служить не согласенъ.»

«Несогласенъ?—закричалъ Валеріанъ Михайловичъ, вскакивая съ креселъ,—не согласенъ!—да кто твоего согласія спрашиваетъ?—Мало я тебѣ еще потачки давалъ. Изъ Корпуса зачѣмъ вышелъ,—въ Университетъ свой поступилъ?—служить говоритъ буду,—дѣломъ заниматься,—а теперь не согласенъ?—вонъ отсюда, на службу, чтобъ духу твоего здѣсь не было!!...

Дмитрій поблѣднѣлъ и быстро вышелъ изъ комнаты.

Тарантасъ дожидался у крыльца,—Никита лакей молодаго барина стоялъ возлѣ; на него жалобно глядѣла старуха мать его и громко выла. Дворовые повылѣзали изъ разныхъ дверей и робко глядѣли на экипажъ.

Дмитрій вскочилъ въ него и бѣшено закричалъ. «пошелъ»!—Тарантасъ быстро покатилъ къ воротамъ.

«Стой!—крикнулъ Валеріанъ Михайловичъ, показавшись на крыльцѣ.

Ямщикъ осадилъ лошадей.

«Поворачивай назадъ, лошадей откладывать, вещи въ комнаты тащить. Ну здраствуй,» прибавилъ онъ, протягивая сыну руку, «я тебѣ прощаю, ты можешь остаться, у меня до тебя можетъ быть тутъ дѣло будетъ.»

—

Какъ хороши первые дни въ деревнѣ!

Дмитрій не могъ нагуляться, надышаться свѣжимъ, чудеснымъ воздухомъ. Вся желчь, накипѣвшая за зиму, отлегла разомъ отъ сердца. Онъ смотрѣлъ кругомъ себя весело и спокойно, готовъ былъ всѣхъ обнять, обѣгалъ всѣ знакомыя мѣста, съ каждымъ камнемъ, съ каждымъ деревомъ здоровался.

Въ селѣ Воздвиженскомъ пошли счастливые, спокойные дни. Лиза и Наталья Кириловна совсѣмъ ожили, ихъ нельзя было узнать,—Лиза безпрестанно шалила и смѣялась,—Наталья Кириловна не могла наглядѣться на сына, онъ соединялъ въ ея глазахъ всѣ достоинства нравственныя и физическія; она отслужила два молебна: Божіей Матери и Дмитрію Угоднику,—окропила Святой водой комнату сына, всѣ его вещи и платье, допрашивала втай-

нѣ лакея его Никиту,—бѣлье все пересчитала, и принялась сама мѣтить новыя полотенцы.

Валеріанъ Михайловичъ тоже былъ какъ будто повеселѣе и поласковѣе,—онъ втайнѣ былъ радъ видѣть сына, хотя ни за что бы въ этомъ не признался. Даже всѣ дворовые и мужики благословляли пріѣздъ Дмитрія. Только ключница Маланья сердилась на нихъ,-и все сплевывала, боялась, что сглазятъ стараго барина.

Такъ прошла благополучно недѣля.

Разъ утромъ, Валеріанъ Михайловичъ объявилъ Дмитрію, что онъ завтра чуть свѣтъ ѣдетъ на охоту съ борзыми, и чтобъ онъ не проспалъ, если хочетъ ѣхать вмѣстѣ.

Наталья Кириловна, услыхавъ это, только всплеснула руками и стала просить сына, чтобъ онъ не ѣздилъ,—«страсть только эта охота, говорила она, только шеи себѣ посломаете.»

«А ты не въ свое дѣло не мѣшайся!—перебилъ ее Валеріанъ Михайловичъ, «мало еще онъ съ вами тутъ нюнился, вы и то мнѣ его совсѣмъ избабили. Пошла-ка ты лучше въ кухню, да вели намъ къ завтраму пироговъ разныхъ напечь, да жаренаго,—да чтобъ вина было побольше!»

На другое утро Валеріанъ Михайловичъ дѣйствительно выѣхалъ верхомъ чуть свѣтъ. Подлѣ него ѣхалъ Дмитрій на дорогомъ скакунѣ, немного поодаль, въ почтительномъ разстояніи нѣсколько мелкопомѣстныхъ сосѣдей, приглашенныхъ на охоту,-а сзади конюхи и псари, съ борзыми и гончими, и повара и поваренки, и слуги и корзинки и столы, и цѣлый обозъ потянулся.

День разсвѣталъ чудесный, за ночь выпала густая роса, все предвѣщало счастливую охоту. Валеріанъ Михайловичъ былъ необыкновенно въ духѣ. Онъ страшно любилъ охоту, былъ большой мастеръ стрѣлять, а верхомъ ѣздилъ такъ, что молодыхъ затыкалъ за поясъ. Лошади и собаки были у него просто заглядѣнье, и онъ показывалъ ихъ непремѣнно всякому новопріѣзжему.

Цвѣты тамъ, сады, оранжереи,—это, по его мнѣнію, было все вздоръ. Ну, а собаки и лошади это совсѣмъ другое дѣло! «тутъ»

говорилъ онъ« батюшка мой, толкъ нужно знать, изучить это дѣло, а то все дрянь будетъ!»

Дмитрій, въ душѣ, тоже былъ страстный охотникъ, но по разсудку считалъ это звѣрскою забавою, и часто доказывалъ это отцу.

«Ну чтожъ ты на звѣрскую-то забаву поѣхалъ?» сказалъ ему Валеріанъ Михайловичъ дорóгой, «а ужъ сегодня братъ настоящая звѣрская будетъ, на звѣрей и ѣдемъ.»

Дмитрій засмѣялся.

«Я бы не поѣхалъ, отвѣчалъ онъ, да боялся васъ разсердить.»

«Меня разсердить!!.. скажите, что онъ еще выдумалъ, какимъ прикидывается,—да кто тебѣ сказалъ, что я разсержусь,—мнѣ то что? «ну нехочешь, такъ и ступай назадъ;—поворачивай, поворачивай!.»

Но Дмитрій вмѣсто того пришпорилъ лошадь и ускакалъ нѣсколько саженъ впередъ.

«Скажите, твердилъ Валеріанъ Михайловичъ, качая головой, меня разсердить!—какъ будто я такой сердитый?... врешь братъ, врешь, меня не надуешь,—самому страхъ какъ хотѣлось, а туда же горячится, звѣрская говоритъ забава!!....—смотри у меня, чтобъ я больше про эти вздоры не слыхалъ, а то я все у тебя отниму, и ружье и Трезорку твоего, и будешь ты съ палочкой за воробьями ходить.»

Но Дмитрій обѣщалъ, что онъ больше вздору не будетъ говорить, и Валеріанъ Михайловичъ успокоился.

Такъ ѣхали они долго дорогой, разговаривая между собой; наконецъ свернули на широкое поле, проѣхали яровымъ и стали у опушки лѣса:

Тишина, всѣ молчатъ, только лошади фыркаютъ, да стая гончихъ тявкаетъ въ лѣсу; но вотъ все ближе и ближе лай,—вотъ у самаго края, и заяцъ выскочилъ изъ лѣсу,—присѣлъ, насторожилъ уши, и вдругъ бросился стремглавъ безъ оглядки; за нимъ рванулись борзые, затрубили въ рога, и охотники понеслись во всю прыть: вонъ пашня какая то, засѣянное поле,—валяй черезъ поле;...вонъ ровъ,—махъ черезъ ровъ, только кто то полетѣлъ туда; вонъ стадо пасется,...бѣдныя коровы въ ужасѣ разбѣгаются, задравши вверхъ хвосты,—двухъ телятъ задавили,—туда имъ и

дорога! Что за наслажденье скакать, сломя голову, на горячей лошади! какъ быстро несутся мимо предметы: камни, деревья, лѣсъ зеленый такъ и бѣжитъ,—ухъ!..духъ захватываетъ, сердце замираетъ!....туда туда, гдѣ лаетъ стая, гдѣ, какъ точка мелькаетъ заяцъ,—уйдетъ, уйдетъ! вонъ, вонъ у самой опушки лѣса, ... нѣтъ, стой, не уйдешь! затравили!....бѣдный заяцъ, какъ онъ тяжело дышетъ, какъ жалобно смотритъ!

Но вотъ лиса выскочила;—эта не дастся такъ легко;—волка выгнали, потомъ опять зайца, и пошла писать охота . . . .

. . . .

Къ вечеру только, часу въ седьмомъ усталые и голодные съѣхались охотники къ сборному мѣсту.

«Обѣдать живо!...что жъ вы собачьи дѣти?» крикнулъ Валеріанъ Михайловичъ, слѣзая съ лошади,—«чортъ знаетъ, какъ ѣсть хочу, просто лошадь съѣмъ!»

Мигомъ заставили разными блюдами и бутылками длинный столъ, накрытый въ полѣ,—повара и поваренки стали суетиться окола большаго пылающаго костра, лошадей привязали къ телегамъ, а собаки разлеглись въ тѣни высунувъ языкъ, и глядѣли, настороживъ уши, на разныхъ затравленныхъ звѣрей, растянутыхъ тутъ же, на травѣ.

«Что за прелесть обѣдать въ полѣ,» говорилъ Валеріанъ Михайловичъ, кладя въ ротъ огромный кусокъ пирога, «а вечеръ-то какой, а?.....

«Матвѣй дай мнѣ пожалуйста руки вымыть, да вытри мой кафтанъ,«сказалъ Димтрій одному изъ лакеевъ, «я весь, въ крови, эдакая гадость!»

Ты опять, перебилъ его Валеріанъ Михайловичъ, а что обѣщалъ, а?...

«Да чтожъ я говорю? . . .»

«Да нечего, нечего, ужъ я вижу, что ты хочешь опять про свою звѣрскую забаву толковать».

«Совсѣмъ и не думалъ,—я просто руки хотѣлъ вымыть, нельзя жъ мнѣ въ крови обѣдать».

«Ахъ ты баба, баба! .... крови боится,—что это за срамъ? .... говорилъ я тебѣ не будетъ проку изъ твоихъ Университетовъ,

говорилъ тебѣ въ военной службѣ оставайся,—тамъ бы тебя братъ пообстрѣляли!»

«Да—съ,—сраженіе можно сказать всякаго пообстрѣляетъ, вмѣшался одинъ изъ гостей, въ форменномъ истертомъ сюртучникѣ и съ ленточкой въ петличкѣ», это ужъ можно сказать-съ навѣрное, что пообстрѣляетъ,—вотъ я вамъ доложусь,—я тоже сначала претрусишкой былъ,—а вотъ—какъ меня разъ подъ Варшавой мозгами всего забрызгало, да оторванной рукой въ ухо ударило, такъ я вамъ доложусъ!....

«Ну, ну, перебилъ его Валеріанъ Михайловичъ, ужъ и оторванной, просто кто нибудь въ ухо рукой хватилъ, а тебѣ со страху показалось, что ужъ и оторванной».

«Нѣтъ—съ Валеріанъ Михайловичъ ей Богу оторванной, какъ честный офицеръ оторванной!-вотъ—съ какъ теперь помню—стояли мы съ 3-ею ротою ....

«Ну, ну хорошо, ужъ знаемъ мы эту исторію про твое ухо и руку,—ѣшь, не завирайся;—пейте братцы прибавилъ Валеріанъ Михайловичъ, обращаясь къ другимъ гостямъ,—да только чуръ у меня не напиваться, сей часъ изъ за стола долой! Эй!—крикнулъ онъ слугамъ,—вина налейте псарямъ, а собакамъ лапы отъ зайцевъ отдать, да смотрите вы, чтобъ шкуръ у меня не портить! Дмитрій, ты что носъ повѣсилъ, чего ты не пьешь? ...

«У меня отъ вина голова болитъ.»

«Господи Боже мой, что это за молодежъ нынче?—дрянь какая-то,—рыбы!—нѣтъ братъ въ наше время не то бывало;—мы по ведру выпивали, а пьяны не были, ей Богу не были;—пьянъ бываетъ только свинья, да мужикъ, а нашъ братъ долженъ сколько хочешь пить и никогда не напиваться.

Дмитрій громко засмѣялся: «какая странная обязанность нашего брата!».

«Ты чего смѣешься?».

«Какъ же не смѣяться, Папа̀, когда вы такія необыкновенныя обязанности придумываете».

«Ну ка ты мудрецъ, выдумай лучше».

«Да къ чему ихъ выдумывать,—онѣ во всякомъ катехизисѣ написаны».

«Да нѣтъ, нѣтъ, ты не отвиливай,—я вѣдь тебя насквозь вижу,—я знаю, какія тамъ по твоему обязанности.»

«Ну какія же, какія, скажите пожалуйста?»

«Да знаю, знаю, небось: за книгами сидѣть,—да съ Лизой амурничать,—вотъ твои обязанности».

Дмитрій весь вспыхнулъ.

«Нѣтъ, позвольте, позвольте», закричала вдругъ изъ за угла стола какая-то толстая пьяная рожа,—«позвольте Валеріанъ Михайловичъ, вы изволили про женскій полъ упомянуть,—это дѣло совсѣмъ другое,—сорокъ восьмое-съ; женскій полъ это можно—съ сказать украшеніе, лучшая половина рода человѣческаго»....

«Папа̀, сказалъ тихо Дмитрій:» велите ему замолчать, это просто отвратительно, охота вамъ принимать эдакихъ господъ?

«Да онъ свинья, отвѣчалъ громко Валеріанъ Михайловичъ,—только онъ пьяный забавенъ, ты посмотри на него, какая рожа! Черкасовъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ пьяному помѣщику, пой сейчасъ пѣсню!»—Черкасовъ сдѣлалъ сладкую гримасу.

«Ну ну не кривляйся, пой, а то бытулку отниму».

Но Черкасовъ ухватился обѣими руками за бутылку и склонивъ голову на сторону, затянулъ фальшивымъ дискантомъ:

«Во садулѣ, въ огородѣ дѣвушка гуляла;
«За ней ходитъ, за ней бродитъ» ....

«Молчать!—крикнулъ Валеріанъ Михайловичъ,—мерзость какую затянулъ, пѣть не умѣетъ. Ей вы! кто тамъ у васъ запѣвало»?

Одинъ старый охотникъ, осторожно поровшій на травѣ зайца, поспѣшно вскочилъ и снялъ шапку. Но въ это время, какъ то неловко задѣлъ острымъ ножемъ за зайца, и распоролъ ему шкуру.

«Свинья!» закричалъ Валеріанъ Михайловичъ, мгновенно выйдя изъ себя,—«я тебя научу шкуры портить».—и вскочивъ изъ за стола, онъ замахнулся на неловкаго охотника длинной нагайкой.

Но Дмитрій въ ту же минуту крѣпко схватилъ отца за руку.

«Прочь!—гаркнулъ Валеріанъ Михайловичъ, такимъ голосомъ, что всѣ отскочили,—и эхо пошло повторять его крикъ по лѣсамъ и холмамъ»,—прочь!—и онъ снова замахнулся нагайкой; но Дмитрій ловко выхватилъ у него нагайку изъ рукъ, и швырнулъ ее далеко отъ себя.

Валеріанъ Михайловичъ опустился на скамейку, весь блѣдный,—Дмитрій тоже сѣлъ на свое мѣсто.

Долго длилось молчанье.

«Убирать со стола, проговорилъ наконецъ мрачно Валеріанъ Михайловичъ, вставая; подавать лошадей!».

«Я... я... я... пить хочу, залепеталъ Черкасовъ несвязно, ухватившись дрожащею рукою за бутылку». Я... я никого не боюсь,—что мнѣ Предводитель, что мнѣ Валеріанъ Михайловичъ?—я самъ Предводитель! Герой Варшавскій! Эй герой,—душка! ты меня выберешь, оторванной рукой подпишешь!

«Вонъ эту пьяную рожу»,—сказалъ Валеріанъ Михайловичъ, и сѣвъ на лошадь, шагомъ поѣхалъ къ дорогѣ; за нимъ скоро потянулся и весь поѣздъ, кромѣ пьянаго помѣщика, котораго оставили въ какой-то избѣ, просыпаться до другаго утра.

—

Несчастная охота рѣшительно все испортила: старый баринъ вернулся домой страшный и пасмурный, онъ не говорилъ съ сыномъ ни слова, даже не глядѣлъ на него. Все рвалъ и швырялъ кругомъ себя. Всѣ прятались отъ него, ему страшно было на глаза попадаться.

«Сглазили, твердила старая ключница Маланья, — совсѣмъ сглазили бѣднаго барина,—я вѣдь говорила матушка Наталья Кириловна, что сглазятъ».

Но Наталья Кириловна сама совсѣмъ растерялась, и только вздыхала, да охала.

Узнавъ тайкомъ, въ чемъ дѣло, она пристала къ Дмитрію, чтобъ онъ попросилъ у отца прощенья. «Попроси Митя, твердила она, вѣдь онъ отецъ, вѣдь отца Богъ почитать велитъ».

«Не попрошу», сказалъ наконецъ рѣшительно Дмитрій и такъ взглянулъ на нее,—что она тотчасъ же отретировалась: Госпо-

ди, подумала она, какъ вдругъ на отца сталъ похожъ, испугалъ даже совсѣмъ.

Такъ прошло нѣсколько дней. Ужъ какъ они прошли одинъ Богъ только знаетъ.—Что за обѣды были, за ужины:—у Натальи Кириловны глаза распухли отъ слезъ,—Лиза боится пошевельнуться, Валеріанъ Михайловичъ кричитъ на лакеевъ и на жену. Все не такъ: борщъ пересоленъ, жаркое недожарено, и Наталья Кириловна только нюниться, да баловать всѣхъ умѣетъ, и Лиза чего смотритъ, коли старуха изъ ума выжила. — Разъ даже Валеріанъ Михайловичъ не кончилъ своего обѣда: «Мерзость эдакую подаютъ» сказалъ онъ съ сердцемъ и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Наталья Кириловна горько заплакала.

«Господи ты Боже мой», заговорила она въ какомъ то отчаяніи, «ужъ чего сего дня обѣдъ какой былъ, я цѣлую ночь сочиняла, радовалась какъ, думала, вотъ угожу,—а онъ мерзостью назвалъ, хи, хи, хи,» и она долго еще хныкала и вздыхала. Лиза насилу могла ее успокоить.

Дмитрій, все это время почти не жилъ дома, онъ уходилъ съ утра, съ ружьемъ и своей лягавой собакой и возвращался иногда только къ ночи.—Но онъ мало настрѣлялъ дичи, все о чемъ то думалъ, а иногда даже такъ крѣпко задумывался, что рябчики и тетёрки просто смѣялись надъ нимъ, а которые посмѣлѣй, такъ чуть на шапку къ нему не садились. Бѣдная же его Трезорка даже похудѣла въ эти дни, такъ часто онъ давалъ промахи, и наказывалъ ее понапрасну.

Разъ какъ-то утромъ Валеріанъ Михайловичъ всталъ не такой мрачный и пасмурный. Онъ явился совершенно неожиданно въ столовую, поздоровался съ женой, Лизу позвалъ чай разливать, а когда Дмитрій взошелъ, то и ему кивнулъ головой и сказалъ: «здравствуй братъ».

У Натальи Кириловны такъ и забилось сердце и она шепотомъ прочла молитву. Валеріанъ Михайловичъ подсѣлъ къ Лизѣ и сталъ ее дразнить, разсказывалъ, будто исправникъ пріѣзжалъ за нее свататься. Лиза сконфузилась и уронила стаканъ,—но онъ нисколько не разсердился, а напротивъ того самъ поднялъ ста-

капъ, сталъ чай хвалить, и говорилъ, что никто не умѣетъ ему такъ по вкусу налить, какъ Лиза.

Лиза краснѣла, а Дмитрій сидѣлъ такой мрачный, что она даже боялась взглянуть на него.

«Ну что ты такимъ Сентябремъ глядишь?—сказалъ вдругъ Валеріанъ Михайловичъ, обернувшись къ сыну.

Дмитрій вздрогнулъ.

«Я вѣдь знаю, что у него на умѣ», продолжалъ Валеріанъ Михайловичъ, поглядывая кругомъ себя,—«онъ сидитъ себѣ да думаетъ: фу какой я герой,—рыцарь просто!.. защитникъ слабыхъ тамъ, невинно—угнетенныхъ, фу ты, какъ я себя хорошо, да умно веду! А совсѣмъ не умно,—просто глупо!»

Дмитрій молчалъ. Онъ видѣлъ, что мать такъ и смотритъ ему въ глаза.

«Да глупо, повторилъ Валеріанъ Михайловичъ,»—нечего сказать, нашелъ угнетенную невинность, этого стараго дурня; вѣдь ты просто себя одурачилъ.

Дмитрій все молчалъ.

«Да что ты все молчишь, онѣмѣлъ что ли?»

«Чтожъ я говорить буду.»

«Ну значитъ ты согласенъ, что ты не правъ, виноватъ передо мной?»

Вовсе нѣтъ,—готовъ былъ воскликнуть Дмитрій; но посмотрѣлъ на Лизу и на мать и мрачно отвѣчалъ: «да!»

«Нѣтъ ты врешь,»—возразилъ Валеріанъ Михайловичъ, «просто врешь,—я ужъ вижу, что ты врешь,—у тебя на умѣ совсѣмъ не то.»

«Да помилуйте, что вамъ до того, что у меня на умѣ?».

«Эхъ братецъ, я убѣдить тебя хочу.—Вѣдь ты что тамъ смыслишь, сидя въ Петербургѣ?—ровно ничего; а вотъ попробуйка ты здѣсь похозяйничать, такъ другое заговоришь.»

«Я никогда хозяйничать не буду,» отвѣчалъ Дмитрій.

«Нѣтъ будешь, какъ я тебя заставлю; а вотъ нарочно заставлю, чтобъ дурь тебѣ изъ головы выбить; самъ все брошу, мнѣ и то ужъ погорло надоѣло, вотъ непремѣнно брошу.»

«Хуже не будетъ».

«Что что, ты сказалъ?

«Ничего».

«Нѣтъ ты сказалъ, что хуже не будетъ. А вотъ, что будетъ, я тебѣ скажу, что будетъ,—будетъ то, что ты ни копѣйки денегъ не получишь!»

«И не надо.»

«Какъ не надо, а чѣмъ же ты жить будешь въ своемъ Петербургѣ?»

«Какъ нибудь проживу.»

«Ха, ха, ха,—не ты бы говорилъ, не я бы слушалъ,—вѣдь самъ избалованъ то какъ, чортъ знаетъ какъ избалованъ, а туда же хорохорится, денегъ говоритъ не надо.»

«Зачѣмъ же вы меня баловали,—вѣдь вы меня воспитывали?»

«Да чорта съ два, воспитаешь тебя! ты развѣ слушался меня, когда нибудь, въ чемъ нибудь?—на зло просто все мнѣ дѣлалъ! Еще мальчишкой бывало, едва отъ земли видно, а какъ заладитъ нѣтъ, да нѣтъ, такъ ты что хочешь съ нимъ дѣлай, онъ все нѣтъ. Сѣкъ братъ я тебя мало, вотъ это правда.»

Дмитрій опять замолчалъ.

«Скажите, продолжалъ Валеріанъ Михайловичъ, качая головой,—я виноватъ сталъ, я сталъ виноватъ,—да ты что̀ по моему дѣлалъ? Я его въ военную службу готовилъ, порядочнымъ человѣкомъ думалъ сдѣлать, а онъ въ Университетъ вступилъ, я его съ порядочными людьми сблизить хотѣлъ, въ порядочное общество ввести, а онъ съ какою то дрянью сдружился, съ писаками, да съ учеными, да еще въ добавокъ стихи говорятъ печатаетъ,—срамъ, просто срамъ, весь родъ осрамилъ.»

«Чтожъ, кабы я по вашему жилъ,—развѣ бы лучше было? Чтобы изъ меня вышло?—шаркунъ, офицеришка бонтонный.»

«Не вѣкъ бы офицеромъ былъ, дослужился бы и до Генерала, я бы ужъ тебя въ люди вытянулъ. А теперь то что̀, посмотри, вѣдь передъ своими срамъ,» и Валеріанъ Михайловичъ указалъ на висѣвшіе на стѣнѣ старые семейные портреты,—видишь все мундиры, да звѣзды.»

«Нельзя же мнѣ во всемъ своимъ предкамъ подражать, мало ли что они тамъ выдѣлывали, теперь пожалуй за это и въ Сибирь поѣдешь.»

«Ну ужъ братъ, они по крайней мѣрѣ стиховъ не писали.»

«Да и грамоти незнали.»

«Даромъ, что не знали, а по умнѣе насъ съ тобой были.»

«Можетъ быть,—я съ вами объ этомъ спорить не буду.»

«Да и я братъ съ тобой спорить не буду, что ты въ самомъ дѣлѣ думаешь,—баста! я вижу съ тобой добромъ не возьмешь, довольно я тебѣ потачки давалъ, бредни твои слушалъ,—самъ же говоришь, что избаловалъ совсѣмъ,—постой же я тебя вышколю,—въ армейскій полкъ юнкеромъ пошлю, тамъ тебѣ дурь изъ головы повыбьютъ!»

«Ну нѣтъ, я въ полкъ не поѣду.»

«Поѣдешь, связаннаго отвезутъ;—да нѣтъ, я тебя сначала съ годикъ здѣсь продержу, заставлю хозяйничать, чтобъ ты дѣло настоящее на дѣлѣ увидѣлъ, а не то что всю жизнь надъ книгами сидѣть,—это братъ немудрено.»

«Я пожалуй хозяйничать буду, коли вы непремѣнно этого хотите,—да только не по вашему, а по своему, и съ условіемъ, чтобъ вы не мѣшались въ мое хозяйство.

«Ну нѣтъ, извини, я тебѣ по твоему хозяйничать не позволю, ты тутъ столпотвореніе Вавилонское надѣлаешь,—ты съ мужикомъ и говорить то не умѣешь, а хозяйничать хочешь,—ты все какъ то тамъ «сдѣлай милость», да «пожалуйста», а того и не видишь, что онъ же тебѣ подъ носъ смѣется.»

«Пусть ужъ лучше смѣется—чѣмъ плачетъ такъ какъ у васъ.»

«Небось не заплачетъ; вѣдь здѣшній мужикъ шельма, онъ тебѣ такимъ жалкенькимъ прикинется, лазаря запоетъ, а ты и уши развѣсилъ; нѣтъ братъ ты только копни его, такъ и увидишь, чтò тамъ найдешь.»

«Да что найдешь, отвѣчалъ Дмитрій, сухія корки, да и тѣхъ пожалуй не найдешь.»

«Ну вотъ и видно, что ты еще молодъ, да глупъ, дѣла то не смыслишь, а старшихъ слушаться не хочешь. Я тебѣ говорю, ты мужика не знаешь, ты все съ нимъ разговаривать хочешь, урезонивать его, а это ему какъ стѣнѣ горохъ; нѣтъ ты его ткни, такъ онъ тебя и пойметъ.

«Да конечно, коли съ малолѣтства наказывать, такъ подъ старость плохо урезонивать.

«Съ малолѣтства, съ малолѣтства!—видалъ я этихъ воспитанныхъ то и съ малолѣтства,—все въ тотъ же лѣсъ глядят...»

«Неправда! воскликнулъ Дмитрій, вдругъ вскочивъ со стула,—вы не имѣете права такъ говорить.» Онъ взглянулъ на Лизу,—она чуть не плакала.

«Да ты чего кричишь, сказалъ Валеріанъ Михайловичъ, самъ начиная кричать,—ты не кричи, а слушай, когда тебѣ толкомъ говорятъ:—я тебѣ цѣлый часъ толкую,—что по твоему хозяйничать нельзя, ну понимаешь ли ты, нельзя!

«А я по вашему не стану.»

«Станешь!»

«Нѣтъ не стану!—мнѣ ваше хозяйство съ крикомъ да съ побоями такъ же противно, какъ вамъ мои стихи да книги.»

«Мальчишка! грубіянъ!»

«Вы меня бранью не запугаете, отвѣчалъ Дмитрій, смѣло взглянувъ отцу въ глаза, вы привыкли тутъ всѣми повелѣвать, привыкли, чтобъ всѣ дрожали передъ вами, но я вамъ повторяю, я васъ не боюсь, да и никого въ мірѣ не боюсь, и буду жить и дѣйствовать по своему.»

«Да, возвразилъ Валеріанъ Михайловичъ, презрительно посмотрѣвъ на него, будешь баклуши бить, да бреднями заниматься; а дѣло дѣлать, трудиться, такъ это тебѣ не по силамъ.»

«Ваше хозяйство не трудъ!»

«Что, что ты врешь?»

«Да, не трудъ, закричалъ Дмитрій, вдругъ выйдя изъ себя, не трудъ, а . . . .
. . . .

Но громкій отчаянный крикъ перебилъ его слова. Наталья Кириловна бросилась передъ нимъ на колѣни: «замолчи Митя, замолчи, я тебя умоляю!»

Онъ посмотрѣлъ на нее и выбѣжалъ въ отворенную дверь — Страшныя проклятія посыпались ему вслѣдъ.

Лиза бросилась за Дмитріемъ; она догнала его въ большой залѣ и схватила за обѣ руки.

«Пусти меня, Лиза, сказалъ онъ, высвободивъ свои руки, и началъ быстро расхаживать по залѣ.

«Господи, что это за наказанье,» твердилъ онъ. «съ нимъ нѣтъ

никакой возможности, нѣтъ силъ, онъ просто всякаго выведетъ изъ терпѣнья». Онъ остановился передъ Лизой: «я просто удивляюсь Лиза, какъ вы тутъ съ нимъ живете, просто понять немогу?

«Выпей ради Бога стаканъ воды, сказала Лиза, посмотри, какой ты блѣдный.»

«Да нѣтъ, что̀ вода, отвѣчалъ Дмитрій нетерпѣливо, и снова сталъ шагать по комнатѣ.

«И сколько разъ давалъ я себѣ слово,» продолжалъ онъ сильно горячась, «неспорить съ нимъ, не вмѣшиваться ни во что̀;—такъ нѣтъ же, взбѣсилъ меня, только что я пріѣхалъ; ну а теперь, вѣдь я не хотѣлъ съ нимъ спорить, вѣдь ты видѣла, что я не хотѣлъ, я вѣдь «да» ему сказалъ, помнишь я сказалъ «да,»—такъ нѣтъ же онъ присталъ ко мнѣ,—убѣждать меня хотѣлъ! Скажите! онъ меня убѣждать!!...... да нѣтъ, съ нимъ нѣтъ никакой возможности, нѣтъ силъ, я завтра же уѣду отсюда, непремѣнно уѣду!!....

Но въ эту минуту онъ нечаянно встрѣтилъ глаза Лизы, и вдругъ бросился къ ней, сталъ цѣловать ей руки и съ жаромъ клясться, что ни за что̀, ни за что̀ не уѣдетъ.

«Лизавета Николаевна,» доложилъ лакей, показавшись въ дверяхъ, «пожалуйте въ столовую, барынѣ дурно.»

Лиза только вскрикнула и въ одну секунду очутилась въ столовой.

Тамъ Валеріана Михайловича уже не было, но Наталья Кириловна дѣйствительно лежала безъ чувствъ и около нея суетились двѣ горничныя со старой нянькой: горничныя прыскали на барыню водой, а нянька совсѣмъ растерявшись, бѣгала изъ угла въ уголъ съ какимъ то молочникомъ въ рукахъ, и по временамъ совала его подъ носъ больной.

Съ помощію Лизы Наталью Кириловну скоро привели въ чувство и уложили въ постель.

Въ это же утро старый баринъ уѣхалъ въ городъ: «а бѣдная барыня,» какъ разсказывала няня въ кухнѣ: «еще пуще стала убиваться, все тоскуетъ, да спрашиваетъ, за чѣмъ де самъ въ городъ поѣхалъ?—а ктожъ его вѣдаетъ зачѣмъ онъ поѣхалъ;

ужъ въ церковь приказывала сбѣгать, Дмитрію угоднику свѣчку поставить.» Но няня поставила на всякій случай двѣ; все думала, вѣрнѣе будетъ.

Съ вечера Наталья Кириловна долго не могла заснуть, и Лиза просидѣла у ней почти всю ночь; хотѣли послать за докторомъ, да къ утру старушка поправилась и встала съ постели.

—

Къ обѣду стали ждать стараго барина, но онъ къ обѣду не пріѣхалъ.

Наталья Кириловна ходила изъ угла въ уголъ, какъ потерянная, и сто разъ всѣхъ допрашивала, зачѣмъ баринъ уѣхалъ въ городъ?—но никто не могъ ей дать отвѣта, и она только охала и вздыхала: «Господи, что это будетъ, что ты надѣлалъ Митя?»—и она выходила въ садъ и за село и на крыльцѣ топталась, и все глядѣла на дорогу;—а Валеріана Михайловича нѣтъ, какъ нѣтъ.

Наконецъ къ вечеру показалась его коляска;—но за нею ѣхалъ сзади тяжелый дормезъ шестеркой, а за нимъ какой-то тарантасъ тройкой.

Наталья Кириловна только ахнула, увидѣвъ весь этотъ поѣздъ и такъ и осталась стоятъ на крыльцѣ съ разинутымъ ртомъ.

Первая подскакала коляска во всю прыть.

«Жена, жена, закричалъ Валеріанъ Михайловичъ еще изъ экипажа,—гости, гости къ намъ, да какіе, самые дорогіе! отъѣзжай прочь, собачій сынъ!—крикнулъ онъ на кучера и къ крыльцу медленно подкатилъ тяжелый дормезъ.

Изъ него вытащали сначала двухъ маленькихъ собаченокъ, потомъ нѣсколько узловъ и подушекъ, потомъ старую толстую барыню, закутанную всю въ шелкъ и въ бархатъ, потомъ выпрыгнула, улыбаясь, молоденькая дѣвушка, показавъ на ступенькѣ маленькую, щегольски обутую, ножку, потомъ потащили опять узлы и картоны, и мѣшки и ящики, а изъ тарантаса полѣзли дѣвки и лакеи, и опять узлы и вещи и чемоданы, и загромоздили ими всю переднюю и весь корридоръ.

«Сюда, сюда графиня, сюда моя милая, дорогая Анна Николаевна, сюда пожалуйте, говорилъ торопливо Валеріанъ Михайло-

вичъ, провожая дамъ въ комнаты,—вотъ рекомендую: сынъ мой Дмитрій, вотъ жена моя, а вотъ это Лиза, воспитанница.

Пріѣзжая барыня обнялась съ Натальей Кириловной, подала руку Дмитрію и покосилась на Лизу.

«Sophie, сказала она, значительно взглянувъ на свою дочку, faites connaissance.»

Лиза переконфузилась, но дочка тотчасъ подбѣжала къ ней, крѣпко ее поцѣловала, засмѣялась, и онѣ обѣ скоро убѣжали изъ комнаты.

«Pardon cousine,» сказала старая графиня, сладко улыбаясь, и обращаясь къ Натальѣ Кириловнѣ,—«ужъ вы мою Sophie извините, она у меня право такой еще ребенокъ, tout-a fait enfant.»

«Жена, жена, закричалъ вдругъ Валеріанъ Михайловичъ, чтожъ ты тутъ стоишь, скорѣй обѣдать, нука покажи, какова ты у меня хозяйка?»

И бѣдная хозяйка опрометью бросилась въ кухню импровизировать поздній обѣдъ.

Валеріана Михайловича рѣшительно узнать было нельзя, съ нимъ сдѣлалось какое то чудо: Онъ сталъ веселъ, милъ, любезенъ; о вчерашней ссорѣ и помину не было, онъ трепалъ Дмитрія по плечу, Лизу мимоходомъ взялъ за подбородокъ. За обѣдомъ все острилъ и шутилъ, говорилъ комплименты молодой гостьѣ, а маменьку ея водилъ подъ руку по всему дому и не утерпѣлъ таки, показалъ ей свою псарню и конюшню.

Старая барыня всѣмъ восхищалась, охала и ахала: cher cousin ея Валеріанъ Михайловичъ примѣрный хозяинъ, а chère cousine такая хозяйка, что нѣтъ подобной на свѣтѣ,—и Лиза charmante petite,—только про Дмитрія она ничего не говорила, но все изъ подтишка поглядывала на него.

Нужно сказать, что пріѣзжая графиня Анна Николаевна была троюродная сестра стараго Корнилова, онъ провелъ съ ней свое дѣтство и молодость и любилъ ее, какъ всѣ старые люди любятъ свои молодыя воспоминанія. Они очень долго не видались: графиня жила въ какомъ то губернскомъ городѣ, гдѣ мужъ ея былъ важнымъ сановникомъ, потомъ когда мужъ умеръ, жила у себя въ имѣніи, кутила въ Петербургѣ и въ Москвѣ, ѣздила въ чужіе края, раззорилась въ пухъ, и вернулась на родину поправлять

свои дѣла и выдавать за мужъ подросшую между тѣмъ дочку Соничку.

Валеріанъ Михайловичъ находился съ ней въ постоянной переппскѣ, и узнавъ, что она вернулась во свояси, сталъ усердно звать ее къ себѣ въ деревню. Но графиня и да и нѣтъ, и пріѣду и не пріѣду, да вдругъ сюрпризомъ и нагрянула въ уѣздный городъ, гдѣ Валеріанъ Михайловичъ встрѣтилъ ее совершенно неожиданно.

—

Село Воздвиженское рѣшительно перевернулось вверхъ дномъ; пошли гулянья, обѣды, праздники.—Корниловъ принималъ своихъ гостей по барски.

Наталья Кириловна совсѣмъ захлопоталась, но не смотря на то, повеселѣла и поправилась. Голова ея была такъ набита разными печеньями и стряпаньями, время такъ наполнено совѣщаніями съ поварами и кухарками, что ей нѣкогда было даже пожалобиться и поплакать,—да къ тому же Валеріанъ Михайловичъ совсѣмъ больше не сердился, давно не былъ съ ней такъ ласковъ и находилъ превосходнымъ все что она ни сдѣлаетъ. Наталья Кириловна была въ восторгѣ.

Лиза также повеселѣла; она скоро сдружилась съ молодой графиней, онѣ стали говорить другъ другу ты, и въ домѣ былъ безпрестанно слышенъ ихъ смѣхъ и бѣготня.

Даже дворовые люди были рады пріѣзду гостей: ихъ совершенно забыли, а староста Степанъ съ своей барщиной были рѣшительно предоставлены самимъ себѣ, и спали и отлѣнивали напропалую.

Однимъ словомъ всѣ были въ полномъ удовольствіи. Только одинъ Дмитрій все что то былъ не веселъ, и смотрѣлъ враждебно на новыхъ гостей.

Разныя соображенія, воспоминанія изъ дѣтства, а главное какія то предчувствія говорили ему, что тутъ кроется недоброе.

Онъ называлъ старую графиню толстой куклой, а дочку ея тоненькой куколкой.—Я знаю навѣрное, думалъ онъ, что эта дѣвочка въ душѣ пренадменная и преиспорченная, даромъ, что

съ виду такой миленькой да добренькой прикидывается; я увѣренъ даже, что она смѣется надъ Лизой, даромъ что все съ ней цѣлуется; а какимъ невиннымъ ангеломъ прикидывается. О, у нее мать должно быть большая мастерица своего дѣла. Какъ вымуштровала!

Но Дмитрій былъ въ этомъ случаѣ совершенно неправъ. Молодая графиня Софья Александровна вовсе ничѣмъ не прикидывалась, а была на самомъ дѣлѣ такою, какою казалась съ виду. Надъ Лизой она и не думала смѣяться, а напротивъ того дѣйствительно полюбила ее. Впрочемъ она полюбила и Валеріана Михайловича и Наталью Кириловну и самого Дмитрія, и верховую лошадку, которую ей подарили скоро послѣ пріѣзда; съ ключницей Маланьей подружилась, ласкала огромную дворовую собаку и возилась съ борзыми щенками;—однимъ словомъ она готова была полюбить весь міръ, всѣхъ и все, съ чѣмъ только сталкивала ее судьба.

«Il est très beau votre frère Дмитрій,»—сказала она разъ какъ-то Лизѣ,—«только скажи пожалуста—отчего онъ такой все печальный, такъ сердито смотритъ?—знаешь, я даже боюсь его немного.»

«Ахъ нѣтъ,» начала съ жаромъ защищать Лиза,—онъ такой, добрый, ты не знаешь какой онъ добрый.»

«Oui, oui, je le crois volontiers, только знаешь, мнѣ кажется, онъ влюбленъ въ кого нибудь:—Лизочка, душечка скажи мнѣ въ кого онъ влюбленъ? вѣдь ты навѣрное знаешь,—вѣдь я знаю, что ты знаешь?»

Но въ эту минуту ворвались въ комнату два борзые щенка,—и Софья Александровна, не дождавшись отвѣта, бросилась къ нимъ, схватила одного изъ нихъ на руки, стала душить, и выбѣжавъ въ садъ, пустилась бѣгать съ нимъ по дорожкамъ.

Въ это самое время въ саду, по большой аллеѣ расхаживали взадъ и впередъ, мѣрными шагами старая графиня съ своимъ cher cousin. Они по видимому разговаривали о чемъ-то очень важномъ, потому что Валеріанъ Михайловичъ сильно размахивалъ руками, а старая графиня качала головой.

«Cette chère enfant, сказала она, услыхавъ лай щенка, и замѣтивъ между деревьями мелькавшее платье своей дочки.

«Примѣрная дѣвушка,—возразилъ Валеріанъ Михайловичъ, что за жена будетъ.»

«Дитя еще такое, перебила графиня,—совсѣмъ ребенокъ.»

«Ну это не бѣда; какъ свои ребята пойдутъ, тогда перестанетъ быть ребенкомъ.»

«Нѣтъ, нѣтъ cher ami, ее еще нельзя одну оставить, она такая innocente, ничего не знаетъ.»

«Мужъ всему научитъ»—отвѣчалъ Валеріанъ Михайловичъ, лукаво улыбаясь.»

«Vous êtes toujours le même, cousin, сказала Анна Николавна, грозя ему пальцемъ, и дѣлая видъ, будто конфузится.

«Нѣтъ ужъ не тотъ, милая моя Анна Николавна, совсѣмъ не тотъ,—силы не тѣ.»

«Non, savez-vous,—какъ я теперь присмотрѣлась, такъ мнѣ кажется вы совсѣмъ даже не перемѣнились.»

«А волосы сѣдые?»

«Что волосы! — le coeur, le coeur est toujours le même.»

«Вотъ это какъ и у меня», прибавила она вздохнувъ, «право на себя даже досадно»,—дочь невѣста, а я все такъ еще сердцемъ молода,—всему вѣдь сочувствую,—даже на мѣстѣ не сидится; повѣрите ли, еслибъ не Sophie, сейчасъ бы опять въ Италію уѣхала. Oh, ce beau pays! знаете кто разъ тамъ былъ.....

«Ну чтожъ, мы Соничку пристроимъ, а тамъ пожалуй вмѣстѣ въ вашу Италію поѣдемъ».

«Ахъ какъ бы это было чудесно, oh que ça serait charmant!.... Валеріанъ Михайловичъ наши старинные счастливые дни вернутся!»

«Нѣтъ ужъ не вернутся», сказалъ Валеріанъ Михайловичъ, махнувъ рукой,—«что было, то пиши пропало».

«Лиза, Лиза», послышалось въ эту минуту изъ сосѣдней аллеи, и молодая графиня промелькнула вслѣдъ за щенкомъ.

Но на поворотѣ дорожки она прямо наткнулась на Дмитрія, который стоялъ тамъ и тихо разговаривалъ съ Лизой.

Шалунья громко засмѣялась и покраснѣла.

«Pardon», сказалъ Дмитрій, посторонясь.

«Мерзкая собаченка, все кусается, запищала Софья Алексан-

дровна, дѣлая кокетливую гримаску и прикладывая пальчикъ къ губамъ.

«Savez-vous, cher ami», говорила между тѣмъ своему кавалеру старая графиня, которая видѣла сквозь деревья всю эту сцену,— «вы бы замужъ выдали эту Лизу; elle est charmante,—je ne dis pas mot,....et si bonne; но все знаете: молодой человѣкъ подъ одною кровлей съ молоденькой дѣвушкой. ...Et puis des cancans... ....

«Да, да, это правда, возразилъ Валеріанъ Михайловичъ, я самъ объ этомъ думалъ, да теперь не до того, мы прежде главное-то дѣло окончимъ».

«Не было бы поздно, замѣтила графиня, посматривая съ безпокойствомъ въ ту сторону, откуда слышались смѣхъ и голоса».

«Какой вздоръ,—чего вы боитесь?—да впрочемъ у меня никогда не поздно, прикажу—и будетъ».

«Да, да cher ami, c'est cela, такъ и должнò быть; отецъ, глава семейства—хозяинъ въ домѣ. Вотъ мой покойный Александръ Антоновичъ, entre nous soit dit, совсѣмъ не такой былъ, оттого я вотъ и теперь все бьюсь, не могу концы съ концами свести».

«Ну, — да вашъ мужъ службой былъ занятъ,—это совсѣмъ другое дѣло, у него важныя дѣла были на рукахъ».

«Охъ! вздохнула графиня, то-то и худо, что у него кромѣ важныхъ другія дѣла были;—вѣдь я послѣднее время совсѣмъ не жила съ нимъ»—и она опять вздохнула, и сдѣлала молча два тура.

«Такъ какъ же, началъ Валеріанъ Михайловичъ, то, объ чемъ мы съ вами говорили?

«Ахъ, отвѣчала Анна Николавна, у меня право какъ то сердце все неспокойно, она вѣдь такое еще дитя».

«Пустое, перебилъ Валеріанъ Михайловичъ, круто повернувъ къ дому,—вы объ этомъ не хлопочите, смотрите только съ женой какъ нибудь не проболтайтесь, она, между нами будь сказано, въ этихъ вещахъ ровно ничего не смыслитъ.

Проходя мимо молодежи, Валеріанъ Михайловичъ погрозилъ пальцемъ молодой графинѣ, а мамаша ея сладко улыбнулась Дмитрію.

«Il n'a pas l'air pourtant si doux ce Дмитрій,—подумала она:—а эта Лиза, какъ онъ на нее глядитъ,—oh ces hommes, ces hommes!.... и она исчезла съ своимъ кавалеромъ въ дверяхъ балкона.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ селѣ Воздвиженскомъ былъ большой праздникъ.

Съ утра еще наѣхало множество гостей, а къ вечеру село кипѣло народомъ какъ муравейникъ. Лишь только совсѣмъ стемнѣло, иллюминовали садъ, а на противоположномъ берегу озера стали жечь какіе то разноцвѣтные огни, приводившіе въ изумленіе всѣхъ бабъ и мужиковъ и въ неистовый восторгъ босоногихъ мальчишекъ.

Весь дворъ былъ заставленъ экипажами всевозможныхъ фасоновъ и временъ, начиная отъ щегольской коляски, выписанной изъ Вѣны, до безобразнаго полуразвалившагося рыдвана, подареннаго прабабушкѣ Царемъ Горохомъ.

Въ залахъ и гостиныхъ была таже пестрота и смѣсь всевозможныхъ нарядовъ:

Фонъ составляли деревенскія барышни и барыни, въ полинялыхъ платьяхъ и прошлогоднихъ перчаткахъ, уѣздные франты, отъ которыхъ за версту несло помадой, и армейскіе офицеры изъ близъ-стоящаго полка. Но кой гдѣ мелькала бонтонная красавица, проданная въ вѣчное рабство французской модисткѣ, или стоялъ у колонны пріѣзжій франтъ изъ Петербурга, никогда неговорящій по Русски; а между танцорами было даже два адъютанта, да въ залѣ блестѣлъ гусарскій мундиръ, и не то, чтобы какой нибудь поддѣльный, а настоящій гвардейскій.

Валеріанъ Михайловичъ игралъ въ карты съ какимъ - то важнымъ генераломъ, со звѣздами, къ которому всѣ обращались съ почтеніемъ и называли Княземъ Василіемъ Леонтьевичемъ; хозяйка дома суётилась въ столовой, старая Графиня занимала двухъ Петербургскихъ маменекъ, а молодежъ кружилась въ большой залѣ. Тамъ на хорахъ давно уже гремѣлъ полковой

оркестръ, у дверей и колоннъ толпились мелкопомѣстныедворяне, которымъ хозяинъ дома строго на строго запретилъ танцовать въ этотъ вечеръ; нѣсколько бородъ и бабьихъ головъ торчало въ отворенныхъ окнахъ, а вдоль по стѣнамъ залы сидѣли разныя старыя барыни, любовались на своихъ дочекъ и съ азартомъ сплетничали между собою:

Одна изъ нихъ, (наклоняясь къ другой):

«Вѣра Михайловна, Вѣра Михайловна, да покажите вы мнѣ ради Бога эту пріѣзжую Графиню.»

Другая, (указывая пальцемъ): «А вонъ, вонъ дочка то танцуетъ.»

Первая барыня:

«Чтожъ прокричали, что хороша, просто дурна, носъ какой то вздернутый.»

Третья барыня:

«А знаете, что говорятъ?»

Другія двѣ:

«Что что?»

«Да говорятъ она помолвлена за Дмитрія Валеріановича.»

«Не ужъ то?»

«Какъ же, мать-то не дура, съ французишками кармашишки порастрясла, такъ за то дочькѣ какого жениха подцѣпила.»

«Да можетъ ли это быть, Марфа Петровна, вѣдь мать самому Предводителю сродни, вѣдь его бабушка была родная сестра ея дѣдушки.»

«Какая матушка тамъ родня, кто это вамъ навралъ, просто съ молоду сами породнились.»

Первая барыня:

«Господи! грѣхъ какой, какія нынче дѣла на свѣтѣ дѣлаются,»

— (Хочетъ встать, но маленькій армейскій офицеръ, вальсирующій съ огромной дамой, наталкиваетъ ее назадъ на диванъ.)

Барыня:

«Фу невѣжи какіе!»

Маленькій офицеръ, (только что кончивъ танцовать, подходитъ къ другому, весь раскраснѣвшись и запыхавшись:)

«Скажи братъ сдѣлай милость, гдѣ тутъ буфетъ?»

Другой, (схвативъ его за руку): съ кѣмъ ты танцовалъ, что за дѣвка славная?

Первый офицеръ (останавливая проходящаго лакея:)

«Нельзя ли братъ пуншу стаканъ?»

Къ нимъ подходитъ Полковой Командиръ, туго затянутый шарфомъ, съ орденами и медалями на груди:

«Господа вы пожалуйста—не того, Скобликовъ,—вы танцуете какъ то ужъ слишкомъ!»

Первый офицеръ:

«Помилуйте Николай Петровичъ, это ужъ дама такая попалась, никакъ не повернешь.»

Полковой Командиръ:

«Зачѣмъ же вы себѣ такую не подъ ростъ выбираете?» (пожимаетъ плечами и отходитъ.)

Маленькій офицеръ, (сильно горячась:)

«Я ему дурака скажу, какъ честный человѣкъ скажу!»

Приближается цѣлая процессія:—двѣ барышни въ розовомъ, другія двѣ въ желтомъ, а сзади маменька въ какомъ-то необычайномъ турбанѣ:

Одна барышня другой:

«Какая скука, ma chère, совсѣмъ кавалеровъ нѣтъ,»

Маменька, (подбѣгая къ ней и торопливо обдергивая сзади платье:)

«Плечи, плечи держи, я тебѣ говорила, я тебѣ говорила, ты совсѣмъ скоро изъ платья вылѣзешь.»

Молоденькая дѣвушка, (подходя къ другой:)

«Маша, ты видѣла гусара, вѣдь это настоящій гусаръ, гвардейскій.»

Другая: «Ахъ какой charmant», (поправляетъ локоны рукой и проходитъ въ туалетную.)

Лакей выводитъ изъ сосѣдней комнаты слѣпаго старика, сѣдаго какъ лунь и одѣтаго въ длинно-полый синій сюртукъ.

Слѣпой:—«Прошка, здѣсь танцуютъ?»

Лакей:—Здѣсь-съ»

«А свѣтло тутъ?»

«Свѣтло-съ»

«Съ кѣмъ барышня танцуетъ?»

«Съ исправникомъ-съ»

«А въ мундирѣ онъ?»

«Въ мундирѣ-съ»

Подходитъ высокая худая дама, въ бѣломъ чепчикѣ и коричневой шолковой мантильѣ:

«Ахъ Василій Степановичъ, Василій Степановичъ, мой батюшка, все ли вы въ добромъ здоровьѣ?»

Слѣпой (хватаетъ за руку проходящаго мимо офицера:)

«Ахъ матушка моя Анна Петровна вы ли это?»

Офицеръ, (отходя въ сторону:)

«Что̀ онъ, одурѣлъ?»

Дама въ мантильѣ:

«Василій Степановичъ, Василій Степановичъ, да вы не туда, я здѣсь»—Беретъ старика за руку и сажаетъ подлѣ себя на диванъ. Провожатый лакей тотчасъ изчезаетъ.

Дама:—«Ну ужъ Василій Степановичъ, какъ же я рада васъ видѣть, я вѣдь васъ вездѣ искала, думала вы совсѣмъ не будете, да Вѣрочку вашу увидѣла.»

Слѣпой:—«*Самъ* матушка моя Анна Петровна звать пріѣзжалъ, нельзя не быть.»

Анна Петровна, (горячась и размахивая руками:)

«Ну ужъ кабы онъ васъ не пригласилъ, *васъ* не пригласилъ, никто бы мы не поѣхали, вотъ и Семенъ Ивановичъ говоритъ, что не поѣхалъ бы.»

Слѣпой:—да гдѣ это моя Вѣрочка, что это я ее цѣлый вечеръ не вижу? Прошка, Прошка!...

Анна Петровна (перебивая его:)

«Вотъ родной вы мой, я посовѣтоваться съ вами хотѣла, что мнѣ съ своимъ лѣсомъ дѣлать, вѣдь весь вырубилъ, на чисто вырубилъ!»

«Кто, кто вырубилъ?»

«Да самъ предводитель то вашъ, защитникъ вдовъ и сиротъ, не бось на мои бревна балы задаетъ теперь.»

«Какія тутъ матушка моя бревна, что тутъ ваши бревна, капля въ морѣ.»—

«Да мнѣ то Василій Степановичъ отъ этого не легче,—вѣдь онъ злодѣй просто, крестьянъ своихъ всѣхъ пораззорилъ.»—

«Это грѣхъ великій матушка моя, они вѣдь все же люди.»—

«Ктò говоритъ Василій Степановичъ, ктò говоритъ, конечно люди, да съ бревнами—то что мнѣ теперь дѣлать?

«А вотъ вы матушка моя посмотрите, какой онъ амбаръ выстроилъ чудесный, такъ ужъ я вамъ доложу амбаръ! я еще засвѣтло глядѣть ходилъ.»

Анна Петровна (съ досадой къ своей сосѣдкѣ) «много увидѣлъ, слѣпой чортъ!»

Василій Степановичъ (начинаетъ опять кликать своего лакея) Прошка, Прошка, гдѣ это онъ?—Господи и Вѣрочки моей нѣтъ, гдѣ она, гдѣ она, всѣ меня бросили.»

Молодая дама (подходитъ къ нему)

«Позвольте Василій Степановичъ я васъ сведу къ Вѣрочкѣ.»

Слѣпой (хватая ее за локоть) «Ахъ матушка вы моя, благодѣтельница, красавица!» (Дама беретъ его подъ руку и уводитъ.)

Двѣ модныя Петербургскія дамы на почетномъ концѣ залы:

Одна изъ нихъ:

«Quelle drôle de societé».

Другая:

«Mais regardez un peu toutes ces demoiselles, какъ онѣ одѣты, pas une, qui soit comme il faut.»

Прежнія деревенскія барыни (напротивъ нихъ на диванѣ:)

«Марфа Петровна, Марфа Петровна посмотрите-ка на вашу Графиню:—съ гусаромъ подъ ручку расхаживаетъ, ай, ай, ай,—а еще невѣста!»

Марфа Петровна:

«У нихъ стыда нѣтъ у этихъ модныхъ то; посмотрите что на ней за платье, какъ открыто, безстыдница эдакая!»

Молоденькая хорошенькая дамочка, разряженная въ пухъ, идетъ одна черезъ всю залу и махаетъ вѣеромъ. Ей попадается на встрѣчу высокій полный мужчина, съ длинными усами.

Дама, (останавливая его за руку:)

«Serge, Serge j'ai chaud.»

Serge:

«Поѣдемъ матушка домой, я страшно спать хочу».

Дама, (отдергивая свою руку:)

«Нѣтъ, я танцовать хочу».

Къ ней подбѣгаетъ франтъ сомнительной наружности и расшаркивается:

«Позвольте на туръ вальса»

Дама, (оглядывая его съ ногъ до головы:)

«Извините, я устала».

Франтъ, сильно сконфуженный, ретируется къ колоннамъ.

Трое мелкопомѣстныхъ дворянъ (обращаясь къ нему всѣ разомъ:)

«Что братъ, съѣлъ грибъ?»

Четвертый (въ форменномъ сюртукѣ и съ крестикомъ въ петличкѣ:)

«Ну ужъ я бъ ее отдѣлалъ, ей Богу бы отдѣлалъ!—вы устать изволили, сказалъ бы,—хорошо-съ, извольте же на мѣсто садиться и ни съ кѣмъ не танцовать, ни, ни, не позволю; ей Богу бы такъ вотъ и сказалъ,—мы и не такія штуки выдѣлывали, какъ бывало съ полкомъ стояли.»

Трое первыхъ, (перебивая его:)

«Ну, ну не хорохорься, попробуй ка лучше самъ, нука сунься?»

«Да ужъ мнѣ бъ сама Графиня не отказала,—что вы думаете, да еще какъ бы прошелся,—что они всѣ?—понятія не имѣютъ;—я бъ имъ показалъ, что значитъ танцовать!»

«Ну ну поди, поди, чтожъ ты?»

«Эхъ братецъ, вѣдь ты знаешь *самъ* не велѣлъ, ну чтò съ нимъ будешь дѣлать?—Ты говоритъ только сунься у меня свои пá выдѣлывать;—пá, пá!—просто зависть одна,»—(махаетъ рукой:)—«пойду лучше къ бабамъ, тамъ дѣло вѣрнѣе.»

Валеріанъ Михайловичъ быстро входитъ въ залу и сталкивается въ дверяхъ со старой Графиней Анной Николавной.

Графиня (тихо:)

«Ну что?»

Валеріанъ Михайловичъ:

«Я просилъ Князя, онъ обѣщалъ сдѣлать все что можетъ.»

Графиня:

«Oh il peut tout faire.»

Валеріанъ Михайловичъ озирается кругомъ:

«Гдѣ этотъ мошенникъ? вотъ какъ нужно, такъ тутъ его и нѣтъ»

«Да вы кого ищете?»

«Да этого, не видали ли вы, въ вицмундирѣ, рябой такой?

А,—вотъ и онъ.»

Хватаетъ за пуговицу маленькаго рябаго чиновника, въ вицмундирѣ и въ галстухѣ, безъ малѣйшихъ признаковъ бѣлья:

«Гдѣ ты былъ?»

Чиновникъ (оторопѣвъ)

«Я тутъ-съ»...

«Тутъ, тутъ, я вижу что ты теперь тутъ, да прежде гдѣ пропадалъ?—иди за мной»—(Уводитъ его въ сосѣднюю комнату)

«Написалъ ты?

«Написалъ-съ».

«Подай сюда».

Чиновникъ подаетъ свернутую бумагу.

Валеріанъ Михайловичъ читаетъ:

«Наслѣдники.....гмъ,...мужская линія.....—переходила......... все навралъ!»—(Швыряетъ бумагу на полъ)

«Что̀ я тебѣ приказывалъ написать?»

Чиновникъ, (заикаясь)

«Вы...вы вы вы вы.....при, при при при при.....—, чтобъ..... чтобъ чтобъ чтобъ:.... (хватаетъ бумагу съ полу и быстро начинаетъ читать):

«Оный титулъ по мужеской линіи, не имѣя законно-рожденныхъ наслѣдниковъ.

«Дуракъ!..... законно-рожденныхъ наслѣдниковъ,—... что ты тутъ нагородилъ, что̀ я тебѣ приказывалъ?»

Чиновникъ (опять начинаетъ заикаться)

«Вы ...... вы вы вы вы ......чтобъ.....чтобъ...чтобъ...чтобъ.»

«Молчи и слушай:—я тебѣ приказывалъ выписать сущность

дѣла:—что можетъ ли Графскій, ... ну или все равно какой нибудь другой, Княжескій титулъ, перейти посредствомъ брака въ другой родъ? — предполагая разумѣется, что у покойнаго Графа не было наслѣдниковъ по мужской линіи, ну и ужъ само собой разумѣется, что Софья Александровна, ..., т. е. женская наслѣдница хотѣлъ я сказать, ... да да, т. е. наслѣдница и есть единственная наслѣдница;—понялъ ты меня?»

«Понялъ-съ»

«Ну такъ строчи живо,—мнѣ сегодня же Князю Василью Леонтьевичу отдать нужно».

Чиновникъ бросается съ бумагою въ рукахъ къ двери,—но Валеріанъ Михайловичъ останавливаетъ его:

«Ты смотри у меня самъ не суйся, а чрезъ лакея меня вызови».

Чиновникъ:

«Слушаю-съ»—(исчезаетъ окончательно въ дверяхъ.)

Въ залѣ между тѣмъ все продолжали плясать; становилось страшно жарко,—а все плясали,—и больше всѣхъ молодая Графиня Софья Александровна. Она была въ этотъ вечеръ необыкновенно какъ хороша и всѣ ею любовались.—Молодые юноши тутъ же повлюблялись безъ памяти, и старики даже выходили въ залу поглядѣть, какъ она танцуетъ.

Валеріанъ Михайловичъ, играя въ карты съ важнымъ Княземъ, два раза скинулъ совсѣмъ не ту масть, оборачиваясь и улыбаясь, когда она мимо его проходила; а Наталья Кириловна разъ пять обняла мимоходомъ свою милую Соничку, какъ она ее называла. Даже Дмитрій поддался общему увлеченію и невольно ею любовался.

Только Лиза была что-то невесела. Графиня рѣшительно затмила ее въ этотъ вечеръ: она казалась передъ ней и худо одѣта, и причесана не къ лицу и танцовала далеко не такъ легко и граціозно, однимъ словомъ, все у нее какъ то не клеилось и неладилось. Ей казалось даже, что она говоритъ все какъ то не въ попадъ, и что Дмитрій насмѣшливо смотритъ на нее:—фу какъ душно въ залѣ....просто вынести невозможно!....и воспользовавшись свободной минутой, Лиза вышла въ садъ. Свѣжій воздухъ оживилъ ее. Садъ давно уже стемнѣлъ; половина фонарей загасла, и только мѣстами еще листья свѣтились разноцвѣтнымъ пламе-

немъ, да рядъ шкаликовъ блестѣлъ длинной линіей вдоль большой аллеи.

Она прошла по темной дорожкѣ и сѣла на скамейку возлѣ бесѣдки. Тутъ было тихо и спокойно; сквозь листья глядѣли звѣзды,—издали долетали звуки музыки, чрезъ отворенныя окна.

«Какъ здѣсь хорошо, думала Лиза,—если-бъ можно было не ворочаться въ залу».

Вдругъ послышались чьи-то шаги и голоса издали, и все ближе, ближе къ самой бесѣдкѣ.

Женскій голосъ:

«Сюда, сюда Василій Степановичъ, въ бесѣдку, вотъ скамеечка,—садитесь, вотъ сюда садитесь».

Голосъ слѣпаго.

«Спасибо вамъ матушка моя Анна Петровна, дай вамъ Богъ здоровья. Фухъ,—здѣсь, какъ будто посвѣжѣе.»

Анна Петровна:

«Духота такая въ этихъ залахъ.»

Мужской голосъ, (густымъ басомъ:)

«Сколько одного офицерства, да какіе все невѣжи, такъ и толкаются.»

Анна Петровна

«Ахъ да Семенъ Ивановичъ скажите, отчего это вы не привезли вашего Сеничку?

Семенъ Ивановичъ:

«Такъ онъ что то немножко нездоровъ, самъ не захотѣлъ ѣхать»

«Ну ужъ полноте, будто въ самомъ дѣлѣ не здоровъ?»

«Ей Богу нездоровъ.»

Анна Петровна:

«Василій Степановичъ, а знаете ли вы, отчего Семенъ Ивановъ Сеничка не пріѣхалъ?

«Отчего матушка, отчего?

«Какъ же развѣ вы не знаете, вѣдь онъ за воспитанницу за эту, за Лизу сватался, да представьте дѣвчонка отказала—а, какова?»

«Не ужъ то?«

«Какъ же, отказала.»

Семенъ Ивановичъ (скороговоркой:) «Ну полно вамъ Анна

Петровна сплетничать, ну статочное ли это дѣло, чтобъ мой сынъ сталъ за пріемыша свататься, за нищую какую-то?»

«Какая нищая, что вы, десять тысячъ даютъ въ приданое.»

«Такъ чтожъ, что десять тысячъ, все жъ она мужичка, холопка; вѣдь мать то простая баба была, всѣмъ извѣстно!

«Ну полно вамъ Семенъ Ивановичъ горячиться, вѣдь всѣмъ извѣстно тоже, что вашъ Сеничка сватался, а отчего она отказала, такъ никто не знаетъ,—а я такъ знаю.»

«Ну отчего, отчего голубушка, матушка моя Анна Петровна, скажите?»

«Вотъ то-то вы, голубушка теперь стала....да вы никому не скажете?»

«Ей Богу никому.»

Анна Петровна (таинственно).

«Тайно повѣнчана.»

Слѣпой:

«Кто?»

Семенъ Ивановичъ:

«Съ кѣмъ?»

Анна Петровна:

«Съ Дмитріемъ Валеріановичемъ, говорятъ ужъ и того.»

Слѣпой:

Можетъ ли это быть, Анна Петровна?

Анна Петровна, (размахивая руками):

«Ахъ батюшки мои батюшки, скажите, я вруньей стала!»(Протяжно) Да мнѣ самъ Вавиловъ говорилъ, онъ на свадьбѣ былъ свидѣтелемъ.

Слѣпой:

«Ахъ Господи! а какая скромница, красавица какая!»

Семенъ Ивановичъ:

«Красавица! Кто это вамъ сказалъ, да вы Василій Степановичъ не доглядѣли,—она просто дурна, не могу понять, что за вкусъ у этого Корнилова, чѣмъ она взяла?»

Анна Петровна:

«Да ни чѣмъ мой батюшка, просто на просто завлекла;—вѣдь вы всѣ мужчины глупы,—вамъ бы только юбка была.»

Слѣпой:

«Тише,— тамъ кто то есть,—слышали вздохнулъ?»

Анна Петровна, (выглядывая изъ бесѣдки):

«Нѣтъ никого, это вѣтеръ.»

Въ это время на озерѣ ярко вспыхнуло фосфорическое пламя, и освѣтило бесѣдку красноватымъ цвѣтомъ. Лиза быстро отскочила въ темную аллею.

«Тамъ былъ кто то,»-повторилъ слѣпой.

«Нѣтъ,» — перебила его собесѣдница, «это деготь жгутъ на озерѣ, вамъ такъ показалось».

«Можетъ быть,» отвѣчалъ печально слѣпой,«можетъ быть матушка моя, я вѣдь плохо видѣть нынче сталъ, совсѣмъ плохо».

Когда Лиза вернулась изъ сада, къ ней выбѣжала на встрѣчу молодая Графиня:

«Гдѣ ты была?-спросила она, схвативъ ее за руку: «тебя вездѣ ищутъ,-ахъ да какая ты блѣдная, что съ тобой, ты нездорова?

«Нѣтъ,нѣтъ ничего, отвѣчала Лиза,-пусти меня пожалуйста, я устала.»

«Пойдемъ скорѣй танцовать мазурку, сейчасъ отдохнешь, et voilà ton cavalier.»

Къ Лизѣ въ самомъ дѣлѣ подошелъ гусаръ и объявилъ, что онъ давно ищетъ ее по всѣмъ комнатамъ. Лиза подала ему руку и пошла съ нимъ въ залу.

Безконечно тянулась мазурка:-бѣдныя маменьки давно уже зѣвали, и все думали: вотъ, вотъ послѣдняя фигура; но неутомимый адъютантъ, танцовавшій въ первой парѣ, начиналъ опять новую.Онъ все выбиралъ молоденькую дамочку, у которой мужъ все спать хотѣлъ и необыкновенно долго съ ней вертѣлся:

«Quand donc enfin, cruelle,» —шепталъ онъ ей трагически.

«Demain» отвѣчала дама, краснѣя. И адъютантъ въ восторгѣ сдѣлалъ какую то новую, необычайную фигуру.

Но всему бываетъ конецъ на свѣтѣ, а потому кончилась и мазурка и пары потянулись длиннымъ рядомъ въ столовую.

Тамъ давно уже былъ шумъ и говоръ, звенѣли тарелки и стаканы,-пили за здоровье хозяевъ, потомъ за здоровье гостей,-Валеріанъ Михайловичъ провозгласилъ тостъ за молодую Графиню, и вставъ изъ за стола торжественно поцѣловалъ ее въ лобъ.

Послѣ ужина опять танцовали, опять гремѣлъ оркестръ; свѣ-

чи и люстры догорали,—свѣтлѣли окна,—озеро и церковь стали обрисовываться вдали. Гости разъѣхались и разошлись по спальнямъ; село затихло по немногу.

Усталая, измученная вернулась Лиза въ свою комнату. Она сѣла къ окну и горько заплакала. Звонили къ заутрени;-свѣжій ароматный воздухъ вѣялъ ей въ лице,—все ярче и ярче горѣла полоса на востокѣ; жаворонокъ проснулся, и сталъ кружиться надъ своимъ гнѣздомъ,—блеснулъ крестъ на церкви, засвѣтились листья на березѣ,—и разсвѣло.

—

Послѣ большаго праздника въ Селѣ Воздвиженскомъ прошло три дня.—Всѣ повыспались и отдохнули,-вошли въ прежнею колею.

Староста Степанъ успѣлъ проспаться,—одна баба оправилась отъ колотушки, которую ей задалъ мужъ съ пьяна, двухъ мальчишекъ, фигурировавшихъ казачками на балѣ, разули и пустили по прежнему босикомъ на паству,—деревенскія бабы, въ опасеніи другой такой напасти, пораспродали всѣхъ уцѣлѣвшихъ куръ и цыплятъ,—лакея высѣкли за неприличное поведеніе,—Валеріанъ Михайловичъ прошелся по работамъ, и увидѣвъ вездѣ страшный хаосъ и запустѣнье, изволилъ собственноручно наказывать виновныхъ.

Графиня Софья Александровна стала опять кататься верхомъ и возиться со щенками,—однимъ словомъ все рѣшительно пошло по прежнему,—только Наталья Кириловна не могла доискаться двухъ серебряныхъ ложекъ,—да Лиза была что то не весела.

Она перестала шалить съ молодой Графиней, за обѣдомъ мало кушала и даже похудѣла немного.

Валеріанъ Михайловичъ все дразнилъ ее, твердилъ, что она влюблена въ исправника; Софья Александровна и Дмитрій, каждый поочередно, допрашивали ее,—но ничего не могли добиться,—Лиза все твердила, что имъ только такъ кажется, и что она совершенно такая же, какъ и была прежде.

Такъ прошло еще нѣсколько дней.

Однажды утромъ Софья Александровна вбѣжала въ комнату къ Лизѣ и стала звать ее въ лѣсъ за грибами.

«Нѣтъ я не пойду, отвѣчала Лиза, у меня нога болитъ, а вотъ Дмитрій съ тобой пойдетъ, хочешь я его позову?

«Нѣтъ нѣтъ не хочу», воскликнула Графиня, удерживая ее за платье.

«Фу какая ты несносная», прибавила она топнувъ ногой, просто méchante, дрянная!...,-и она надула губки и отвернулась къ окну.

Лиза сѣла за свою работу; онѣ обѣ молчали.

Вдругъ Софья Александровна подбѣжала къ Лизѣ, обняла ее, и заглядывая въ глаза, быстро заговорила:

«Лиза, Лизочка, душечка моя, мой ангельчикъ, скажи мнѣ что съ тобой?—вѣдь видишь ты какая въ самомъ дѣлѣ, говоришь, что мы съ тобой amies, а сама не хочешь мнѣ ничего сказать.—Ну скажи же, скажи, я ей Богу никому не скажу.»

«Да мнѣ нечего говорить» отвѣчала Лиза,-«я не знаю право съ чего вы всѣ это взяли?»

«Ну ну полно, какъ будто я не вижу, je vois tout!»

Лиза быстро подняла голову.

«Ага, испугалась!»

«Ну хочешь я тебѣ докажу, что я твой другъ?—, я первая скажу тебѣ свою тайну, только ты тоже послѣ скажешь,—смотри-жъ не обмани.»

«Какая же у тебя тайна?» спросила Лиза, переставъ работать.

«Oh, mais c'est un grand secret,—ты никому не скажешь?

«Никому»

«Ну вотъ видишь ли» — и графиня слегка покраснѣла и еще ближе придвинувшись къ Лизѣ, стала говорить почти шепотомъ:

«Вотъ видишь ли,—maman меня призывала къ себѣ вчера вечеромъ, и спрашивала, какъ мнѣ нравится Дмитрій Валеріановичъ?

«Чтожъ ты отвѣчала, спросили Лиза, вдругъ наклонившись къ своей работѣ, и пристально что-то въ ней разсматривая.

«Ma foi je le trouve tres bien; je crois même, que je l'aimerais beaucoup, когда онъ будетъ моимъ мужемъ,—pas avant,—ça va sans dire.»

Лиза все разсматривала свою работу.

«Maman m'a dit,» продолжала Софья Александровна,» que ce

mariage est une chose arretée depuis longtemps entre elle et Валеріанъ Михаіловичъ».

«А Дмитрій знаетъ?» чуть слышно спросила Лиза.

«Probablement;—да Лиза что̀ съ тобой, ты кажется плачешь, qu'est ce qu'elle a donc?»

Слезы въ самомъ дѣлѣ текли изъ глазъ у Лизы, —она напрасно старалась ихъ удержать, онѣ все чаще и чаще капали и смочили всю работу.

«Лиза, посмотри-ка на меня» сказала графиня, насильно подымая ей голову.

Но Лиза вдругъ громко зарыдала, и вырвавшись у ней изъ рукъ, убѣжала изъ комнаты.

«Mon dieu que je suis bête! воскликнула Софья Александровна, et moi qui ne m'en doutais pas,—о да это цѣлый романъ:—я отказываюсь отъ него, je me sacrifie pour elle, oui, oui, c'est decidé,—я устраиваю ихъ счастье, я буду ихъ confidente,—oh, mais c'est charmant, charmant,» — и она весело подпрыгнула, и выбѣжала вслѣдъ за Лизой.

Но Софьѣ Александровнѣ рѣшительно не удалось сдѣлаться confidente Лизы, какъ она ни хлопотала, какъ ни старалась: она догнала ее гдѣ то въ полѣ, за селомъ, стала обнимать и цѣловать, твердила, что она отказывается отъ Дмитрія, что она ни за что̀ не выйдетъ за него за мужъ, просила у Лизы прощенья pour le mal involontaire, qu'elle lui a fait, плакала даже,—все напрасно! — Лиза осталась непреклонной.

Она принадлежала къ числу тѣхъ сосредоточенныхъ натуръ, которыя не могутъ высказаться. Къ тому же ей казались обидны слова графини, что она отказывается отъ Дмитрія.

Отказываться, думала она, можно только отъ того, что намъ принадлежитъ. — А если онъ любитъ ее? — шепнулъ вдругъ какой-то злобный голосъ, если онъ не знаетъ, какъ отдѣлаться отъ меня? онъ можетъ быть тоже думаетъ, что я завлекала его, что я искала его богатства,—нѣтъ этого быть не можетъ! ....а о чемъ онъ говоритъ съ ней?.... а какъ онъ глядѣлъ на нее на балѣ?....

И бѣдная Лиза стала жадно слѣдить за Дмитріемъ; каждое его

слово, каждая улыбка, взглядъ, казались подтвержденіемъ страшныхъ догадокъ.

Отъ молодой графини она стала бѣгать и боялась остаться съ ней наединѣ. Всѣ чувства прилипчивы: — та стала тоже дуться на Лизу: oh l'ingrate, думала она, moi qui me sacrifie pour elle, moi qui l'aimais tant.

Но Лиза стала бѣгать даже отъ Дмитрія,—она все боялась быть лишней, испортить его tête-à tête съ графиней. Софья Александровна, съ своей стороны, боялась помѣшать ему говорить съ Лизой, — и онѣ обѣ вели себя какъ то смѣшно, безпрестанно убѣгали, — точно будто играли въ прятки или въ фанты.

Дмитрій рѣшительно не понималъ, что̀ все это значитъ. Лиза не рѣшалась съ нимъ объясниться,—ей мѣшало какое то непреодолимое чувство стыда и гордости; къ тому же ей казалось страшно выговорить словами свои мрачныя подозрѣнія. Иногда разсудокъ твердилъ ей, что она неправа, —но сердце не слушалось разсудка, оно ныло по прежнему.

У молодой графини на оборотъ такъ и чесался язычекъ, какъ бы поговорить съ Дмитріемъ Валеріановичемъ. Ей казалось вѐрхомъ благополучія сдѣлаться его confidente, и она ломала себѣ голову, какъ бы его половче выспросить. — Нѣсколько разъ она даже подходила къ нему съ рѣшительнымъ намѣреніемъ сказать придуманную фразу, но скажетъ совсѣмъ не то, и только сконфузится и покраснѣетъ.

Наконецъ таки сбылись ея мечты.

Нужно сказать, что Дмитрій покороче познакомившись съ Софьей Александровной, совершенно перемѣнилъ о ней свое мнѣніе:—онъ убѣдился, что она вовсе не надменна и не испорчена, а главное, что она дѣйствительно полюбила Лизу, и былъ ей благодаренъ отъ всего сердца.

Разъ какъ то онъ подошелъ къ ней въ то время, какъ она сидѣла на балконѣ съ книгой въ рукахъ, и спросилъ, что она читаетъ?

«Ничего,» отвѣчала графиня.

«Какъ ничего, зачѣмъ же у васъ книга въ рукахъ»?

«Par contenance monsieur,» сказала она,—засмѣялась, и бросила книгу.

«Помилуйте, для кого же эта contenance, развѣ для самой себя?

«О нѣтъ для васъ.»

Дмитрій засмѣялся.

«Чего вы смѣетесь, да, да для васъ, и знаете отчего?»

«Нѣтъ не знаю»

«Оттого, что я васъ боюсь»

«Что то не похоже»

«О, очень, очень похоже, и знаете отчего я васъ боюсь?»

«Право не знаю,»

«Оттого, что вы меня ненавидите.»

«Кто это вамъ сказалъ?

«Да ужъ я это сама вижу»

«Ну въ такомъ случаѣ вы худо видите;—васъ право невозможно ненавидѣть, — мнѣ кажется на васъ даже сердиться нельзя»

«Кто это вамъ сказалъ?»

«Да ужъ это я самъ вижу»

«Ну въ такомъ случаѣ вы худо видите, потому, что есть люди, которые на меня сердятся.»

«Кто же эти люди?»

«Да вотъ Лиза сердится на меня,» отвѣчала графиня, вдругъ перемѣнивъ голосъ, и сдѣлавъ печальную минку.

«Ахъ да, скажите въ самомъ дѣлѣ, за что вы съ ней поссорились, вы кажется были еще недавно такими друзьями?

«Да я не ссорилась съ ней» продолжала пищать Софья Александровна.

«Въ такомъ случаѣ, извините меня, я право не понимаю отчего вы обѣ себя такъ странно ведете?»

«Да я сама не знаю, за что она на меня сердится,—vous ne sauriez croire monsieur, combien ça me peine.»

«Послушайте» сказалъ серьезно Дмитрій, — вы должны быть къ ней снисходительны; подумайте въ какомъ фальшивомъ, несчастномъ положеніи она находится въ сравненіи съ другими: слово какое нибудь неосторожное, пустая шутка, на которую мы съ вами не обратимъ вниманія, могутъ показаться ей преднамѣренной обидой.

«Да Боже мой, я никогда, ничѣмъ не обижала ее, я ее такъ люблю.»

Дмитрій протянулъ ей руку.

«Est-ce en gage d'amitié?» спросила графиня краснѣя.

«Да, да отъ всего сердца»

«Такъ вы хотите быть моимъ другомъ?»

«Самымъ искреннимъ», отвѣчалъ Дмитрій.

«Я согласна, только съ условіемъ».

«Съ какимъ же?»

«Вы знаете, что между друзьями недолжно быть тайнъ»

«У меня ихъ и нѣтъ».

«Нѣтъ есть, и одну я знаю, большую тайну,—oh, un grand secret!»

«Какая же эта тайна?»

«Да я не знаю, какъ вамъ сказать»

«Скажите просто»

Графиня сконфузилась и не знала какъ начать;—но случай былъ слишкомъ соблазнителенъ, и она заикаясь, рѣшилась таки выговорить:

«Вы любите Лизу?»

«Да»—отвѣчалъ Дмитрій,—«съ тѣхъ поръ какъ себя помню».

Софья Александровна совсѣмъ растерялась. Она не ожидала такого простаго отвѣта,—онъ сбилъ совершенно съ толку всѣ ея идеи о тайнахъ и секретахъ.

Съ минуту длилось молчанье.

«Знаете ли», сказалъ наконецъ Дмитрій,—«это будетъ большое чудо, если мы съ вами сдѣлаемся друзьями»

«Отчего же?»

«Да оттого, что судьба поставила насъ въ такія отношенія, что мы скорѣй должны бы были ненавидѣть другъ друга; да я и увѣренъ» прибавилъ онъ, «что вы сначала такъ же враждебно смотрѣли на меня, какъ и я на васъ».

«Я никогда на васъ враждебно не смотрѣла» отвѣчала она, и вдругъ почувствовала, сама не зная отчего, что у нея сердце сжалось.

Къ счастію разговоръ далѣе не продолжался, потому, что изъ

сосѣдней комнаты послышался голосъ старой графини: Sophie! Sophie!»

Какая счастливая эта Лиза, думала Sophie, ложась вечеромъ въ постель: Mon Dieu, qu'il est beau d'etre aimé ainsi!.... и она невольно вздохнула, и долго не могла заснуть.

Съ этого дня Дмитрій сталъ очень часто и долго съ ней разговаривать,—они сдѣлались дѣйствительно друзьями, но о тайнахъ, и секретахъ больше и помину не было.

Разговоры эти очень нравились молодой графинѣ, и она стала слушать Дмитрія съ жаднымъ вниманіемъ, не смотря на то, что онъ говорилъ иногда о такихъ предметахъ, которые она прежде называла horreur и несносными.

Но только съ того времени она все что-то стала задумываться, перестала шалить и смѣяться, иногда плакала, сама не зная о чемъ, по ночамъ худо спала,—а утромъ борзые щенки напрасно врывались въ комнату и визжали и валялись у ногъ ея, она не обращала на нихъ вниманія, и задумчиво глядѣла въ даль.

—

Между тѣмъ старая графиня съ своимъ cher cousin все подмѣчали, и радовались, видя, что Дмитрій часто и долго бесѣдуетъ наединѣ съ Сонечкой.

«Ага, ага,» твердилъ Валеріанъ Михайловичъ, потирая себѣ руки, наконецъ таки,—а я ужъ право думалъ, что онъ совсѣмъ дуракъ, ни глазъ, ни вкусу нѣтъ;—ну слава Богу, слава Богу,—кажется все уладится,—а то я думалъ, что эта Лиза надѣлаетъ мнѣ хлопотъ.

«Говорили вы съ сыномъ,»—спрашивала его старая графиня.

«Да и говорить нечего,» отвѣчалъ Валеріанъ Михайловичъ, махнувъ рукой, «влюбленъ безъ памяти, я ужъ это сейчасъ вижу,—отъ меня вѣдь ничего не скроешь, я и прежде бывало,—помните, тотчасъ замѣчалъ, какъ вамъ кто нибудь нравился.»

Анна Николавна сладко улыбнулась, но въ душѣ ей было не досмѣху,—тамъ кошки скребли. Она, какъ женщина, видѣла лучше Валеріана Михайловича и все недовѣрчиво поглядывала на Лизу.

А дѣла между тѣмъ принимали дурной оборотъ: старая графи-

ня все получала какія то письма; двумъ векселямъ подходилъ срокъ уплаты;—мѣшкать было нечего.

«О чемъ говоритъ съ тобой Дмитрій Валеріановичъ?»—допрашивала она дочку.

«Mais de differentes choses Maman, отвѣчала та краснѣя.

«А онъ не говорилъ тебѣ ничего особеннаго, такого,—ну понимаешь?...

«Нѣтъ»,—сказала Софья Александровна, да и не скажетъ никогда, хотѣла она прибавить,—онъ и не думаетъ обо мнѣ, онъ любитъ другую,—но почему то не прибавила, а только поспѣшно отвернулась отъ матери, и ушла въ свою комнату.

Однако пора, въ самомъ дѣлѣ, дѣло покончить, думалъ Валеріанъ Михайловичъ, а то они только все амурничать будутъ; я признаться все поджидалъ, не заговоритъ ли онъ самъ,—да нѣтъ ужъ видно я очень запугалъ его,—нужно однако быть помягче;—постой же я его обрадую.—И выспавшись однажды послѣ обѣда, въ самомъ веселомъ, счастливомъ расположеніи духа, онъ отправился прямо въ комнату къ сыну.

Дмитрій сидѣлъ преспокойно за письменнымъ столомъ и что то читалъ и записывалъ.

Въ комнатѣ была тишина, лампа съ абажуромъ ярко освѣщала длинный столъ.

Дмитрій вскочилъ, увидѣвъ отца, и тотчасъ закрылъ свою книгу.

«Да нѣтъ, нѣтъ ты сиди,» сказалъ Валеріанъ Михайловичъ, придвигая себѣ кресло къ столу, «я только такъ поболтать съ тобой пришелъ; что это у тебя за книга?—ага, Шекспиръ! знаю, знаю,.... а что онъ хорошій писатель?—я признаться не читалъ его»

«Очень хорошій»—отвѣчалъ улыбаясь Дмитрій,—да вотъ у меня переводъ есть, не хотите ли прочесть?

«Да, да спасибо, ты мнѣ его пожалуйста оставь, я прочту непремѣнно, когда нибудь на досугѣ.—А это что у тебя?—Политическая экономія,—это умная наука,—а это что?—философія Канта...гмъ,—какой славный переплетъ!—это братъ одни бредни, я тебѣ совѣтую такимъ вздоромъ не заниматься,—ну да къ чорту ее!» и онъ шлепнулъ философію на столъ: «А вотъ въ чемъ

дѣло,—ты напиши-ка въ Петербургъ, чтобъ тебѣ отпускъ еще мѣсяца на два прислали».

«Зачѣмъ Папа̀?»

«А за тѣмъ дружище, что я хочу здѣсь въ деревнѣ твою свадьбу отпраздновать», и онъ хлопнулъ его по плечу, «ха, ха, ха,—что ты на меня такъ глядишь? не ожидалъ,—то то братъ, я не всегда сердитъ бываю».

Дмитрій такъ и вскочилъ со стула.

«Про какую свадьбу вы говорите, я право не понимаю?»

«Ну, ну полно притворяться, будто я не вижу, что ты влюбленъ въ нее, какъ мышь въ крупу, ну ничего, ничего, вкусъ не дуренъ, я и самъ бы не прочь, да не подъ-лѣта».

«Въ кого влюбленъ, про кого вы говорите»? спрашивалъ Дмитрій нетерпѣливо.

«Въ кого, въ кого, извѣстно въ кого, въ молодую, а не въ старую».

«Папа̀, если вы про графиню Софью Александровну говорите, такъ вы жестоко ошибаетесь».

«Что такое?»

«А то, что я влюбленъ въ нее никогда не былъ, и ни за что̀ на ней не женюсь».

«Что̀, что ты врешь?—да что я въ самомъ дѣлѣ, ха, ха, ха,—онъ меня просто дурачитъ».

«Папа̀», сказалъ Дмитрій, «теперь не время смѣяться, да и мнѣ вовсе не до смѣху, повѣрьте я говорю серьёзно: я не люблю ее, и не знаю даже съ чего вы это взяли?»

«Послушай Дмитрій», сказалъ Валеріанъ Михайловичъ спокойно, «положимъ я ошибался, положимъ ты не влюбленъ въ нее, это тебѣ ближе знать, чѣмъ мнѣ, ну да чтожъ изъ этого слѣдуетъ?—развѣ нужно непремѣнно быть влюбленнымъ безъ памяти въ свою жену,—головой объ стѣну изъ-за нея биться?»

«Нѣтъ, но нужно просто любить ее».

«Повѣрь братъ, любовь придетъ съ привычкой».

«А какъ не придетъ?»

«Ну и безъ нея проживешь свой вѣкъ; любовь тамъ, воздыханія разныя, стихи,—это все хорошо было прежде, во времена

сумасшедшихъ рыцарей,—ну а вѣдь ты самъ же говоришь, что нашъ вѣкъ впередъ ушелъ».

«Конечно, да только есть вещи, которыя всегда останутся святы, не смотря ни на какіе вѣка».

«Хорошо, хорошо, это все можетъ быть и правда, да только намъ теперь не время съ тобой толковать объ этомъ, переливать изъ пустаго въ порожнее,—а дѣло въ томъ, что я хочу, чтобъ ты женился на ней и ты женишься».

Дмитрій засмѣялся.

«Чего ты смѣешься?»

«Я смѣюсь тому, что вы не хотите понять, что я давно уже не ребенокъ, и приказываете мнѣ жениться, такъ какъ десять лѣтъ тому назадъ приказывали мнѣ выучить урокъ».

«Для меня ты всегда останешься ребенкомъ, и покуда я живъ, ты будешь мнѣ повиноваться».

«Да̀, во всемъ другомъ, но только не въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ я одинъ буду нести на себѣ всю отвѣтственность и обязанности».

«Помилуй, какая тутъ отвѣтственность, какія обязанности, ты просто-на-просто женишься, и будешь жить себѣ припѣваючи;—да еще на какой красавицѣ женишься, на какой умницѣ, ну скажи, гдѣ ты найдешь себѣ такую жену?»

«Развѣ я браню ее,—напротивъ я отдаю ей полную справедливость: она мила, добра, привлекательна, все, что хотите, — но только я все таки не женюсь на ней».

Валеріанъ Михайловичъ собирался было разсердиться, да рѣшилъ, что лучше попробовать прежде взять добромъ; къ тому же у него была въ запасѣ еще одна вещица, на эффектъ которой онъ сильно разсчитывалъ, и нарочно оставилъ ее подъ конецъ.

«Постой братъ», сказалъ онъ сыну, «постой, ты не горячись, а прежде выслушай меня, я еще не все сказалъ».

«Да вы напрасно только говорить будете, совершенно напрасно.»

«Эхъ братецъ какой ты, да ты послушай прежде, ну что̀ тебѣ стоитъ послушать.»

«Я слушаю.»

«Ну вотъ видишь ли въ чемъ дѣло: ты знаешь, что покойный

графъ, отецъ Сонички умеръ, не оставивъ по мужской линіи наслѣдниковъ, значитъ Соничка единственная наслѣдница не только имѣнія его,—тутъ правда и наслѣдовать то немного осталось,—ну да намъ съ тобой за этимъ не гоняться,—а и титула графскаго единственная наслѣдница,—а это ужъ совсѣмъ другое дѣло; такъ вотъ видишь ли, я разузнавалъ тамъ, говорятъ это дѣло возможное,—и примѣры бывали»....

«Какое дѣло, я ничего не понимаю.»

«Эхъ братецъ какой ты безтолковый, ну что тутъ понимать?—дѣло самое простое: ты женишься на ней, да титулъ и наслѣдуешь, ну, понимаешь?»

«Понимаю», отвѣчалъ Дмитрій.

«Ну такъ вотъ видишь ли,—а я ужъ это дѣло устрою, ты не хлопочи; я и князя Василія Леонтьевича просилъ, онъ обѣщался похлопотать, да только говоритъ нужно будетъ двѣ фамиліи соединить вмѣстѣ, ну да это не бѣда: графъ Корниловъ—Ч....! а, каково!...., что ты на это скажешь?»....

«Я скажу, что это будетъ смѣшно, больше ничего».

«Смѣшно!!...., это отчего смѣшно?—.... у насъ кажется слава Богу есть чѣмъ поддержать какой хочешь титулъ, не то что графскій,—я тебѣ говорю, ты только женись, а я ужъ денегъ не пожалѣю, мы покажемъ себя.»

«Я терпѣть не могу жизни на показъ.»

Онъ просто глупъ, подумалъ Валеріанъ Михайловичъ, право я начинаю думать, что онъ совсѣмъ глупъ. Но не счелъ нужнымъ покамѣсть выражать громко своихъ сомнѣній.

«Скажи ради Бога» продолжалъ онъ все еще довольно спокойно, «я для кого хлопочу? Кажется не для себя, мнѣ то что, я свой вѣкъ отжилъ, я вѣдь все для тебя теперь, твоего же счастья желаю»....

«Я въ этомъ увѣренъ и благодаренъ вамъ отъ всей души,—да только чѣмъ же я виноватъ, что мой идеалъ счастья не соотвѣтствуетъ вашему?»

«Эхъ братецъ,—съ тобою говорятъ нельзя: я тебѣ дѣло толкую, а ты про какой-то идеалъ несешь.—И вѣдь упрямъ-то какъ, Господи, и неблагодаренъ!!.... другой чортъ знаетъ, чтобы далъ за то, что ему просто съ неба свалилось: скажите, ему кланяться

еще нужно, упрашивать его: сдѣлай милость братецъ, пожалуйста, будь такъ добръ, прими графскій титулъ, женись на красавицѣ,—и вѣдь дѣвушка то какая въ самомъ дѣлѣ» прибавилъ онъ, вдругъ, перемѣнивъ тонъ: «и ты только подумай, просто прелесть!»

«Я съ этимъ согласенъ.»

«Ну такъ чего жъ тебѣ еще, женись да и все тутъ, кажется дѣло немудреное.»

«Жениться конечно дѣло немудреное, да жить съ женой, которую не любишь, мудрено.»

«Тфу ты пропасть, далась ему эта любовь!—да отчего жъ ты ее не любишь?,—ну полюби и дѣло съ концемъ.»

Дмитрій молчалъ.

«Послушай Дмитрій», сказалъ Валеріанъ Михайловичъ я имѣю право тебѣ приказывать, и повѣрь съумѣю заставить тебя повиноваться; но я не хочу съ тобой ссориться, не хочу приказывать:—я прошу тебя,—я, я, твой отецъ прошу тебя,—послушай, это мое давнишнее желаніе, моя самая задушевная мечта, я давно еще, давно далъ слово ея матери,—а Корниловы никогда не измѣняли своему слову»......

«Потому-то и я не измѣню своему», сказалъ Дмитрій.

«Что такое, это еще что за новость, объясни сдѣлай милость, я ничего не понимаю?»

«Я далъ слово жениться на Лизѣ и сдержу свое слово, вочто́ бы то не стало.»

Валеріанъ Михайловичъ громко расхохотался: ха, ха, ха, ха, ха, ха,—«да ты съума сошелъ, и ты серьёзно это говоришь? какъ! жениться на этой дѣвчонкѣ, на этой......

«Папа̀» перебилъ его Дмитрій, «я люблю эту дѣвчонку, я горжусь этой любовью, и не позволю никому надъ ней смѣяться».

«Да умилосердись братецъ, что ты за дичь городишь?—я думалъ ты такъ себѣ, шутя,—ну дѣвчонка недурна, росли вмѣстѣ,—дѣло обыкновенное,—а онъ жениться,—пуфъ!».... и Валеріанъ Михайловичъ снова залился громкимъ смѣхомъ: ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха,—«сдѣлай милость братецъ ты только при комъ нибудь не проговорись,—осрамишься совсѣмъ.»

«Я говорить не стану, отвѣчалъ Дмитрій, а сдѣлаю.»

«Ну нѣтъ не сдѣлаешь, на этотъ счетъ я спокоенъ;—да спокоенъ,—прибавилъ Валеріанъ Михайловичъ, видя, что Дмитрій съ удивленіемъ смотритъ на него,—и по очень простой причинѣ.»

«По какой же?»

«Да по такой, что она за тебя не поійдетъ.»

«А если поійдетъ?»

«Ну нѣтъ, она по умнѣй тебя, за нищаго не пойдетъ.»

«Я нищимъ никогда не буду.»

«Нѣтъ будешь, коли я тебѣ ни копѣйки не оставлю; слушай, вотъ тебѣ мое послѣднее слово»,—и Валеріанъ Михайловичъ всталъ съ креселъ и подошелъ къ сыну:

«Или ты женишься на графинѣ, или я съ тебя послѣднюю рубашку сдеру, голымъ по свѣту пущу!!.... понимаешь ты меня?.... завтра ты мнѣ дашь отвѣтъ.»

И онъ мѣрными шагами вышелъ изъ комнаты.

«Отвѣтъ, отвѣтъ! воскликнулъ Дмитрій, лишь только дверь захлопнулась за отцемъ,—я вамъ дамъ отвѣтъ, да только не завтра, а сейчасъ, сію минуту!—...... и онъ бросился къ шкапу, выхватилъ оттуда чемоданъ, и сталъ бросать въ него, какъ попало, бѣлье и платье.»

Ха, ха, ха, отвѣтъ,—думалъ между тѣмъ Валеріанъ Михайловичъ, тутъ кажется отвѣта ждать нечего,—дѣло чистое, и онъ прямехонько пошелъ къ старой графинѣ.

«Ну поздравляю, сказалъ онъ весело, поздравляю, дѣло покончено, я говорилъ съ нимъ, завтра мы ихъ объявимъ женихомъ и невѣстой.»

Старая графиня вся покраснѣла, потомъ поблѣднѣла, и судорожно забарабанила пальцами по столу.

«Ну, ну, чтò съ вами, что вы на меня такъ глядите?»

«Да какъ же такъ Валеріанъ Михайловичъ, такъ вдругъ, скоро,—да сынъ вашъ еще ничего съ Сонечкой неговорилъ,—mais ça ne se fait pas ainsi,—дайте мнѣ время опомниться, подумать.»....

«Опомниться и думать тутъ нечего, сказалъ рѣшительно Валеріанъ Михайловичъ; завтра или никогда»!....

Это слово: «никогда»—магически подѣйствовало на графи-

ню,—она бросилась обнимать своего cher cousin и разразилась цѣлымъ потокомъ слезъ и рѣчей.

Валеріанъ Михайловичъ на силу высвободился изъ ея объятій, и вздохнулъ свободно, выйдя на чистый воздухъ:

«Фу, точно гора съ плечъ свалилась!—а дѣло повернулъ я недурно,—круто немножко,—да за то ужъ вѣрно. Куй желѣзо покуда горячо, говоритъ пословица,—умная пословица,—особенно, когда желѣзо-то такое нековкое какъ у меня; а вѣдь онъ молодецъ, что не говори,—прямой мой сынъ!—ну да за то я и жену ему пріискалъ славную, самъ спасибо скажетъ, какъ женится, да во вкусъ войдетъ.»

—

Въ селѣ давно уже погасли огни, сны летали надъ стариннымъ барскимъ домомъ:—они сыпались въ видѣ разорванныхъ векселей надъ спальней старой графини, врывались въ видѣ краснощекихъ внуковъ и внучекъ въ кабинетъ Валеріана Михайловича, бѣгали по его изголовью и прятались подъ одѣяло,—только въ комнату Лизы они никакъ немогли попасть, тамъ все еще изъ оконъ виднѣлся свѣтъ. Тишина была въ комнатѣ, Лиза сидѣла одна, полураздѣтая и о чемъ-то думала.

Вдругъ на лѣстницѣ послышались шаги, и кто-то постучался въ дверь.

«Войди Таня,» сказала она, думая, что это ея горничная.

Дверь отворилась и къ ней бросился Дмитрій.

«Боже мой, что случилось», воскликнула Лиза въ испугѣ, Дмитрій, что съ тобой?»

«Я сейчасъ уѣзжаю Лиза, прощай.»

«Куда, зачѣмъ?»

«Въ Петербургъ,—отецъ хочетъ, чтобъ я женился на графинѣ, онъ требуетъ, чтобъ я завтра далъ ему отвѣтъ.»

«Какой же ты дашь отвѣтъ»?—спросила она, задерживая дыханіе.

«Я уѣзжаю Лиза,—какой еще тутъ отвѣтъ;—но я вернусь, вернусь за тобой, ни минуты не теряя, какъ только дѣла свои приведу въ порядокъ, мнѣ нужно только на первое время денегъ достать»........

Чувство радости, восторга захватило вдругъ сердце Лизы, она упала на колѣни и закрыла лице руками.

«Объ чемъ ты плачешь?»—спросилъ ее Дмитрій, насильчо отнимая eй руки отъ лица, «послушай Лиза, тебѣ нечего больше бояться меня, я больше не богатый наслѣдникъ,—я нищій,—понимаешь ли ты, я нищій!»—хочешь ли ты быть моею женою?..

«Я не боюсь тебя» закричала вдругъ громко Лиза,—«я счастлива, я богата, я богаче всѣхъ людей въ мірѣ!»—и она бросилась къ нему на шею . . . . . .

Чрезъ нѣсколько минутъ Дмитрій тихо вышелъ изъ дому;—у воротъ ждала его простая телега тройкой,—онъ вскочилъ въ нее,—телега быстро покатила, и скоро исчезла въ темнотѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

На другой день было Воскресенье. Всѣ пріодѣлись и собрались ранѣе обыкновеннаго въ столовую, чтобъ вмѣстѣ ѣхать къ обѣднѣ.

Экипажи ждали у подъѣзда, по двору водили осѣдланную лошадь.

«Да гдѣ это Дмитрій,» говорилъ Валеріанъ Михайловичъ, допивая свой чай, «что это онъ какой нынче *grand seigneur* сдѣлался, всѣмъ его ждать нужно;—эй, кто тамъ?»

Лакей опрометью вбѣжалъ въ столовую.

«Доложить Дмитрію Валеріановичу, что его всѣ ждутъ.»

Лакей чрезъ минуту вернулся:

«Ихъ нѣтъ-съ въ кабинетѣ.»

«Гдѣ же онъ?»

«Не могу знать-съ.»

Валеріанъ Михайловичъ нахмурился.» Что это, право, молодежъ нынче какая стала, разъ въ недѣлю къ обѣднѣ, въ церковь Божію, и то во время собраться не могутъ. Ну семеро одного не ждутъ, ѣдемъ!—онъ насъ верхомъ догонитъ;—Лиза брось ты свой чай, пускай его пьетъ себѣ, какъ знаетъ»

Всѣ вышли изъ столовой, и скоро чрезъ отворенныя окна послышался стукъ отъѣзжающихъ экипажей.

Два лакея тотчасъ бросились къ столу: одинъ запустилъ обѣ руки въ сахарницу, другой вылилъ разомъ весь чайникъ въ серебряную полоскательную чашку, намазалъ себѣ огромный ломоть хлѣба, и развалился въ барскихъ креслахъ.

«Брысь, брысь, окаянные», закричала на нихъ ключница Маланья, вбѣгая въ столовую,» ахъ вы безстыдники, что вы тутъ дѣлаете?».......

«А чтожъ, тетка, зѣвать чтоли»—отвѣчалъ одинъ изъ лакеевъ, набивая себѣ трубку Валеріана Михайловича.

«Да безстыдникъ ты этакой, безсовѣстный; не видишь развѣ лошадь молодаго барина по двору водятъ?».....

«Да̀,—до завтра водить будутъ,» вмѣшался другой лакей, вытягивая ноги на бархатный стулъ.

«Что ты врешь Фомичъ?»

«Да что врать то,—не знаешь развѣ?—вонъ Танька разскажетъ.»

Въ комнату въ самомъ дѣлѣ вбѣжала Танька, молоденькая быстроглазая горничная,—за ней Никита, лакей Дмитрія, а за ними еще нѣсколько лакеевъ и горничныхъ, поваръ въ бѣломъ колпакѣ и старая няня въ куцавейкѣ и шелковой повязкѣ.

Всѣ бросились къ Танькѣ:

«Ну что, что уѣхалъ?»......

«Да пусти,» закричала Танька, не слушая ихъ и отталкивая отъ себя Никиту,—«ну тебя съ твоими обниманьями.»

«Куда, куда уѣхалъ?» кричали всѣ.

«Уѣхалъ,»—сказалъ таинственно Никита,—«чемоданъ съ собой взялъ.»

«А вонъ Танька слышала», закричалъ кто-то, «какъ онъ къ барышнѣ ночью прощаться приходилъ.»

«Арали больно вечѳръ съ самимъ-то,»—продолжалъ Никита.

«Кудажъ онъ уѣхалъ?»

«А нелегкая его знаетъ, совсѣмъ должно быть.»

Ключница Маланья тотчасъ стала запихивать въ карманъ кренделя; старая няня громко завыла.

«Ты чего воешь?»—спросилъ ее сурово сѣдой лакей.»

«И, и, и..... голубчикъ мой родимый уѣхалъ»......

«Дура?—тебѣ то что, уѣхалъ, ну и слава Богу, однимъ меньше.»

«Нѣтъ врешь, мой баринъ добрый» перебилъ Никита.

«Добрый, добрый!!.... закричали всѣ: дай Богъ ему здоровья!»

«Ангельская душа», подхватила ключница, продолжая запихивать крендели въ карманъ,«—не то что старикъ, точно не сынъ родной.»

«Такой же будетъ, пробормоталъ сѣдой лакей.

«А быть бѣдѣ,»—замѣтила Маланья, качая головой.

«Эка притча!», вмѣшался поваръ,—«женихъ-то вашъ убѣжалъ, пихъ!» и онъ насмѣшливо поглядѣлъ на горничную старой графини.

«То то вы, то то вы, рано носъ подняли», закричало нѣсколько женскихъ голосовъ,—барынями быть здѣсь захотѣли, убирайтесь-ка по добру по здорову во свояси.»

«Ну и уѣдемъ, возразила гордо горничная, эка невидаль вашъ женихъ, получше найдемъ.»

«Да что съ ними толковать», подхватилъ пріѣзжій лакей,—«шушвара одна, никакого обращенья не понимаютъ!» . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Между тѣмъ въ церкви давно уже собрались прихожане:—бабы въ красныхъ повойникахъ и мужики въ сапогахъ, намазанныхъ дегтемъ. Около входа стояло нѣсколько господскихъ экипажей: линейка съ какимъ то страннымъ балдахиномъ, старыя дрожки, покрытыя разорваннымъ ковромъ, тарантасъ, запряженный—тройкой пузатенькихъ лошадокъ,—лотокъ съ пряниками,—другой съ серьгами и бусами,—нѣсколько телегъ съ мѣщанами изъ города.

Исправникъ лихо подкатилъ, звеня колокольчикомъ,—его бросились высаживать подъ руки двое сотскихъ. Подъ горой показались двѣ кареты, на колокольнѣ громко заблаговѣстили.

Въ церкви толпа почтительно разступилась,—всѣ стали низко кланяться: впереди Валеріанъ Михайловичъ, за нимъ нарядныя дамы торжественно прошли чрезъ всю Церковь и стали за

перилами, на особо отгороженномъ мѣстѣ, устланномъ дорогимъ ковромъ.

Обѣдня началась:

Наталья Кириловна клала земные поклоны, Валеріанъ Михайловичъ стоялъ чинно и важно. Молодая графиня безпрестанно оборачивалась къ двери,—нѣсколько помѣщицъ перешептывались между собою и поглядывали на ея шляпку и платье.

«За плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ» . . . . молился Дьяконъ, ... Лиза упала на колѣни и заплакала. Обѣдня кончилась, отошелъ молебенъ. Валеріанъ Михайловичъ приложился первый къ кресту и получилъ просфору изъ рукъ Священника,—слѣпой Василій Степановичъ,—Анна Петровна, въ своей вѣчной мантильѣ, Семенъ Ивановичъ стали съ нимъ здороваться, исправникъ почтительно приблизился,—Валеріанъ Михайловичъ звалъ всѣхъ къ себѣ обѣдать.

Наталья Кириловна приложилась ко всѣмъ Образамъ, стала разговаривать съ Священникомъ,—Дмитрія все не было........

«А позвольте спросить ваше превосходительство,»—сказалъ вдругъ громко исправникъ, почтительно обращаясь къ Валеріану Михайловичу,—«куда это Дмитрій Валеріановичъ изволили поѣхать?—Я ихъ сегодня ранехонько въ городѣ на почтовой телегѣ встрѣтилъ, да какъ шибко ѣхали-съ,—я нарочно заходилъ на почту спросить,—говорятъ въ Петербургъ подорожную взяли?....

Валеріана Михайловича какъ варомъ обдало,—старая графиня вся побагровѣла.

«Какъ, что, куда, кто уѣхалъ? «заговорила Наталья Кириловна.

Но Валеріанъ Михайловичъ ужъ опомнился.

«Да, да, сказалъ онъ громко, я самъ послалъ его, только не въ Петербургъ, это онъ вѣрно такъ, на случаі, подорожную взялъ, онъ въ имѣніе поѣхалъ, въ то, въ то, какъ его, въ *новое*,—спѣшное было дѣло, да я думаю онъ на дняхъ вернется.»

«Въ какое имѣніе, куда»?—твердила Наталья Кириловна.

Но мужъ такъ взглянулъ на нее, что она тотчасъ отретировалась, и совсѣмъ растерявшись, стала опять класть земные поклоны Образамъ.

Исправникъ счелъ своею обязанностію почтительно повѣрить. Анна Петровна перемигнулась съ Семеномъ Ивановичемъ,—слѣпой Василій Степановичъ хотѣлъ тоже съ кѣмъ то перемигнуться, но обернулся совсѣмъ въ другую сторону и мигнулъ пономарю, который тотчасъ же подбѣжалъ къ нему и спросилъ: «чего изволите?»

—

Длинный поѣздъ потянулся изъ Церкви къ селу Воздвиженскому; сзади всѣхъ ѣхала Лиза, въ маленькой каретѣ, съ молодой графиней. Черныя тучи повисли на небѣ, накрапывалъ мелкій дождь, но Лиза высунулась въ окно и жадно впивала въ себя влажный воздухъ. Вонъ какія грозныя тучи, что то будетъ, страшно!... но сердце ликовало не смотря на грозныя тучи, оно рвалось вонъ изъ груди, Лиза не могла вдохнуть въ себя довольно воздуха, ей хотѣлось всѣхъ и все обнять, задушить кого нибудь въ своихъ объятіяхъ. А спутница ея сидѣла блѣдная, неподвижная и молча глядѣла въ другое окно.

«Соничка», начала Лиза, подвигаясь къ ней, «Соничка моя душечка, прости меня, я такъ много передъ тобой виновата,—прости, прости, я стану на колѣни».....

«Куда онъ уѣхалъ?».. спросила быстро графиня, схвативъ ее за руку.

«Въ Петербургъ, но онъ вернется, вернется за мной; ахъ, ты не знаешь, какъ я люблю его, какъ я счастлива!» и Лиза судорожно обняла свою спутницу.

«Ты не сердишься на меня,» шептала она, цѣлуя и прижимая ее къ себѣ,—«Соничка, ангелъ мой, скажи, что ты не сердишься, скажи, ради Бога, скажи одно слово»...

«Нѣтъ Лиза я не сержусь, за что я буду сердиться на тебя,—но только мы уѣдемъ отсюда,—поскорѣй бы уѣхать,—прощай!.. ахъ зачѣмъ, зачѣмъ мы сюда пріѣзжали?». . . . .

. . . .

. . . .

—

Странный день прошелъ въ Селѣ Воздвиженскомъ.

Какъ только подъѣхали къ крыльцу и вышли въ переднюю, старой графинѣ сдѣлалось дурно, ее вынесли на рукахъ и уложили въ постель.

Наталья Кириловна бросилась въ комнату къ сыну, отворила шкафъ, комодъ,—все пусто,—заглянула за ширмы, сукно со стола приподняла,—нѣтъ никого,—она опустила голову и долго стояла неподвижно, уставивъ глаза въ комодъ.

Валеріанъ Михайловичъ сидѣлъ съ гостями; онъ шутилъ и разговаривалъ, какъ ни въ чемъ не бывало: о погодѣ, о посѣвѣ, о политикѣ,—но только поговоривъ о томъ о семъ, онъ попросилъ позволенія у своихъ дорогихъ гостей оставить ихъ однихъ на минуту, и прошелъ прямо къ себѣ въ кабинетъ.

«Позвать мнѣ Никиту,» крикнулъ онъ черезъ дверь.

Никита явился передъ нимъ, ни живъ ни мертвъ.

«Я тебя . . . . со свѣту сгоню», началъ Валеріанъ Михайловичъ въ видѣ предисловія.

Никита молчалъ.

«Гдѣ твой баринъ?»

«Не могу знать-съ.»

«Чемоданъ взялъ съ собой?»

«Взяли-съ.»

«А письма ко мнѣ не оставлялъ?»

«Никакъ нѣтъ-съ.»

«Пошелъ вонъ» . . .

Никита повернулся къ двери!

«Стой!—Кто отвозилъ его въ городъ?»

«Не могу знать-съ.»

«Врешь!»

«Ей Богу не могу знать-съ.»

«Вонъ пошелъ!»

Никита тотчасъ улизнулъ за дверь . . . .

Между тѣмъ Анна Петровна и Семенъ Ивановичъ, воспользовались свободнымъ временемъ и пошли шнырять по дому. Скоро они вернулись къ слѣпому старику съ цѣлымъ коробомъ новостей:

«Женихъ, женихъ улизнулъ», началъ было Семенъ Ивановичъ....

«А что, а что я говорила», перебила его Анна Петровна, вся красная и въ страшномъ волненіи.

«Да что случилось, я ничего не понимаю?» спросилъ слѣпой.

«Да что тутъ понимать», отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ, «все эта Лиза скромница»....

«Отецъ его проклялъ», перебила опять Анна Петровна, «наслѣдства всего лишилъ»....

«Вотъ-то Лиза съ носомъ останется», подхватилъ Семенъ Ивановичъ.

«Все вздоръ!».... сказалъ рѣшительно исправникъ, «ужъ я вамъ говорю, коли старикъ чего захочетъ, такъ на своемъ поставитъ, я его знаю, онъ и не такія дѣла дѣлалъ.»

«Поздно отецъ мой ставить то, что совсѣмъ на бокъ свалилось.»

«А старая то модница, графиня съ пустыми карманами, сказалъ Семенъ Ивановичъ, пуфъ!!....»

«У ней имѣнье все съ молотка продаютъ«, объявила Анна Петровна,—«французишку какому-то, одному сто тысячъ должна...»

«Ничего», рѣшилъ исправникъ, «дочка выручитъ, хороша больно.»

«И батюшка мой и не такія красавицы въ дѣвкахъ сидятъ, нынче этимъ не возмешь,—подай существеннаго.»

«И съ существеннымъ сидятъ», замѣтилъ печально слѣпой, «никто какъ Богъ.

«Кто говоритъ, кто говоритъ,» заговорила скороговоркой Анна Петровна,....ну а что Семенъ Ивановичъ батюшка мой, попробовалъ бы ты теперь опять Сенечку своего за воспитанницу то посватать, а, вѣдь время то удобное?...»

«Ну вы опять Анна Петровна пошли съ своимъ вздоромъ.»

«Какой тутъ вздоръ батюшка, какой вздоръ, денежки чистенькія; оно конечно немножко того, ну да вотъ это такъ вздоръ, кто на это нынче смотритъ?....»

«Вы Анна Петровна», сказалъ Семенъ Ивановичъ, обидѣвшись, «сами по крайней надобности замужъ выходили, такъ думаете и всѣ такъ.»

«Что! что ты сказалъ», воскликнула Анна Петровна, подбѣгая

къ нему и сильно размахивая руками, «ты честь мою порочишь, да какъ ты смѣлъ?... да я на тебя въ судъ жалобу подамъ».. .

«Подавайте пожалуйі, я вашихъ жалобъ не боюсь, вы сами мою честь порочили....»

«Да какъ ты смѣлъ,—да я, да я тебя, да ты у меня!!....»

«Да я, да я самъ васъ, да что вы....»

«Тишь».... перебилъ слѣпой, «*самъ* идетъ.»

«Что это вы Анна Петровна, о чемъ такъ горячитесь? спросилъ Валеріанъ Михайловичъ, входя въ комнату и любезно улыбаясь.

«Это они такъ-съ ваше превосходительство», подхватилъ находчивый исправникъ, о посѣвѣ разсуждаютъ-съ.»

«Ахъ да Семенъ Ивановичъ скажите пожалуйста, говорятъ у васъ урожай необыкновенный?»

«Самъ восемьнадцать будетъ, брякнулъ Семенъ Ивановичъ, «за это отвѣчаю-съ.»

« Ну ужъ и самъ восемьнадцать, вы всегда прихвастнуть немножко любите».

«Враль извѣстный, сплетникъ отъявленный»,—бормотала Анна Петровна, все еще горячась.

«Ну полноте, полноте Анна Петровна, что вамъ до того, что у него самъ восемьнадцать родится, пусть себѣ хоть самъ двадцать.»

«Лжи не терплю батюшка Валеріанъ Михайловичъ, слышать не могу.»

«А сами подлыгаете немного»,—сказалъ Валеріанъ Михайловичъ, и громко засмѣялся.

Исправникъ счелъ своею обязанностію тоже засмѣяться, но только не такъ громко, а почтительно.

Анна Петровна собиралась было обидѣться,—но лакей доложилъ, что кушанье готово и всѣ пошли въ столовую.

Послѣ обѣда гости разъѣхались.

Чортъ бы ихъ побралъ, подумалъ Валеріанъ Михайловичъ, сплетники проклятые, пойдутъ по всему уѣзду барабанить; взглянуть пойти, что дѣлаетъ Анна Николавна;—эти бабы право совсѣмъ вести себя не умѣютъ,—тутъ бы показать себя, какъ ни въ чемъ не бывало, передъ чужими людьми,—такъ нѣтъ же, обмо-

роки тутъ пошли, къ обѣду не вышла, ну сама виновата, коли чортъ знаетъ что наплетутъ!....

Старая графиня сидѣла на креслахъ блѣдная и растрепанная. На столѣ стояли истерическія капли, горничная мѣшала сахарную воду.

Валеріанъ Михайловичъ сѣлъ на другое кресло, горничная тотчасъ вышла, но по обыкновенію остановилась за дверью и стала слушать.

«Ну что моя милая, дорогая Анна Николавна, какъ вы себя чувствуете?»

Но Анна Николавна только вздохнула и понюхала баночку со спиртомъ.

«Не послать ли за докторомъ?»

Графиня покачала головой.

«Le mal est là,» сказала она трагически ударяя рукою въ грудь.

«Э!, у васъ грудь болитъ, это не хорошо, нѣтъ я за докторомъ пошлю.»

«Не нужно, я завтра уѣзжаю...»

«Куда, зачѣмъ?»

«И вы меня спрашиваете, послѣ того, что случилось!»...

«Да что такое случилось помилуйте, просто вздоръ, дѣтская выходка, вольно вамъ этому такую важность придавать....

«Вы надомной насмѣялись», воскликнула графиня, выпрямляясь въ своихъ креслахъ—«о какъ я несчастна, mon Dieu que je suis malheureuse»! и она снова опустилась въ кресла и закрыла лице платкомъ.

Валеріанъ Михайловичъ пожалъ плечами:

«Да помилуйте, съ чего вы это взяли? будто я могъ думать, что онъ такую штуку удеретъ? Да и опять таки я вамъ повторяю это все вздоръ, дѣтская шалость, онъ самъ воротится, прощенья будетъ просить, я вамъ за это отвѣчаю.»

«Теперь ужъ поздно.»

«У меня никогда не поздно.»

«Vous avez compromis ma fille.»

«Чѣмъ помилуйте? да ужъ если на то пошло, такъ вы сами во всемъ виноваты, ну къ чему вы въ обморокъ упали, зачѣмъ

къ обѣду не вышли,—велика важность, что онъ уѣхалъ, ну я самъ его послалъ,—чегожъ тутъ въ обморокъ падать?»

Анна Николаевна посмотрѣла на него съ горькимъ упрекомъ:

«Боже мой, Боже мой,» сказала она, «могла ли я ожидать этого отъ васъ, моего лучшаго друга; oh, ma fille, ma pauvre enfant, этотъ ребенокъ, ангелъ непорочный!,—ужели и ее не пощадятъ злые языки, о безжалостный, безжалостный свѣтъ!!».

«Анна Николавна, Богъ съ вами, что это вы говорите? другой подумаетъ въ самомъ дѣлѣ что̀ нибудь *такое* случилось»....

Анна Николавна такъ и вскочила съ своихъ кресселъ:

«Какъ, что, что вы осмѣлились произнести? да знаете ли вы, что такое репутація дѣвушки?—да знаете ли вы, что воздухъ, въ которомъ она дышетъ, долженъ быть чистъ и непороченъ, что всякое слово, намекъ пустой, чернитъ, мараетъ ее навсегда! нѣтъ она не должна ничѣмъ, ничѣмъ прикасаться къ этому грубому безжалостному свѣту!!»....

«Такъ ужъ эдакъ лучше всѣмъ дѣвушкамъ въ пустыню удалиться »

«Боже мой, и вы еще смѣетесь; да нѣтъ, что я съ вами буду говорить,—вы мужчина, vous êtes un homme, вы меня никогда непоймете, нужно быть женщиной, матерью, чтобъ понять мои чувства!».... И она трагически качала головой и ударяла себя рукою въ грудь.

Валеріанъ Михайловичъ былъ тронутъ.

«Графиня, Анна Николавна», сказалъ онъ, «ради Бога успокойтесь, послушайте меня, ради нашей старой дружбы,—не ужели въ самомъ дѣлѣ изъ за такого вздора, изъ-за каприза мальчишки должны рушиться наши старинныя, давнишнія мечты?— Да что онъ въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ онъ, начиная горячиться, да я его сюда, вотъ на это самое мѣсто приведу, онъ тутъ, на колѣняхъ вымолитъ себѣ прощенье?»

«Non, non, c'est un perverti, я не отдамъ за него свою дочь,— и она жила съ нимъ подъ одною кровлей, дышала однимъ воздухомъ,—Боже мой! и когожъ онъ ей предпочелъ?—Какіе грязные, мѣщанскіе вкусы!

«Да вы про кого говорите, про Лизу?—стоитъ объ ней толковать, мы ее спихнемъ»

«Не такъ то это легко, какъ вы думаете; oh, mon cher Валеріанъ Михаіловичъ, oh mon pauvre ami, вы были слѣпы, вы слишкомъ добры и довѣрчивы; я вамъ говорю, она во всемъ виновата, она, она завлекла его!....

Валеріанъ Михаіловичъ крѣпко задумался.

«А все жена, сказалъ онъ, избаловала въ конецъ, я говорилъ: держи на кухнѣ, такъ нѣтъ,—.... и онъ махнулъ рукой.

«И кто бы это могъ подумать, взглянувъ на нее,» продолжала старая графиня,—«какая черная неблагодарность, quelle horreur! заплатить такъ за все, что для нея сдѣлали;—а моей бѣдной Сонички, какъ она заплатила за ея доброту къ ней и вниманіе?....

«Да да, вторилъ Валеріанъ Михаіловичъ, это ужъ такая порода, а еще толкуютъ про воспитанье, какое тутъ воспитанье,—просто кровь испорчена,—ну да вы объ ней не заботьтесь, съ ней то мы справимся, снѣсь пособьемъ.

«Non, non c'est trop tard.»

«Какое tard, все вздоръ; я вамъ говорю, мы ихъ чрезъ недѣлю обвѣнчаемъ».

«Jamais!,—il la rendra malheureuse, у него такіе грязные вкусы.—

«Ну какъ хотите, сказалъ Валеріанъ Михаіловичъ, вдругъ обидѣвшись, только я васъ предупреждаю, я больше въ ваши дѣла не мѣшаюсь» и онъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери.

Графиня разомъ смягчилась.

«Cher et bon Валеріанъ Михаіловичъ», воскликнула она, схвативъ его за обѣ руки,—«неужели и вы меня оставите, вы мой лучшій другъ? вспомните нашу старинную дружбу, наши прежнія отношенія....

Валеріанъ Михаіловичъ остановился.

«Такъ оставьте же меня распоряжаться, какъ я знаю, сказалъ онъ съ досадой,—не заботьтесь ни о чемъ и живите здѣсь спокойно.»

«Non non, je dois partir, les convenances avant tout.»

«Нашли вы время толковать объ convenances.»

«Cher ami, вы этого не понимаете, я должна, должна уѣхать!....

«Глупая баба!» чуть не сказалъ Валеріанъ Михаіловичъ,—но только пожалъ плечами и вышелъ.

На другое утро пріѣзжіе дѣвки и лакеи стали вытаскивать и упаковывать ваши и чемоданы, изъ сараевъ выкатили тарантасъ и тяжелый дормезъ; въ кухнѣ пекли, жарили и набивали цѣлыя корзины для дорожныхъ.

Какъ ни упрашивалъ Валеріанъ Михаіловичъ, какъ ни сердился подъ конецъ, Графиня уѣхала, холодно со всѣми простившись; только Лиза да Софья Александровна горько плакали, крѣпко обнявшись —ихъ насилу оттащили другъ отъ друга,— и долго еще выглядывала изъ кареты головка съ темною косою и махала ручка бѣлымъ платкомъ.

—

Село Воздвиженское вдругъ стихло и опустѣло, старый баринъ опять сталъ мраченъ и грозенъ.—Наталья Кириловна ходила какъ потерянная, дворовые попрятались по угламъ; — только утки по прежнему плескались въ пруду, да солнце по прежнему играло надъ озеромъ и освѣщало длинный рядъ крестьянскихъ избъ вдали.

«Что-то будетъ Лизочка? твердила Наталья Кириловна, смотри какой онъ опять страшный сталъ, сердитый какой, Господи спаси и помилуй! . . . .

. . . .

«А что отъ Мити писемъ нѣтъ?» — спрашивала она безпрестанно.

«Нѣтъ, мамаша.»

«Что то онъ голубчикъ мой теперь дѣлаетъ? бѣдныя вы мои, бѣдныя дѣти, — за что судьба васъ гонитъ?, — всю жизнь свою я горе мыкала, хоть бы на васъ поглядѣть, да порадоваться.»—

. . . .

. . . .

Валеріанъ Михаіловичъ дѣйствительно сдѣлался срашенъ, — онъ не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова, къ обѣду не выходилъ, цѣлый день по своему кабинету большими шагами расхаживалъ.

«Худо! твердила ключница Маланья, заглядывая въ щелку, — быть бѣдѣ;—кричитъ, дерется, все ничего;—ну а какъ захо-

дилъ—пиши пропало!» . . . .
. . . .

Черезъ нѣсколько дней посланный въ городъ привезъ въ числѣ газетъ и разныхъ бумагъ письмо на имя Валеріана Михайловича; письмо было изъ Петербурга отъ Дмитрія,—вотъ оно:

«Я начинаю къ вамъ письмо просьбою дочитать его до конца, «и простить меня, если я не съумѣлъ выразить словами того, «чѣмъ полно теперь мое сердце. Двадцать лѣтъ тому назадъ «Вы приняли къ намъ въ домъ дѣвочку, съ которой я росъ и «воспитывался вмѣстѣ.

«Я дѣлилъ съ ней сначала дѣтскія игры и уроки, потомъ «первыя юношескія мечты, потомъ мысли и чувства болѣе зрѣ«лаго возраста. Мудрено ли, что я привязался къ ней всей ду«шой, привыкъ видѣть въ ней свою сестру, своего лучшаго, не«измѣннаго друга.

«Помните, когда я еще былъ крошечнымъ мальчишкой, я «называлъ маленькую Лизочку своей невѣстой, и плакалъ и вы«ходилъ изъ себя, когда ее со мной разлучали;—я убѣжденъ, «что я уже тогда любилъ ее, конечно безсознательно, но такъ «горячо, какъ только можетъ любить ребенокъ. Съ тѣхъ поръ «я выросъ и многое пережилъ, но это чувство осталось въ моемъ «сердцѣ и только выросло вмѣстѣ со мною. Но по мѣрѣ того, «какъ я росъ, я начиналъ понимать, что Вы никогда не согла«ситесь, чтобъ я женился на ней, и чѣмъ больше я думалъ, «чѣмъ больше понималъ себя и другихъ, тѣмъ яснѣе станови«лось во мнѣ это печальное сознаніе.

«Вмѣстѣ съ нимъ неотвязчиво являлась другая мысль: что «я самъ долженъ готовить себѣ свое будущее,—что я небога«тый наслѣдникъ, а просто человѣкъ, который, можетъ быть, «будетъ поставленъ въ печальную необходимость, жить своими «трудами.

«Выработать въ себѣ эту возможность, выбиться душою и тѣ«ломъ изъ привычекъ, въ которыхъ я выросъ, составляло цѣль «моей жизни.—Вотъ отчего я такъ упорно и настойчиво про«тиворѣчилъ всѣмъ Вашимъ желаніямъ:—Вы стремились до«ставить мнѣ блестящую будущность, мечтали о моихъ успѣ«хахъ въ большомъ свѣтѣ, невѣсту мнѣ готовили съ громкимъ

«именемъ,—а я мечталъ о тихой семейной жизни, о каждодневномъ терпѣливомъ трудѣ.

«Я жилъ и росъ въ постоянной борьбѣ съ самимъ собою, съ «Вами, со всѣмъ меня окружающимъ.

«Вы еще мальчикомъ услали меня въ Петербургъ, засыпали «деньгами, бросили въ омутъ моднаго свѣта,—я опьянѣлъ сначала, я падалъ столько разъ, но я не упалъ совсѣмъ, не погрязъ въ этой тинѣ.—Да, тинѣ, простите меня за выраженье, я «знаю, Вамъ дорогъ этотъ міръ роскоши и блеска, какъ дороги «всякому воспоминанья лучшихъ дней; Вы нашли въ немъ «счастье и свѣтлыя минуты жизни, Вы готовили ихъ Вашему «сыну,—я благодаренъ вамъ всей душой.

«Я конечно виноватъ предъ вами, много виноватъ,—но не въ «томъ, что нашелъ себѣ счастье не тамъ, гдѣ вы мнѣ его готовили, а виноватъ, что до сихъ поръ не рѣшился высказаться «передъ Вами, какъ передъ отцемъ и другомъ.—Это избавило «бы Васъ отъ многихъ обманутыхъ надеждъ, а меня отъ многихъ горькихъ минутъ.

«Но теперь я все сказалъ, мнѣ остается только прибавить, что «я отказываюсь навсегда отъ роскоши и блеска, отъ блистательной будущности, которую Вы мнѣ готовили, отказываюсь даже «отъ той части наслѣдства, которая принадлежитъ мнѣ по закону,—я прошу Васъ объ одномъ: Папà, отдайте мнѣ Лизу!....

«Говорятъ, я выздоровѣлъ какимъ то чудомъ отъ смертельной болѣзни, въ тотъ самый день, когда ее приняли къ намъ.— «Я вѣрую, что судьба послала мнѣ ее Ангеломъ хранителемъ на «всю мою жизнь,—я погибну, если у меня ее отнимутъ....

«Прошу васъ еще объ одномъ: не старайтесь разубѣждать и «уговаривать меня, не обманывайте себя пустыми надеждами, «что я одумаюсь, или, что уменя не достанетъ довольно твердости, сдѣлать то, что я говорю;—повѣрьте, я не строю воздушныхъ замковъ, и не дѣлаю себѣ дѣтскихъ иллюзій, я знаю «жизнь и вполнѣ понимаю, на что иду и какую будущность себѣ «готовлю. Но я давно рѣшился и обдумалъ свой поступокъ,— «или нѣтъ, я ни минуты не рѣшался и не обдумывалъ его, я «просто не понималъ возможности сдѣлать иначе, и знаю, что «никогда въ томъ не раскаюсь, никогда, чтобы со мною не было.

«Я почти устроилъ свои дѣла, Лиза согласна быть моею же-«ною, Вы напрасно въ ней сомнѣвались;—но я буду ждать Ваше-«го отвѣта, Вашего прощенья; да, да, вы меня простите, Вы «меня поймете, если у Васъ есть хоть капля крови въ сердцѣ, «если Вы когда нибудь любили въ своей жизни. Прощайте,— «надѣюсь, до скораго свиданья.»

Вашъ Дмитрій.

Страшное бѣшенство закипѣло въ груди Валеріана Михайловича, онъ бросилъ письмо на полъ и затопталъ его ногами.

«Такъ это правда, воскликнулъ онъ громко,—это она во всемъ виновата!—эта дѣвчонка, нищая, которую я принялъ въ домъ, облагодѣтельствовалъ, она отняла у меня сына, она разбила всю мою жизнь!!.... онъ схватился руками за голову и долго стоялъ неподвижно.

«Я отомщу» закричалъ онъ вдругъ дико,—«страшно отомщу!...,» и схвативъ съ полу затоптанное письмо, бросился вонъ изъ кабинета.

«Гдѣ Лиза, кричалъ онъ, задыхаясь, бѣгая по всѣмъ комнатамъ,» гдѣ она?...., но всѣ попрятались отъ него, домъ какъ будто вымеръ. Онъ пробѣжалъ длинный корридоръ, взбѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ, и очутился въ спальнѣ Лизы.

Миръ и тишина этой комнаты, чистый, спокойный взглядъ дѣвушки охладили его бѣшенство; онъ опустился на стулъ и подалъ ей письмо.

«Читай», сказалъ онъ, «читай громко».

Лиза съ восторгомъ схватила письмо, увидѣвъ знакомую руку, и стала читать; но по мѣрѣ того, какъ она читала, слезы туманили ей глаза, она не докончила письма....

«Подай сюда, крикнулъ Валеріанъ Михайловичъ, вскочивъ со стула, и крѣпко схвативъ лизу за руку, онъ вырвалъ у ней письмо, и сталъ читать, громко и внятно произнося каждое слово;—но по мѣрѣ того, какъ письмо подвигалось впередъ, бѣшенство вновь накипало у него въ груди, онъ читалъ все громче и громче, но дойдя до словъ: «Лиза согласна быть моею женою, вы напрасно въ ней сомнѣвались,» онъ швырнулъ отъ себя

письмо, и пристально посмотрѣвъ на Лизу, злобно повторилъ:—«такъ ты согласна?»

Да, отвѣчала твердо Лиза

Валеріанъ Михайловичъ улыбнулся. «Гмъ,—губа не дура, хитра ты не по лѣтамъ,—да только я снѣсь пособью съ тебя, голубушка,—ей, кто тамъ!»....

Горничная вбѣжала въ комнату.

«Позвать сюда Маланью, Марфу, сарафанъ принести, да ножницы большія, живо!»

Лиза рванулась отъ него инстинктивно.

«Нѣтъ, стой голубушка», сказалъ Валеріанъ Михайловичъ, крѣпко сжимая ей руку, «стой, погоди, мы съ тобой расправимся!»

«Помогите!» закричала отчаянно Лиза, но никто не пришелъ на помощь;—а только ключница Маланья черезъ минуту явилась съ ножницами въ рукахъ, да другая баба—съ пестрымъ широкимъ сарафаномъ.

«Снять съ нея платье,» приказалъ Валеріанъ Михайловичъ, передавая имъ Лизу на руки,—косу распустить.

Бабы молча повиновались. Густая темнорусая коса разсыпалась по плечамъ дѣвушки.

Лиза бросилась на колѣни. Папа́, что вы хотите дѣлать со мной?—сжальтесь....

Но Валеріанъ Михайловичъ не сжалился; онъ схватилъ ее за косу, и изо всей силы чиркнулъ по ней длинными ножницами; ножницы погнулись, но коса упала вмѣстѣ съ ними на полъ. Лиза громко вскрикнула.

«Надѣть на ее сарафанъ;.... ну,—теперь пошли вонъ».

Бабы выбѣжали.

Валеріанъ Михайловичъ посмотрѣлъ на Лизу.

«Такъ ты согласна моя красавица, ну хорошо, мы тебя обвѣнчаемъ, только ты посиди до свадьбы въ своей свѣтелкѣ, да помолися Богу»; и онъ вышелъ изъ комнаты, повернулъ два раза ключъ въ замкѣ, и положилъ его себѣ въ карманъ.

Лишь только шаги его затихли въ длинномъ корридорѣ, на лѣстницу стала взбираться Наталья Кириловна. Она подошла къ запертой двери и постучалась.

«Лизочка отвори».

«Мамаша, послышался голосъ изъ за двери, голубушка, вы ли это?

«Я, я Лизочка, отвори».

«Да я, не могу отворить, онъ заперъ меня, онъ сарафанъ мнѣ надѣлъ,—спасите, помогите!....

«Сейчасъ, сейчасъ, заговорила Наталья Кириловна, ощупывая дверь, ты ничего, Лизочка, ты не убивайся, я сейчасъ пойду къ нему, упрошу....

«Нѣтъ, нѣтъ, вы Дмитрію напишите, скорѣй, скорѣй напишите».

Да что случилось такое?—Господи милосердый.

Отъ него письмо пришло, оно здѣсь у меня. Мамаша, родная моя, ради Бога напишите Дмитрію, подите сейчасъ напишите, ради Бога сейчасъ, скорѣй, скорѣй!....

«Иду, иду, отвѣчала Наталья Кириловна, потопталась около запертой двери, покачала головой, и стала осторожно спускаться съ лѣстницы.

Проходя мимо двери залы, она увидѣла, что ключница смотритъ въ щелку.

«Ну что, Маланьюшка?

«Худо сударыня, все ходитъ».

Наталья Кириловна сама заглянула въ щелку.

По залѣ дѣйствительно расхаживалъ большими шагами Валеріанъ Михайловичъ, страшно и грозно сдвинувъ свои густыя брови.

Онъ по видимому ждалъ чего то и все оглядывался на дверь, ведущую въ переднюю;—эта дверь скоро отворилась и въ нее староста впихнулъ сѣдаго сморщеннаго мужичка, въ лаптяхъ и бѣломъ балахонѣ.

Мужичекъ прижался къ затворившейся за нимъ двери; онъ думалъ, что пришелъ его послѣдній конецъ, сумрачно глядѣлъ внизъ, и вертѣлъ въ рукахъ ободранную мѣховую шапку.

«Прохоръ, произнесъ Валеріанъ Михайловичъ, остановившись передъ нимъ; но Прохоръ совсѣмъ струсилъ и бацнулъ въ ноги.

«Полно, полно, чего ты, вставай».

Мужикъ медленно поднялся.

«Я слышалъ, твой сынъ жениться хочетъ?

Прохоръ немного пріободрился: «хочетъ, батюшка», отвѣчалъ онъ, низко кланяясь, «коли милости вашей будетъ, какъ не хотѣть».

«Мнѣ староста говорилъ, что ты старый скряга, хочешь распоясать свой кошель, для сына изъ чужой барщины какую-то дѣвку купить?

«Гдѣ намъ, батюшка Валеріанъ Михайловичъ, откуда денжонокъ взять, вотъ кабы вашей милости было ....

«Не нужно чужую дѣвку покупать, я нашелъ твоему сыну невѣсту; пошелъ домой и вели своимъ бабамъ пиво варить, да пироговъ напекать, послѣ завтра свадьба, я самъ посаженнымъ отцемъ у невѣсты буду, приданое дамъ,—понялъ ты меня?

«Понялъ, батюшка, понялъ».

«Ну пошелъ вонъ».

Мужикъ такъ обрадовался, что его отпустили, что не спросилъ даже, кто невѣста, и мигомъ улизнулъ за дверь.

Лишь только Прохоръ вышелъ,—въ залу бросилась Наталья Кириловна.

«Что ты это затѣваешь, завопила она, подбѣгая къ мужу,—» злодѣй ты эдакой, боишься ли ты Бога!! ..

«Ты еще чего тутъ», крикнулъ Валеріанъ Михайловичъ, презрительно посмотрѣвъ на нее,—«ты во всемъ виновата,—ты всю жизнь свою только нюниться, да баловать всѣхъ умѣла,— вонъ пошла, чтобъ ты мнѣ на глаза не попадалась!! »—

Наталья Кириловна хотѣла что-то сказать,—но только помялась съ ноги на ногу, попятилась къ двери и вышла.

Валеріанъ Михайловичъ опять сталъ маршировать по залѣ. За нимъ пристально слѣдили глазами старые дѣды и прадѣды, висѣвшіе на стѣнахъ въ золоченыхъ рамкахъ.

—

Въ деревнѣ за селомъ, въ избѣ у Прохора, старая баба возилась около печки. Она пихала кочергой въ печку, горшокъ какой-то вытаскивала, ворчала себѣ подъ носъ и безпрестанно поправляла на головѣ платокъ, все лезшій на сторону.

По лавкамъ и лежанкѣ ползали полунагіе ребятишки, молодая баба качала люльку.—Въ избѣ по обыкновенію была грязь и духота; только въ одномъ углу образъ, въ серебряной почернѣвшей оправѣ, да снаружи подъ крышей рѣзьба, въ видѣ узорнаго полотенца, показывали, что тутъ живетъ мужикъ побогаче;—а впрочемъ изба также косилась на бокъ, и также въ окнахъ вмѣсто стеколъ торчали мѣстами тряпки и поломанныя щепки.

«Батька идетъ», сказала молодая баба, просунувъ голову въ окно.

«Не ври», проворчала старуха.

«Чего врать-то, вонъ и самъ».

Въ избу въ самомъ дѣлѣ вошелъ Прохоръ, весь запыхавшись и съ трудомъ переводя духъ.

«Чего тебя нелегкая спозаранку принесла, закричала на него старая баба, вишь солнце то гдѣ, ослѣпъ что ли?,—пошелъ назадъ, на работу».

«Бабы, бабы, заговорилъ Прохоръ, собравшись между тѣмъ съ духомъ», пиво варить, пироговъ напекать, послѣ-завтра свадьба, *самъ* посаженнымъ будетъ, приданое дастъ».

Бабы посмотрѣли на него съ удивленіемъ, старая Авдотья, жена Прохора, даже выпустила кочергу изъ рукъ.

«Бѣлены ты объѣлся, сказала она сердито;—аль изъ ума выжилъ, кого вѣнчать-то будемъ, тебя что ли, стараго дурня, при живой женѣ?

«Матюху, Матюху вѣнчать, отвѣчалъ Прохоръ скороговоркой, *самъ* велѣлъ, слышь ты приданое дастъ,—въ село меня призывалъ, въ хоромы».

«Видно, въ селѣ то тебѣ послѣдній умишко изъ башки вышибли,—кто невѣста то?»

А и впрямъ, кто невѣста то, подумалъ Прохоръ, почесывая въ головѣ,—«ну да я почемъ знаю», прибавилъ онъ громко, «тебѣ велятъ пироги печь, ну, и пеки».

«Какъ же, нашелъ ты дуру,—что тебѣ съ пьяна во снѣ приснится, то я и дѣлай».

«Дура ты впрямъ и есть, говорятъ тебѣ: *самъ* велѣлъ, ну понимаешь ли ты: *самъ*? ...

«Чтожъ ты у *самого* то толкомъ не спросилъ, коли впрямъ велѣлъ? ...

«Да поди ка ты сунься, спроси.

«Ну и спрошу, эка невидаль, ты думашь не спрошу, анъ спрошу, вотъ сейчасъ поду спрошу».

«И Авдотья въ самомъ дѣлѣ поправила платокъ на головѣ и вышла изъ избы.

Но она была баба смѣтливая: прежде зашла въ чуланъ, да захватила пары три яицъ, да и пошла не къ барину, а къ старостѣ.

Посредствомъ этихъ яицъ она узнала тотчасъ весь разговоръ Валеріана Михайловича съ своимъ мужемъ, узнала даже, что на селѣ случилась оказія: барышня въ чемъ-то крѣпко провинилась, въ комнату ее заперли, косу, говорятъ, обстригли. Только главнаго то она и не узнала, кто невѣста-то? ...

«Эка напасть какая, ворчала Авдотья, возвращаясь домой, и спросить то никто не смѣетъ; сулила старостѣ курицу,—да нѣтъ, говоритъ, и за пѣтуха теперь къ нему не пойду; кто бы такой былъ? ... ума не приложу!»—

Вечеромъ семья Прохора, собравшись за ужиномъ, долго разсуждала о томъ, кто эта таинственная невѣста.

Прохоръ перебралъ всѣхъ дѣвокъ въ околоткѣ.

«Танька, сказалъ онъ наконецъ, махнувъ рукой, она и есть.

«Типунъ-те на языкъ, перебила его Авдотья, право дурень, пучеглазой эдакой, ледащей обрадовался.—

«Ну, Грунька, сказалъ Прохоръ.

«Да я ее со свѣту озорницу эдакую сведу».

«Нашелъ, нашелъ, закричалъ Прохоръ, торжествуя,—Марфушка, Марфушка, и говорить нече!!.—

«Подавиться тебѣ твоей Марфушкой, работница мнѣ въ избу нужна, а не Марфушка твоя.

«Ишь ты какая, Марфушка ей неладна, что-жъ те еще? дѣвка знатная; Матюха, «прибавилъ Прохоръ и толкнулъ локтемъ сидѣвшаго подлѣ него молодаго мужика съ рыжей бородой и добродушной физіономіей, который все время сидѣлъ молча и уписывалъ кашу», а Матюха, Марфушку хошь, хошь Марфушку?

«А мнѣ то что, отвѣчалъ Матюха, запихивая въ ротъ полную ложку.

«Тьфу ты дурень, сплюнула съ сердцемъ Авдотья, по отцу пошелъ, инда злость беретъ, Господи прости, точно не про него говорятъ, сидитъ се, да кашу жретъ, всю поѣлъ, окаянный! ...

«А чтой-то я матка говорить буду», отвѣчалъ Матюха, «аль меня спросятъ чтоли?»

«Спросятъ, спросятъ,—розиня эдакая, а ты барину въ ноги поклонись:—Дорушку скажи Ануфріевскую хочу, купить проси, такъ то те баба будетъ».—

«Да купитъ онъ те, какъ же», вмѣшался Прохоръ.

«Ну не купитъ, эка невидаль, и свой кошель распояшешь».

«Кошель, кошель, откуда его взять то?—

«Не бось, найдешь, подъ поломъ, подъ запечкой.

«Врешь ты, глупая баба, закричалъ Прохоръ, весь покраснѣвъ.

«Чего врать то, хошь достану?—

«Тронь только, я те ухватомъ».—

«А я те кочергой.

«А я те лопатой.

«А я вотъ сейчасъ старостѣ пойду скажу, онъ те духомъ кошель опростаетъ.

«Только пикни, закричалъ Прохоръ, вскочивъ изъ-за стола, и ухвативъ веревочныя возжи.

«Ай батюшки, бьютъ! завопила Авдотья, бросившись въ темный уголъ.

«Нетрошь батька, сказалъ Матюха, ишь она больно спужалась.

«Спужалась, спужалась, ворчалъ Прохоръ, усаживаясь снова за столъ,—спужаешь ты эту старую вѣдьму; я те говорю, Матюха, своей бабѣ потачки не давать, съ перваго же дня за волосенки оттаскай, такъ она те всю жизнь ладна будетъ, я те говорю ....

И долго еще ворчалъ Прохоръ, и хныкала въ углу Авдотья.

Въ избѣ совсѣмъ уже стемнѣло, зажгли лучину, ребятишки позалѣзли на печь;—Прохоръ съ сыномъ ушли спать въ сѣни,

бабы угомонились, кругомъ все стихло, лучина погасла, и сверчокъ затянулъ свою заунывную, нескончаемую пѣсню.

—

Былъ буднiй день, а у церкви толпился народъ.

Тучи висѣли на небѣ, шелъ мелкiй дождь, кругомъ все затянуло, только вдали еще виднѣлась синяя полоса неба, и ярко блестѣли верхушки деревъ;—но вотъ погасъ послѣднiй свѣтлый лучъ и съ нимъ послѣдняя надежда,—все стало сѣро и мрачно кругомъ.

Вдали послышался колокольчикъ; изъ за поворота дороги тройка вырвалась во весь опоръ, за ней другая, третья и цѣлый поѣздъ подскакалъ къ церкви.

«Женихъ, женихъ»—послышалось въ толпѣ.

И въ самомъ дѣлѣ изъ телегъ повылѣзали: Матюха въ новомъ кафтанѣ и шапкѣ, Прохоръ и Авдотья, умытые и причесанные, нѣсколько бабъ и дѣвокъ въ пестрыхъ сарафанахъ и мужиковъ въ сапогахъ и лаптяхъ.

Въ церкви священникъ ждалъ въ полномъ облаченьи, пѣвчiе стояли на клиросѣ, дьячекъ зажигалъ свѣчи.—Въ толпѣ было какое-то волненiе, всѣ шептались между собою, поглядывали въ растворенныя настежь двери.

Къ крыльцу подкатила карета четверкой и за ней другая карета.

Бѣлокурый мальчикъ пронесъ образъ въ алтарь, старый баринъ вошелъ въ церковь, суровый и мрачный, какъ ночь, ключница Малапья и старушка няня ввели подъ руки невѣсту, закутанную бѣлой фатой.

Священникъ вышелъ съ Крестомъ и Евангелiемъ, пѣвчiе громко запѣли.

«Не убивайся родимая»,—шепнула няня дрожащимъ голосомъ, «письмо отослали».

«Теперь ужъ поздно, отвѣчала невѣста.»

Фату подняли:—Лиза въ крестьянскомъ нарядѣ, блѣдная, исхудалая, съ глазами, распухшими отъ слёзъ, стояла посреди церкви.

Пѣвчіе вдругъ замолкли, водворилась мертвая тишина . . . .

. . . .

«Аль и впрямъ вѣнчать будутъ?—прошептала Авдотьѣ сморщенная баба.

«Ни ни, постращать только, сказала также тихо другая.

«Ахъ, вы дуры дуры, отвѣчала сердито Авдотья,—а пиво-то что жъ я даромъ что ли варила,» и она стала усердно креститься и класть земные поклоны.

«Чтожъ-то она сдѣлала, Антипычъ?—спрашивалъ старосту сѣдой старикъ.

«Провинилась знать больно, Фомичъ, отвѣчалъ староста шепотомъ.

«Привалило-жъ этому Прохорочу счастье,—вотъ поди-жъ ты!»

. . . .

«Вѣнчать», произнесъ громко Валеріанъ Михайловичъ.

Невѣста пошатнулась, ее подхватили подъ руки и полумертвую поставили къ вѣнцу.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Въ избѣ у Прохора шумъ и говоръ:—молодые сидятъ подъ образами за длиннымъ столомъ;—ѣдятъ и пьютъ, все громче шумъ и говоръ.

Эй вы дѣвки, чтожъ вы пѣсни не поете!

Дѣвки толкаютъ другъ друга локтемъ,—Дунька—запѣвала выступаетъ впередъ:

«Пиво медъ варили
«Пѣсни запѣвали.
«Молодыхъ вѣнчали
«Горе забывали»

*
* *

Хоръ:

«Не горюй, не тоскуй бѣлолицая,
«Стерпится, полюбится,
«Свыкнется, забудется.»

*
* *

Запѣвала:

«На столы дубовые
«Сѣребро все клали,
«Сѣребра да злата
«Полная палата

* * *

Хоръ:

«Ой знать жить, не тужить,
«Нуждушки не зная
«Ой знать жить да любить,
«Пѣсни припѣвая».

Славная пѣсня, славная, подарить дѣвокъ надо!

«А ужъ что за пиво, говоритъ староста, выпивая залпомъ полную кружку, «ай да тетка Авдотья!»

Авдотья самодовольно улыбается и наливаетъ ему другую.

«Пиво ладно, больно ладно,» подхватываетъ другой мужикъ, пошатываясь съ ноги на ногу, «только горьковато, подсластить бы надо».

По крестьянскимъ обычаямъ при всякомъ подобномъ возгласѣ молодые должны цѣловаться.

Матвѣй боязливо косится на свою молодую жену; хороша больно,—сердце такъ и замираетъ.

Прохоръ сидитъ за столомъ, весь красный. Онъ ощупываетъ за пазухой туго набитый кошель, приданое невѣсты; все цѣло.

«Невѣстушка дорогая,» говоритъ онъ, заикаясь,—«полно плакать, не вѣкъ горевать будешь, я те говорю, заживемъ мы съ тобою славно, право заживемъ!»

Но невѣстушка давно не плачетъ; она сидитъ какъ истуканъ, и глядитъ неподвижно на дверь.

О Боже! ужели это не сонъ, ужель все кончено, ужели нѣтъ спасенья!! . . . .

. . . .

Стихали шумъ и говоръ,—гости полупьяные расходились по домамъ; Прохоръ валялся подъ лавкой,—старосту два парня подъ руки увели,—старая няня перекрестила свою бѣдную Лизу,—и ушла.

Изба опустѣла.

Въ ужасѣ, отчаяніи выбѣжала Лиза въ темную ночь.

Холодный вѣтеръ гналъ быстро тучи на небѣ, мѣстами звѣзды сверкали; озеро серебрилось вдали, изъ-за дальняго края деревни подымалась луна.

«Куда бѣжать мнѣ, куда мнѣ скрыться?...... вонъ вода блеститъ,.... Боже, прости меня!..... и Лиза быстро пробѣжала темный дворъ.

«Нѣтъ, стой родимая,» послышался вдругъ голосъ сзади, и Авдотья крѣпко схватила ее за плечи.

«Мнѣ за тобой, барышня, глядѣть приказано, не прогнѣвайся, ты еще, оборони Богъ, что сдѣлашь надъ собой; пойдемъ-ка лучше въ избу, мужъ давно ждетъ, мужа слушаться надо.»

Лиза вся задрожала.—Авдотьѣ стало жаль ее.

«Полно, дочинька,» сказала она,—полно желанная, не убивайся, поживешь, привыкнешь, мало что на свѣтѣ бываетъ.»

. . . .

. . . .

. . . .

. . .   .

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

—

Послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ пріѣхалъ я опять въ деревню къ дѣду.

Дѣдъ мой давно уже умеръ, село, бывало шумное и веселое,—стихло и опустѣло.

Съ тоскою и невольнымъ трепетомъ вошелъ я въ старинный барскій домъ.—Передо мною воскресло вдругъ все мое прошедшее, невозвратимое, ожило все мое золотое дѣтство.

Мнѣ стало больно и грустно;—но грусть не горе, не тоска тяжелая,—съ ней иногда также жаль разстаться, какъ съ самыми милыми мечтами.

Я обошелъ весь домъ, обошелъ старинный садъ;—какъ онъ заглохъ и заросъ:—вотъ окошко изъ нашей прежней дѣтской,—вотъ здѣсь сидѣли мы бывало съ нашей няней, тутъ она пугала насъ *страшнымъ дядей*, когда мы капризились. Какъ бы я хо-

тѣлъ все это опять воскресить и увидѣть, какъ бы хотѣлъ увидѣть даже страшнаго дядю, котораго такъ боялся бывало.

За мной ходилъ всюду, какъ тѣнь, старый управитель Антонъ Ефимычъ, ходилъ все безъ шапки и въ почтительномъ разстояніи, и какъ я не просилъ его накрыться, ни за что не согласился.

Антонъ Ефимычъ мало перемѣнился,—онъ какъ былъ сѣдъ и сгорбленъ, такъ и остался, и даже коричневый длинно-полый сюртукъ, который надѣвался только въ торжественные случаи, все тотъ же. Впрочемъ я радъ былъ видѣть и Антонъ Ефимыча и его сюртукъ, какъ все старинное, знакомое съ дѣтства.

«А что Антонъ Ефимычъ, спросилъ я, слѣдуя нити своихъ воспоминаній, бывшій Предводитель Валеріанъ Михайловичъ Корниловъ вѣдь ужъ умеръ давно?

«Какъ же—сударь, отвѣчалъ Антонъ Ефимычъ, давно померли, да и супруга ихъ Наталья Кириловна тоже давно скончались.

«А скажите, дѣти ихъ, помните еще, къ намъ маленькими ѣздили, гдѣ они теперь?

«То есть Дмитрій Валеріановичъ—съ?

«Да да, его тогда еще просто Митей звали.

«Они въ чужихъ краяхъ-съ;—а вотъ воспитанница покойной предводительши, изволите помнить, что Лизочкой звали?

«Какъ же помню, помню»

«Вотъ онѣ-съ такъ здѣсь по сосѣдству живутъ.

«Какъ такъ?

«Да вотъ тутъ деревня вольная есть, *Новая* прозывается,— вотъ-съ тутъ онѣ и живутъ. Вы извольте съѣздить посмотрѣть, господа другіе нарочно для того пріѣзжаютъ.

«Скажите, Антонъ Ефимычъ, спросилъ я съ любопытствомъ, я давно еще слышалъ какія то сказки, будто покойный предводитель выдалъ ее замужъ за своего двороваго человѣка, не ужели это правда?

«Да-съ, за мужика простаго; да ужъ это давно было-съ, лѣтъ восемь будетъ, у нихъ и дочка теперь подросла.»

«Боже мой, да это просто злодѣйство!

«Да вѣдь онѣ, сударь, тоже изъ простыхъ-съ.

«Чтожъ, что изъ простыхъ? Помилуйте, вѣдь какъ ее воспи-

тывали, какъ держали, вѣдь я помню; да говорятъ молодой Корниловъ былъ въ нее безъ памяти влюбленъ?

«Да-съ, вотъ за это то ихъ больше въ крестьянство и отдали; вотъ изволите видѣть, пріѣзжала къ нимъ тогда графиня какая-то, или княгиня, ужъ не могу вамъ доложить, а только покойный предводитель хотѣлъ на дочкѣ ихъ сына свово женить,—а молодой баринъ заупрямился, на Лизаветѣ Николавнѣ, на воспитанницѣ—то, все жениться хотѣлъ, ну а старикъ больно за это и осерчалъ.»

«Какое страшное злодѣйство!.... твердилъ я съ жаромъ.»

Но Антонъ Ефимычъ, по видимому, мало мнѣ сочувствовалъ, и продолжалъ свой разсказъ съ разными добавленіями и поясненіями.

Я слушалъ его внимательно.

Такъ вотъ-съ», говорилъ онъ, «такимъ то манеромъ ихъ-съ, т. е. Лизавету то Николавну и повѣнчали; а ужъ какъ она сударь убивалась сначала, тосковала, и сказать невозможно, сдѣлать что надъ собой хотѣла, да только Авдотья покойница больно прилежно за ней смотрѣла; вы изволите помнить сударь Авдотью Прохорову?—вѣдь Лизавету то Николавну за Матюху Прохорова выдали.

«Помню, помню, отвѣчалъ я чтобъ не перебивать разсказа Антона Ефимыча.»

«Такъ вотъ-съ, продолжалъ онъ, какъ ихъ повѣнчали, черезъ недѣлю, или черезъ двѣ, ужъ хорошо не помню, молодой то баринъ и пріѣхали; какъ узнали они что̀ случилось, и Господи какъ огорчились, къ Прохору въ избу тотчасъ бросились, плакали, кричали, въ ногахъ у ней валялись,—мнѣ Авдотья покойница сама разсказывала: жалость говоритъ Антонъ Ефимычъ смотрѣть было, индо сердце надрывалось.—Я ужъ этого сударь и пересказать такъ вамъ теперь не умѣю, а какъ бывало Авдотья покойница разсказывала, такъ инда мы даже всѣ въ-чуже плакали.»

Антонъ Ефимычъ замолчалъ.

«Скажите,» спросилъ я его, «неужели же молодой Корниловъ ее тамъ оставилъ, не ужели онъ не увезъ ее съ собою?»

«Хотѣлъ сударь увезти, ужъ какъ хотѣлъ, просилъ, молилъ

на колѣняхъ, чего только не дѣлалъ,—не согласилась-съ.—Нѣтъ говоритъ, я здѣсь останусь, доживу здѣсь свой вѣкъ, все одно такъ и твердила. Убивался больно молодой баринъ, жалость смотрѣть было; я ихъ встрѣчалъ тогда раза два, такъ-съ, лица даже совсѣмъ не было.»

«Ну а отецъ то что̀ Антонъ Ефимычъ,—старый Корниловъ?»

«Да что сударь страсти у нихъ такія съ отцемъ были, и разсказать невозможно; мать-то покойница Наталья Кириловна тутъ же померла, со страху что ли, или ужъ смерть такъ пришла,—не могу вамъ доложить, а только померли-съ.—Молодой баринъ куда-то пропалъ и долго о нихъ ни слуху ни духу не было. Ну и ужъ старикъ то послѣ больно присмирѣлъ, совсѣмъ не тотъ сталъ; хворалъ все, Богу молился; одинъ одинёшенекъ на селѣ жилъ, лакеи да дѣвки за нимъ ходили,—ну обкрадывали извѣстно,—вольница у нихъ такая пошла, неурядица. Хотѣлъ онъ было опять воспитанницу то Лизавету Николавну на село взять, да не пошла-съ; ужъ послѣ онъ семью Прохора всю на волю отпустилъ, деньгами засыпалъ, да только они въ чуже непошли,—а тутъ же землю купили; да живутъ какъ-съ, чистота какая, даже на мужиковъ непохоже; а все Лизавета Николавна,—ее сударь и теперь всѣ такъ называютъ, даромъ что мужичка. Вы посмотрѣть извольте, тутъ по сосѣдству, я вамъ докладывалъ—господа другіе нарочно пріѣзжаютъ.»

«А что, Авдотья умерла, Антонъ Ефимычъ, вы говорите?»

«Померла сударь, да и Прохоръ то ужъ больно старъ сталъ, совсѣмъ невидитъ, да вотъ невѣстка все бережетъ его, за нимъ ходитъ: вѣдь она въ домѣ все, сударь,—добрая какая, всякаго обласкаетъ, а ужъ дочку какъ любитъ, бережетъ, одѣта какъ, даромъ что въ сарафанчикѣ, и зовутъ то ее Лизочкой, по матери.»

Антонъ Ефимычъ опять замолчалъ.

«Скажите пожалуйста Антонъ Ефимычъ, спросилъ я, вѣдь старый Корниловъ умеръ, значитъ сынъ его остался теперь наслѣдникомъ всего имѣнья, неужели же онъ послѣ того ни разу не пріѣзжалъ сюда?»

«Пріѣзжалъ сударь, два раза пріѣзжалъ, да только все тоскуетъ больно. Говорятъ онъ опять уговаривалъ ее съ нимъ

уѣхать, въ чужіе краи звалъ, дочку хотѣлъ воспитывать, да не поѣхала. Онъ вѣдь тоже-съ» прибавилъ Антонъ Ефимычъ, таинственно понизивъ голосъ, и ближе подходя ко мнѣ, «добивался отъ нея, ужъ какъ добивался, да ни съ чѣмъ уѣхалъ; ужъ чего наши бабы сплетницы, и тѣ говорятъ, что ни съ чѣмъ-съ,— значитъ душа у нея сударь Ангельская, въ Бога вѣруетъ!....»

Разсказъ Антона Ефимыча произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Я цѣлый день все думалъ о страшномъ дядѣ, съ наморщенными сдвинутыми бровями, о вѣчно-печальной и молчаливой Натальѣ Кириловнѣ, о чужой графинѣ съ дочкой, о Лизѣ и Дмитріѣ, которыхъ я помнилъ еще дѣтьми.

Всѣ эти лица рѣзко рисовались въ моемъ воображеніи, я видѣлъ ихъ передъ собой живыми, говорящими: видѣлъ страшнаго дядю, грознаго, неумолимаго, Лизу полумертвую въ крестьянскомъ нарядѣ, видѣлъ Дмитрія на колѣняхъ передъ ней, отчаянно, громко рыдающаго.

О еслибъ я могъ начертить ихъ такъ, какъ они тогда передо мной рисовались, еслибъ могъ передать все что думалъ и чувствовалъ тогда!

Нѣтъ, слова и кисти безсильны передъ образами, которые чертитъ наше сердце, всѣ описанія, всѣ драмы въ мірѣ блѣдны и жалки передъ драмой жизни, которая каждый день разъигрывается передъ нами.

Я прожилъ цѣлый мѣсяцъ въ деревнѣ; и много распрашивалъ о Кириловыхъ Антонъ Ефимыча и разныхъ сосѣдей помѣщиковъ: давно знакомую мнѣ старушку—Анну Петровну,—Семенъ Ивановича, вѣчнаго сплетника, — Черкасова, бывшаго столько лѣтъ исправникомъ въ нашемъ уѣздѣ. Но я услышалъ все туже печальную повѣсть, только съ новыми добавленіями и пересудами.

Признаюсь, мнѣ страшно хотѣлось увидѣть героиню этого романа; но я нерѣшался прямо пойти къ ней, какъ мнѣ совѣтовалъ Антонъ Ефимычъ.—Я боялся, что она сочтетъ мое посѣщеніе однимъ простымъ холоднымъ любопытствомъ.

Но я часто бродилъ одинъ по лѣсамъ и полямъ, невольно направляясь къ деревнѣ, гдѣ она жила и часто издали глядѣлъ на ея домъ, или лучше сказать избу.

Избу эту можно было тотчасъ отличить отъ другихъ,—она была выше и чище, кругомъ садъ разведенъ, стекла въ окнахъ такъ и блестѣли.—Разъ я видѣлъ сѣдаго старика на скамейкѣ у воротъ, и телегу съ запряженною лошадью.

Скамейка была такая бѣлая, и лошадь и телега въ такомъ порядкѣ и все какъ то не похоже на другихъ.

Однажды я шелъ домой послѣ длинной прогулки,—вдругъ вижу по тропинкѣ съ горы спускается молодая крестьянка съ корзинкой въ рукахъ, и съ нею маленькая дѣвочка въ сарафанчикѣ и бѣлой какъ снѣгъ рубашенкѣ. Я тотчасъ узналъ ихъ, особенно по дѣвочкѣ, которая вдругъ такъ напомнила мнѣ ту маленькую Лизу, съ которой я бывало игралъ и бѣгалъ бывши ребенкомъ, что я невольно остановился.

Дѣвочка, шедшая впереди въ припрыжку, тоже остановилась, и покосившись на меня, отбѣжала къ матери и крѣпко ухватилась за ея сарафанъ; крестьянка улыбнулась и взяла ее за руку; проходя мимо, она поклонилась мнѣ,—я пристально не нее глядѣлъ:

Все тѣже чудесные глаза, и таже улыбка, только лице было болѣзненно худо и блѣдно, съ какимъ то особеннымъ, тоскливымъ, неизъяснимо-трогательнымъ выраженіемъ. У меня сердце сжалось; я долго глядѣлъ ей вслѣдъ и всю ночь видѣлъ во снѣ.

Послѣ того я раза два еще встрѣчалъ ее и былъ даже у нея въ домѣ, подъ предлогомъ подарить дочкѣ книжку съ картинками, которую я нашелъ въ библіотекѣ моего дѣда.

Я замѣтилъ, что мужики встрѣчаясь съ ней еще издали снимали шапки и бабы низко ей кланялись; замѣтилъ также, что ее дѣйствительно всѣ звали Лизаветой Николаевной, даже мужъ такъ называлъ.

Изба у нихъ была точно игрушечка: стѣны, столы, скамейки такъ и блестѣли, вся семья была какъ то необыкновенно чисто и даже изящно одѣта,—дѣйствительно было на что посмотрѣть.

Молодая хозяйка приняла меня ласково и казалось рада была моему посѣщенію.

Я п. ипомнилъ ей, что мы старинные знакомые, что играли

и бѣгали вмѣстѣ еще бывши дѣтьми; она только вздохнула, но ничего не отвѣчала.

Я нарочно заговорилъ потомъ о чужихъ краяхъ, разсказывалъ, что недавно вернулся оттуда, что много и долго путешествовалъ, все думалъ не спроситъ ли она про Дмитрія;—но она не спросила.

Во время разговора она часто кашляла, и одинъ разъ такъ закашлялась, что мнѣ стало страшно.

«Вотъ все этотъ кашель», сказала она, когда припадокъ миновался,» сколько ни лечусь все только хуже дѣлается.»

Къ ней подбѣжала въ это время дочка,—она крѣпко прижала ее къ груди и перекрестила;—дѣвочка вдругъ громко заплакала;—я самъ чуть не заплакалъ, и поспѣшилъ уйти. . . . .

—

Прошло десять лѣтъ. Я жилъ въ Петербургѣ, скучалъ и зѣвалъ какъ всѣ, простуживался, схватывалъ насморки, суетился, торопился вѣчно, все ждалъ чего то,—отъ скуки по баламъ и театрамъ таскался.

Разъ какъ то, непомню въ Декабрѣ или Январѣ, былъ я на балѣ въ одномъ очень важномъ и богатомъ домѣ: народу было бездна, скука, по обыкновенію, страшная; всѣ танцовали какъ будто нехотя, пили нехотя, ѣли нехотя, только въ карты играли съ азартомъ, да барыни сплетничали съ увлеченіемъ.

Я стоялъ у дверей и глядѣлъ на танцующихъ; вдругъ въ залу вошелъ какой то высокій мужчина въ черномъ фракѣ, весь сѣдой, немного сгорбленный, съ густыми сдвинутыми бровями,—но изъ подъ этихъ бровей свѣтились два большіе черные глаза, полные жизни и выраженья.

Онъ велъ подъ руку молоденькую дѣвушку, въ изящномъ дорогомъ нарядѣ; она была нѣжна и стройна, съ большими голубыми глазами и густою темно-русою косой.

Передъ ними всѣ разступались, хозяйка поспѣшно вышла и разсыпалась въ любезностяхъ, молодую дѣвушку тотчасъ подхватили ловкіе танцоры и стали кружить по залѣ, — спутникъ ея остался стоять у стѣны, неспуская съ нея глазъ.

Я тоже пристально глядѣлъ на нея; я видѣлъ гдѣ то эту головку, эти большіе голубые глаза?

«Скажите», спросилъ я стоявшаго возлѣ меня офицера, «кто эта дѣвушка,—вонъ что съ уланомъ танцуетъ?»

«Неужели вы незнаете», отвѣчалъ онъ, «это воспитанница Дмитрія Валеріановича Корнилова, наслѣдница его, богатая невѣста, да вонъ и онъ самъ стоитъ, онъ съ ней вмѣстѣ вошелъ.»

Все прошедшее опять воскресло предо мною: страшный дядя и Дмитрій и Лиза;—эта дѣвочка съ большими голубыми глазами,—это дочь ея,—да, да,—я видѣлъ ее въ сарафанчикѣ въ деревнѣ. А Дмитрій, ужели это онъ? вѣдь мы съ нимъ ровестники, играли вмѣстѣ,—отчегожъ онъ такъ сѣдъ и сгорбленъ?

«Эта воспитанница Корнилова», продолжалъ между тѣмъ разсказывать офицеръ, «говорятъ дочь простой крестьянки.»

«А мать ея умерла?»—спросилъ я.

«Давно ужъ; видите ли самъ Корниловъ былъ, говорятъ, въ нее влюбленъ, оттого дочь и взялъ; ужъ не знаю правдали, а только тутъ цѣлый романъ разсказываютъ.»

Въ это время къ намъ подошли двое молодыхъ людей, двѣ дамы и одинъ мнѣ знакомый баринъ, всеобщая сваха.

«Вотъ», сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и указывая на воспитанницу Корнилова, «вотъ вамъ невѣста, она у меня на спискѣ изъ первыхъ стоитъ.»

Нужно сказать, что этотъ господинъ дѣйствительно имѣлъ списокъ почти всѣхъ невѣстъ въ городѣ, безпрестанно всѣхъ сваталъ, и даже самъ сватался, но все получалъ отказы.

«Ну ужъ куда намъ съ вами Николай Ивановичъ жениться», отвѣчалъ я ему, «ужъ это мы другимъ помоложе предоставимъ.»

Николай Ивановичъ обидѣлся и грозно взглянулъ на меня.

«Помоложе, помоложе», проговорилъ онъ съ досадой, «еще за мальчишку какого нибудь такая невѣста не пойдетъ.»

«Отчего жъ, если молодой человѣкъ понравится?»

«Ну ужъ эти браки по страсти, вмѣшалась одна изъ дамъ, слава Богу, что теперь изъ моды вышли».

«Неужели же и страстей теперь больше нѣтъ», спросилъ смѣясь одинъ изъ молодыхъ людей.

«Есть, отвѣчалъ другой, вотъ тебѣ живой примѣръ, Дмитрій Валеріановичъ Корниловъ, посмотри на кого онъ похожъ,—а вотъ Николай Ивановичъ безъ страстей свой вѣкъ прожилъ, такъ за то какой онъ кругленькій, да полненькій.»

Всѣ засмѣялись; Николай Ивановичъ окончательно обидѣлся и отошелъ въ сторону.

«А какая хорошенькая эта воспитанница Корнилова, замѣтилъ молодой человѣкъ.

«Ну ужъ какъ только Дмитрій Валеріановичъ съ ней возится», вмѣшалась опять дама, «просто смѣшно даже; вѣтерку на нее пахнуть не дастъ, насморкъ сдѣлается, такъ ужъ доктора со всего города скачутъ.»

«И немудрено, сказалъ я, вы знаете его исторію?»

«Знаю, знаю», отвѣчала дама, «да признаюсь не понимаю. Богатъ какъ и уменъ, и собой какъ былъ хорошъ, ну все, все въ жизни было, какъ бы счастливо могъ свой вѣкъ прожить,—а вотъ посмотрите на кого онъ похожъ,—а все ваши сильныя страсти.»

Я не нашелся ничего отвѣчать своей собесѣдницѣ, и отошелъ въ другой конецъ залы.

Я цѣлый вечеръ слѣдилъ за Корниловымъ.

Съ какой любовью, съ какою грустью и болѣзненной тоской глядѣлъ онъ на эту голубоглазую дѣвочку, живой портретъ ея матери,—какъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ. А дѣвочка беззаботно порхала по залѣ,—новая молодая жизнь разцвѣтала, цвѣты распускались на могилахъ, — и они завянутъ и исчезнутъ;—распустятся другіе, и новыя поколѣнія, смѣняясь одно другимъ, забудутъ наши слезы и горе.

И. Юрьевъ.

ПѢСНИ ЛИТОВСКАГО НАРОДА.

I.

КЛЕВЕТА.

Приди о мой юноша милый,
Приди, оклеветанный всѣми,
Какъ роза, которую всякій
Прохожій срываетъ въ саду!
Они тебя всѣ обрывали,
Съ цвѣтами другими сплели;
Роднымъ подарили,—родные
Обидно бранили тебя.

Приди моя дѣвушка милая,
И ты оклеветана всѣми,
Какъ лилія та̀, что̀ прохожій
По волѣ срываетъ въ саду!
Они тебя всѣ обрывали,
Съ цвѣтами другими сплели;
Роднымъ подарили,—родные
Обидно бранили тебя.

Бранились они—называли
«*Такой* и *сякою*» меня;
Они говорили, вѣнокъ свой
Она потеряла въ корчмѣ,
Колечко свое проплясала
Она съ холостыми людьми!

Онъ тамъ—онъ у матери въ комнатѣ
Виситъ мой дѣвичій вѣнокъ,
Колечко мое золотое
На пальцѣ блеститъ у меня.

—

II.

ОНА НЕ УМѢЕТЪ ПРЯСТЬ.

Лошадку имѣлъ я;
Мала, но красива.

Меня молодаго
Въ нарядахъ носила.

Шла на гору рысью,
Подъ гору галопомъ,

Ручей перескочитъ,
И моремъ плыветъ.

Дѣвицу я встрѣтилъ,
Работать не знала:—

Ни тонкую пряжу,
Ни плотную ткань.

Мой бичь ловко срѣзанъ,
И крѣпко сплетёнъ былъ;

Онъ выучилъ пряжѣ,
Онъ выучилъ ткать.

—

III.

ПРОВОДЫ СЫНА НА ВОЙНУ.

О чемъ престарѣлый горюетъ отецъ?
Онъ сына въ походъ отпускаетъ:
Молодъ сынокъ мой,
Неопытенъ онъ.

Стой твердо, мой сынъ,
Не дрожи,
На знамя гляди боевое;
И если падешь ты,
Ты съ честью умрешь,
И добрую память оставишь.

Вотъ братья, товарищи съ поля вернулись;
А что теперь дѣлаетъ тамъ мой сынокъ? —
— Тамъ бьются, стрѣляютъ солдаты,
Разбросаны ружья съ мечами лежатъ.

Стой твердо мой сынъ,
Не дрожи,
На знамя гляди боевое;
И если падешь ты,
Ты съ честью умрешь,
И добрую память оставишь.

Тамъ легъ мой сынокъ, тамъ уснулъ мой сынокъ,
Ему на могилу роса опадаетъ.

IV.

РАЗОРЕННЫЙ САДЪ.

«Пой, сестра моя, пой!
Отчего ты молчишь
И, на руки склонясь,
Опираясь сидишь?»

«Какъ же стану я пѣть,
Какъ веселой мнѣ быть? —
Горе въ нашемъ саду,
Садикъ нашъ разорёнъ: —

Руты (*) смяты кругомъ,
Розы сорваны въ немъ,
И лилѐи лежатъ,
И не видно росы.

Вѣтеръ сѣверный вылъ,
Иль потокъ затопилъ?
Иль перунъ прогремѣлъ
И ударилъ огнемъ?

Нѣтъ, не вѣтеръ ревѣлъ,
Не потокъ затопилъ,
Не перунъ прогремѣлъ,
И ударилъ огнемъ.

Бородатые къ намъ
Люди, съ моря подплывъ,

(*) *Рута*— деревцо въ родѣ кустарника; растетъ въ Литвѣ въ изобиліи; о немъ часто упоминается въ народныхъ пѣсняхъ.

И приставъ къ берегамъ,
Перелѣзли въ нашъ садъ.

Смяли руты въ саду,
Розы, лиліи въ немъ
Посрывали кругомъ,
И росу отрясли.

И сама я увы!
Чуть спастися могла
Подъ вѣтвями тѣхъ рутъ,
Подъ ихъ тёмнымъ вѣнцомъ».

—

V.

ДѢВУШКА ПРИ МЕЛЬНИЦѢ.

Гудите, шумите
Вы, жерновы мельницы!
Мнѣ кажется будто молола я здѣсь не одна.

Но нѣтъ — я одна здѣсь
Молола и пѣла,
И жерновъ тяжелый вертѣла одна.

Зачѣмъ ты съ несчастной
Со мной повстрѣчался,
Зачѣмъ ты, мой милый, связался со мной?

Вѣдь зналъ же ты, другъ мой,
Что я не въ богатствѣ,
Не въ домѣ подъ кровомъ живу у себя.

Въ грязи по колѣни....
По плечи въ водѣ я....
О горькіе дни!.... Безотрадная доля моя!....

—

VI.

ВѢРНАЯ ЛЮБОВЬ.

Деревнею шла я
И воду несла,
Вдругъ слышу въ конюшнѣ
Заржалъ конь гнѣдой.

Поставила ведра,
Открыла я двери,
И вижу тамъ юношу
Въ горькихъ слезахъ.

Что плачешь мой милый,
Мой всадникъ любезный?
Вѣдь я жъ обѣщала:
Любовь моя будетъ
Съ тобою на - вѣкъ.

Свѣтлы текутъ воды
Изъ чистыхъ ключей,
Вѣрна въ вѣрномъ сердцѣ любовь.

VII.

ПРОПАВШАЯ.

У отца въ саду, въ зеленóмъ саду,
Липка свѣжая распустилась.

И стояла дочь, молодая дочь
Подъ той липкою молодой.

Съ людьми знатными и тщеславными
Она ласково говорила.

«Эй, сестра моя, сестра милая,
Я пойду къ отцу, разскажу ему.»—

«Эй, ты братецъ мой, мой любезный братъ,
Про что хочешь ты разсказать отцу?»

«Про слова ли тѣ, про ту пару словъ,
Про кольцо ли то золотое?» —

«Разскажу ему не про пару словъ,
Про кольцо скажу золотое.»

Утромъ въ середу, чуть забрежжилъ свѣтъ,
У отца въ дому дочка сгинула.

Въ воскресеніе, чуть забрежжилъ свѣтъ,
Братья въ поиски ей поѣхали.

Затрубили они въ трубы мѣдныя,
Въ барабанъ тугой барабанили. (*)

И нашли сестру, сестру милую,
Нашли въ морѣ, въ глубинѣ морской.

Мелкимъ, сѣрымъ пескомъ занесенную,
И покрытую морской тиною.

—

VIII.

ЖЕНИТЬБА МѢСЯЦА.

Мѣсяцъ взялъ солнце женой;
То первою было весной.

(*) Трубы и барабаны древніе Литовцы употребляли при тревогѣ.

И солнце поднялося рано,
И мѣсяцъ, простяся, зашелъ.

Бродилъ одинокій, и вотъ
Денница ему полюбилась.

Перунъ прогнѣвился за это,
И мѣсяцъ мечемъ разрубилъ.

«Зачѣмъ покидаешь ты солнце?
«Зачѣмъ полюбилъ ты денницу?
«Что шляешься ты по ночамъ?»

—

IX.

КОНЬ.

Бѣги мой жеребчикъ,
Жеребчикъ гнѣдой,
Бѣги до зелёныхъ луговъ;

Когда прибѣжишь ты
Къ зеленымъ лугамъ,
Пущу покормиться на нихъ.

Бѣги мой жеребчикъ,
Жеребчикъ гнѣдой,
Къ ручью, что̀ впадаетъ въ рѣку;

Когда добѣжишь ты
Къ притоку рѣки,
Тебя изъ ручья напою.

Бѣги мой жеребчикъ,
Жеребчикъ гнѣдой,
До дома, гдѣ тесть мой живетъ.

Когда добѣжишь ты
До дома того,
Я дамъ тебѣ тамъ отдохнуть.

Вѣночикъ сплетая,
Дѣвица идетъ
Изъ сада, гдѣ руты растутъ.

Приди и всмотрися,
Дѣвица моя,
Всмотрися, какъ конь мой дрожитъ.

Такъ будешь невѣста
Дрожать, какъ тебя
Ко мнѣ подъ вѣнцомъ поведутъ;

Когда ты со мною
И возлѣ меня
Пойдешь—будешь таять какъ воскъ.

X.

МОСТЪ.

Чрезъ мостъ проѣзжалъ я,
Мой конь испугался,
И я повалился съ коня.

О горе! — Мягка мнѣ
Постель пуховая
Въ прозрачной и чистой водѣ.

И я приподнялся,
Кругомъ озирался: —
Товарищъ изъ виду исчезъ.

Мой конь стоялъ смутенъ,
И тяжко мнѣ было;
О горе! — Что дѣлать теперь? —

И вотъ прилетѣло
Три лебедя бѣлыхъ
Тогда изъ садовъ Короля;

Всѣ трое спустились,
И сѣли къ могилѣ
Погибшаго брата они:

У ногъ одинъ лебедь,
Другой въ головахъ сѣлъ,
А третій сѣлъ съ боку ему.

Невѣста у ногъ его,
Сестра къ изголовью,
А мать сѣла съ боку ему.

Невѣста тужила
По немъ три недѣли,
Три года тужила сестра,

Но мать — безутѣшная
Мать горевала,
Всю жизнь горевала о немъ.

ВЛ. АХШАРУМОВЪ.

Общественныя отношенія Россіи съ точки зрѣнія исторической науки права.

Всякое столѣтіе, говоритъ Риль, въ своей *Естественной Исторіи Народа*, выработало хоть одну несомнѣнную истину и въ этомъ отношеніи XIX вѣкъ сдѣлалъ съ своей стороны не менѣе предъидущихъ. Переломъ его въ хронологическомъ отношеніи былъ вмѣстѣ и переломомъ въ нравственной жизни Европы. Вся поэзія политическаго движенія, всѣ его вѣрованія, надежды, теоріи—оборвались и разбились въ напрасномъ порывѣ сороковыхъ годовъ и въ результатѣ осталось только одно тяжелое сознаніе ихъ ничтожества передъ требованіями исторіи. Подавляющимъ гнётомъ упало это сознаніе на голову цѣлаго поколѣнія чаявшихъ и ожидавшихъ людей, грознымъ урокомъ отозвалось въ ихъ сердцахъ и умахъ; но урокъ этотъ не остался безъ пользы. Онъ далъ намъ ту истину, о которой говоритъ Риль, онъ выработалъ въ наукѣ сознаніе противуположности *общества* съ *государствомъ*.

На сколько положеніе Риля неоспоримо мы знаемъ; но мы знаемъ кажется болѣе, знаемъ вмѣстѣ и ту органическую связь, которая существуетъ между этими противуположными нормами нравственной жизни и потому, не нарушая положенія знаменитаго юриста, а только развивая внутренній смыслъ его, мы имѣемъ право сказать, что тому же XIX-му столѣтію принадлежитъ и сознаніе необходимости примиренія нормы общественной съ нормою государства.

Что это за понятія, гдѣ онѣ дѣлятся и сходятся,—объяснить не трудно. Имъ соотвѣтствуютъ двѣ дѣятельныя силы въ развитіи обществъ: сила соціальная и сила политическая. Первая является при первыхъ зачаткахъ общественной жизни и дѣйствуетъ

въ то время исключительно. Народъ не съ самаго начала получаетъ политическое значеніе, т. е. становится недѣлимою единицею, способною своимъ вліяніемъ на постороннія, подобныя ему единицы имѣть историческое значеніе. Сознанію политическаго единства въ народѣ предшествуетъ жизнь отдѣльныхъ мелкихъ союзовъ, образованіе которыхъ начинается кровными связями и кончается отношеніями собственности и свободнаго договора. Эти то связи образующіяся сами собой отъ тренія частныхъ интересовъ и суть соціальныя связи. Вмѣстѣ съ централизаціей народъ становится политическою единицею; но внутренняя жизнь его держится по прежнему соціальными связями. Какъ во всякомъ органическомъ тѣлѣ, въ государствѣ, стало быть, являются двѣ жизни: одна жизнь внѣшняя,—жизнь его какъ лица, другая внутренняя или жизнь организма, способствующая къ поддержанію цѣлости этого лица. Удивительно ли теперь, что какъ всякій животный организмъ крѣпнетъ и развивается при согласіи этихъ двухъ жизней, такъ и народъ крѣпнетъ и ростетъ нравственно при совмѣстномъ развитіи какъ своей соціальной такъ и политической стороны, а что насиліе одной на счетъ другой должно вносить страшныя потрясенія въ его тѣло, примѣровъ чему представляетъ не мало новѣйшая исторія Европы.

Если общему глазу ясно изъ поворота въ дѣлахъ Запада, что политическія стремленія не удались континентальной Европѣ, то отъ-сюда немного нужно, чтобы понять причину этой неудачи, лежавшую въ отсутствіи на соціальной почвѣ задатковъ, соотвѣтствовавшихъ этимъ стремленіямъ, Но сколько энергіи ушло на воздухъ въ борьбѣ противъ исторической необходимости для сознанія одной простой истины! Опытъ дорого дается массамъ, а наука не отгадываетъ къ несчастію, она только сознаетъ то, что дается горькимъ опытомъ и трудомъ ея кругъ зрѣнія ограничивается уже подлежащими фактами; она не можетъ руководить ими, не создаетъ новыхъ. Все что она можетъ,—это вооруженная историческимъ опытомъ, изучая природу организмовъ—опредѣлять значеніе совершающихся уже передъ ея глазами событій. Съ такой то цѣлью въ виду обращаемся мы теперь къ явленіямъ обусловливающимъ

нашъ общественный бытъ и современный вопросъ нашей русской соціализаціи.

Изъ всѣхъ государствъ Европы одна Россія до половины XIX столѣтія дала примѣръ жизни развитой во всей ея полнотѣ и послѣдовательности на владѣльческихъ основаніяхъ или крѣпостныхъ,—на это были свои причины. Въ государствахъ Западной Европы централизація выростала, опираясь на угнетеніе частновладѣльческихъ началъ; въ Россіи она выростала именно опираясь на эти начала. Изъ этого одного отгадывается уже все значеніе, какое имѣютъ въ нашей общественной организаціи частновладѣльческія отношенія, преимущественно передъ Западной Европою и невозможность ставить всякій вопросъ, касающійся этихъ отношеній въ рядъ частныхъ законодательныхъ вопросовъ, ограничивающихся судьбой одного какого нибудь класса, одной стороной быта. На этомъ правѣ, или на этихъ отношеніяхъ напротивъ выращена вѣками вся общественная организація Россіи, вся ея цивилизація, и государственность.

Невольно спрашивается теперь отчего крѣпостныя отношенія могли занять въ нашемъ развитіи такое первостепенное значеніе; отчего, вопреки примѣру Европы, гдѣ они уничтожались вмѣстѣ съ централизаціей, они у насъ служили опорой и средствомъ ея. Откуда эта запоздалая особенность? Между тѣмъ, какъ Европа уничтожаетъ частновладѣльческія отношенія, они у насъ только возникаютъ, между тѣмъ, какъ Европа давно забыла о нихъ въ срединѣ XIX вѣка, они наполняютъ собою всю нашу жизнь.

Собственно говоря, вопросъ этотъ находитъ отвѣтъ въ самомъ себѣ. Стоитъ только поставить его немного иначе и спросить отчего, когда Европа находитъ уже отчасти возможность отречься отъ поземельно-владѣльческихъ условій, они у насъ не успѣли еще образоваться, не успѣли закрѣпить жизнь до осѣдлости, до поземельныхъ отношеній, а эта жизнь бродитъ, едва удерживаемая отъ совершеннаго распаденія личными отношеніями, въ полукочевомъ видѣ, чуть не погибнувъ подъ игомъ Татарскимъ. Отвѣтъ простой, нѣтъ долго поземельныхъ отношеній и союзовъ;—значитъ почва, на которой бродитъ народъ, земля не имѣетъ условій ихъ вызывающихъ, а напротивъ го-

нитъ каждое лице съ мѣста на мѣсто, не давая перейти отношеніямъ его къ другимъ лицамъ изъ личныхъ въ поземельныя и чрезъ то вынуждаетъ ихъ шаткость и безсиліе.

Одного внѣшняго взгляда на географическія условія Россіи, сравнительно съ западной Европой, достаточно, чтобъ убѣдиться въ томъ, что жизнь общественная, встрѣчая въ той мѣстности среди которой она развивалась, условія отличныя отъ тѣхъ, которыя представляла топографія Западной Европы, должна была слѣдовать особенному порядку развитія. Есть мнѣніе, считающее насъ до сихъ поръ полуазіатскимъ народомъ и нельзя совершенно отвергать его. Въ нашей до Петровской жизни многое было въ Азію, въ нравахъ, въ образѣ жизни. Но ничто до сихъ поръ не напоминаетъ такъ въ нашемъ характерѣ азіатскаго начала, какъ та страшная апатія, тяготѣющая надъ личнымъ характеромъ народа и такъ упорно переживающая вѣка, то безотчетное погруженіе личности въ самое себя, въ свои близорукіе интересы и равнодушіе къ общественности; этотъ личный характеръ остававшійся неизмѣнно вѣрнымъ себѣ въ продолженіи всей исторіи, во времена невѣжества и въ позднѣйшія времена образованности, во всѣхъ классахъ отъ высшихъ до низшихъ. Сословія, принявшія кажется все Европейское остались столь же чужды всѣхъ общественныхъ страстей и сознанія своей общественной доли, какъ и сословія до которыхъ Европеизмъ не коснулся вовсе. Въ понятіяхъ всѣхъ лицъ, общественностьо сталась тягломъ, отъ котораго впослѣдствіи законъ освободилъ однихъ юридически, но отъ котораго не могли избавиться понятія. Только критическія событія, потрясавшія до основанія порядокъ вещей, вызывали къ жизни въ народѣ общественныя страсти, но и тутъ лишь только стихала буря, народъ спѣшилъ сложить съ себя роль дѣятеля и всю тягость общественной работы на верховную власть, и принималъ снова страдальное положеніе. Въ этомъ отношеніи мы всѣ въ востокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя намъ отказать въ развитіи и въ этомъ наше преимущество предъ востокомъ. Но наша цивилизація не вышла изнутри нашей жизни, не была созданіемъ союзной дѣятельности. Все что наша жизнь пріобрѣла, она пріобрѣла насильственнымъ путемъ угнетенія и господства. По этому если способность къ посто-

янному развитію ставитъ насъ въ уровень съ Европою, то съ другой стороны владѣльческій принудительный порядокъ самаго развитія дастъ намъ азіатскій оттѣнокъ. Такъ двойственна наша нравственная жизнь и эта двойственность ея находится опять въ прямомъ соотношеніи съ нашей мѣстностью, составляющею въ географическомъ отношеніи переходную полосу между Европой и Азіей.

Когда смотришь на эти степи, то снѣжныя, то зеленѣющія, едва замѣтными склонами или возвышеніями убѣгающія за горизонтъ,—на эти степи, до сихъ поръ, на пространствѣ десятковъ верстъ, непредставляющія иногда жилья человѣческаго, тогда сама собою понимается полуазіатская дорога, которою шолъ русскій народъ къ своему настоящему и всѣ отличительныя черты его развитія отъ жизни Западной, и общественная слабость и разъединеніе и упорное отсутствіе союзнаго духа.

Нельзя отрицать, что гористая мѣстность, ограниченная въ пространствѣ, скоро вынуждаетъ народъ къ осѣдлости. Тѣсное населеніе способствуетъ къ скорому установленію положительныхъ отношеній между людьми и земля, пріобрѣтая скоро цѣнность, дѣлается основаніемъ юридическаго быта, жизнь развиваетъ невольно внутреннее на счетъ внѣшняго, качественное на счетъ количественнаго. При такихъ внѣшнихъ условіяхъ, на западѣ Европы, скоро возникли крѣпкіе гражданскіе союзы, скоро и сами собою выработалися прочныя наслѣдственныя отношенія. Другое вліяніе должна была имѣть на развитіе общества обширная, мало—заселенная почва, допускавшая безконечное разселеніе,—на которой земледѣліе, это первое условіе осѣдлости, допуская, по случаю многоземельности, залежневой порядокъ хозяйства, имѣло полукочевой характеръ и дѣлало народъ осѣдлымъ на—половину. Самый мощный двигатель укрѣпленія, неразрывно привязывающій человѣка къ одному мѣсту наслѣдственно, есть капиталъ, составляющій средства отъ которыхъ живетъ человѣкъ,—будетъ ли этотъ капиталъ заключаться въ почвѣ или даже въ гражданскихъ отношеніяхъ человѣка, прикрѣпляющихъ его къ одному мѣсту,—и первоначально такимъ капиталомъ должна была быть неизбѣжно почва. Но если почва, этотъ первый капиталъ, не заключаетъ въ себѣ достаточной

цѣнности для первобытныхъ интересовъ народа, если всякій увѣренъ всегда найти завтра въ другомъ мѣстѣ то, что̀ онъ сего дня оставляетъ здѣсь, тогда ясно, что земля не можетъ служить средствомъ для соединенія и сосредоточенія населенія, для сближенія людей между собою, а напротивъ того будетъ способствовать къ ихъ разъединенію. Это одно экономическое условіе само по себѣ разрѣшаетъ уже весь особенный ходъ нравственнаго развитія отъ самыхъ зачатковъ его.

Прежде всего, въ соприкосновеніе съ нимъ должны были придти кровныя отношенія. Послѣднія должны были быть тѣмъ крѣпче, и тѣмъ продолжительнѣе господствовать въ жизни зачинающагося народа, чѣмъ менѣе частныя топографическія условія вынуждали выдѣленіе частнаго лица и частной собственности. Послѣднее порождается естественно только вслѣдствіе стѣсненнаго количества земли, ибо только въ такомъ случаѣ всякій лишній членъ рода, на долю котораго не будетъ приходиться пустопорожняго участка, будетъ въ тягость всѣмъ остальнымъ членамъ рода и возбудитъ въ нихъ невольное стремленіе удержать за собою безповоротно свои участки, не допуская передѣла, а родича, лишеннаго удѣла заставитъ искать его силою внутри родовой земли или внѣ ея, вслѣдствіе чего, въ обоихъ случаяхъ, на смѣну родовой собственности, явится сознаніе собственности частной, а вмѣстѣ съ тѣмъ подрывъ родовыхъ и кровныхъ отношеній въ пользу лица. При несуществованіи такого экономическаго условія въ древней Россіи, этотъ подрывъ кровныхъ связей, или подрывъ рода лицемъ, не могъ совершиться долго, по крайнѣй мѣрѣ, гораздо долѣе чѣмъ на Западѣ Европы, гдѣ самая мѣстность вела къ выдѣленію лица изъ рода и къ распаденію кровныхъ связей. Отсюда первая остановка развитія русской жизни на патріархальной ступени сравнительно съ жизнію Запада. Изъ этой остановки этой продолжительности родовыхъ связей вышло у насъ кажденіе русской патріархальности, пытавшееся сдѣлать родовой бытъ исключительнымъ словянскимъ достояніемъ, основать на его остаткахъ всѣ позднѣйшія общественныя отношенія; отыскать эту патріархальность и въ отношеніяхъ крестьянъ съ помѣщиками, на томъ основаніи, что первые говорятъ иногда послѣднимъ: «батюшка ты, нашъ баринъ». Не знаю много

ли выигрывалъ отъ этого характеръ русской жизни въ самостоятельности: но дѣло въ томъ, что смыслъ упомянутаго народнаго выраженія не имѣетъ въ себѣ ничего историческаго. Онъ лежитъ просто въ нравственномъ бытѣ крестьянина, въ тѣснотѣ и ограниченности его круга понятій. Онъ общественный ребенокъ и вотъ почему только и ни отъ чего болѣе—у него до сихъ поръ всѣ дяди и братцы и другихъ выраженій онъ незнаетъ, какъ всякій ребенокъ. Это просто языкъ крестьянина,—дѣтскій, бѣдный и ограниченный, какъ выраженіе его бѣдной и ограниченной жизни, его дѣтскаго отношенія къ обществу и другимъ классамъ, а вовсе не остатокъ родоваго быта, существовавшаго за столько вѣковъ назадъ.

Первоначальныя родовыя отношенія, какъ они ни были благопріятно обусловлены мѣстностію, среди которой они развивались, стали распадаться однако сами собою, вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ, кончившихся тѣмъ, по словамъ лѣтописи, что родовыя общины сознаютъ сами свою аутономическую несостоятельность и призываютъ чуждую власть, и больше кажется ничего не—нужно для доказательства несостоятельности патріархальныхъ началъ передъ требованіями исторіи.

Такимъ образомъ, общественная жизнь гражданскихъ союзовъ, которымъ суждено было начать образованіе Русскаго Государства этимъ призваніемъ, — сложилась изъ двухъ отдѣльныхъ слоевъ. Основаніемъ имъ послужили два чуждые племенные элемента, время столкновенія которыхъ мы привыкли считать за начало нашей исторіи. Съ одной стороны сталъ—элементъ пришлый, скоро теряющій племенную особенность, но сохранившій особенность политическую. Съ другой стороны, земство, составлявшее населеніе Россіи до прихода Варяговъ. Два эти элемента стали дѣйствовать другъ на друга, повели между собою внутреннюю войну, начало которой изслѣдователь встрѣчаетъ на порогѣ исторіи, и которая едва оканчивается по совершенномъ разложеніи прежнихъ общественныхъ отношеній, политической централизаціей къ половинѣ XVI-го вѣка или вѣрнѣе соціальной централизаціей, то есть общественнымъ закрѣпленіемъ всѣхъ классовъ и состояній политической власти въ концѣ слѣдующаго столѣтія.

Что это за элементы, каковъ смыслъ ихъ въ дѣлѣ нашего древняго общественнаго развитія, опять понять не трудно. Земство представляло элементъ соціальный или страдательный;— Варяги, элементъ централизующій, и въ этомъ столкновеніи чуждыхъ элементовъ между собою не было еще ничего особеннаго. Централизующій элементъ, являлся вездѣ, гдѣ народъ получалъ всемірно-историческое значеніе въ видѣ чуждаго, пришлаго элемента.

Но этотъ пришлый элементъ, утверждаясь на новой почвѣ, то держался крѣпче и уединеннѣе, то возвышался надъ бытомъ, который заставалъ и порабощалъ себѣ этотъ бытъ, то поддавался болѣе или менѣе вліянію мѣстныхъ отношеній, терялъ свою центральную силу, дробился и проходилъ самъ общія ступени мѣстнаго общественнаго развитія, какъ было у насъ напримѣръ.—Словомъ скорѣе или медленнѣе совершалъ свое дѣло разложенія туземныхъ отношеній и созданія новыхъ. Нигдѣ, правда, пришлый элементъ не могъ сознать непосредственно своего всеобщаго значенія, а вращался въ той же сферѣ частнаго права и потому вызывалъ вездѣ централизацію, основанную на частномъ правѣ, болѣе дробную или единичную, смотря по степени и силѣ своего развитія. Такой характеръ централизація имѣла на Западѣ Европы въ средніе вѣка; — тамъ она могла создать ленныя отношенія, бенефиціи и графства; у насъ удѣльныя княжества. Но на западѣ этотъ централизующій элементъ скоро разложилъ первоначальный соціальный бытъ и создалъ новые, средне-вѣковые союзы; а съ ними вмѣстѣ и крѣпостное право. Иначе въ древней Россіи.—Вся западная Русь, Новгородъ и Псковъ сохраняли и развивали свои первобытныя формы общественнаго устройства очень долго,—и княжеская власть не могла пустить глубокихъ корней здѣсь, а осталось до конца чѣмъ то чуждымъ, отдѣльнымъ отъ мѣстной жизни. Власть эта находилась, здѣсь, на низшей ступени общественнаго развитія, проходила отношенія родовыя и особое, опредѣленное родовыми условіями, состояніе всеобщаго перемѣщенія поземельныхъ владѣній со смертію каждго родоначальника; въ результатѣ находилась въ какомъ то полукочевомъ, бродячемъ отно-

шеніи къ самоіі мѣстности надъ которою властвовала; а потому, не могла имѣть кореннаго вліянія на жизнь развитую среди этоіі мѣсности. И здѣсь опять, чтобы объяснить причины этого факта, приходимъ мы невольно къ вліянію того экономическаго условія, на которое указали уже выше и которое не могло не заявить себя со всѣми своими послѣдствіями и не задержать еще дѣіиствія пришлаго элемента на первобытные союзы, чтобы черезъ то задержать вообще развитіе Русскаго общества сравнительно съ развитіемъ жизни на западѣ Европы

Кореннымъ основаніемъ. на которое могла опираться централизація въ своемъ вліяніи на мѣстныіі бытъ, была земля.— Созданіе поземельныхъ союзовъ могло служить самымъ мощнымъ средствомъ въ этомъ отношеніи.

Но мы знаемъ какія условія встрѣтили Варяги въ древнеіі Россіи.—Земля первоначально не имѣла большоіі цѣнности. Отъ этого, при водвореніи между Словянами Варяжскаго элемента, исторія не свидѣтельствуетъ о передѣлѣ земель. Лѣтопись говоритъ, что три брата, какъ предводители дружины, стали княжить въ разныхъ мѣстахъ, что Рюрикъ и его преемники раздавали волости своимъ приближеннымъ, но эта раздача не была передѣломъ земель, подобнымъ тому какоіі произошелъ на западѣ Европы —Это было не болѣе какъ передѣлъ между собою права на сборъ извѣстныхъ налоговъ.—Отсутствіе передѣла земли напротивъ доказывается уже тѣмъ, что дружина не сдѣлалась осѣдлою а продолжала бродить, простирая свои завоеванія все болѣе и болѣе.—Мало того, послѣ прекращенія завоеваніі, отношенія въ которыя сталъ княжескіі родъ къ Славянскому быту были лишены поземельнаго характера и это не могло быть иначе. Если земля не имѣла цѣнности, частныя стремленія не могли направляться къ ея пріобрѣтенію.—Личное богатство состояло не въ обладаніи обширными поземельными пространствами а въ большемъ или меньшемъ количествѣ людеіі поставленныхъ въ зависимое положеніе, въ личномъ трудѣ,—отсюда юридическія отношенія должны были получить характеръ не поземельныіі а личныіі. Военная добыча и всякаго рода поборы составляли главныіі предметъ заботъ пришлоіі

дружины, словомъ стремленіе пріобрѣсти въ свою зависимость какъ можно болѣе людей и наложить тягло на личный трудъ ихъ посредственный или непосредственный. Такога рода условія родили два вида зависимыхъ отношеній: рабство или холопство съ одной стороны и кормленіе съ другой.—Въ первомъ случаѣ, сильный непосредственно пользовался личными трудами, въ другомъ кормился съ доходовъ отъ этихъ трудовъ.—На этихъ то двухъ отношеніяхъ, основались первоначальныя связи князей ихъ слугъ бояръ и земства. Причина малоцѣнности земли, давъ первоначально такой личный характеръ юридическимъ связямъ, поддержала долго этотъ характеръ и прежде всего не дала кормленіямъ перейти въ земскіе союзы, на подобіе тому, какъ на западѣ бенефиціи перешли въ графства. Варяжская дружина принесла съ собой такимъ образомъ одни личныя отношенія и дѣйствуя ими на туземную родовую общину могла тѣмъ только разложить ее до тѣхъ же личныхъ связей, выдѣлить въ ней окончательно личность изъ подъ вліянія кровныхъ связей, изъ родовой сдѣлать общину договорную, и вотъ дѣйствительно все что она сдѣлала. Дальнѣйшаго вліянія, то есть вліянія земскаго, она не могла пріобрѣсти надъ ней, потому что сама бродила, кочевала, не была осѣдлою.—Отсюда княжеская власть не можетъ побѣдить совершенно того быта, который застаетъ, ни этотъ бытъ не можетъ отдѣлаться отъ нея и развиться въ самостоятельныя, органическія общины.—Отсюда общая слабость жизни, основанной исключительно на личныхъ связяхъ, двойственность началъ: принудительнаго, аутократическаго съ одной и свободнаго, аутономическаго съ другой стороны, одинокаво несостоятельныхъ и слабыхъ и безвыходная борьба ихъ между собою; борьба, которая оканчивается перенесеніемъ театра Русской исторіи на другую почву, съ запада на востокъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь князья впервые дѣлаются осѣдлыми.

Во время удѣльной борьбы на югѣ и западѣ, въ восточной Россіи былъ одинъ только городъ, современный Рюрику: Ростовъ и вся земля носила названіе земли Ростовской. Представляя обширное, незаселенное пространство, она считалась младшимъ изъ удѣловъ и была отдана Мономахомъ младшему изъ сыновей своихъ—Юрію. Послѣдній, недовольный своимъ удѣ-

ломъ, еще всѣми силами старался добыть Кіева, но уже сынъ его Андрей Боголюбскій отдалъ Кіевъ младшему изъ братьевъ Глѣбу, а самъ остался въ Ростовѣ. Этимъ нанесенъ былъ кровный ударъ родовому кочеванію Князей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и западной Русской жизни. Эта слабая жизнь, основанная исключительно на личныхъ связяхъ, была оставлена доживать свое время и падать. Дѣятельность княжеской власти перешла на новую почву и съ новымъ фактомъ въ свою пользу,-осѣдлостію. Дѣлаясь осѣдлымъ теперь, князь дѣлался собственникомъ земли и становился изъ лично-договорнаго въ поземельное отношеніе къ своему удѣлу, отсюда должно уже было начаться нѣкоторое вліяніе земли на юридическій бытъ. Прежде всего теперь, всякій кто сидѣлъ, или садился вновь, садился на княжескую землю, если она не жаловалась ему въ собственность или какъ говорилось на тогдашнемъ языкѣ не обѣлялась.—О юридическомъ, стало быть,—произвольномъ занятіи, земли на правѣ общей, ни кому не принадлежавшей вещи, не могло болѣе быть рѣчи. Отсюда родилось, само собою, различіе земли на *бѣлую* и *черную*. Черною считалась вся земля какъ принадлежность князя, бѣлою выдѣленная, обѣленная или пожалованная князьями изъ этой черной земли разнымъ лицамъ въ частную собственность. Это дѣленіе земли на бѣлую и черную послужило основаніемъ двумъ особымъ видамъ союзовъ, здѣсь возникшихъ уже нѣсколько съ поземельнымъ характеромъ. На черныхъ земляхъ образовалась община, на бѣлыхъ вотчина или союзъ владѣльческій.—Но и здѣсь опять, экономическое условіе оказало свое вліяніе. Черезъ осѣдлость князя, земля получила условное значеніе. Она стала цѣнна, потому что юридическія отношенія, въ которыя стали теперь князья къ земству придавали ей нѣкоторое значеніе; но соціальной, экономической цѣны она все таки не имѣла. Вслѣдствіе того занявшіеся на поземельныхъ основаніяхъ общественные союзы стали только на половину поземельные. Оставаясь съ другой стороны при прежнихъ личныхъ, договорныхъ началахъ, какъ мы это увидимъ ниже, они не могли получить надлежащей внутренней силы и крѣпости, достаточной чтобъ прикрѣпить покрайней мѣрѣ населеніе къ извѣстной мѣстности и прекратить броженіе въ земствѣ на сколько оно прекратилось въ

средѣ князей. Всякій сидѣвшій на землѣ князя или господина находился въ поземельной зависимости князя или господина,— правда; но дѣло въ томъ, что князь былъ не одинъ, а ихъ было много и еще больше господъ.—И такъ земство могло кочевать еще и оно кочевало, потому что оставляя клочекъ земли у одного князя или господина, всякій разсчитывалъ вѣрно найти другой, такойже, въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ земли все таки было слишкомъ достаточно. Другое дѣло еслибъ этой земли было мало—и всякій долженъ былъ бы дорожить клочкомъ, который былъ у него въ рукахъ; если бъ земля имѣла, словомъ, прямую экономическую цѣну.

Разсматривая состояніе этихъ союзовъ въ Восточной Россіи до XVII-го вѣка, мы убѣдимся какъ слабо было вліяніе земли на ихъ юридическія отношенія и какую сильную роль продолжали играть все таки личныя связи. Начнемъ хоть съ общины.—

Говоря объ общинѣ въ восточной Россіи, развившейся на такъ называемыхъ черныхъ земляхъ, само собою разумѣется, что мы должны упустить изъ виду ту форму общины, которую князья застали первоначально на западѣ и югѣ Россіи, или общину родовую. Та община держалась на естественныхъ связяхъ, носила сознаніе своего единства, основанное на кровныхъ отношеніяхъ,— возникла словомъ самостоятельно. Послѣдняя образовалась не сама собою, а при посредствѣ княжеской власти, налагалась сверху, владѣльчески. Отъ князя зависѣло по этому отчасти дать ей большее или меньшее развитіе, но свои виды заставляли его именно не искать этого развитія. Производительный капиталъ все таки заключался по прежнему столько же въ личномъ трудѣ зависимаго населенія сколько и въ самомъ управленіи этимъ населеніемъ или во вліяніи князя на юридическія отношенія. Въ личной выгодѣ князя лежало, стало быть, удержать въ своихъ рукахъ непосредственное вліяніе на юридическую сторону жизни и не дать сюда вторгнуться общиннымъ земскимъ условіямъ; а самое населеніе было слишкомъ разрознено и лишено всякаго союзнаго духа, чтобы достичь, само собою, земскаго самоуправленія. Чѣмъ же ограничилось развитіе общинныхъ отношеній въ восточной Россіи?

Значеніе чернаго населенія для князя состояло въ уплатѣ оброка за землю. Тягло такимъ образомъ лежало на землѣ. Земля, въ этомъ отношеніи, была расписана на извѣстныя податныя единицы: сохи, выти и. т. п. Тягло накладывалось на эти податныя единицы, а раскладка, внутри каждаго податнаго участка производилась по животамъ и по промысламъ, такъ что тяглыя единицы несли подати и повинности независимо отъ числа своего личнаго населенія, не уменьшаясь отъ уменьшенія онаго, по этому, если извѣстное число тяглыхъ людей уходило съ податнаго участка, онъ тѣмъ не менѣе вносилъ полное количество сбора, причитавшагося съ тяглой единицы и несъ повинности, лежавшія на этой единицѣ. Такой порядокъ податнаго хозяйства былъ для князей гораздо выгоднѣе подушныхъ сборовъ. При бродячемъ состояніи земства, личный составъ общинъ безпрестанно измѣнялся, одни члены уходили другіе селились, наконецъ часто участки совершенно пустѣли, — крестьяне подымались цѣлыми селами и переходили на другія мѣста; по этому это была, можно сказать, даже единственная возможная система сколько нибудь обезпеченныхъ сборовъ. Въ ней замѣчается земскій характеръ; уже и въ этомъ отношеніи она конечно также имѣетъ преимущество передъ личными поборами, но напрасно хотѣли видѣть въ ней народный кадастръ. Система эта была вся на счетъ частнаго благосостоянія и вся въ пользу личныхъ выгодъ князя, а въ юридическомъ отношеніи, гораздо менѣе уравнительна простаго поголовнаго сбора. Тамъ, по крайней мѣрѣ, всякій знаетъ обязательства, которыя на себя принимаетъ, какъ плату,—за себя лично и за свои выгоды,—количественно равную съ другими; здѣсь, онъ принужденъ своими трудами оплачивать долю выбылыхъ членовъ. Одно и тоже количество земли въ двухъ смежныхъ участкахъ оплачивается крестьянами различно. Развѣ въ этомъ кадастръ? Не ясно-ли, что система подобной кадастраціи заставитъ двинуться крестьянина съ пустѣющаго участка и вложиться въ другой болѣе для себя выгодный, изъ этого въ третій и т. д.; и такимъ образомъ будетъ способствовать постоянному передвиженію людей съ мѣста на мѣсто. На самомъ дѣлѣ, это доказывается многими историческими свидѣтельствами. Крестьяне жалова-

лись безпрестанно, что имъ не посиламъ платить за выбылыхъ членовъ, что вслѣдствіе того волости пустѣютъ окончательно. Таково было первое побочное условіе, поддерживавшее кочеваніе и слабость той же общины, если мы примемъ за главное, все таки, отсутствіе въ землѣ значенія капитала.

Въ связи съ этимъ условіемъ, находилось другое. Весьма естественно, что неся на себѣ всю тягость податнаго тягла и отвѣчая за его цѣлость, община—должна была заботиться о цѣлости своего личнаго состава и пріобрѣтать, вмѣсто выбылыхъ членовъ, новыхъ. Отсюда опять переманка и опять передвиженье.

И такъ, первая доля поземельныхъ условій, вмѣсто того, чтобы скрѣплять общину, напротивъ, способствовала только ея разслабленію. Независимо отъ того, эта доля кажется единственно ограничивалась податными отношеніями общины. Дальнѣйшаго вліянія ея на дѣла общественныя выгоды князя не требовали, по этому земскія дѣйствія общины ограничивались только изложенными условіями. Разъ земскій участокъ поступалъ во владѣніе члена, онъ располагалъ имъ на правѣ полной собственности, т. е пользовался его доходами, отчуждалъ и завѣщалъ безъ всякаго вмѣшательства общины. Послѣдней было все равно, кто сидѣлъ на этой землѣ онъ или другой, лишь бы сидѣлъ кто нибудь; очень понятно по этому, что она сюда не вмѣшивалась. Община имѣла свои выборныя власти, старостъ и цѣловальниковъ, но дѣйствія этихъ властей конечно ограничивались дѣлами на которыя мы указали. Такъ одна податная сторона чернаго населенія носила земскій характеръ; всѣ же другія стороны юридическаго быта, какъ-то: судебная и административная составляли предметъ частнаго пользованія въ томъ же порядкѣ кормленія, какой внесли первоначально князья въ западную Россію. Управленіе оставалось на правѣ кормленія, частію въ рукахъ самого князя, частію раздавалось слугамъ и боярамъ. Наряду съ поземельнымъ союзомъ, стало быть, между князьями и общинами существовалъ другаго рода союзъ,—лично договорный,—между князьями и ихъ слугами, по которому юридическія отношенія населенія извѣстныхъ отдѣль-

ныхъ округовъ были раздаваемы этимъ слугамъ на правѣ кормленіи. Всякій князь имѣлъ, на договорныхъ условіяхъ, извѣстное число такихъ слугъ. Союзъ этотъ былъ чисто личный. Права кормленщика ограничивались единственно доходами съ административныхъ мѣстъ и не давали ему ни какихъ поземельныхъ правъ въ предѣлахъ округа, отданнаго ему въ кормленіе. Земля служила только измѣреніемъ пространства, въ предѣлахъ котораго кормленщикъ могъ пользоваться административными доходами. Кормленія рѣдко переходили по наслѣдству, давались и отымались по произволу князя и потому имѣли характеръ не собственности а только владѣнія или пользованія. Въ этомъ же смыслѣ, если кормленіе переходило по наслѣдству и потому болѣе приближалось къ собственности, оно носило названіе вотчины, что ему все таки не давало поземельнаго значенія.

Такъ двойственны были отношенія общины;—съ податной стороны земскія, съ остальныхъ сторонъ лично договорныя.

При господствѣ частнаго права, при отсутствіи всякаго сознанія о долгѣ общественномъ, такое двоеначаліе вело къ постояннымъ столкновеніямъ земства и кормленщиковъ и тѣмъ усложняло еще причины общей слабости общинъ и кочеванія. Со стороны слугъ и чиновниковъ, всякое правительственное дѣйствіе было обложено пошлиной, падавшей на земство, нуждавшееся въ этихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ, и сборъ этихъ пошлинъ былъ источникомъ безконечныхъ злоупотребленій и притѣсненій земства боярами и чиновниками. Сборы эти переходили нерѣдко въ открытый грабежъ, вынуждавшій крестьянъ подыматься съ мѣста своего поселенія цѣлыми селами и искать убѣжища на частныхъ вотчинныхъ земляхъ, (которыя, какъ мы увидимъ, были избавлены отъ вліянія мѣстныхъ чиновниковъ), или же просто бродяжничать. «Что намъ били челомъ и сказывали, что де у нихъ въ Шенкурьѣ и въ Вельску, на посадяхъ, «многіе дворы а въ волостяхъ, многія деревни запустѣли отъ «прежнихъ нашихъ Важскихъ намѣстниковъ и отъ ихъ тіуновъ «и доводчиковъ и отъ обыскныхъ грамотъ, и отъ лихихъ людей, «отъ татей и отъ разбойниковъ и отъ костарей и Важскаго де

«имъ намѣстника и пошлинныхъ людей впредь прокормити не-«мочно, и отъ того де у нихъ въ станѣхъ и въ волостяхъ многія «деревни запустѣли и крестьяне де у нихъ отъ того насильства «и продажъ и татебъ съ посадовъ разошлись по инымъ городамъ, «а изъ становъ и изъ волостей крестьяне разошлись въ монасты-«ри безсрочно и безъ отказу, а иные де посадскіе люди и стано-«вые и волостные кой куда безвѣстно разбрелись нарознь» (Уст. Важская гр. 1352 г. Марта 21 А. Э. № 234). И вотъ третье побочное условіе возбуждавшее кочеваніе тяглаго земледѣльческаго населенія.

Жалобы на притѣсненія намѣстниковъ начались очень рано. Первыми мѣрами противъ такихъ притѣсненій была выдача земству уставныхъ грамотъ, въ которыхъ опредѣлялись отношенія чиновниковъ къ земству. Но первыя уставныя грамоты заключали въ себѣ только письменное признаніе и опредѣленіе со стороны количества поборовъ слугамъ и чиновникамъ, на которыя именно жаловалось земство. Древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ уставныхъ грамотъ есть уставная Двинская грамота В. Князя Василія Дмитріевича 1398 г. (А. Э. I, № 13). Изъ первыхъ же словъ грамоты видно, что права чиновниковъ, какъ Кормленщиковъ, признаются во всей силѣ, и что она дается только о томъ какъ ходить намѣстникамъ. «Коли кого пожалую своихъ бояръ, «пошлю намѣстникомъ къ нимъ въ Двинскую землю, или кого «пожалую намѣстничествомъ изъ Двинскихъ бояръ и мои на-«мѣстницы ходятъ по сей по моей грамотѣ В. Князя»....За тѣмъ, слѣдуетъ порядокъ хожденія и количество поборовъ, на которое имѣютъ право намѣстники. Нѣсколько другимъ характеромъ отмѣчены уже слѣдующія уставныя грамоты, по которымъ крестьяне разныхъ придворныхъ вытей освобождались отъ вліянія мѣстныхъ чиновниковъ и подчинялись особымъ дворцовымъ властямъ. Такова напримѣръ Уст. грамота Переславскимъ рыболовамъ, 1506 г. (А. Э. I, 143), уст. грам. Дмитровскаго Князя Юрія Іоанновича, Каменскаго стана Бобровникамъ; 1509 г. (А. Э. I, 1501) и др. Но освобожденіе это далеко не было общимъ правиломъ; извѣстія встрѣчаемыя въ другихъ грамотахъ, заставляютъ видѣть въ такихъ освобожденіяхъ только привилегіи,

а не признаніе общаго порядка. Такъ, въ уставной Онежской грамотѣ, 1536 г. (А. Э. I, 181), намѣстнику предоставляется брать кормъ со всѣхъ сохъ, «съ моихъ Великаго Князя и со владычнихъ и съ боярскихъ и съ монастырскихъ, и съ черныхъ, «и съ грамотниковъ и со всѣхъ безъ омѣны, съ десяти сохъ «кормъ».

Совершенно другой характеръ имѣютъ уже уставная грамота Важская, 1552 г. (А. Э. I, 234), крестьянамъ Устюжскаго уѣзда Усецкихъ и Засецкихъ волостей, 1555 (А. Э. I, 243). и Устав. Двинская грамота 1556 г. (А. Э. I, 250). Грамоты эти даются уже по просьбамъ Земства о передачѣ управленія въ ихъ собственныя руки, вслѣдствіе злоупотребленій, которыя терпѣло земство отъ поставленнаго надъ нимъ посторонняго управленія, и ближайшею причиною снисхожденія на эти просьбы выставляется бродяжничество, опустѣніе тяглыхъ устатковъ и недоимка въ податяхъ. Вотъ на выдержку нѣсколько словъ изъ уставной грамоты крестьянамъ Засѣцкихъ волостей: «Что на перёдъ сего жаловали есмя бояръ своихъ и князей и дѣтей боярскихъ, городы и волости давали имъ въ кормленія и намъ отъ «крестьянъ челобитья великіе и докука безпрестанная, что намѣстники наши и волостели и праветчики и ихъ пошлинные «люди, сверхъ нашего жалованья указу имѣть имъ продажи и «убытки великіе, а отъ намѣстниковъ и отъ волостелей и отъ «праветчиковъ и отъ ихъ пошлинныхъ людей намъ докука и челобитья многіе, что имъ посадскіе и волостные люди подъ судъ «и на поруки не даются и кормовъ имъ не платятъ и ихъ бьютъ «и въ томъ межь ихъ поклёпы и тяжбы великія, да отъ того на «посадяхъ, многіе крестьянскіе дворы и въ уѣздахъ деревни «и дворы запустѣли и наши дани и оброки сходятся несполна. «И мы, жалуючи крестьянство для тѣхъ великихъ продажъ «и убытковъ, намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ отъ «городовъ и отъ волостей отставили; а за намѣстники и за волостелины и за праветчиковы доходы и за присудъ и за «ихъ пошлинныхъ людей, пошлины велѣли есьмя посадскихъ и волостныхъ крестьянъ пооброчити деньгами. И «велѣли есьме во всѣхъ городахъ и въ станахъ и въ волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ кресть-

«янъ управу чинити и намѣстничи и волостелины и праветчи-«ковы доходы сбирати и къ намъ на срокъ привозити, которыхъ «себѣ крестьяне межъ себя, излюбятъ и выберутъ всею землею, «отъ которыхъ бы имъ продажъ и убытковъ и обиды не было, «и разсудити бы ихъ умѣли въ правду безпосульно и безволокит-«но, и за намѣстничь бы доходъ оброкъ собирати умѣли и къ «нашей бы казнѣ на срокъ привозили безъ недобору».

Такой переворотъ въ судьбѣ земства былъ чрезвычайно простымъ дѣломъ, имѣя видъ чисто хозяйственнаго перевода администраціи съ издѣльнаго положенія на оброчное, но тѣмъ не менѣе, такими преобразованіями союзы, образовавшіеся на черныхъ земляхъ, должны были получить, въ концѣ XVI вѣка большее развитіе. Но дѣло въ томъ, что эта передача управленія въ руки земства была сдѣлана не повсемѣстно, даже можно сказать скорѣе была исключеніемъ, и удержалась недолго, а приказное начало, проникшее все управленіе съ начала XVII вѣка ограничило общину первоначальными ея правами и даже мѣшалось и въ эти права. Несудимыя грамоты нѣкоторымъ общинамъ подтверждались правда въ XVII вѣкѣ. И нѣкоторыя волости сохранили даже своихъ земскихъ судей. Но за то большею частію, въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ общины подчинялись воеводамъ, которые мѣшались даже въ раздачу пустопорожнихъ участковъ и въ наслѣдственный раздѣлъ оныхъ.

Вотъ судьба развитія общины въ восточной Россіи. Община лишена аутономіи, лишена, во всѣхъ отношеніяхъ, земскаго характера, кромѣ податнаго. Прикрѣпленіе людей къ мѣстамъ не могло образоваться само собою, путемъ развитія такихъ общинныхъ союзовъ; напротивъ какъ мы видѣли все въ этой общинѣ вынуждало кочеваніе. Посмотримъ, теперь, на сколько состоятельны въ этомъ отношеніи, могли быть союзы, развившіеся на бѣлыхъ земляхъ или союзы владѣльческіе.

Бѣлую землю составляли участки, пожалованные князьями частнымъ лицамъ на правѣ полной собственности. Въ противность Западной Россіи, гдѣ всѣ состоянія владѣли землями, здѣсь обладаніе поземельною собственностію было ограничено извѣстными лицами, что находилось въ связи съ тѣмъ условіемъ, что земля составляла собственность князя и переходила въ

частныя руки, исключительно пожалованіемъ. Очень натурально по этому, что пожалованіе это ограничивалось приближенными лицами: боярами и духовенствомъ; а пожалованіе земель лицамъ низшихъ разрядовъ составляло исключеніе. Дворовые люди бояръ и духовныхъ властей пріобрѣтали также земли въ вотчины; но нигдѣ не встрѣчается законнаго признанія за ними этого права. За тѣмъ, съ достовѣрностію можно признать право владѣнія вотчинами за духовенствомъ, боярами, служилыми людьми и гостями. Источникомъ обѣленія, какъ мы сказали, было исключительно пожалованіе, одного же пріобрѣтенія покупкою черной земли было недостаточно для ея обѣленія, развѣ это было особенно предоставлено князёмъ. Такъ Іоаннъ IV, въ 1572 — 1575 г. дозволилъ купить часть казенныхъ земель въ Московскомъ уѣздѣ бѣломѣстцамъ. Князь Андрей Васильевичъ дозволилъ купить боярскому сыну Злобѣ, на соху, черныхъ земель. Бѣломѣстцы же, на дѣлѣ, постоянно стремились къ обѣленію черныхъ земель покупкою. Правительство сначала разрѣшало такое пріобрѣтеніе съ условіемъ нести тягло; въ послѣдствіи же совершенно запретило продажу черныхъ земель бѣломѣстцамъ. Такимъ образомъ, вотчинное право исходило отъ князя; а потому и образованіе вотчинныхъ союзовъ, на бѣлыхъ земляхъ, должно было происходить подъ вліяніемъ той же княжеской власти, также какъ и образованіе общинъ на черныхъ, но сравнительно говоря, вотчины были развиты болѣе нежели общины.

Первыми вотчинниками, въ историческомъ порядкѣ, является духовенство и духовныя установленія. Слуги и бояре переѣзжали съ мѣста на мѣсто, заботились преимущественно о кормленіяхъ, обладаніе поземельною собственностію по этому для нихъ было дѣломъ второстепеннымъ.

Первыя жалованныя грамоты духовенству, до насъ дошедшія, заключаютъ стремленіе къ освобожденію населенія жалуемыхъ земель отъ вліянія, въ административномъ отношеніи, мѣстныхъ кормленщиковъ и предоставленіе правъ этихъ собственникамъ, т. е. монастырямъ, церквамъ и духовнымъ лицамъ, предоставленіе же правъ этихъ частнымъ лицамъ, сколько извѣстно, начинается позже. Во всякомъ случаѣ, вотчины, вооб-

ще, были больше избавлены путемъ такихъ грамотъ, отъ вліянія кормленщиковъ, чѣмъ общины и потому имѣли больше характеръ чисто земскихъ союзовъ; но и внутри ихъ, тоже экономическое условіе малоцѣнности земли дѣйствовало со всей силой. Личный трудъ, составляя главную цѣнность, вынуждалъ всякаго вотчинника стремиться поставить въ зависимое отношеніе къ себѣ наибольшее число рукъ; а рукъ этихъ вообще было мало: отсюда перезывы крестьянъ отъ другихъ вотчинниковъ и съ черныхъ земель, и въ результатѣ, тоже содѣйствіе кочеванію, со стороны вотчинъ какъ и со стороны общинъ.

Собирая теперь все, мы можемъ выразиться слѣдующимъ образомъ. Обширность и малоцѣнность земли, при ея малонаселенности и вытекающая отсюда цѣнность личнаго труда не сдѣлали осѣдлыми слугъ и земства. До конца XVI-го столѣтія, соціальная жизнь Россіи представляетъ, по этому, холопство съ одной стороны, какъ выраженіе преобладанія въ юридическихъ отношеніяхъ личнаго начала и свободный переходъ крестьянъ, какъ слѣдствіе слабаго значенія, въ этихъ отношеніяхъ, начала земскаго. На столько относительно крестьянъ. Съ своей стороны та же малоцѣнность земли заставляетъ служилое населеніе предпочитать кормленіе поземельной собственности и служить, переѣзжая отъ князя къ князю, что влечетъ за собою то же кочеваніе и въ этомъ состояніи. Въ суммѣ, общее кочеваніе во всѣхъ слояхъ общества до конца XVI-го вѣка.

Съ конца XVI вѣка, въ соціальной жизни Россіи начинаютъ совершаться важныя перемѣны и въ теченіи XVII вѣка устанавляется порядокъ вещей, періодъ котораго длится до позднѣйшаго времени. Послѣ долгаго броженія общественныхъ элементовъ, они приходятъ наконецъ въ извѣстное прочное между собою отношеніе, укладываются въ опредѣленныя союзныя формы, основаніемъ которымъ служитъ болѣе не личный произволъ а земля. Свободный договоръ перестаетъ быть единственной опорою общественныхъ связей и отношенія людей, переходя изъ личныхъ въ поземельныя, теряютъ прежнюю зыбкость и неопредѣленность.

Перемѣны эти произведены были дѣятельностію центральной власти.

Мы видѣли въ какомъ безвыходномъ броженіи находилась соціальная жизнь Россіи въ періодъ удѣловъ. Въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, она не успѣла сама собою принять какихъ либо положительныхъ очертаній, а распадалась отъ господства всеобщаго произвола. Успѣхи соціализаціи, зарождавшіеся и совершавшіеся на западѣ Европы, гдѣ они въ самомъ корнѣ населенія выходили изъ мѣстной союзной дѣятельности, были закрыты для русскаго духа.

Наше гражданское развитіе, лишенное земскаго характера, нашло свою опору и своего дѣятеля въ централизаціи. Мы смѣло можемъ сказать, что ни одинъ народъ Европы столько не обязанъ своимъ развитіемъ центральной власти, какъ Русскіе. Вся наша современная жизнь городская и сельская, наша образованность вызвали ее. Она подняла города и сёла среди безразличія Русскихъ равнинъ, она создала и держитъ пеструю, разнообразную, общественную дѣятельность, которая раскрывается теперь на всемъ огромномъ пространствѣ Россіи, создала ее среди апатіи и глубокаго равнодушія русскаго духа. До позднѣйшихъ временъ частная, дробная дѣятельность жертвовалась у насъ этой централизаціи; она чѣмъ позже, можно сказать, тѣмъ исключительнѣе имѣла силу творчества, такъ что исторія народа у насъ сливается съ исторіей правительства—Въ этомъ случаѣ намъ нечего оглядываться на западъ; тамъ даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ централизація играла значительную роль, много было подготовлено соціальною дѣятельностію. Тамъ, по этому, централизующее начало находилось въ постоянной борьбѣ съ соціальною жизнію. Изъ этого противорѣчія выходила та пестрота и разнообразіе, тотъ безконечный интересъ явленій, наполняющихъ исторію развитія запада. Это противорѣчіе выразилось тамъ мѣстами въ самомъ противорѣчіи политическихъ границъ съ естественными, политической географіи съ соціальной географіей. Тамъ существуютъ по этому дѣйствительно искусственныя государства, т. н. Австрія. У насъ этого противорѣчія не было. Централизація, какъ нельзя больше согласовалась со всѣми мѣстными условіями: съ единствомъ племени, единствомъ исповѣданія, единствомъ самаго географическаго положенія. Изъ всѣхъ этихъ условій послѣднее составляло едвали не са-

маго мощнаго двигателя, давшаго перевѣсъ политическому ходу цивилизаціи передъ земскимъ. Мы указали выше, какъ враждебны были топографическія условія нашей мѣстности земскому развитію; укажемъ теперь на сколько тѣже условія способствовали централизаціи.

Природа сама чертитъ границы внѣшнему объему гражданскаго организма. Тамъ, гдѣ она дробитъ населеніе на мелкія группы, полагая трудныя преграды къ ихъ взаимному сообщенію, тамъ невольно эти группы уединяются, уходятъ въ себя, и сосредоточиваясь вырабатываютъ свою особенность и самостоятельность юридическаго быта, становятся недѣлимыми нравственными единицами, защищенными физическими преградами отъ сторонняго вліянія. При такихъ условіяхъ, съ трудомъ устанавливается центральная власть, не имѣя возможности легко дѣйствовать на мелкіе земскіе союзы, въ развитіи которыхъ по этому преобладаетъ аутономія. Чѣмъ больше такихъ естественныхъ преградъ представляетъ мѣстность, тѣмъ жизнь народа составляетъ болѣе дробную дѣятельность мелкихъ союзовъ.

Напротивъ того, тамъ гдѣ природа не образовала отдѣльныхъ логовищъ, гдѣ населеніе свободно расходится вширь, не встрѣчая препятствій къ разселенію, гдѣ естественный путь лежитъ черезъ обширныя пространства, гдѣ—по этому ни что не защищаетъ отдѣльнаго союза отъ чуждаго вліянія, а напротивъ того все способствуетъ его безсилію, тамъ земскій союзъ не можетъ сосредоточиться въ самомъ себѣ и окрѣпнуть, а расходится также вширь, распадается, и вслѣдствіе этого центральная власть легко налагается на огромныя пространства, поддерживаемая безсиліемъ союзныхъ началъ въ народѣ, населяющемъ эти пространства и легкостію сообщенія. Прибавимъ къ этому единство племенное и единство исповѣданія, какъ было въ Россіи, и мы поймемъ, что при всѣхъ этихъ условіяхъ самая нравственная жизнь народа легко получила ту же печать единства, которая лежитъ на географической мѣстности страны.

Такого политическаго единства достигла Россія въ концѣ XVI в. съ паденіемъ послѣднихъ удѣловъ. Занятая до сихъ

поръ исключительно своимъ внѣшнимъ развитіемъ, центральная власть, кончивъ это дѣло, могла теперь свободно обратиться къ устройству внутренней гражданской организаціи и дѣйствовать на юридическую судьбу сословій.

Первое противорѣчіе и отпоръ своему развитію извнутри общественной жизни центральная власть встрѣтила въ личныхъ отношеніяхъ, на которыхъ держалась до сихъ поръ эта жизнь: личный произволъ, крамолы и отъѣзды со стороны боярства, неурядица и броженіе въ земствѣ.

Крайнимъ выраженіемъ этихъ личныхъ отношеній, державшихъ удѣльное общество было всеобщее право отъѣзда, поддерживавшее постоянное броженіе внутри русской земли «*а боярамъ и слугамъ межъ насъ вольная воля*». Среди удѣльнаго общества образовались отдѣльныя массы людей, какъ-то: бояре, служилые люди, посадскіе и крестьяне, но дѣленія эти лишены были всякаго сословнаго характера. Права и обязанности распредѣлялись въ нихъ по отдѣльнымъ лицамъ. Всякій, принимая на себя эти обязанности, дѣлался служилымъ человѣкомъ, или посадскимъ, или крестьяниномъ, не принимая на себя никакихъ сословныхъ обязанностей, и становился въ личныя, основанныя на свободномъ договорѣ, отношенія къ другому лицу, къ которому онъ вступалъ въ службу, или на землѣ котораго селился. Если эти отношенія ему не нравились, то онъ ихъ разрывалъ и искалъ выгоднѣйшихъ. Одно стремленіе всѣмъ руководило въ такомъ порядкѣ вещей, стремленіе къ частному богатству. Въ силу этого стремленія каждый старался усилиться на счетъ другаго; вышедшія изъ ряду личности, пользуясь правомъ свободнаго перехода, перезывали людей другъ у друга. Князья перезывали бояръ и слугъ, землевладѣльцы крестьянъ, заманивая ихъ различными преимуществами. Это было необходимымъ слѣдствіемъ высокой цѣнности личнаго труда и низкой цѣнности земли, на которую мы указали выше и изъ этихъ перезывовъ выходило общее кочеваніе.

Центральной власти предстояло теперь закрѣпить себѣ эти два разряда людей, наложить служебное тягло на бояръ и слугъ и земское тягло на посадскихъ и крестьянъ.

На первомъ планѣ въ противорѣчіи съ В. Княжеской властью стояли слуги и бояре, сильные своимъ правомъ отъѣзда и мелкими родовыми притязаніями. Права послѣдняго рода образовались отъ чиновъ и должностей двороваго управленія, сдѣлавшихся наслѣдственными. Родовая честь возникла здѣсь сама собою, приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ держится холопская гордость въ частныхъ вотчинахъ. Сынъ камердинера хочетъ быть не меньше какъ лакеемъ и т. д. Центральная власть сломила эти мелкія, но упорныя сопротивленія и провела лично-зависимыя отношенія къ служилымъ людямъ до крайняго результата, обративъ бояръ въ холоповъ. Но зависимость эта все таки была недостаточна; основанная преимущественно на политической силѣ, она не имѣла матеріяльной опоры въ самыхъ соціальныхъ отношеніяхъ этого класса, а потому все таки какъ чисто личная зависимость была шатка и ненадежна.

Вмѣстѣ съ тѣмъ централизаціи предстояла другая борьба противъ кочеваго состоянія земства. Первыя мѣры ея здѣсь были направлены къ устраненію одного только обстоятельства, правда весьма значительнаго, но неисключительно вызывавшаго переходы крестьянъ. Броженіе въ земскомъ классѣ усиливалось притѣсненіями княжескихъ чиновниковъ.

Для крестьянъ единственнымъ средствомъ противъ такихъ притѣсненій было оставленіе мѣста своего жительства и бродяжничество. Противъ этихъ притѣсненій направлены были преобразованія Грознаго, они состояли въ устраненіи чиновниковъ отъ земскаго управленія и предоставленіи его самому земству. Но мѣра эта, и безъ того направленная только противъ одной изъ причинъ бродячаго состоянія земства, была остановлена въ самомъ началѣ своего развитія. Она доказываетъ однако чувствовавшуюся необходимость внесенія земскихъ началъ въ организацію. Вскорѣ выразилось сознаніе такой же потребности утвердить на земскихъ основаніяхъ и положеніе служилыхъ людей.

Главнымъ опредѣляющимъ условіемъ, какъ въ отношеніяхъ служилыхъ людей къ верховной власти, такъ и въ отношеніи земства къ этому классу должна была сдѣлаться земля.

Тогда только могла родиться крѣпкая, надежная связь между этими общественными элементами, а верховная власть—поставить въ прочную зависимость отъ себя всѣ состоянія и успѣшно дѣйствовать на нихъ. Для этого нужно было во первыхъ прикрѣпить крестьянъ къ землѣ, во вторыхъ обложить право владѣнія такими населенными землями обязательствомъ царской службы. Этими двумя мѣрами правительство обезпечивало себя въ двухъ главныхъ потребностяхъ; со стороны личнаго труда и въ нуждахъ матеріяльныхъ. Послѣ этого ему были крѣпки служилые люди, ибо коль скоро служилый человѣкъ отказывался отъ службы, онъ лишался помѣстья. Крестьяне были крѣпки помѣщикамъ и землѣ, ибо никто не могъ болѣе принять крестьянина на свою землю кромѣ помѣщика, за которымъ онъ былъ записанъ, а по этому правительство не могло болѣе опасаться за убытокъ въ государевыхъ податяхъ отъ бродяжничества и опустѣнія податныхъ участковъ.

Обезпечивая этими двумя мѣрами свои нужды, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ произвело коренную реформу въ самой соціальной жизни.

Силою ихъ установился прочный земскій союзъ помѣщиковъ и крестьянъ, которому суждено было играть главную опредѣляющую роль въ русскихъ общественныхъ отношеніяхъ съ XVIII в. и до позднѣйшаго времени. Союзъ этотъ былъ такимъ образомъ результатомъ централизаціи, развивавшейся внутри общества.

Изложимъ теперь въ частности юридическій ходъ каждой изъ вышеозначенныхъ мѣръ закрѣпленія, начиная хотя съ дѣйствій правительства въ этомъ отношеніи, касающихся класса земледѣльцевъ.

Стремленіе противодѣйствовать кочеванію земледѣльческаго населенія выражалось и въ теченіи удѣльнаго времени. Каждый землевладѣлецъ, на землѣ котораго сидѣло большее или меньшее число крестьянъ по договору, чувствовалъ въ частности всѣ невыгоды для себя неограниченнаго права выхода со стороны земледѣльцевъ и перезыва со стороны подобныхъ ему вотчинниковъ; но при отсутствіи всякаго союзнаго духа, общія мѣры

противудѣйствія были невозможны. Вся дѣятельность по этому къ предупрежденію частыхъ переходовъ земледѣльческаго состоянія ограничивалась также частными мѣрами. Князья взаимными договорами, обязывались не перезывать въ свои вотчины крестьянъ другъ отъ друга. Такое условіе встрѣчается почти во всѣхъ договорахъ Московскихъ Князей: «*а которые слуги потяг-«лы къ дворскому, а черные люди къ сотникамъ тѣхъ ны въ слу-«жбу не пріимати*». Въ договорныхъ грамотахъ между Москвою, Рязанью и Тверью встрѣчаются слова: *а вывода и рубежа не замышлять* (Собр. Г. Гр. и Дог. I. 28, 32, 36, 48, 76, 88). Въ жалованныхъ грамотахъ монастырямъ послѣдніе обязывались также не принимать къ себѣ «людей, моихъ, Великаго Князя, тяглыхъ, данныхъ, письменныхъ. (А. И. I» 87, 88, А. Э. I, 4, 17, 20, 60, 88). При пожалованіи земель частнымъ лицамъ, часто даруемыя льготы распространялись только на людей, которыхъ вотчинникъ перезоветъ изъ другихъ княжествъ, или отъ другихъ вотчинниковъ, а не изъ волости. Впрочемъ въ множествѣ жалованныхъ грамотъ этого условія не встрѣчается вовсе. Частные вотчинники, призывая на свои земли крестьянъ, также иногда ограничивали право выхода ихъ изъ за себя извѣстнымъ срокомъ; впрочемъ большая часть порядныхъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ опредѣленныхъ сроковъ. Обычаемъ могъ установиться приблизительно нормальный срокъ для крестьянскихъ переходовъ; но во всякомъ случаѣ онъ не имѣлъ силы непреложнаго закона. Крестьянъ вообще перезывали во всякое время. Около XV вѣка только является въ первый разъ и почти одновременно въ Судебникѣ Іоанна III и Псковской Судной Грамотѣ общее ограниченіе крестьянскаго перехода однимъ срокомъ въ году. Срокомъ этимъ признается въ Судебникѣ Юрьевъ день осенній, послѣ окончанія лѣтнихъ работъ, а въ Псковской Судной грамотѣ—Филипово заговѣнье, 14 Ноября.

Сто лѣтъ спустя, крестьяне еще пользовались правомъ свободнаго перехода, но вскорѣ за тѣмъ послѣдовали мѣры къ совершенному закрѣпленію. Самый первый указъ о закрѣпленіи до насъ не дошелъ; изъ послѣдующихъ же указовъ можно съ достовѣрностію однако признать, что указъ этотъ послѣдовалъ въ царствованіе Феодора Іоанновича, въ 1592 или 1593 г., на слѣ-

дующихъ основаніяхъ: Изъ указа Василія Іоанновича Шуйскаго 1607 г. видно что Царь Өеодоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ и у кого колико тогда крестьянъ было книги учинилъ. Что этотъ указъ послѣдовалъ въ 1592 или 1593 г. доказывается тѣмъ, что въ послѣдующихъ указахъ означенное время принимается началомъ срока для отыскиванія бѣглыхъ крестьянъ. Именно въ указѣ 1598 г. срокомъ для отыскиванія бѣглыхъ крестьянъ назначается пять лѣтъ, а въ указѣ Шуйскаго 1607 г. пятнадцать лѣтъ; при чемъ основаніемъ къ розыскамъ бѣглыхъ указываются переписныя книги Бориса Го«дунова. Вотъ указъ 1598 г.:» Царь и Великій Князь Өеодоръ «Іоанновичъ всея Руссіи указалъ и бояре приговорили: которые «крестьяне изъ за бояръ, и изъ за дворянъ, и изъ за приказныхъ «людей, и изъ за дѣтей боярскихъ и изъ за всякихъ людей, изъ «помѣстій и изъ вотчинъ и изъ патріарховыхъ и изъ митропо«личьихъ и изъ владычнихъ и изъ монастырскихъ вотчинъ вы«бѣжали до нынѣшняго 106 году за пять лѣтъ, и на тѣхъ бѣг«лыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ помѣщиковъ и вот«чинниковъ, за кѣмъ они, выбѣжавъ, живутъ, тѣмъ помѣщикамъ «изъ за кого они выбѣжали и патріаршимъ, митрополичьимъ и «владычнимъ дѣтямъ боярскимъ и монастырскихъ селъ приказ«чикамъ и служкамъ давать судъ и сыскивать на крѣпко, всякими «розыски, и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ же«нами и дѣтьми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ. «А которые крестьяне выбѣжали до нынѣшняго 106 году, лѣтъ «за шесть, и за семъ, и за десять, а тѣ помѣщики и вотчинники, «изъ за кого они выбѣжали.....на тѣхъ своихъ бѣглыхъ кресть«янъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ, «за кѣмъ они выбѣжавъ, живутъ....не бивали челомъ....и на «тѣхъ....суда не давать и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ не вывозить. «Крестьяне стало быть считались уже крѣпостными.

Изъ этого указа можно было бы заключить, что помѣщики могли бить челомъ о возвратѣ крестьянъ и ранѣе, чѣмъ за пять лѣтъ до 1598 г., когда послѣдовалъ настоящій указъ, и что пропускъ пятилѣтняго срока ставится въ вину и уничтожаетъ право на возвратъ бѣглыхъ людей единственно въ смыслѣ судебной

давности на искъ о возвратѣ бѣглыхъ людей, не болѣе. Назначить такой срокъ правительство могло быть въ необходимости, тѣмъ болѣе, что мѣра совершеннаго закрѣпленія не могла пройти безъ частыхъ нарушеній и со стороны крестьянъ; вслѣдствіе этого правительство должно было быть осаждено жалобами и просьбами о возвратѣ бѣглыхъ и разбирательство здѣсь должно было быть чрезвычайно трудно и запутано. Тѣмъ болѣе можно было бы принять пятилѣтній срокъ этого указа за простую давность, встрѣчая въ боярскомъ приговорѣ 1606 г., «а на бѣглыхъ «крестьянъ по старому приговору далѣе пяти лѣтъ суда не давати». Но указъ Шуйскаго, послѣдовавшій десять лѣтъ спустя, гдѣ срокомъ для отыскиванія бѣглыхъ назначается пятнадцать лѣтъ, слѣдовательно тотъ же 101 годъ, и къ этому именно году отнесены переписныя книги Годунова, уничтожаетъ всякое на этотъ счетъ сомнѣніе.

Указъ о закрѣпленіи имѣлъ послѣдствіемъ пущіе безпорядки; по словамъ Шуйскаго, начались многія вражды, крамолы и тяжи; вслѣдствіе чего Царь Борисъ Ѳеодоровичъ, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги отставилъ и переходъ крестьянамъ далъ, да не совсѣмъ.

Изъ памяти Окольничему Морозову 1601 г. 28 Ноября (А. Э. II, 20) видно, что въ 1601 г. былъ разрѣшенъ снова вызовъ крестьянъ, но съ большими ограниченіями. Во первыхъ разрѣшеніе это послѣдовало только на одинъ годъ; во вторыхъ дозволено было возить межъ себя одному человѣку изъ за одного же человѣка, крестьянина одного или двухъ, а трехъ или четырехъ одному изъ за одного никому не возити; въ третьихъ, вывозъ крестьянъ разрѣшенъ былъ только дворянамъ, которые служатъ по выбору, и жильцамъ Царя, Царевича, дѣтямъ боярскимъ, городовымъ приказчикамъ всѣхъ городовъ и иноземцамъ всякимъ, дворовымъ людямъ большаго дворца всѣхъ чиновъ, ключникамъ, стряпчимъ, сотникамъ и подключникамъ, Конюшеннаго Приказа приказчикамъ и конюхамъ, стремяннымъ и стряпчимъ, ловчаго пути охотникамъ и коннымъ псарямъ, Сокольничьяго пути кречетникамъ, сокольникамъ и ястребникамъ, трубникамъ и суранчеямъ. Далѣе боярскимъ дѣтямъ Царицы и подъячимъ всѣхъ приказовъ, сотникамъ стрѣлецкимъ и казачьимъ головамъ, По-

сольскаго приказа переводчикамъ и толмачамъ и приказнымъ людямъ и дѣтямъ боярскимъ Патріарха, Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ, всѣмъ промежъ себя. Затѣмъ запрещенъ былъ вывозъ крестьянъ въ дворцовыя села и черныя волости, за патріархи, митрополиты, и архіепископы, монастыри, за бояръ, окольничихъ и дворянъ большихъ, за приказныхъ людей, дьяковъ, стольниковъ, стряпчихъ и за головъ стрѣлецкихъ.

Данное на одинъ годъ разрѣшеніе это однако было повторено еще разъ въ слѣдующемъ году, съ тѣми же ограниченіями (А. Э. II, 24). Въ 110, 111 и 112 годахъ былъ голодъ, вслѣдствіе чего многіе помѣщики выгоняли отъ себя людей на прокормленіе. По этому въ 1606 г. Февраля 1-го, велѣно было относительно бѣжавшихъ въ эти годы людей, или отдавшихся въ холопство новымъ господамъ розыскивать дѣйствительноли они убѣжали отъ бѣдности, и въ такомъ случаѣ оставлять ихъ за тѣми помѣщиками, за которыхъ они вновь заложились и которые ихъ прокормили въ голодные годы. Относительно же отдавшихся въ холопство своему помѣщику, въ случаѣ извѣстія, что помѣщикъ взялъ ихъ во дворъ силой, велѣно розыскивать записана ли кабала въ книги въ Москвѣ, или городахъ, и если записана, то оставлять крестьянъ въ холопствѣ; потому что они о насильствѣ могли бить челомъ у записки; незаписаннымъ же кабаламъ вѣрить запрещено.

Наконецъ при Иванѣ Васильевичѣ Шуйскомъ, указомъ 9 Марта 1607 г. послѣдовало окончательное закрѣпленіе.

Вотъ юридическій ходъ закрѣпленія. Но само собою разумѣется, этимъ еще не кончилось самое дѣло. Какъ вообще одна юридическая сторона жизни не даетъ еще полнаго сознанія самой жизни и представляетъ только однѣ границы, въ которыя укладывается эта жизнь, даетъ одинъ оттискъ нравственныхъ формъ лишенныхъ живаго содержанія, такъ въ настоящемъ случаѣ рядъ указовъ о закрѣпленіи не могъ составить еще самаго закрѣпленія. Тамъ, гдѣ нововведенія происходятъ насильственно, налагаются сверху, вводятся въ народъ правительствомъ, являясь въ формѣ распоряженій, они не вдругъ усвоиваются бытомъ, осуществленіе ихъ совершается съ различною скоростію,

отдаляясь болѣе или менѣе впередъ, пока юридическое явленіе не получитъ смысла соціальнаго факта. Исторія права представляетъ довольно примѣровъ безуспѣшно повторявшихся многократныхъ распоряженій, не получившихъ вовсе соціальнаго смысла. Для примѣра укажемъ хоть на законы о вознагражденіяхъ за личныя обиды. Ни въ одномъ государствѣ Европы не могли получить они вполнѣ соціальнаго характера. Не смотря на всѣ строгія мѣры, никакія административныя усилія не могли побѣдить здѣсь обычая. Вотъ почему въ настоящее время наука права не можетъ довольствоваться одной формальной стороной и во всякомъ юридическомъ вопросѣ обязана прослѣдить его общественную сторону и послѣдствія.

Въ настоящее время вопросъ о закрѣпленіи давно рѣшенъ соціально, и побѣги крѣпостныхъ вошли въ кругъ простыхъ полицейскихъ происшествій; иначе должно было быть при самомъ началѣ закрѣпленія. Жизнь, лишенная союзнаго духа не могла противупоставить общаго отпора дѣйствіямъ общественной власти; но отпоръ дробный былъ неизбѣженъ. Не даромъ читаемъ мы въ указѣ 1607 года слѣдующія слова: «Государь Царь и Великій Князь Василій Ивановичь.... слушавъ «доклада помѣстной избы отъ бояръ и дьяковъ, что переходомъ «крестьянъ причинились великія крамолы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чегоде при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ не было, потому что крестьяне выходъ имѣли вольный, «а Царь Ѳедоръ Ивановичь, по наговору Бориса Годунова, не «слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ.... и послѣ того начались многія вражды, крамолы и тяжи, «Царь Борисъ Ѳедоровичь, видя въ народѣ волненіе веліе.... «переходъ крестьянамъ далъ.» Слова эти кажется указываютъ ясно какія послѣдствія имѣли первыя попытки закрѣпленія: крамолы, ябеды, насилія немощнымъ отъ сильныхъ и волненіе въ народѣ веліе.

Каковы бы ни были общественныя противудѣйствія закрѣпленію, какъ они ни могли быть слабы и несостоятельны передъ дѣйствіями правительства, закрѣпленіе это не было бы вѣроятно такъ успѣшно, не будь оно связано съ другимъ явленіемъ, о которомъ мы уже упомянули выше, именно съ закрѣпленіемъ

самаго служилаго состоянія Царю, путемъ поземельнымъ. Дѣло въ томъ, что последнее стремленіе вызвало, вмѣстѣ съ указами о закрѣпленіи, свою другую мѣру, не мало способствовавшую соціальному успѣху самаго закрѣпленія земледѣльцевъ;— мѣру, давшую частному крѣпостному союзу такое значительное мѣсто въ судьбѣ нашихъ общественныхъ и политическихъ установленій. Я хочу говорить объ усиленной раздачѣ вотчинъ и помѣстій.

Раздача земель въ вотчины частнымъ лицамъ началась, сколько видно изъ извѣстныхъ намъ примѣровъ, въ XIV вѣкѣ. Въ теченіи удѣльнаго періода были жалуемы вотчины частнымъ лицамъ за особенныя заслуги, оказанныя князьямъ; но пожалованія эти оставались все таки единичными примѣрами. Служилые люди за службу вознаграждались кормленіями. Жалованье вотчинъ, по этому, было исключеніемъ, зависѣвшимъ отъ особаго вниманія князя. Съ XVI же вѣка пожалованіе земель заселенныхъ и незаселенныхъ въ вотчину становится все дѣломъ болѣе и болѣе обыкновеннымъ. Общихъ правилъ на раздачу вотчинъ не было, но вообще сдѣлалось обыкновеніемъ раздавать вотчины послѣ всякаго государственнаго предпріятія. Такъ жалованы были вотчины Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ за Ливонскій походъ,—Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ за Московскую осаду и время самозванцевъ,—Михаиломъ Ѳедоровичемъ за сидѣніе въ осадѣ въ Москвѣ, во время самозванцевъ и нашествіе Королевича Владислава,—Алексѣемъ Михайловичемъ,—за Польскій и Литовскій походы, и за походъ противъ Стеньки Разина, Ѳедоромъ Алексѣевичемъ за Крымскій походъ, и т. д. Кромѣ пожалованія при Іоаннѣ IV, начертаны были общія постановленія о продажѣ казенныхъ земель въ вотчины частнымъ лицамъ, именно въ 1572 или 1573 г., велѣно было продавать порожнія земли въ Московскомъ уѣздѣ, изъ бывшихъ помѣстій князей и дѣтей боярскихъ, въ вотчины боярамъ, приказнымъ людямъ, служилымъ и не служилымъ людямъ и знатнымъ гостямъ, съ условіемъ населять эти мѣста. Въ 1628 г. при Михаилѣ Ѳедоровичѣ повелѣніе это было повторено и вслѣдъ за тѣмъ велѣно продавать, на томъ же основаніи, казенныя порожнія земли въ Звенигородѣ, Дмитровѣ и Рузѣ

Въ 1644 г., продажа казенныхъ земель въ Московскомъ уѣздѣ и городахъ на основаніи изложеннаго повелѣнія была остановлена въ томъ предположеніи, чтобы земли эти раздавать въ помѣстья. Но въ уложеніи выражено общее правило: помѣстныя пустыя земли, которыхъ никто не беретъ въ помѣстья, продавать въ вотчины. Независимо отъ сего, со времени Михаила Θеодоровича была разрѣшаема свободная продажа помѣстій въ вотчины.

Такими мѣрами, конечно, долженъ былъ усилиться переходъ черныхъ земель въ частныя руки. Но главнымъ двигателемъ новаго порядка вещей была все таки мѣра новая; это раздача помѣстій вслѣдствіе соединенія обязанности службы съ правомъ на опредѣленный поземельный окладъ. Такъ, самое кормленіе должно было получить осѣдлый, поземельный характеръ, вмѣсто прежняго шаткаго, личнаго, сдѣлать осѣдлыми самихъ кормленщиковъ, а быстро возрастающая раздача помѣстій дать быстрый перевѣсъ помѣстнымъ землямъ надъ черными и покрыть Россію сѣтью мелкихъ крѣпостныхъ союзовъ.

О существованіи помѣстій до XV вѣка нѣтъ никакихъ доказательствъ. Первое свидѣтельство о помѣстьяхъ относится ко времени Іоанна III, именно въ Судебникѣ (А. И. I, стр. 155) говорится: «а взыщетъ черной на черномъ и помѣстникъ на помѣстникѣ.» Къ тому же сроку относятся первые примѣры верстанья. При Іоаннѣ же IV-мъ являются опредѣленные помѣстные оклады и съ того времени постоянно увеличиваются въ своемъ числѣ. Въ половинѣ XVI вѣка, въ Новгородѣ помѣстные оклады были отъ 50 до 500 четвертей, а при верстаніи въ 1621 г. уже не менѣе 100 четвертей: кромѣ этихъ опредѣленныхъ окладовъ, новоуказными статьями дано было опредѣленнымъ чинамъ право на полученіе извѣстнаго количества земли изъ особенныхъ казенныхъ земель. Сюда относились земли Московскаго уѣзда и дикія поля городовъ украинскихъ. Опредѣленные же оклады по уложенію въ Московскомъ уѣздѣ положены были слѣдующіе:

Боярамъ . . . . 200 четв.

Окольничимъ и думнымъ дьякамъ . . . . 150 —

Стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ, дьякамъ, головамъ Московскихъ стрѣльцевъ, степен-

ному и путнымъ ключникамъ . . . . 100 четв.

Дворянамъ городовымъ, которые служатъ по выбору . . . . 70 —

Жильцамъ, стрѣлецкимъ конюхамъ и конюхамъ Московскихъ стрѣльцовъ . . . . 50 —

Дворовымъ людямъ, стряпчимъ, сотникамъ и Царицина чину дѣтямъ боярскимъ съ помѣстныхъ ихъ окладовъ по . . . . 10. —

Независимо отъ этого, сверхъ, окладовъ дѣлаема была придача, по чрезвычайнымъ случаямъ, всѣмъ чинамъ вообще, или только нѣкоторымъ опредѣленнымъ. Такъ увеличены были оклады при Іоаннѣ IV за Казанскій и Ливонскій походы, при достиженіи совершеннолѣтія Великимъ Княземъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ, и. т. д.

Считаю нужнымъ прибавить, что помянутое количество помѣстныхъ окладовъ означало только количество десятинъ пахатной земли одного поля и что слѣдовательно при самомъ надѣленіи, при современной тогда трехпольной системѣ хозяйства, окладъ этотъ утроивался. Кромѣ того, помѣщикъ надѣлялся еще соразмѣрнымъ количествомъ земли на усадьбу, выгоны покосы, и лѣсомъ. При томъ опредѣленные оклады расчитывались еще на хорошую землю; вслѣдствіе чего, при самомъ надѣленіи, средняя и худшая земля одобривалась, т. е. наддавалось соразмѣрно лишнее количество земли противъ оклада. Такой наддачи по уложенію велѣно было давать: на 100 четвертей средней земли—по 25 четвертей средней и на 100 четвертей худой, по 50 четвертей худой.

Этими мѣрами должно было быстро уменьшиться количество свободной казенной земли, а размноженіе помѣстныхъ союзовъ придти къ тому, что Кошихинъ насчитывалъ во времена Алексѣя Михайловича всего 20-т. дворовъ въ черныхъ волостяхъ, въ дворцовыхъ имѣніяхъ 30-т. въ церковныхъ 117-т., а помѣщичьихъ по его словамъ было такъ много, что ихъ нельзя было счесть.

Такимъ то образомъ, къ XVIII столѣтію, сложилась на крѣпостныхъ основаніяхъ общественная жизнь Россіи, и сложилась при томъ принудительно. Основанія эти, какъ мы видѣли, не были слѣдствіемъ соціальнаго броженія, достигшаго извѣстныхъ

формъ кристализаціи, если можно такъ выразиться, свободнымъ произведеніемъ той союзной силы, болѣе или менѣе присущей историческому народу, которая постоянно творитъ и разлагаетъ, переливая нравственный бытъ даннаго народа изъ одной формы въ другую, и въ силу которой государство выростаетъ само-собою изъ соціальной почвы, какъ было тамъ, напримѣръ, гдѣ эта союзная сила была особенно присуща народному характеру, гдѣ народъ, можно сказать, самъ творилъ свою жизнь и гдѣ, по этому, внѣшнія событія его жизни, какъ политическаго тѣла, всегда лежали на сердцѣ этого народа. Унасъ, напротивъ того, союзная сила была слаба на столько, что она не могла сложить нашей жизни сама отъ себя. На западѣ Россіи, гдѣ первыя формы общежитія въ видѣ родовыхъ общинъ явились какъ непосредственное данное, эти формы не могли развиваться далѣе самостоятельно. Сознавая свое безсиліе, онѣ сами призвали на себя внѣшнюю, централизующую власть, въ безплодной борьбѣ съ которой потомъ прошелъ блестящій періодъ ихъ существованія, кончившійся политическою смертію жизни, занявшейся здѣсь довольно шумно, а внѣшняя власть, въ свою очередь, томясь въ безплодныхъ спорахъ съ историческимъ содержаніемъ мѣстной жизни, была отброшена на востокъ Россіи и здѣсь заложила свой централизующій лагерь, передъ которымъ въ половинѣ XVI вѣка положила оружіе безпокойная жизнь удѣльной Россіи, кончая Новгородомъ и Псковомъ. Но здѣсь же централизація не могла стать на степень народной власти и заложить среди всеобщаго броженія народныхъ массъ, среди жизни кочующей, разложенной почти до просто собирательнаго отношенія лицъ, своеобразныхъ общественныхъ союзовъ, не наложивъ, ярма крѣпостныхъ отношеній на всѣ лица и состоянія.

Такимъ образомъ — укрѣпленіе не ограничивалось одними крестьянами, а распространялось и на служилыхъ людей; словомъ, имъ разрѣшался общій вопросъ осѣдлости общественныхъ массъ,—образованія тѣхъ прочныхъ поземельныхъ отношеній, которыя не могли установиться сами собою по малоцѣнности земли, и образованіе которыхъ, во всякомъ случаѣ, было необходимо для крѣпости государства и централизаціи. Послѣ этого понятно какую роль долженъ быть играть въ развитіи русской

социализаціи крѣпостной союзъ. Заложенный въ корень общественныхъ учрежденій, онъ по неволѣ долженъ былъ проникнуть всѣ стороны жизни, имѣя задачу вынести на своихъ тяжелыхъ крыльяхъ русскую жизнь изъ средневѣковаго броженія въ дѣятельность настоящаго и прошлаго столѣтій, и дать Россіи ту внутреннюю крѣпость и силу, которыя позволили ей играть такую роль въ судьбахъ Европы. Здѣсь фактами Русской исторіи договорились мы до того положенія, что государство, должно опираться непремѣнно на соотвѣтствущія ему формы социализаціи, а гдѣ этихъ формъ не подготовила исторія, тамъ государство, налагаясь сверху, неизбѣжно создастъ само себѣ своеобразную соціальную почву. Такую то соціальную почву подготовила себѣ у насъ центральная власть. И теперь она была сильна, она была народна и соціальна потому, что народъ принялъ какъ нельзя легче эти крѣпостныя основанія; бояре и земледѣльцы все стало въ поземельно крѣпкія отношенія къ центральной власти.

Съ тѣхъ поръ прошло почти два столѣтія. Русская жизнь, утвержденная на такихъ основаніяхъ все крѣпче и тверже привязывалась къ нимъ, проводя и развивая ихъ внутри себя до послѣднихъ крайностей. Она не сдѣлала шага въ сторону отъ крѣпостныхъ связей; напротивъ того, власть помѣщиковъ надъ крестьянами становилась все тверже, а они оставались все тѣми же усердными слугами центральной власти. Эта власть пробовала освободить ихъ отъ обязательной службы, но обязательство это осталось соціально во всей силѣ. Вмѣстѣ съ указомъ, разрѣшившимъ обязательную службу, вышли на сцену ордена, которые, вмѣстѣ съ чинами и опасеніемъ лишиться дворянскаго достоинства и помѣстья, въ случаѣ неслуженія двухъ дворянскихъ поколѣній сряду, сдѣлали то, что для дворянина понынѣ считаются возможнымъ только два состоянія: служба или управленіе своимъ помѣстьемъ. Таже власть пробовала вывести дворянство отчасти изъ его личнаго разъединенія, и дать ему видъ и принадлежности сословія.

Обращаясь за тѣмъ къ дальнѣйшей дѣятельности центральной власти, мы видимъ, что совершивъ дѣло общаго закрѣпленія, она оставила общественную жизнь развиваться по этимъ

основаніямъ, а сама бросила Москву, бросила старую Россію и зажила Европейской жизнію. Она имѣла свое XVIII столѣтіе, свой вѣкъ военныхъ побѣдъ и внѣшней силы и славы, свою придворную хронику, свою литературу даже. Среди безпорядковъ, наполняющихъ исторію первой половины настоящаго столѣтія на Западѣ Европы; она безбоязненно торжествовала, отдыхая на своихъ орлахъ, славу своего оружія и политическую силу. Но не оружіе и не штыки дали ей эту крѣпость и силу, ихъ дали тѣ соціальныя основанія на которыхъ держалась общественная жизнь народа, которымъ она правила.

Въ виду всего сказаннаго, въ виду той роли, какую играли у насъ вотчинныя отношенія, спрашивается теперь, можно ли смотрѣть на вопросъ о нихъ у насъ, какъ на застарѣвшее право, за предѣлы котораго давно перешло соціальное развитіе страны, какъ на частное дѣло крестьянъ и помѣщиковъ. Не ясно ли только одно изъ предыдущаго, что ближайшія результаты этого дѣла не разрѣшаютъ еще вполнѣ вопроса нашихъ общественныхъ отношеній.

Юл. Жуковскій.

КРИТИКА.

I. ТЫСЯЧА ДУШЪ. Романъ въ 4-хъ Частяхъ, *Алексѣя Писемскаго.* С.-П. 1858 г.

Кому случилось, хоть разъ въ своей жизни, быть авторомъ какого бы ни было художественнаго произведенія, тотъ знаетъ по опыту какъ непріятно видѣть желчнаго догматика, наводящаго свой лорнетъ на нашу работу съ явнымъ пренебреженіемъ къ ея самобытной особенности и съ явной рѣшимостію прогнать ее сквозь строй своихъ холодныхъ, непреклонныхъ теоретическихъ убѣжденій. Одинъ этотъ пріемъ уже возбуждаетъ въ насъ отвращеніе къ непрошеному суду, на которомъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, мы являемся въ роли обвиненнаго передъ лицомъ судьи, человѣка совершенно намъ чуждаго и такъ явно отрицающаго нашу свободу. Мы уже знаемъ заранѣе какъ мало сочувствія можно отъ него ожидать и насъ бѣситъ вся эта процедура, потому что мы не сознаемъ за собою вины. Пользуясь правомъ свободнаго художника, мы не ходили справляться съ курсами риторики и словесности или теоріи изящнаго, принятыми для преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ; а просто и прямо дали волю сжатой силѣ, которая бродила у насъ на днѣ души и она вырвалась наружу вереницей звуковъ, образовъ и красокъ, связанныхъ нитью нашей личной мысли, скрѣпленныхъ печатью нашего самостоятельнаго пониманія жизни и нашего самостоятельнаго отвѣта на жизнь.

Производя такимъ образомъ новую вещь для того, чтобы заявить и выразить и опредѣлить въ ней нашу свободу, мы вовсе и не думали, чтобы при этомъ мы были обязаны ставить себѣ указкою какіе бы то ни было догматы школьныхъ теорій. А тутъ, вдругъ, откуда ни возьмись, наѣзжаютъ на насъ дозорные сторожа со слѣдственнымъ приставомъ, хватаютъ за воротникъ и начинаютъ допрашивать. А зачѣмъ—говорятъ—въ вашемъ произведеніи нѣтъ того и того, что узаконено по литературному уложенію такого то года? А зачѣмъ вы не согласовались съ предписаніями такого то областнаго управителя критики и вывели на сцену такія то лица, такіе то характеры, происшествія, сцены,

развязку и проч.; ясно и опредѣлительно имъ запрещенные? Вы смотрите на нихъ съ удивленіемъ, не чуждымъ можетъ быть и нѣкоторой доли робости и невольно стараетесь припомнить: когда, по какому случаю и по доброй волѣ или нехотя попали вы въ цеховую корпорацію, такъ дерзко предъявлящую теперь свои права на вашу духовную свободу, на вашъ взглядъ, ваши понятія, сочувствія и вкусы? Ужъ не во снѣ ли вамъ чудилось, что вы давно вышли изъ школы и ужъ не самъ ли это покойный профессоръ словесности, на лекціяхъ котораго вы когда то спали такъ сладко, возсталъ теперь изъ гроба и разбираетъ съ каѳедры одно изъ вашихъ упражненій на заданную тему?—А между тѣмъ, не получая отъ васъ отвѣта и замѣчая ваше смущеніе, слѣдственный приставъ торжественно ставитъ васъ передъ лицомъ современности со всѣми ея кумирами и начинаетъ приводить вамъ въ примѣръ такихъ господъ и такія творенія, о которыхъ вы вовсе и не думали, занимаясь своимъ собственнымъ дѣломъ. Не думали потому, что вы не намѣрены были никому подражать; потому что у васъ былъ свой предметъ и свой взглядъ на этотъ предметъ и что вы не присягали писать такъ какъ писалъ Гоголь, или Диккенсъ, или Теккерей, или Шекспиръ, или Гёте; потому наконецъ что вы NN а не X...., котораго вамъ ставятъ за образецъ и свободный художникъ; а не подмастерье литературнаго цеха.

— Долой этихъ непрошеныхъ учителей! восклицаетъ художникъ въ благородномъ негодованіи.—Долой догматиковъ и педагоговъ! Мы съумѣемъ обойтись и безъ ихъ наставленій. Илліаду пѣли прежде чѣмъ вышелъ въ свѣтъ первый опытъ Піитики и Софоклъ написалъ своего Эдипа прежде чѣмъ профессоръ, съ каѳедры, провозгласилъ законъ драматическаго единства.

Но противъ этого, конечно, хоромъ возстанетъ вся корпорація критики. Помилуйте, да это бунтъ! закричатъ они со всѣхъ сторонъ.—Вы проповѣдуете литературное своевольство, литературную анархію и неурядицу!—Вы отрицаете всякую повѣрку и всякій анализъ; вы ниспровергаете законы и власти, вѣками установленные и вѣками доказавшіе свое спасительное вліяніе на развитіе вкуса. Да что же вы хотите, наконецъ, чтобы дѣлала критика, если она должна признать за всякимъ художникомъ без-

граничную свободу выбирать какой ему угодно сюжет и развивать его как угодно? Или вы совершенно отрицаете критику?

Нѣтъ, — отвѣчаемъ мы за художника; мы не отрицаемъ критики, потому что она неразлучна со всякимъ дѣломъ сознательнаго творчества; — она составляетъ одинъ изъ главныхъ и существенныхъ его элементовъ; но именно потому-то отъ нея и требуется, чтобы она не отчуждала себя отъ той почвы, на которой она естественнымъ образомъ выростаетъ и изъ которой получаетъ свои питательные соки. Критика должна вытекать изъ сущности предмета своего, а не изъ чего нибудь посторонняго. Мѣрило критической оцѣнки находится прежде всего въ томъ самомъ произведеніи, которое мы хотимъ оцѣнить. Изъ него оно должно быть выведено и къ нему примѣнено; а потому цѣнить художественное произведеніе на основаніи какихъ нибудь готовыхъ законовъ и правилъ, — значитъ вовсе не понимать существеннаго смысла и достоинства критики. Критика прежде всего есть отвлеченіе и олицетвореніе собственнаго сознанія художника, опредѣленнаго характеромъ своего предмета и особенностію той свободно избранной точки зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на этотъ предметъ. Но если такъ, то казалось бы для чего еще тутъ третье и постороннее лицо вмѣшивается въ наше личное дѣло и самовольно присвоиваетъ себѣ право выражать отъ своего имени то сознаніе, которое принадлежитъ собственному лицу художника? А вотъ для чего.—Третье лицо критики есть представитель общества и общественнаго сознанія, которыя вмѣшиваются въ личное сознаніе художника на томъ основаніи, что это послѣднее само вмѣшивается въ дѣло общественнаго сознанія и безъ него не можетъ существовать. Короче сказать, критика въ дѣлѣ свободнаго искусства есть взаимо-опредѣленіе и взаимо-измѣреніе личнаго сознанія художника художественнымъ сознаніемъ общества и на оборотъ. Изъ этого уже ясно обнаруживается:—*Во первыхъ*—основательность того протеста, который всегда готовъ со стороны художника противъ всякаго чужаго аршина, которымъ кто нибудь захотѣлъ бы мѣрять его произведеніе. Онъ требуетъ, чтобы его поняли вполнѣ такъ, какъ онъ самъ себя понимаетъ и цѣнили прежде всего соображаясь съ

этимъ понятіемъ, а не съ какимъ нибудь другимъ,—и онъ совершенно правъ.—*Во вторыхъ*, обнаруживается равномѣрная основательность другаго протеста, со стороны общества,—противъ всякаго отчужденія художника отъ той середины общественнаго сознанія и общественнаго вкуса, на почвѣ которой выросла его собственная дѣятельность.—Общество говоритъ, что оно имѣетъ право усвоивать себѣ художественное сознаніе частнаго лица и повѣрять его своимъ собственнымъ, потому что и частное лицо въ свою очередь, создавая художественное произведеніе, не можетъ дѣйствовать иначе, какъ усвоивая себѣ сознаніе общественное и повѣряя его своимъ; короче сказать потому, что дѣло художника и дѣло критики связаны между собой неразрывно.

Наконецъ, изъ всего сказаннаго обнаруживается и тотъ путь, которымъ критика въ третьемъ лицѣ должна приходить къ повѣркѣ и оцѣнкѣ какого бы то ни было художественнаго произведенія. Путь этотъ опредѣляется въ слѣдующихъ чертахъ.

Во первыхъ, — критика въ третьемъ лицѣ должна понять автора такъ, какъ онъ самъ себя понималъ въ данномъ его произведеніи; а такъ какъ пониманіе этого рода не возможно безъ полнаго сочувствія, то критика, хотя бы она не имѣла такого сочувствія ни прежде ни послѣ того момента, въ которомъ она становится критикою даннаго произведенія, — въ этомъ моментѣ должна пріобрѣсти его. Другими словами, прежде чѣмъ стать судьею она должна сдѣлаться адвокатомъ художника и въ качествѣ адвоката смотрѣть на произведеніе сіе подлежащее съ самой выгодной для него стороны. Она должна отвлечь и освободить идею автора, со всѣми ея особенностями, отъ тѣхъ случайныхъ несовершенствъ и погрѣшностей, какія могли ее исказить во время ея осуществленія. Мало того, даже и тогда, если бы оказалось, что эта идея, сама въ себѣ не есть цѣлая и единая, а содержитъ въ себѣ нормальныя противорѣчія,—критика должна сдѣлать все, что отъ нея зависитъ, чтобы освободить ее отъ этихъ противорѣчій, стараясь ихъ разрѣшить по мѣрѣ возможности именно такъ, какъ необходимо долженъ былъ стараться объ этомъ самъ авторъ. Если все это будетъ исполнено съ успѣхомъ, то въ результатѣ критика получитъ чистый первооб-

разъ того, что именно было задачею автора въ данномъ его произведеніи;—то есть, она опредѣлитъ для себя каково это произведеніе должно было быть по собственному понятію автора.

Но такъ какъ это собственное понятіе и эта собственная идея необходимо должны находиться въ какомъ нибудь отношеніи съ окружающею ихъ серединою жизни и искусства въ томъ обществѣ, на почвѣ котораго возникла и развилась личная дѣятельность художника, то критика, прежде чѣмъ идти далѣе, должна отъискать и опредѣлить это отношеніе для того, чтобы окончательно установить и провѣрить задачу автора съ ея идеальной стороны, какъ мѣру для повѣрки и оцѣнки ея исполненія.

Нужно ли говорить, что эта вторая сторона обязанностей критики есть самая трудная изо всѣхъ; потому что въ ней двѣ роли, по существу своему различныя, роль адвоката и роль судьи должны быть слиты и уравновѣшены въ одномъ лицѣ такъ, чтобы балансъ не переходилъ ни на ту, ни на другую сторону. Но если преодолѣвъ эту трудность, критика съ равнымъ успѣхомъ исполнитъ и эту вторую задачу свою, то все остальное будетъ уже сравнительно довольно легко. Имѣя мѣру въ рукахъ, остается только измѣрить, то есть отъискать на сколько и въ чемъ именно исполненіе соотвѣтствуетъ своей идеѣ и въ чемъ нѣтъ, постоянно обращая вниманіе однакоже на тѣ препятствія, которыя лежали у автора на пути и на тотъ любопытный вопросъ: откуда они произошли? Изъ противорѣчія между степенью дарованія автора и трудностями предмета имъ избраннаго, или изъ особеннаго характера его идеи въ отношеніи къ міру дѣйствительной жизни, или изъ теоретическихъ понятій объ искусствѣ и жизни, стѣснявшихъ эту идею въ ея свободномъ развитіи, или наконецъ изъ какихъ нибудь постороннихъ, случайныхъ и внѣшнихъ причинъ. Указавъ такимъ образомъ въ общихъ чертахъ какимъ образомъ критика въ третьемъ лицѣ приходитъ къ рѣшенію своей задачи, нужно ли прибавлять, что мы ни мало не намѣрены дѣлать изъ нашихъ замѣчаній программу для всякаго критическаго разбора. Мы говоримъ только, что этимъ путемъ критика рѣшаетъ свои вопросы сама для себя, а какимъ образомъ и въ какомъ порядкѣ она излагаетъ

и выражаетъ свои рѣшенія, на это не можетъ существовать ни какого правила и всякій изъ ея представителей даетъ своему изложенію такую форму, какую онъ найдетъ наиболѣе согласною съ характеромъ изучаемаго произведенія и съ своимъ собственнымъ вкусомъ.

Дѣлая это короткое вступленіе, мы не выдаемъ его за какую нибудь новую теорію критики; — мы хотимъ только напомнить читателю тѣ истинныя начала и условія всякаго дѣльнаго критическаго разбора, на которыя у насъ такъ рѣдко обращаютъ вниманіе люди, увлеченные съ одной стороны своими личными симпатіями и антипатіями, а съ другой фанатическими и догматическими и педагогическими тенденціями нашего времени. Изъ этого не слѣдуетъ однакоже заключать, чтобы мы отрицали въ нашей литературѣ, существованіе дѣльной критики. Мы конечно имѣемъ ее до извѣстной степени; — но имѣемъ преимущественно въ ученомъ отдѣлѣ нашихъ журналовъ;—что же касается до изящной литературы, то по этому дѣлу лучшіе представители нашей критики давно уже занимаются почти исключительно судомъ потомства надъ предками;—а о современникахъ отзываются какъ то ужъ слишкомъ жеманно и осторожно, какъ будто бы они боялись съ ними поссориться, — то есть съ талантами перваго разбора. Съ произведеніями же средней руки напротивъ у насъ никто и нисколько не церемонится и о нихъ говорятъ уже вовсе не за тѣмъ, чтобы ихъ критиковать; а только для того чтобы похвалить или распечь какъ профессоръ хвалитъ и распекаетъ ученика, говоря ему топомъ неопровержимаго авторитета: вотъ это дурно, а это хорошо, а это такъ посредственно, ни то ни сё. Если же случится что по поводу какого нибудь современнаго явленія нашей изящной литературы, успѣвшаго обратить на себя вниманіе публики, появится въ журналахъ особая и сколько нибудь значительная статья, то на первыхъ же страницахъ ея окажется, что критика вовсе не имѣла намѣренія серьёзно разбирать то произведеніе о которомъ она обѣщала говорить, а выбрала его только предлогомъ, чтобы по поводу его высказать свои убѣжденія о чемъ нибудь такомъ что или очень мало или вовсе до него не касается.

Правда, во многихъ случаяхъ, навлекающихъ на нее этотъ

послѣдній упрекъ, наша беллетристическая критика можетъ сослаться на содержаніе тѣхъ самыхъ вещей, которыя ей приходится разбирать и не безъ основанія возразить, что мудрено сдѣлать художественную сторону произведенія главнымъ предметомъ критическаго разбора, когда эта сторона въ самомъ произведеніи пожертвована и подчинена какимъ нибудь теоретическимъ убѣжденіямъ или увлеченіямъ автора, для которыхъ всѣ дѣйствующія лица, выведенныя имъ на сцену и весь объемъ дѣйствія между ними происходящаго служатъ не болѣе какъ орудіемъ. Въ такомъ случаѣ что остается дѣлать критикѣ, какъ не обратить главное вниманіе на эти убѣжденія или увлеченія, а о художественной ихъ обстановкѣ упомянуть только вскользь, какъ о дѣлѣ второстепенномъ?

Бываютъ конечно и такіе случаи; но то произведеніе о которомъ мы намѣрены говорить, т. е. романъ г-на Писемскаго конечно не можетъ попасть въ ихъ число. Онъ написанъ не для того, чтобы доказать какую нибудь теорему или оспорить какое нибудь понятіе. Въ немъ рисуется пестрая жизнь нашего общества со всѣми ея прихотями и своевольными порывами и въ омутѣ этой жизни двѣ самостоятельныя личности, пробивающія себѣ дорогу и въ характерѣ этихъ личностей, въ ихъ столкновеніи другъ съ другомъ и съ окружающею ихъ серединою семейной или общественной жизни заключена идея романа, а не приклеена къ нему снаружи какъ надпись къ загадочному рисунку, значеніе котораго безъ этой надписи мудрено было бы угадать.

Нужно ли говорить что такъ и только такъ можетъ выражаться идея чисто художественная; — что она должна быть слита съ лицами ея осуществляющими, заключена въ особенности ихъ типическаго очертанія и что ее нельзя опредѣлить двумя или тремя чертами одностороннягo отвлеченія; потому что она какъ всякая живая и практическая идея говоритъ намъ о себѣ красками, образами и дѣломъ, дѣломъ многостороннимъ; а не сухими и голыми сентенціями. По этому все что мы можемъ сказать о ней въ общихъ чертахъ, прежде чѣмъ мы приступимъ къ анализу сложныхъ ея элементовъ, — будетъ не болѣе какъ выводъ изъ того, что мы успѣли уже сказать. То есть мы можемъ ска-

зать только то, что она не содержитъ въ себѣ никакой теоретической задачи; а напротивъ сама по себѣ есть живой протестъ противъ тѣхъ неповоротливыхъ формулъ и стѣснительныхъ рамокъ, въ которыя школьныя привычки разсудка такъ часто забиваютъ у насъ свободное развитіе искусства и жизни. Затѣмъ, на первомъ планѣ романа и съ титломъ *героя*, формально ему усвоеннымъ, является нѣкто, господинъ *Калиновичъ*, — большой эгоистъ, человѣкъ жёлчный, нетерпѣливый, завистливый, раздражительный, — скорый на приговоръ и неумолимо жестокій въ его исполненіи, — человѣкъ по самому темпераменту своему принадлежащій къ той хищной породѣ людей, которая питается кровью и плотью слабѣйшихъ существъ. Такіе люди не слишкомъ совѣстливы и мягкосердечны тамъ гдѣ дѣло идётъ о ихъ собственныхъ интересахъ и въ случаѣ если эти интересы приходятъ въ столкновеніе съ интересами другихъ людей, никакія отношенія къ этимъ послѣднимъ и никакія нравственныя убѣжденія, живущія въ ихъ душѣ, не могутъ имъ помѣшать воспользоваться всѣми своими преимуществами, какъ природными, такъ и случайными. — По своей организаціи, они не могутъ обойтись безъ жертвъ, добровольныхъ или насильственныхъ и эта невозможность вмѣстѣ съ ихъ силою, составляетъ естественное ихъ право на жертвы. *Право есть сила*—вотъ ихъ девизъ и этотъ девизъ они вносятъ съ собой въ битву жизни. Противъ такого девиза конечно самъ Калиновичь, окончившій курсъ въ юридическомъ факультетѣ Московскаго Университета, могъ бы сдѣлать много теоретическихъ возраженій; но Калиновичь не теоретикъ и не моралистъ. Онъ мужъ дѣла практическаго въ полномъ смыслѣ слова; а въ дѣлѣ практической жизни право силы не рѣдко господствуетъ надъ всѣми другими правами, уступая имъ только то что ему не нужно. Конечно такой характеръ и такой девизъ находятся въ нѣкоторомъ разладѣ съ идеаломъ нравственнаго героизма, но такъ какъ этотъ разладъ неоспоримо существуетъ въ дѣйствительной жизни и не только существуетъ, но даже первенствуетъ, то авторъ и не обязанъ былъ принимать на себя никакой отвѣтственности, ни за то, что вывелъ его на сцену въ лицѣ Калиновича, ни за то, что онъ сосредоточилъ на этомъ лицѣ главный интересъ своего романа. Онъ не обязанъ былъ

дѣлать изъ своего романа поучительную притчу для несовершеннолѣтнихъ дѣтей; а изъ героевъ его примѣры добродѣтели. Герой романа долженъ быть въ высшей степени интересенъ и въ этомъ состоитъ, съ позволенія сказать, — все его геройство, а какимъ путемъ онъ до этого достигаетъ, на это не существуетъ никакихъ исключительныхъ правилъ, лишь бы только достигалъ. Чтобъ достигнуть онъ долженъ безъ сомнѣнія превосходить всѣ остальныя лица его окружающія, — но чѣмъ? Это вопросъ уже чисто художественный и строгая рамка нравственной состоятельности слишкомъ тѣсна для того чтобы заключать въ себѣ его разрѣшеніе. Мало того, вопросъ: подходитъ ли подъ нее герой даже вовсе нейдетъ къ дѣлу, точно также какъ справка о томъ какимъ путемъ нажилъ себѣ человѣкъ состояніе вовсе нейдетъ къ дѣлу при разрѣшеніи вопроса: честно ли со стороны другаго лица вступать съ нимъ въ торговую сдѣлку? Изъ этого слѣдуетъ, что типъ Калиновича, для своей художественной красоты, не нуждается ни въ какихъ оправданіяхъ. Со всѣми своими нравственными противорѣчіями онъ имѣетъ право явиться въ романѣ ни передъ кѣмъ не извиняясь и занять въ немъ первое мѣсто потому, что онъ интереснѣе всѣхъ остальныхъ. Всякія смягченія, всякія увёртки и уклоненія отъ его рѣзкой особенности клонящіеся къ тому чтобы помирить насъ съ ея нравственными недостатками вовсе не нужны и не умѣстны, если они не вытекаютъ изъ его внутренней природы. По этому то въ изображеніи характера Калиновича намъ нравятся болѣе всего тѣ мѣста, гдѣ авторъ не дѣлаетъ малодушныхъ попытокъ оправдать своего героя а рисуетъ намъ его такимъ, каковъ онъ есть, безъ всякихъ прикрасъ и изворотовъ. Но все въ жизни имѣетъ свое послѣдовательное развитіе и рѣзкія особенности характера возникаютъ не взмахомъ магическаго жезла, а постепенно слагаются и образуются и постепенно доходятъ до крайнихъ своихъ результатовъ. По этому, очень естественно и интересно было выставить передъ нами, какъ авторъ это и сдѣлалъ, если не весь ходъ развитія въ характерѣ Калиновича, который довольно уже опредѣлительно рисуется намъ съ самаго начала, то по крайней мѣрѣ одинъ изъ послѣднихъ и самыхъ интересныхъ его періодовъ.

Въ этомъ то періодѣ, Калиновичь опредѣленный въ городъ Эн-скъ смотрителемъ уѣзднаго училища, знакомится съ семействомъ своего предмѣстника Петра Михайловича Годнева, влюбляется въ дочь его Настеньку и соблазняетъ ее съ подразумѣваемымъ обѣщаніемъ жениться, которое впослѣдствіи онъ подтверждаетъ торжественною, хотя и не совсѣмъ добровольною клятвою. Но получивъ отъ нея все, что можетъ получить молодой человѣкъ отъ безгранично—влюбленной въ него дѣвушки, онъ начинаетъ тяготиться обязанностями принятыми имъ на себя; потому что онъ бѣденъ и честолюбивъ и женитьба на дочери отставнаго смотрителя грозитъ ему вѣчнымъ заключеніемъ въ той темной сферѣ жизни, изъ которой онъ жадно стремится выйти на свѣтъ и на просторъ. Онъ темно предчувствуетъ впереди горькую судьбу бѣдной Настеньки, потому что любовь далеко не въ силахъ его удовлетворить, а на жертву онъ не способенъ; но мысли объ этомъ предметѣ еще не успѣли опредѣлиться въ его головѣ и въ немъ нѣтъ еще сознательнаго, обдуманнаго обмана. Какъ молодой человѣкъ, неуспѣвшій хорошо узнать самаго себя, онъ не вполнѣ еще понимаетъ какія непреодолимыя препятствія лежатъ у него въ сердцѣ къ осуществленію того, что предписываютъ ему честь и совѣсть, то есть къ тому чтобы отказаться отъ честолюбивыхъ надеждъ и помириться со скромною долею маленькаго уѣзднаго чиновника, или литературнаго труженика. — Тѣмъ временемъ счастье ему улыбнулось. Повѣсть его отосланная въ Петербургъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Петра Михайловича Годнева къ бывшему товарищу своему,—человѣку съ вѣсомъ, наконецъ напечатана въ одномъ изъ столичныхъ журналовъ и обратила на себя вниманіе публики.—Вслѣдствіе этого перваго успѣха, онъ знакомится съ семействомъ Князя Раменскаго и съ его богатыми родственниками, въ домѣ которыхъ представляется ему выгодная партія, т. е. удобный случай продать себя за тысячу душъ приданаго. Все это сильно подѣйствовало на Калиновича и въ душѣ его началась тяжелая борьба. Вотъ какъ описываетъ ее самъ авторъ въ одномъ мѣстѣ своего разсказа:

«Съ самаго пріѣзда въ маленькій городишко онъ былъ, въ от-
«ношеніи самаго себя, въ какомъ то туманѣ. На самыхъ первыхъ
«порахъ его встрѣтила, какъ мы видѣли, любовь Настеньки.—

«Калиновичь, самъ не зная какъ, увлекся ея порывистою и без-«разсудною страстью, а подъ минутнымъ вліяніемъ чувственно-«сти сталъ съ нею въ тѣ отношенія, при которыхъ разрывъ «сдѣлался безчеловѣченъ и безчестенъ. Потомъ этотъ неожи-«данный литературный успѣхъ, привѣтствіе въ домѣ генераль-«ши, князь, княжна, мечты о ней—все это слѣдовало такъ бы-«стро одно за другимъ.... Но разговоръ съ княземъ какъ бы от-«резвилъ его: всѣ совѣты, замѣчанія и убѣжденія того пали на «плодотворную почву. Сѣмена практическихъ началъ были «обильно заложены въ душѣ моего героя. Все, что говорилъ «князь, ему еще прежде представлялось смутно, въ предчувствіи, «теперь же стало только яснѣй и нагляднѣй. Впереди были двѣ «дороги: на одной невѣста съ тысячью душами,... однако, вѣдь «*съ тысячью*! повторялъ Калиновичь, какъ бы стараясь внушить «самому себѣ могущественное значеніе этой цифры, но тутъ же, «какъ бы наступивъ на какое-нибудь гадкое насѣкомое, дѣлалъ «гримасу. На другой дорогѣ, продолжалъ онъ разсуждать, ли-«тература съ ея заманчивымъ успѣхомъ, съ независимой жизнью «въ Петербургѣ, гдѣ, что̀ бы князь ни говорилъ, широкое по-«прище для исканія счастія бѣдняку, который имѣетъ уже нѣ-«которыя права. Изъ всего этого ужъ, конечно, самое лучшее «уѣхать навсегда въ Петербургъ. Но какъ же Настенька?.... Что̀ «дѣлать! Не жениться же на ней теперь, когда это неминуемо «должно было отравить бѣдностью всю будущность. Лучше ра-«зомъ сдѣлать операцію, чѣмъ мучиться всю жизнь!.... Такъ го-«ворило благоразуміе въ молодомъ человѣкѣ, но совѣсть въ то-«же время точно буравомъ вертѣла сердце».....

Голосъ совѣсти, а вмѣстѣ съ нимъ и голосъ любви—никогда не умолкали въ душѣ Калиновича. Впослѣдствіи они говорили даже гораздо громче и явственнѣе чѣмъ на первыхъ порахъ; но они имѣли въ его жизни скорѣе лирическій чѣмъ драматическій смыслъ и въ отношеніи къ дѣятельнымъ послѣдствіямъ всегда страдали какимъ то безплодіемъ. Другіе голоса говорили въ немъ далеко не такъ патетически; въ нихъ менѣе слышалось страсти; а между тѣмъ они неминуемо и немедленно вели его къ дѣлу. Такъ напримѣръ, по возвращеніи въ городъ изъ имѣнія князя, ласки людей, которыхъ онъ замышлялъ принести въ жертву сво-

имъ разсчетамъ и ихъ простодушное довѣріе сдѣлали на него такое сильное впечатлѣніе, что ему стало наконецъ тяжело переносить ихъ радушіе.

— «Боже мой! какъ эти люди любятъ меня, и между-тѣмъ какой черной неблагодарностью я долженъ буду заплатить имъ!» «мучительно думалъ онъ, и рѣшительно не имѣлъ духа, какъ «прежде предполагалъ, сказать о своемъ намѣреніи ѣхать въ Петербургъ, и только оставшись послѣ обѣда вдвоемъ съ Настенькой, обнялъ ее и долго, долго цаловалъ.»

— «Ты плачешь? спросила она, почувствовавъ, что съ глазъ «его упала ей на щеку слеза, и т. д........ Во весь остальной ве-«черъ, онъ былъ мраченъ. Затаенныя душевныя страданія под-«няли въ немъ, по обыкновенію, желчь.»

Конечно, голосъ совѣсти и любви долженъ былъ звучать очень громко, чтобы тронуть эту суровую природу до слезъ; но былъ ли онъ столь же чистосердеченъ, сколько онъ былъ громокъ, на счетъ этого является сильное сомнѣніе когда мы узнаемъ, что чувство имъ возбужденное не имѣло никакихъ другихъ результатовъ кромѣ того, что *подняло желчь*.

Послушаемъ же теперь другіе голоса.

Настенька требуетъ, чтобы передъ отъѣздомъ Калиновичь сдѣлалъ ея отцу формальное предложеніе. Во время разговора возникшаго по этому случаю, тонъ отвѣтовъ, которые дѣлалъ ей Калиновичь, оскорбилъ ее до того, что она вся вспыхнула и нѣсколько словъ упрека вырвались у нея невольно.

«Калиновичь обрадовался. Немногаго въ жизни желалъ онъ «такъ, какъ желалъ въ эту минуту, чтобы Настенька вышла по «обыкновенію изъ себя, и, въ порывѣ гнѣва сказала ему, что по-«слѣ этого она не хочетъ быть ни невѣстой его, ни женой; но та «оскорбилась только на минуту; потому что просила сдѣлать ей «предложеніе очень просто и естественно, вовсе не подозрѣвая, «чтобы это могло быть тяжело или непріятно для любившаго ее «человѣка».

— «Ты сего дня же долженъ поговорить съ отцомъ, а то онъ «будетъ безпокоиться о твоемъ отъѣздѣ..... Дядя тоже наговорилъ ему, присовокупила она простодушно.»

— «Хорошо», — отвѣчалъ односложно Калиновичь, думая про

«себя: «эта несносная дѣвчонка употребляетъ, кажется всѣ сред-«ства, чтобъ сдѣлать мой отъѣздъ въ Петербургъ какъ можно «труднѣе, и неужели она не понимаетъ, что мнѣ нельзя на ней «жениться? а если понимаетъ и хочетъ взять это силой, такъ не-«ужели не знаетъ, что это совершенно невозможно при моемъ «характерѣ?»

Другіе голоса очевидно высказываются далеко не съ такимъ паѳосомъ какъ голосъ совѣсти и любви; но въ результатѣ ихъ является рѣшимость выйти изъ затрудненія прямымъ положительнымъ обманомъ; обманомъ который содержитъ въ себѣ смертный приговоръ семейству Годнева и рѣшимость эта немедленно приводится въ исполненіе. Эти и другія тому подобныя черты даютъ характеру Калиновича какой-то легкій оттѣнокъ безсознательнаго іезуитства и лицемѣрія, который забавно контрастируетъ съ самоувѣренностію героя и съ высокимъ тономъ его сентенцій, обнаруживающимъ мало оправданныя на дѣлѣ претензіи на нравственное совершеннолѣтіе и нравственную свободу. Онъ какъ будто бы дѣлитъ минуты своихъ сердечныхъ ощущеній на двѣ неравныя доли и мысленно говоритъ себѣ:— вотъ эту, бо́льшую, я уступаю, ради приличія, чувствамъ любви, чести и долга, угрызеніямъ совѣсти и другимъ тому подобнымъ ребячествамъ, потому что вѣдь нельзя же безъ этого обойтись молодому человѣку на первыхъ порахъ; ну, а эта другая, хотя и по меньше, за то уже останется за мною вполнѣ, съ правомъ употребить ее на собственныя надобности. Эта смѣшная сторона конечно стираетъ отчасти съ характера Калиновича ту печать силы, которая составляетъ одну изъ главныхъ его особенностей, но такъ какъ она ни сколько не вредитъ ему въ художественномъ отношеніи, а скорѣе усиливаетъ еще живой интересъ и правдоподобіе этого характера, то мы и не желали бы ее утратить. Мы совершенно довольны изображеніемъ героя въ первой половинѣ романа, мы находимъ что личность его очень тонко и ловко и мѣтко обрисована авторомъ.

За тѣмъ, нельзя не пожалѣть, что съ переселеніемъ дѣйствующихъ лицъ въ Петербургѣ и въ такую минуту, когда событія начинаютъ быстрѣе идти впередъ, характеръ Калиновича, въ своемъ развитіи, начинаетъ терять ту строго художественную

соразмѣрность своихъ оттѣнковъ, на которую мы сейчасъ указали. Лирическія выходки его усиливаются, а драматическая энергія слабѣетъ и до такой степени, что въ отношеніяхъ героя съ литературнымъ и съ административнымъ кругомъ людей, съ резонёромъ Бѣлавинымъ, съ обманутою Настенькою и съ мошенникомъ княземъ,—дѣятельная роль совершенно ускользаетъ изъ его рукъ и онъ является какимъ то страждущимъ лицомъ, которое даже и не пытается совладать съ обстоятельствами его увлекающими, давъ имъ какое нибудь своеобразное направленіе. Блескъ и комфортъ столичной жизни возбуждаютъ въ немъ зависть и раздражаютъ его аппетиты до нельзя, честолюбіе манитъ его на болѣе широкое поприще дѣятельности, а гордость отталкиваетъ отъ людей и неудачи ослабляютъ вѣру въ себя; но вся эта игра страстей выражается далеко не такъ, какъ читатель вправѣ былъ бы ожидать, составивъ себѣ понятіе о лицѣ героя. Она выражается болѣе словами, чѣмъ дѣломъ, болѣе возгласами, самообвиненіями, и лирическими монологами, чѣмъ дѣятельными усиліями и порывами характера, въ корнѣ своемъ чисто практическаго и все это обманываетъ надежды читателя не потому, чтобы такія явленія и такой человѣкъ, какимъ обнаруживается Калиновичь въ этомъ періодѣ разсказа, взятыя сами по себѣ были не правдоподобны или не интересны; а потому что они недостаточно гармонируютъ съ предъидущими и послѣдующими очертаніями его характера. Тотъ крутой и рѣшительный человѣкъ, который рубилъ съ плеча безъ оглядки, всѣ узлы, затруднявшіе его на службѣ, въ уѣздномъ училищѣ, который не задумываясь принесъ себѣ въ жертву спокойствіе и честь любимой женщины и почти въ то же время такъ бойко сдѣлалъ попытку на сердце другой, далеко стоявшей выше его по своему общественному положенію и такъ энергически оборвалъ всѣ связи, удерживавшіе его на пути,—тотъ человѣкъ воскресаетъ передъ нами не прежде, какъ лѣтъ пять или шесть спустя, въ образѣ новаго Вице-Губернатора, прискакавшаго изъ столицы на свой постъ съ туго-набитымъ карманомъ, съ твердой опорою въ Петербургѣ и съ смѣлыми планами дѣйствія въ головѣ. Мы видимъ снова типъ человѣка, который не останавливается ни передъ чѣмъ. Ни жалость, ни тѣсныя связи, съ людьми, ни соб-

ственная безопасность,—ничто не въ силахъ его удержать. Онъ прямо идетъ къ своей цѣли, онъ снова рубитъ съ плеча и какъ бы мы ни смотрѣли на его образъ дѣйствія съ другой точки зрѣнія, мы должны согласиться, что это тотъ самый человѣкъ, что онъ вѣренъ себѣ во всемъ и совершенно похожъ на себя. Въ Петербургѣ, напротивъ, сходство это блѣднѣетъ и доходитъ до очень малыхъ размѣровъ. Мы не узнаемъ Калиновича въ этомъ болѣзненно раздражительномъ молодомъ человѣкѣ, который вертится и виляетъ какъ поплавокъ на волнахъ случая его подмывающаго. Мы ненаходимъ въ немъ вовсе никакой дѣятельной силы, тѣмъ менѣе рѣшительности. Онъ не знаетъ куда ему дѣваться и что предпринять. Онъ каждую минуту стоитъ на балансѣ между двумя противуположными шагами и не собственная его воля, а случайныя обстоятельства рѣшаютъ его выборъ. Всѣ личные его подвиги ограничиваются визитами къ директору и редактору да лирическими выходками оскорбленнаго самолюбія. Мы не только не видимъ борьбы, мы не видимъ даже, чтобъ онъ ожидалъ встрѣтить что нибудь въ этомъ родѣ. Съ рекомендательнымъ письмомъ князя и съ мнимымъ литературнымъ успѣхомъ въ карманѣ, онъ думалъ что ему стоитъ только выступить и показаться, чтобы все передъ нимъ разступилось и дало ему широкую, удобную, спокойную дорогу впередъ.—Но едва онъ увидѣлъ какъ смѣшны такого рода претензіи;—только что онъ успѣлъ понять что побѣда не дается безъ боя, а въ бою можно пасть не достигнувъ до цѣли,—онъ бросилъ всѣ свои планы, упалъ духомъ какъ слабый ребенокъ, сбился съ толку, раскисъ, разстроился, захворалъ. Это уже не боецъ, это просто жалкій, ни на что негодный мальчишка, которому остается только продать себя за деньги какой нибудь Полинѣ. Отъ всей прежней энергіи у него осталось только отчаянное стараніе задрапировать свою низость передъ собственнымъ сознаніемъ и передъ глазами другихъ людей. Посмотрите на него въ эти минуты.

Вотъ что пишетъ онъ къ Настенькѣ, по словамъ автора, *со всею искренностію:* . . . . . . «дѣлаясь лжецомъ и обманщикомъ «я поступилъ въ этомъ случаѣ не какъ вѣтреный и пустой «мальчишка; а какъ человѣкъ глубоко-сознающій всю черноту

«своего поступка, *который омывалъ кровавыми слезами*, но посту-
«пить иначе не могъ.....

А чрезъ нѣсколько строкъ:

.... «Честолюбіе живетъ во мнѣ, кажется, на счетъ всѣхъ других страстей и чувствъ, какъ будто бы древній Римлянинъ возродился во мнѣ. Только *in forum*, на площади, мечталъ я постоянно жить и только слава можетъ наполнить мою безпокойную душу.—Еще бывши ребенкомъ, когда меня отправляли въ школу и *когда все, начиная съ умирающей матери до послѣдней поломойки плакало около меня, одинъ я не проронилъ слезинки*—и все это казалось мнѣ только глупо и досадно. Неудачи не задушили во мнѣ моей страсти, но только сдавили ее и сдѣлали упружѣй и стремительнѣй. Подъ ея вліяніемъ я покинулъ тебя, мое единственное сокровище, хоть, видитъ Богъ, что сотни людей изъ которыхъ ты могла бы найти добраго и нѣжнаго мужа — *сотни ихъ не въ состояніи тебя любить такъ какъ я люблю*; — но обрекая себя на этотъ подвигъ, я не вынесъ его: разбитый теперь въ Петербургѣ, во всѣхъ моихъ надеждахъ, *полуумирающій отъ болѣзни, въ нравственномъ состояніи близкомъ къ отчаянію, и наконецъ безъ денегъ*, я пишу къ тебѣ эти строки, чтобъ ты .... и т. д.

Сообразивъ всѣ эти разнорѣчивыя признанія съ тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ они составляютъ содержаніе одного письма и слѣдовательно выраженіе одного момента душевнаго настроенія, читателю невольно начинаетъ казаться что авторъ немного ошибся, завѣряя полную искренность Калиновича. Ему кажется, что человѣкъ, въ которомъ *честолюбіе живетъ на счетъ всѣхъ другихъ страстей и чувствъ*,—*человѣкъ, который будучи еще ребенкомъ, не проронилъ ни одной слезинки* разставаясь съ умирающей матерью и когда всѣ вокругъ него плакали,—что такой человѣкъ сильно лицемѣритъ и самъ передъ собою и передъ своею любовницею, увѣряя ее, *что сотни людей изъ которыхъ она могла бы найти себѣ добраго и нѣжнаго мужа, не въ состояніи любить ее такъ какъ онъ ее любитъ*, и *что* будто бы онъ *омывалъ кровавыми слезами свой чорный поступокъ*.

Воля ваша, все это какъ то не клеится и невольно приходитъ на умъ, что если Калиновичь, въ ту минуту когда онъ писалъ

письмо, можетъ быть и дѣйствительно находился въ *состояніи близкомъ къ отчаянію*, то что причина этой близости заключалась *не наконецъ*, а *во первыхъ* въ томъ, что онъ былъ *безъ денегъ* и *боленъ;* а вовсе не въ томъ, чтобы поступокъ его съ Настенькою и добровольная съ нею разлука такъ тяжело лежали у него на душѣ.

Догадки эти еще болѣе подтверждаются когда авторъ описываетъ намъ Калиновича, возвращающагося съ княземъ изъ Петергофа послѣ перваго своего Петербургскаго визита Полинѣ. Князь толковалъ ему про богатство и связи Полины; а Калиноновичъ . . . .

— «Прислушивалсь къ этимъ словамъ, мрачнымъ взоромъ «глядѣлъ на блиставшій вдали куполъ Исакія. Въ провинціи онъ «могъ еще слѣдовать инымъ принципамъ, инымъ началамъ, ко-«торые были выше, честнѣй, благороднѣй; но въ Петербургѣ «это сдѣлалось почти невозможно. Въ его помыслахъ, жела-«ніяхъ, окончательно стушевался всякій проблескъ поэзіи, кото-«рая прежде, все таки выражалась у него въ стремленіи къ на-«укѣ, въ мечтахъ о литераторствѣ, въ симпатіи къ добродуш-«ному Петру Михайловичу и наконецъ въ любви къ милой, энер-«гичной Настенькѣ; но теперь все это пришло и впереди стоялъ «одинъ только каменный, безсердечный городъ съ единственной, «житейской аксіомой, что деньги для человѣка все».

Тутъ уже гораздо лучше и яснѣе рисуется намъ истинный характеръ Калиновича; потому что рисуется откровеннѣе чѣмъ въ письмѣ его къ Настенькѣ. Суровый и жесткій фундаментъ его сердца, на которомъ литература, поэзія и любовь были не болѣе какъ наноснымъ слоемъ, обнажаетъ передъ нами истинную свою природу и мы нисколько не удивляемся находя ее такою; потому что она по идеѣ своей не могла быть иною. И мы не раздѣляемъ мнѣнія автора, что будто-бы Петербургъ тутъ былъ хоть сколько нибудь виноватъ. Въ Петербургѣ люди не дѣлаются ни хуже, ни лучше, чѣмъ они были въ Москвѣ или въ другихъ городахъ Россіи;—но Петербургъ требуетъ отъ человѣка дѣла, а не громкихъ фразъ и на этомъ то дѣлѣ, какъ на пробномъ камнѣ обнаруживаетъ истинную натуру человѣка. Онъ сводитъ его съ подмостковъ и ходуль, онъ срываетъ съ него пышную мантію и не его вина если подъ этою мантіею такъ часто открывается дрянь.

Я говорю, мы нисколько не удивляемся что Калиновичъ на этомъ мѣстѣ проговорился; напротивъ мы апплодируемъ и спрашиваемъ себя только какую надобность имѣлъ авторъ въ такомъ множествѣ патетическихъ оправданiй, которыя онъ то въ первомъ, то въ третьемъ лицѣ навязываетъ своему герою въ этой части своего романа; точно какъ будто бы онъ думалъ, что личность этого героя можетъ выиграть что нибудь въ художественномъ отношенiи, драпируясь и маскируясь на каждомъ шагу съ такимъ неутомимымъ старанiемъ. Лицемѣрiе, конечно составляетъ очень естественную и интересную черту въ характерѣ Калиновича; но не лучше ли было указать на эту черту слегка и мимоходомъ, какъ это сдѣлано было прежде и оставить ее, какъ побочную, на второмъ планѣ характера; а на первый вывести дѣятельныя пружины духа, которые однѣ только и могутъ имѣть въ нашей жизни какое нибудь серьезное значенiе. Что изъ того, что Калиновичъ такъ прилежно терзается угрызенiями совѣсти и чуть не рветъ на себѣ волосы, продавая себя Полинѣ и покидая Настеньку навсегда. Конечно терзанiя эти не были ни очень глубоки, ни очень чистосердечны, если они не помѣшали ему ни на одну минуту сдѣлать того и другаго;—а если не были то конечно и не стоили того, чтобъ имъ отдана была первостепенная роль.

Договорившись съ княземъ до полнаго взаимнаго уразумѣнiя, Калиновичъ восклицаетъ·—«мы однако, князь, ужасные съ вами мошенники!»—и этими словами, по видимому, откровенно высказываетъ свое собственное мнѣнiе о своихъ поступкахъ; но и тутъ чистосердечiе его остается довольно сомнительно; потому что читатель помнитъ очень хорошо какое высокое мнѣнiе имѣетъ о себѣ Калиновичъ и какую огромную цѣну имѣютъ въ его собственныхъ глазахъ тѣ *кровавыя слезы,* которыми онъ *оплакиваетъ свой чорный поступокъ,* еще прежде чѣмъ онъ успѣлъ его сдѣлать.—Читатель знаетъ, что Калиновичъ не ставитъ себя въ своихъ собственныхъ глазахъ на одну доску съ княземъ и что если онъ это говоритъ, то это опять таки черта лицемѣрiя. Но на этотъ разъ, она такъ тонко и ловко замаскирована притворнымъ цинизмомъ и такъ отлично рисуетъ характеръ героя, что мы готовы были бы апплодировать ей отъ чистаго сердца, если бы она была также тонко проведена сквозь

всю эту часть романа. Къ сожалѣнію этого нѣтъ и общій ложный эффектъ картины сильно вредитъ красотѣ отдѣльныхъ ея моментовъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить еще, что какъ мы уже сказали, самъ авторъ въ иныхъ мѣстахъ, стараясь не слишкомъ уронить нравственную сторону своего героя, иногда не въ мѣру увлекается своимъ художественнымъ безпристрастіемъ и въ результатѣ мы получаемъ довольно странныя выходки. Самая удивительная изъ нихъ—это неожиданное появленіе Калиновича на пожарѣ, въ первую ночь своей свадьбы и его геройскій подвигъ, самъ по себѣ не имѣющій ничего особенно невѣроятнаго; но по своей обстановкѣ, по своимъ *suivants et antecedents*, принадлежащій къ числу самыхъ ложныхъ и чисто театральныхъ эффектовъ дѣйствія. Это одна изъ тѣхъ подставокъ или костылей, которыми, въ дѣлѣ искусства, какъ и вездѣ, стараются поддержать насильно то, что само собою недержится. Такъ напримѣръ, въ мелодрамѣ, если какая нибудь рѣшительная сцена кажется недовольно трогательна, то во время ея заставляютъ играть жалобную музыку; а если недовольно поразительна, то къ ней прибавляютъ пожаръ или грозу и дѣйствующія лица представляются освѣщенными заревомъ огня или молніи,—что разумѣется усиливаетъ эффектъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ ему что то поддѣльное, что можетъ обмануть только неопытный вкусъ.—Такъ и здѣсь. Авторъ чувствовалъ, что послѣ всѣхъ приведенныхъ сценъ лицо героя теряетъ свою энергію и выходитъ какъ то немножко грязно и вяло, чтобъ не сказать-гадко.— Нужно было поднять его, нужно было доказать, что это только одна сторона, а что съ другой герой остается все таки героемъ,— и вотъ, кстати или не кстати, на Литейной случается пожаръ и Калиновичь, бѣжавшій отъ объятій Полины, спасаетъ погибающую женщину, впрочемъ не изъ великодушія, прибавляетъ авторъ, зная, что этому уже никто не повѣритъ;—а потому, что онъ искалъ смерти. Бѣдный юноша, какъ онъ былъ недогадливъ, и какъ дурно разсчиталъ послѣдствія! — Черезъ нѣсколько страницъ послѣ этой неловкой выходки, оканчивается второй актъ романа и начинается третій, послѣдній. Въ немъ, какъ мы уже сказали, характеръ Калиновича воскресаетъ снова передъ взоромъ читателя съ дѣятельной его стороны. Развитіе его, какими пу-

тями оно тамъ ни шло; но наконецъ достигло до высшихъ своихъ предѣловъ. Передъ нами уже не юноша, робко развертывающій передъ своею возлюбленною первый опытъ своего пера, на который онъ возлагаетъ всѣ свои надежды, и не желчный искатель приключеній; а боецъ закаленный въ битвѣ жизни, человѣкъ ставшій на твердую ногу и вступающій въ новую борьбу съ жаднымъ нетерпѣніемъ сердца озлобленнаго противъ людей, съ необузданнымъ порывомъ властолюбія, пробившаго себѣ наконецъ дорогу на просторъ, съ фанатизмомъ Сен-Жюста и Робеспьера. Онъ попалъ наконецъ въ свою сферу и въ ней всѣ особенности его характера развились широко. Калиновичъ, въ званіи Вице-Губернатора, является витяземъ — защитникомъ закона. Онъ бросаетъ перчатку въ лицо безчисленнымъ неправдамъ и злоупотребленіямъ, вѣковые корни которыхъ переплелись и образовали у него подъ ногами непроходимыя сѣти. Онъ отвергаетъ всякое перемиріе, всякую сдѣлку, всякую среднюю мѣру, онъ вызываетъ врага не на турниръ, а на смертный бой. Но не подумайте, чтобы въ немъ явилось что нибудь новое, чтобы онъ нравственно переродился и дошелъ до самоотверженія напримѣръ или до какой нибудь другой рыцарской добродѣтели въ этомъ родѣ. Нѣтъ, онъ остался вѣренъ себѣ во всемъ. Это все тотъ же человѣкъ, который будучи смотрителемъ уѣзднаго училища, по первой жалобѣ жены Экзархотова на поведеніе пьянаго мужа, нимало незадумываясь, отнесся къ Городничему для производства слѣдствія о буйныхъ поступкахъ учителя Исторіи и въ тоже время, написалъ о немъ рапортъ Директору, — все тотъ же человѣкъ, только въ усиленномъ размѣрѣ. — Преслѣдуя взяточниковъ и плутовъ, вступая въ борьбу съ Губернаторомъ и со всей подлой шайкою Губернской администраціи, онъ не рискуетъ и не жертвуетъ ничѣмъ или по крайней мѣрѣ не думаетъ чѣмъ нибудь рисковать потому что онъ сталъ въ Петербургѣ на твердую ногу и вѣритъ что тамъ его не выдадутъ. А что касается до хлопотъ, до напряженной дѣятельности, и до жесткаго столкновенія съ людьми то все это есть стихія людей, подобныхъ ему и эта стихія не только не тяготитъ ихъ; но также необходима для ихъ существованія какъ воздухъ для птицы, или для рыбы—вода. Онъ не терпитъ взятокъ и взяточничества

по убѣжденію и никогда не замаралъ своихъ рукъ незаконной копѣйкою;—но сытый голоднаго не понимаетъ;—а Калиновичъ сытъ и сытъ по горло. Калиновичу, который носитъ на плечахъ двухтысячную шубу и разъѣзжаетъ на кровныхъ жеребцахъ— конечно никогда и въ голову не приходило подумать о томъ, что бы онъ самъ сталъ дѣлать, если бы онъ былъ нищимъ, имѣлъ на рукахъ шесть человѣкъ дѣтей и служилъ секретаремъ гдѣ нибудь въ Губернскомъ Правленіи или въ Казенной Палатѣ. — Что ему не приходило этого въ голову— это ясно оказывается изъ той свирѣпой ненависти, съ которою онъ преслѣдуетъ грѣхъ лихоимства; - но мы знаемъ этого человѣка можетъ быть лучше чѣмъ онъ самъ себя знаетъ и потому невольно задаемъ себѣ этотъ интересный вопросъ;—и намъ кажется, мы почти увѣрены, что онъ бы не устоялъ. Онъ можетъ быть *кровавыми слезами оплакивалъ бы свой чорный поступокъ; но поступать иначе все-таки бы не могъ.* Такая ужъ была натура у человѣка. По этой натурѣ, *онъ былъ большой корабль и ему нужно было большое плаваніе.* Онъ бы, пожалуй, не менѣе *гнушался* какими нибудь *просьбами и искательствами въ людяхъ, а напередъ поймавши ихъ въ свои лапы, заставлялъ бы ихъ дѣлать то что ему нужно;* но въ результатѣ, для этихъ людей, выходило бы ничуть нелучше. И онъ остался бы не менѣе лицемѣромъ. По своей природѣ, онъ бы не утерпѣлъ, чтобы не похвастать передъ Настенькою, что взятки — *это единственный случай въ жизни, въ которомъ онъ сдѣлалъ подлость; но что къ этому привело его тоже милое общество, которое произноситъ надъ нимъ свое проклятіе и которое давило его съ ребяческихъ лѣтъ;*—и къ этому, онъ можетъ быть прибавилъ бы задыхающимся голосомъ, что *про него многіе говорятъ, что онъ мошенникъ, воръ; — но отчего же никто не хочетъ замѣтить въ немъ хоть одной, хорошей человѣческой черты;*—а именно, что онъ не пустилъ по миру любимую имъ женщину и не продалъ себя другой, которую онъ ненавидѣлъ, а женился на бѣдной дѣвушкѣ— и въ жертву любви своей принесъ все.

Я говорю, мы увѣрены, что Калиновичь, какъ эгоистъ, никогда не принесъ бы себя въ жертву идеѣ и какъ лицемѣръ, всегда съумѣлъ бы себя оправдать.—Нѣтъ спору однакоже, что

тотъ путь и то сплетеніе обстоятельствъ, на которыхъ эти черты его характера выразились и опредѣлились такъ ярко,—очень удачно выбраны были авторомъ и что другая обстановка можетъ быть менѣе удобна была бы для достиженія этой цѣли; потому что менѣе гармонировала бы съ идеаломъ задуманнаго имъ лица. Говоря здѣсь объ идеалѣ, мы разъумѣемъ чисто художественный, а не нравственный и не юридическій и не какой нибудь другой особенный идеалъ; потому что такія опредѣленія для искусства слишкомъ тѣсны;—и въ этомъ широкомъ смыслѣ, мы должны отдать автору полную справедливость. Герой его выходитъ не дагерротипомъ и не портретомъ и не блѣдною копіею съ какого нибудь даннаго оригинала, а самобытнымъ и сильно задуманнымъ типомъ. Вы чувствуете, что это не кукла и не автоматъ, а живой человѣкъ, живой по своей идеѣ, которая увлекаетъ насъ своего яркою красотою несмотря на всѣ маленькія погрѣшности ея выполненія. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже высказали наше мнѣніе, но эти нѣкоторыя относятся къ Петербургскому періоду разсказа, въ послѣднемъ же актѣ, мы можемъ замѣтить только одно, это то, что въ борьбѣ Калиновича съ шайкою губернскихъ плутовъ и взяточниковъ замѣтно довольно странное противорѣчіе.

Съ одной стороны, онъ остороженъ и предусмотрителенъ въ высшей степени. Онъ не дѣлаетъ шага впередъ, не предъугадавъ и не приготовивъ заранѣе всего что только нужно для его выполненія. Ни малѣйшая подробность не ускользаетъ отъ его вниманія и каждый ударъ его попадаетъ въ цѣль. Короче, онъ оказывается человѣкомъ опытнымъ, дальновиднымъ, мастеромъ своего дѣла въ полномъ смыслѣ этого слова; да и немудрено; не даромъ же, съ его головою, съ его характеромъ и съ его блестящими способностями къ этого рода дѣлу, онъ практиковался нѣсколько лѣтъ сряду въ должности слѣдователя, работалъ день и ночь, подкупалъ на свои деньги шпіоновъ, самъ дѣлался фискаломъ, сыщикомъ, чтобъ открыть какое нибудь зло.

Съ другой стороны, этотъ же самый мастеръ и профессоръ, въ самомъ рѣшительномъ и опасномъ случаѣ изо всѣхъ какіе только когда нибудь попадались ему на пути, въ слѣдствіи надъ княземъ Раменскимъ, дѣлаетъ ребяческія ошибки. Онъ усили-

ваетъ законный ходъ дѣла самымъ неюридическимъ образомъ, онъ гонитъ сломя голову на перекоръ всѣмъ случайностямъ; онъ гнетъ пружину, не спрашивая достаточно ли она сильна, чтобъ выдержать усиленное давленіе; онъ донъ-кихотствуетъ наконецъ какъ Ламанчскій герой, вызывая на бой льва изъ его клѣтки и все для чего?—Чтобы отсѣчь одну изъ головъ у гидры которая имѣетъ ихъ тысячи и у которой на мѣстѣ каждаго потеряннато члена ту же минуту выростаетъ новый. Все это отзывается скорѣе первымъ пыломъ юношескаго увлеченія, чѣмъ тою сознательною и отчетливою энергіею, какой мы вправѣ были бы ожидать отъ Калиновича. Такой странный промахъ съ его стороны конечно можетъ быть объясненъ до нѣкоторой степени чувствомъ личной мести къ князю Раменскому, женившему его на своей старой любовницѣ. Чувство это, предполагая что оно доходило до страсти, могло увлечь и ослѣпить Калиновича до того, что онъ выскочилъ изъ вѣрной колеи и помчался на встрѣчу случаю; но такое объясненіе имѣетъ тоже свои невыгодныя стороны. Вопервыхъ оно уже слишкомъ чернитъ Калиновича, который съ одной стороны, является еще одинъ лишній разъ большимъ лицемѣромъ, торжественно увѣряя Настеньку, что *на службѣ онъ хочетъ быть какъ голубь, святъ и чистъ отъ всякаго лицепріятія;* а съ другой человѣкомъ злопамятнымъ и несправедливымъ, преслѣдуя свою несчастную жену, и унижая и оскорбляя ее при всякомъ удобномъ случаѣ, между тѣмъ какъ вся вина ея въ отношеніи къ нему стояла можно сказать заднимъ числомъ и за давностію лѣтъ должна была быть наконецъ прощена и забыта; тѣмъ болѣе, что онъ женился на ней не по любви, а просто продалъ себя за деньги и за разныя выгоды выплаченныя ему сполна и съ избыткомъ. Наконецъ онъ не имѣлъ права ни презирать ее, ни мстить ей или ея друзьямъ уже потому одному, что самъ онъ добровольно поставилъ себя съ нею и съ ними на одну доску. Если она его купила, то онъ ей продалъ себя; если она возбуждала его отвращеніе, если она заднимъ числомъ оскорбила его честь, то онъ отнялъ у нея послѣднюю надежду на счастье, загналъ и убилъ ее во всѣхъ отношеніяхъ, и кто изъ двухъ во всемъ этомъ поступилъ гаже,—это еще вопросъ. Намъ сдается, что не Полина, а Калиновичъ.

Зачѣмъ авторъ такъ очернилъ своего героя съ этой стороны остается загадкою неразрѣшимою; но нѣтъ сомнѣнія, что столкновеніе характеровъ и нить происшествій въ романѣ потеряли отъ этого часть своего вѣроятія. Калиновичь остался бы тѣмъ что онъ есть и не утратилъ бы ни одной йоты изъ своей рѣзкой особенности если бы онъ былъ болѣе похожъ на человѣка и менѣе на чорта въ своихъ отношеніяхъ съ Полиною. Жестокость необъясненная никакою необходимостію, месть къ женщинѣ недѣлающей ему ни малѣйшаго сопротивленія и почти не виноватой передъ нимъ, все это унижаетъ Калиновича въ нашихъ глазахъ безъ малѣйшей нужды, то есть безъ нужды для насъ, что касается до автора то нетрудно отыскать его побудительныя причины.

Вся катастрофа въ дѣятельности героя и слѣдовательно вся развязка романа, чтобы не сказать болѣе, держатся на личныхъ отношеніяхъ Калиновича къ Полинѣ и Полины къ князю. Отнимите эти отношенія или измѣните ихъ хоть сколько нибудь значительнымъ образомъ и трудно предвидѣть какимъ образомъ взялся бы авторъ, чтобы дать какую нибудь долю участія въ развязкѣ не одному только Калиновичу, а вмѣстѣ и другимъ изъ главныхъ, дѣйствующихъ лицъ разсказа. Ему некуда было бы дѣваться съ Полиною, княземъ, княжною со старою труппой актеровъ; а новыхъ откуда взять. Развязка прехитрая и вмѣстѣ прескользкая вещь. Часто, какъ Фата-Моргана, обманываетъ она утомленнаго сочинителя своею мнимой доступностію, рисуя передъ нимъ удобную и великолѣпную пристань на такомъ мѣстѣ его фантастическаго путешествія, на которомъ въ дѣйствительности онъ не найдетъ ничего кромѣ той же безбрежной равнины нескончаемыхъ вымысловъ, середи которой онъ странствуетъ уже мѣсяцы, а иногда и цѣлые годы. Развязка—это пробный камень сюжета. Въ ней—какъ въ послѣднемъ предѣлѣ развитія художественной идеи, въ ея moment suprême, всплываютъ на верхъ и обнаруживаются всѣ скрытыя ея недостатки. Примѣромъ можетъ служить хоть настоящій романъ.—Слабѣйшая сторона его, по вѣрности рисунка, по явственности и оригинальности характеровъ и наконецъ по самому интересу дѣйствія—это участіе такъ называемаго великосвѣтскаго общества въ похожденіяхъ и въ

судьбѣ Калиновича. Личности князя, княжны и Полины со всей остальной, какъ провинціальной, такъ и столичной ихъ обстановкою, не лишены безъ сомнѣнія нѣкотораго интереса, косвенно и случайно на нихъ упадающаго вслѣдствіе ихъ близкой связи съ героемъ; но какъ сами въ себѣ, такъ и сравнительно съ другими, о которыхъ мы будемъ говорить впослѣдствіи всѣ онѣ слишкомъ слабы. Рисунокъ ихъ вялъ и во многихъ мѣстахъ не вѣренъ; колоритъ мутенъ; сценическое участіе въ дѣйствіи всѣхъ кромѣ князя почти ничтожно; а роль послѣдняго, по тону и пріемамъ болѣе похожа на роль простаго пройдохи и дюжиннаго искателя приключеній, чѣмъ на роль тонкаго и блестящаго плута. Таинственно-грязныя отношенія его къ Полинѣ, уродливая внѣшность которой возбуждаетъ одну только жалость, смѣшанную съ отвращеніемъ, необъясняются никакимъ искушеніемъ и превышаютъ обыкновенную мѣру разврата. Наконецъ, ничтожная выгода изъ за которой князь позволяетъ въ глаза назвать себя разбойникомъ и плутомъ, даетъ оттѣнокъ какой то грязной мелочности и ограниченности сложнымъ затѣямъ этого человѣка. Все это сильно отозвалось на развязкѣ. Интересъ ея вопервыхъ, весь сосредоточенъ на Калиновичѣ, а противудѣйствующее ему губернское общество имѣетъ въ ней значеніе чисто коллективное и является какою то безразличною массою, середи которой князь, княжна и Полина, давно уже потерявшіе весь интересъ и сошедшіе на задній планъ картины,—играютъ почти пассивную роль слѣпыхъ орудій судьбы. Отъ этого нѣтъ никакого драматическаго интереса въ концѣ и развязка скорѣе воспѣвается, чѣмъ разъигрывается.—Во вторыхъ, и какъ мы уже сказали, интересъ развязки теряетъ значительную часть своей силы отъ того, что дѣйствіе самого Калиновича мѣстами являстся въ ней какимъ то безсознательнымъ, юношескимъ порывомъ, вовсе непохожимъ на ту обдуманную и отчетливую энергію какой мы вправѣ были бы отъ него ожидать. Наконецъ, интересное лицо Настеньки остается при этомъ совсѣмъ въ сторонѣ и снова принимаетъ дѣятельное участіе въ судьбѣ Калиновича только тогда, какъ все уже кончено, и занавѣсъ опускается надъ перспективою его печальной будущности.

Но мы еще почти ничего не успѣли сказать о самой Настень-

кѣ; а между тѣмъ послѣ Калиновича—это безспорно—самое интересное лицо романа. Настенька гораздо менѣе эффектна чѣмъ Калиновичь, она не такъ ярко натушевана, контрасты свѣта и тѣни невыдаются въ ней съ перваго взгляда; но по вѣрности и красотѣ рисунка и по тонкимъ линіямъ идеала, отчетливо положеннымъ въ его основаніи, лицо это имѣетъ въ себѣ не менѣе чисто художественнаго достоинства чѣмъ лицо героя. Отсутствіе сильныхъ эффектовъ выходитъ изъ самой задачи его. Вы видите передъ собою не изнѣженный, оранжерейный цвѣтокъ въ родѣ тѣхъ, какими уставлены наши гостиныя, а женщину сильную и здоровую сердцемъ, нервами, волею, головою. Но чѣмъ можетъ выразить себя здоровье? Также какъ истинная красота, оно не имѣетъ въ себѣ никакихъ рѣзкихъ и поразительныхъ особенностей. Оно не имѣетъ своей патологіи, своихъ припадковъ и симптомовъ и странностей. Въ немъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что оно въ самомъ существѣ своемъ чисто нормально. Здоровый человѣкъ есть просто человѣкъ и ничего болѣе. Онъ и любитъ просто и радуется и страдаетъ просто. Онъ не становится на дыбы и не разъигрываетъ поразительныхъ сценъ при какомъ нибудь необыкновенномъ случаѣ въ жизни. Но мы отвыкли отъ простаго и отъ здороваго, живя постоянно въ больницахъ и имѣя обыкновенно дѣло съ людьми одержимыми истерикою и нервною или бѣлою горячкою. Мы привыкли къ странностямъ до того, что онѣ въ нашихъ глазахъ перестали быть странностями и стали казаться естественны и нормальны, а простота и здоровье приняли видъ чего то недостаточнаго или грубаго и по грубости своей эксцентрическаго. Басня безхвостыхъ лисицъ, считавшихъ уродомъ одну лисицу съ хвостомъ, случайно поселившуюся между ними, осуществляется у насъ каждый день и на тысячи различныхъ ладовъ. Съ этой точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія безхвостыхъ лисицъ и такая женщина какъ Настенька, на первый взглядъ, можетъ показаться намъ грубою. Она не водитъ своего любовника за носъ, она не мучитъ его заученой холодностью и не кокетничаетъ съ нимъ, не жеманится, не выдѣлываетъ, какъ дрессированная лошадь на мундштукѣ, тысячи ловкихъ, общеизвѣстныхъ штукъ. Она говоритъ ему прямо о томъ что чувствуетъ и

съ неопытностію ребенка, съ довѣрчивостію истинно—чистаго сердца, отдастъ себя вся въ его руки.

Вотъ разговоръ, предшествующій этой жертвѣ.

«Калиновичъ сидѣлъ около маленькаго столика, потупя голову «и курилъ; Настенька помѣщалась напротивъ него и пристально «смотрѣла ему въ лицо.»—

«Вы не можете говоритъ, что у васъ нѣтъ ничего въ жизни! «говорила она вполголоса.»

«Что жь у меня есть? спросилъ Калиновичъ.»

«А любовь, отвѣчала Настенька:—которая, вы сами говорите, «дороже для васъ всего на свѣтѣ. Не-уже-ли она не можетъ «сдѣлать васъ счастливымъ безъ всего . . . . одна . . . . сама «собою?»

«По моему характеру, и по моимъ обстоятельствамъ надобно, «что бъ меня любили слишкомъ много и слишкомъ безразсудно! «отвѣчалъ Калоновичь и вздохнулъ.»

«Настенька покачала головой.»

—«Такъ неужели еще мало васъ любятъ? Не грѣхъ ли вамъ, «Калиновичь, это говорить, когда нѣтъ минуты, чтобъ не думали о васъ; когда всѣ радости, все счастіе въ томъ, чтобъ видѣть васъ, когда хотѣли бы быть первой красавицей въ мірѣ, «чтобъ нравиться вамъ—а все еще васъ мало любятъ! Неблаго«дарный вы человѣкъ послѣ этого!»

—«Любовь доказывается жертвами, сказалъ Калиновичь, не пе«ремѣняя своего задумчиваго положенія.»

—«А развѣ вамъ не готовы принести жертву, какую только «вы потребуете?—Если бъ для вашего счастія нужно была «жизнь, я сей часъ отдала бы ее съ радостью и благославила бы «судьбу свою . . . . возразила Настенька.»

«Калиновичь улыбнулся.»

—«Это говорятъ всѣ женщины, покуда дѣло не дойдетъ до «первой жертвы, проговорилъ онъ.»

«Зачѣмъ же говорить, когда не чувствуешь? съ какою цѣлью? «спросила Настенька.»

—«Изъ кокетства . . . . .»

—«Нѣтъ, Калиновичь, не говорите тутъ о кокетствѣ! Вы «вспомните, какъ васъ полюбили? Въ первый же день, какъ

«васъ увидѣли; а черезъ недѣлю вы ужъ знали объ этомъ . . . .
«Это скорѣй сумасшествіе, но никакъ не кокетство.»

«Проговоря это, Настенька отвернулась; на глазахъ ея показа-«лись слёзы.»

Вотъ простыя, односложныя чувства и высказанныя не очень щеголевато, но такъ чувствовать и такъ высказываться можетъ конечно одно только чистое сердце,—и какимъ ветхимъ Донъ-Жуаномъ, какимъ поношеннымъ Фаустомъ, въ своихъ отвѣтахъ, является Калиновичь передъ этою милою Маргаритою! Сколько у него затаенныхъ мыслей, въ то время какъ она вся высказывается въ каждомъ словѣ.

Я сказалъ, что личность Настеньки вообще неэффектна и дѣйствительно, она не удовлетворяетъ тому, чего мы привыкли требовать отъ героини романа. Въ ней нѣтъ ни манежной выправки институтскаго божества, ни тонкаго знакомства съ приличіями и развитаго вкуса, свойственныхъ великосвѣтской красавицѣ. Языкъ и манеры ея сильно отзываются низшимъ слоемъ уѣзднаго общества, чтобъ не сказать болѣе.

«*О! душка мой Калиновичь!* . . . .» восклицаетъ она сама просебя, думая что по его требованію ихъ приглашаютъ на вечеръ къ генеральшѣ. А на вечерѣ, она сидитъ съ мокрыми, распустившимися локонами и измятымъ платьемъ, въ присутствіи всего общества, уставивъ на своего любовника нѣжный и страстный взоръ, который, по словамъ самаго автора, совсѣмъ ужъ былъ неприличенъ. Наконецъ, она выходитъ просто смѣшна съ своими сентенціями изъ журнальныхъ статеекъ и съ своими ревнивыми упрёками, выраженными далеко не по правиламъ строгаго вкуса. Но если мы дадимъ себѣ трудъ сообразить, что все это совершенно естественно и даже неизбѣжно въ бѣдной дѣвушкѣ, дочери смотрителя уѣзднаго училища, невидавшей никакого общества и воспитанной на рукахъ у ключницы Пелагеи Евграфовны, да у стараго педагога—отца и всѣмъ своимъ умственнымъ развитіемъ, обязанной чтенію русскихъ журналовъ; то мы должны согласиться, что всѣ эти внѣшнія черты нисколько не противорѣчатъ основной идеѣ ея характера и не разрушаютъ ни его женственности, ни его красоты, ни его высокаго благородства. Мало того, онѣ даже необходимы для полнаго воплощенія

идеала, который безъ нихъ былъ бы похожъ скорѣе на теоретическое отвлеченіе чѣмъ на живую женщину. Онѣ ставятъ ее на землю, даютъ ей грунтъ и удѣльный вѣсъ и самобытную личность. Онѣ мирятъ ее съ окружающею обстановкою . . .

. . . и мы многое могли бы еще сказать объ этомъ предметѣ; но это многое было бы лишнимъ; потому что истины этого рода въ наше время не требуютъ одвоката. Агрессивная роль и безъ того на ихъ сторонѣ, о нихъ и безъ того трубятъ на всѣхъ перекресткахъ. А потому оставивъ всѣ лишніе доказательства, скажемъ просто: лицо Настеньки Годневой, въ первой половинѣ романа, задумано такъ изящно и выполнено съ такимъ успѣхомъ, что какъ съ той, такъ и съ другой стороны, трудно въ немъ отъискать какой нибуть, значительный промахъ.

Успѣшному его выполненію безъ сомнѣнія много содѣйствуетъ прекрасная его обстановка въ семействѣ Годневыхъ. Нѣтъ ни одного лишняго лица въ этой обстановкѣ и ни одного, которое не носило бы на себѣ печать самобытной особенности. Отецъ Настеньки, Петръ Михайловичъ имѣетъ съ нею какое то родственное сходство по своей художественной красотѣ. Если кому нибудь изъ насъ, на своемъ вѣку, случалось встрѣтить хоть разъ, въ среднемъ кругу людей, истинно—добраго и благороднаго человѣка на старомодный ладъ, тотъ непремѣнно найдётъ въ немъ нѣкоторое сходство съ Петромъ Михайловичемъ. И сходство это не безъ причины.—На немъ лежитъ печать Новикова, Фонъ Визина и многихъ другихъ передовыхъ людей прошлаго времени,—первыхъ витязей духа во времена Александра и Екатерины,—печать той умственной и нравственной школы, изъ которой вышло все что ни есть лучшаго между нашими дѣдами и отцами;—всѣ эти скромные и почтенные люди, можетъ быть очень отставшіе въ иныхъ отношеніяхъ отъ мѣрки нашего вѣка; но сохранившіе въ своей душѣ какъ святыню: любовь къ наукѣ, вѣру въ Бога и человѣка, и пылкія, юношескія убѣжденія. Они, можетъ быть, не разъ смѣшили насъ своими древними сентенціями и своею ребяческою наивностію въ дѣлѣ науки и жизни,—отъ ихъ разговора вѣетъ риторикою и піитикою, пахнетъ тѣмъ временемъ, когда въ нашихъ журналахъ разсуждали еще о *дружбѣ* и *пользѣ науки;*—они упрямые

оптимисты;—но мы не можемъ имъ отказать въ глубокомъ, искреннемъ уваженіи; потому что они посѣяли и выростили все наше лучшее достояніе. Они терпѣливо и безропотно проводили свой вѣкъ въ нуждѣ и остались честными людьми съ головы до конца ногтей и никогда ядовитый упрёкъ провидѣнію, никогда—хула на духа не сорвались у нихъ съ языка. Типъ этого рода людей очень мѣтко схваченъ и очень удачно воспроизведёнъ въ лицѣ старика смотрителя Годнева. Въ прикосновеніи съ нимъ желчный и полный внутреннихъ противорѣчій характеръ Калиновича пріобрѣтаетъ для насъ двойной интересъ, какъ представитель нашего времени и какъ совершенный антиподъ Годнева во всѣхъ отношеніяхъ. Затѣмъ, бойкіе очерки капитана, ключницы Пелагеи Евграфовны и солдата Тёрки, являясь въ перспективѣ, на разныхъ планахъ картины, какъ нельзя лучше способствуютъ ея полнотѣ, и эта полнота, какъ мы уже сказали, въ свою очередь усиливаетъ художественный интересъ, сосредоточенный на главныхъ дѣйствующихъ лицахъ. Сцены въ семействѣ Годнева составляютъ зерно романа и самую лучшую его часть. Въ ихъ рамкѣ, мы находимъ почти всю драматическую сторону сюжета. Выбиваясь изъ этой рамки, драма блѣднѣетъ и наконецъ теряется совершенно, переходя въ какую то блуждающую эпопею, мѣстами очень вялую и глухую, мѣстами полную своего рода сильнаго интереса; но чрезвычайно разъединнёную и очень мало гармонирующую въ составныхъ своихъ элементахъ.—Если можно назвать *несчастіемъ* такого рода художественный промахъ, то лучше этого слова мы ничего не можемъ придумать, чтобы объяснить впечатлѣніе,—производимое имъ на читателя. Несчастіе это въ разной мѣрѣ упало на дѣйствующія лица романа. Калиновичь, крѣпкаго сложенія человѣкъ, пострадалъ отъ него жестоко во время своего пребыванія въ Петербургѣ; но потомъ оправился и только нѣкоторая блѣдность въ чертахъ лица напоминаетъ о томъ, что онъ перенёсъ. И дѣйствительно, въ послѣднемъ актѣ, идеальная сторона его характера хотя и получаетъ свои дополнительныя черты, опредѣляя себя окончательно и такъ сказать завершаясь въ самой себѣ; но за то реальная очерчена далеко не такъ уже ярко и не такъ отчетливо какъ въ началѣ. Въ ней есть что то туманное, несмотря на

всю ея внутреннюю энергію. Удары кисти, какъ проблески молніи, выходятъ изъ облаковъ и теряются въ облакахъ. Въ суммѣ однакоже личный интересъ сохранёнъ и за это уже мы благодарны. Но если Калиновичь успѣлъ вынести общее бѣдствіе, то Петръ Михайловичь, ключница Пелагея Евграфовна и солдатъ Тёрка вовсе его не перенесли. Одинъ не пережилъ и умеръ въ параличѣ, а остальные, пропали безъ вѣсти.—Самъ Капитанъ хотя и отъискивается подъ конецъ; но это уже не тотъ Капитанъ, съ которымъ мы были знакомы. Онъ болѣе похожъ на тѣнь своего прежняго существованія, чѣмъ на живое лицо. Нѣчто въ этомъ родѣ можно сказать и о Настенькѣ.

Въ Петербургѣ и въ губернскомъ городѣ она теряетъ всю прежнюю свою оригинальсть. Она подурнѣла въ художественномъ отношеніи и какъ старая кокетка, живущая преданіями о своей потерянной красотѣ, старательно копируетъ себя, какъ она прежде была; но копія неудачна. Въ ней нѣтъ экспромта. Простота и непринуждённость оригинала и его самостоятельная энергія, — все это выходитъ какою то подделкою, чѣмъ то теоретическимъ, заученымъ. Иной разъ какъ будто бы и то — да некстати, — а другой разъ какъ будто и кстати, — да нѣтъ, это уже вовсе не то. Отчего же это выходитъ такъ? — задаете вы себѣ вопросъ. А отъ того, что послѣ отъѣзда Калиновича въ Петербургъ, Настенькѣ нечего болѣе дѣлать въ романѣ. Она отстала отъ сюжета, потеряла всякое участіе въ ходѣ событій. Она высказала все что въ ней было, сдѣлала все, что могла сдѣлать для насъ интереснаго и ей незачѣмъ болѣе являться на сцену; а между тѣмъ она эгоистически суется вездѣ, какъ будто бы напрашиваясь на наше вниманіе съ своею старою красотой. Лучшимъ доказательствомъ что это такъ, служитъ то обстоятельство, что она вездѣ является особнякомъ и не смотря на всѣ усилія никакъ не можетъ втереться въ тотъ кругъ, середи котораго идётъ дѣйствіе. Чтобъ дать ей хоть какое нибудь занятіе, хоть какой нибудь предлогъ, — авторъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло. Онъ создалъ два лишнихъ лица: Бѣлавина и Иволгина; но несмотря на этотъ подвигъ, онъ никакъ не могъ сдѣлать, чтобъ лица эти въ свою очередь не казались лишними. Они только расширили по-

бочную обстановку и безъ того уже слишкомъ пространную, а интересу не придали ни на грошъ. Что такое Бѣлавинъ? Къ чему эта теоретическая фигура,—этотъ непрошеный оракулъ, который какъ только войдетъ куда нибудь, тотчасъ садится и опираясь на свою трость съ дорогимъ набалдашникомъ и *закинувъ глаза въ потолокъ*, начинаетъ душить васъ сентенціями.—Въ древнія времена, когда драматическое искуство было еще въ дѣтскомъ возрастѣ и авторъ естественнымъ образомъ затруднялся высказать черезъ своихъ дѣйствующихъ лицъ все, что ему казалось нужнымъ сказать, чтобы объяснить какой нибудь сценическій эффектъ или неожиданное появленіе какого нибудь актера, по словамъ и костюму котораго трудно было отгадать зачѣмъ онъ пришолъ,—употребляли довольно простую уловку.—Всѣ нужныя объясненія говорилъ голосъ за сценою или лицо, хотя и присутствовавше при дѣйствіи; но непринимавшее въ немъ никакого участія и потому остававшееся все таки внѣ сцены. Нашъ образованный вкусъ уже не довольствуется такими грубыми штуками. Авторы нашего времени хотя и не достигли еще до такого совершенства, чтобъ вовсе обойтись безъ объясненій со стороны, хотя и они еще иногда чувствуютъ надобность, указавъ пальцемъ на человѣка держащаго фонарь, сказать: смотрите, почтеннѣйшая публика, вотъ это *луна*; но они уже не рискуютъ приличіями до такой степени, чтобъ взять эту роль на себя; а обыкновенно стараются замѣшать въ число дѣйствующихъ лицъ какую нибудь особу, которая явилась на сцену какъ будто бы и за дѣломъ;—но дѣло это не болѣе какъ предлогъ и въ сущности остается все таже старая штука, только на новый ладъ.—Такую то старую штуку мы видимъ въ Бѣлавинѣ. Съ перваго разу какъ на него поглядишь, онъ покажется какъ будто бы и лицомъ. Чѣмъ не лицо? Посмотрите, вотъ у него и *симпатичная фигура съ нѣсколько помѣщичьею посадкою и трость съ дорогимъ набалдашникомъ и голубые глаза съ сибаритскою задумчивостью закинутые на потолокъ*;—все какъ у живаго человѣка;—а между тѣмъ, человѣкъ не живой и даже вовсе не человѣкъ, не лицо,—а сентенція,—сентенція съ тростью и съ голубыми глазами олицетворенная авторомъ и въ свою очередь, изъ благодарности олицетворяющая его невинное желаніе высказать хоть немножко собственное

свое мнѣніе о томъ, о сёмъ.—Служитъ онъ въ этомъ случаѣ довольно исправно. Онъ то самъ говоритъ вамъ послѣднее слово, то заводитъ споръ и даетъ случай высказать его другому лицу, но никогда не забываетъ, что его пустили на сцену изъ милости и что онъ долженъ служить другимъ, а не жить для самаго себя. Послѣ всего этого, становится какъ то немного странно, когда Настенька начинаетъ серьезно доказывать Калиновичу, что она не могла имѣть съ Бѣлавинымъ серьёзную связь. Какъ будто кто нибудь въ этомъ сомнѣвался. Какъ будто можно быть любовницею голоса за сценою, суффлёра, сентенціи, судебнаго приговора.

Иволгинъ болѣе похожъ на живаго человѣка; но Иволгинъ непростительно навязчивъ. Онъ вовсе не знаетъ Петербургскихъ приличій. Слыханное ли дѣло чтобы въ Петербургѣ кто-нибудь забылся до такой степени, чтобы вмѣшаться въ чужой разговоръ, чтобы высказать свое мнѣніе совсѣмъ незнакому человѣку, своему сосѣду въ партерѣ и послѣ явиться къ нему съ визитомъ на этомъ непозволительномъ основаніи. Это огромная поэтическая вольность,—совершенно невѣроятное, рыцарское, фантастическое приключеніе; или, лучше сказать это одно изъ тѣхъ требованій на необыкновенный кредитъ со стороны читателя, которыя могутъ быть оправданы только крайнею необходимостію и за которые кредиторъ долженъ быть вознагражденъ значительными процентами интереса. Ни того, ни другаго не было. Не было ни малѣйшей необходимости дѣлать изъ Настеньки актрису, потому что въ характерѣ ея мы вовсе не находимъ ничего такого, что заставляло бы предполагать сценическій талантъ или сценическія наклонности. Напротивъ, она была всегда довольно неловкая и неэффектная дѣвушка. Она не умѣла разыграть ни одной сцены даже тогда, когда это нужно было для собственныхъ цѣлей автора, и эта неспособность простиралась у ней до того, что даже въ послѣднемъ актѣ, авторъ долженъ былъ сдѣлать новое требованіе на экстраординарный кредитъ у читателя, прося его повѣрить на слово, что вообще *тонъ и манеры актрисы замѣтно обнаруживались въ его героинѣ.* Мы говоримъ повѣритъ на слово, потому что безъ этой вѣры ни кому бы и въ голову не пришло ничего подобнаго, такъ мало новаго мы находимъ въ тонѣ и въ манерахъ героини;—такъ тща-

тельно они скопированы съ прежняго оригинала и такъ мало въ характерѣ Настеньки находилось возможности говорить и дѣйствовать какъ нибудь иначе, чѣмъ она говорила и дѣйствовала съ самой первой минуты своего появленія на сцену.

За тѣмъ нетрудно себѣ объяснить почему Настенька № 2 и 3-го выходитъ какою то поддѣлкою подъ Настеньку № 1-го. Просто потому что энергическій характеръ этого лица не могъ ужиться съ той вялою ролью, какую авторъ заставилъ играть ее впослѣдствіи. Она какъ рыба, вынутая изъ своей природной стихіи, дѣлаетъ въ чуждомъ ей элементѣ тѣже самыя движенья, какія она привыкла дѣлать въ водѣ; но новый элементъ имъ вовсе не соотвѣтствуетъ и потому они, не достигая своей цѣли, кажутся судорожны, принужденны, смѣшны. А она чѣмъ виновата? Ей,-героинѣ романа—не пропадать же было въ глуши, вдали отъ рукоплескающаго амфитеатра читателей. Вотъ она и пріѣхала въ Петербургъ;—пріѣхала потому что ей хотѣлось что нибудь дѣлать; но дѣлать и тамъ было нечего, потому что Калиновичь согласенъ былъ только прожить ея деньги, а жениться рѣшительно не хотѣлъ;—что же ей было дѣлать какъ не приняться за первое, что автору вздумалось ей предложить. Сцена или другое что, не все ли равно, лишь бы не навсегда разойтись съ *душкой Калиновичемъ* и хоть разочикъ еще, хоть подъ конецъ прилепиться къ нему какъ нибудь. За чѣмъ? Что выиграла отъ этого она или ея возлюбленный. Точноль они еще любятъ другъ друга: Настенька, послѣ того какъ она навязывалась Бѣлавину,—Калиновичь, — послѣ того какъ онъ успѣлъ посѣдѣть въ объятіяхъ кривобокой Полины? что то не вѣрится. А если и любятъ, то это заброшенная, застылая и потомъ за ново подогрѣтая любовь выходитъ какъ то противна на вкусъ. Она отзывается какими то объѣдками, съ недѣлю валявшимися въ чуланѣ и потомъ снова поданными на столъ. Если же нѣтъ, то къ чему все это кокетство и притворство съ обѣихъ сторонъ, отъ которыхъ и онъ и она только теряютъ наше уваженіе а интереснѣе не дѣлаются ни на волосъ.

Такимъ то образомъ, анализируя идею романа въ той мѣрѣ, въ какой выражаютъ ее главныя лица съ ихъ ближайшею обстановкою, мы съ одной стороны должны отдать полную справедливость ея достоинствамъ. Во первыхъ,—эта идея не теорети-

ческая. Отъ нея, слава Богу, не пахнетъ никакими нравственными, гражданскими или политическими уроками, одѣтыми въ беллетристическую форму. Она даетъ намъ пріятный случай отдохнуть хоть на одну минуту отъ тѣхъ отеческихъ, исправительныхъ мѣръ, которымъ насъ подвергаютъ, неспрашивая нашего согласія, отъ этихъ позолоченыхъ и подслащенныхъ пилюль, приготовляемыхъ въ ультра-аллопатической аптекѣ филантропическо-педагогическаго общества нашей журнальной литературы. Во вторыхъ, эта идея задумана мастерски и если ея выполненіе мѣстами не вполнѣ соотвѣтствуетъ первообразу, лежащему въ его основаніи, то причины такого односторонняго успѣха лежатъ не въ характерахъ Настеньки и Калиновича и не въ первоначальномъ кругу ихъ дѣйствія, а въ нѣсколькихъ группахъ и сценахъ, которыя увлекли романъ вслѣдъ за собою на почву, неблагопріятную для выполненія его задачи, вслѣдствіе чего дѣйствіе потеряло необходимую связь и вышло изъ своей естественной рамки рядомъ какихъ то холодныхъ дополненій, прибавокъ и подставокъ, очень мало съ нимъ гармонирующихъ. Оно началось драмою, полною самобытнаго, сильнаго интереса; но къ этой драмѣ не доставало развязки и она пошла искать ее внѣ себя, стала шарить около себя и хвататься за все, что попало и такимъ образомъ потеряла свой сосредоточенный, сжатый характеръ, перестала быть кругомъ дѣйствія, замкнутымъ въ самомъ себѣ и потянулась въ безконечную даль уже не драмою, а бродящею нитью приключеній и похожденій, не только слабо, цѣпляющихся другъ за друга; но даже нерѣдко выталкивающихъ другъ друга вонъ изъ романа въ хронологическомъ ихъ порядкѣ. Такъ напримѣръ, Калиновичь, бесѣдующій съ семействомъ Годневыхъ о литтературѣ, во времена критической дѣятельности Бѣлинскаго, скончавшагося въ 1848 году, не болѣе какъ черезъ полгода послѣ этой бесѣды ѣдетъ изъ Москвы въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ, открытой въ 1851 году. Правда, несмотря на свою безсвязность, похожденія эти мѣстами возбуждаютъ сильный интересъ; но интересъ этотъ не имъ принадлежитъ. Онъ весь вытекаетъ изъ первой половины романа;—онъ держится на однихъ знакомыхъ лицахъ, успѣвшихъ такъ сильно заинтересовать насъ вначалѣ, что мы не можемъ съ ними разстаться впослѣдствіи

не смотря на то, что они ведутъ насъ сквозь длинный строй новыхъ, но блѣдныхъ и большей частію безхарактерныхъ личностей, изъ которыхъ девять десятыхъ являются на одинъ мигъ и тутъ же снова изчезаютъ. Не знаю пріятно ли было бы самому автору, если бы кто нибудь подумалъ серьезно, что все это принадлежало къ плану дѣйствія и составляло въ самой задачѣ его необходимый элементъ;—другими словами, что все это было затѣяно и обдумано заранѣе, а не вышло случайно изъ подъ пера. Что касается до насъ, то мы слишкомъ хорошо понимаемъ и цѣнимъ основную его идею, чтобы свалить на нее случайные недостатки ея выполненія. Основная идея прекрасна. Въ ней слышенъ порывъ на просторъ, слышно стремленіе понять и выразить народную жизнь не какъ исключительное достояніе какой нибудь деревушки или уѣзднаго города или столичной улицы или даннаго кружка, данной касты общественнаго быта.—Нѣтъ, онъ хотѣлъ взять ее съ самыхъ разнообразныхъ ея сторонъ, со всѣхъ концовъ разомъ, и сплести эти концы въ одинъ неразрывный узелъ, такъ какъ сплетаются они въ дѣйствительности. Онъ хотѣлъ отъискать потаенныя нити общаго родственнаго интереса и общей гражданской связи, соединяющія мужика и знатнаго барина, литератора и купца, столовую уѣзднаго смотрителя училища и кабинетъ редактора и пріемную бюрократа и салонъ Петербургской графини и гостиную Губернатора и кулисы странствующей труппы актеровъ и хоромы богатаго помѣщика и всю эту обширную картину связать одной общей рамкою сильнаго драматическаго интереса. Противъ такого стремленія мы не можемъ ни слова сказать: оно высоко и прекрасно и не имѣетъ въ себѣ ничего такого, что мѣшало бы ему достичь своей цѣли. Но это трудно и въ высшей степени трудно. Гоголь со всѣмъ его могучимъ талантомъ оборвался на этой громадной задачѣ и хотя мы видимъ ясно теперь причины его неудачи, а потому до извѣстной степени можемъ ихъ избѣжать;—тѣмъ не менѣе идея этого рода ограждена еще очень большимъ числомъ неизвѣданныхъ трудностей, множествомъ препятствій, совершенно неожиданно возникающихъ на пути въ такую минуту, когда мы совсѣмъ о нихъ и не думали —Такъ то случилось и съ настоящимъ романомъ. Изучая характеры, дѣйствіе и отношенія главныхъ

лицъ его, мы указали на нѣсколько болѣе или менѣе замѣтныхъ ошибокъ въ ихъ изображеніи и вмѣстѣ на тѣ ближайшія причины, изъ которыхъ ошибки эти проистекли. Такой анализъ привелъ насъ окончательно къ одной главной и основной причинѣ т. е. къ несоразмѣрности средствъ, употребленныхъ авторомъ въ дѣло для выполненія обширной и трудной задачи. Постараемся же теперь дать себѣ ясный отчетъ каковы были эти средства и въ какомъ отношеніи находились они къ своей цѣли. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что авторъ съ самаго начала имѣлъ въ виду вывести дѣйствіе изъ сферы уѣзднаго города съ его мелкими интересами на просторъ и что вдали, за этимъ просторомъ, на горизонтѣ его мелькали: деревня, столица, губернскій городъ и самые разнообразные слои общества, самые разнообразные виды народной жизни.—Этотъ порывъ на просторъ лежитъ въ характерѣ главнаго лица, въ характѣ Калиновича. Съ нѣсколькихъ словъ его, изъ самыхъ первыхъ столкновеній его съ окружающею серединою вы чувствуете что этотъ человѣкъ не на своемъ мѣстѣ; что онъ не можетъ развернуться въ томъ тѣсномъ кругу, куда забросила его судьба; что въ немъ есть дѣятельная сила влекущая его впередъ, на просторъ и есть страсти, которыя должны разъиграться на другой сценѣ, съ другими актерами, передъ инымъ партеромъ. Семейство Годнева и уѣздное училище далеко ему не по плечу. Онъ въ нихъ какъ на станціи; онъ только и ждетъ когда ему скажутъ: Ваше Благородіе, лошади готовы! чтобы бросить все и умчаться куда нибудь. Въ его сердцѣ, въ его стремленіяхъ, таится зерно драматическаго интереса, далеко выходящаго изъ предѣла любви его къ Настенькѣ; потому что любовь эта не юношеская, она не наполняетъ всего человѣка и человѣкъ этотъ вовсе не юноша;—онъ можетъ быть даже и не былъ имъ никогда. Обстоятельства жизни его такъ сложились, что онъ съ дѣтскихъ лѣтъ таилъ въ себѣ мысли и чувства, далеко превосходившія возрастъ —

«Хоть бы одинъ разъ во всю жизнь, судьба потѣшила? го-
«воритъ онъ Настенькѣ и ея отцу по поводу литературной
«своей неудачи.» Даже изъ дѣтства, о которомъ, я думаю, у
«всѣхъ остаются пріятныя и свѣтлыя воспоминанія, я вынесъ
«только самыя грустныя и тяжелыя впечатлѣнія.......... Наконецъ

«злоба беретъ, когда оглянешься на свое прошедшее; хоть бы «одна осуществившаяся надежда. Неблагодарные труды и вѣчныя лишенія—вотъ все, что дала мнѣ жизнь.... Какъ хотите, съ «какимъ бы человѣкъ ни былъ рожденъ овечьимъ характеромъ, «невольно начнетъ ожесточаться!... И вы, Петръ Михайловичъ, «еще часто укоряете меня за безсердечіе!—Но Боже мой! Какъ «же я стану питать къ людямъ сожалѣніе, когда бо̀льшая часть «изъ нихъ страдаетъ или потому, что безнравственны или пото«му что дѣлали глупости, наконецъ лѣнивы, небрежны къ себѣ «Я ни въ чемъ этомъ невиноватъ и все таки страдаю...... я хочу «и буду вымещать на порочныхъ людяхъ то, что самъ несу без«винно.»

Но гдѣ эти люди, эти враги на которыхъ долженъ излиться ядъ, накопившійся въ душѣ Калиновича?—Конечно не въ семействѣ Годневыхъ, гдѣ его приняли и обласкали какъ сына. Конечно не Настенька,—она любитъ его болѣе жизни и чести, больше отца и роднаго дома;—она отдала ему все. А между тѣмъ она то и становится первою его жертвою.—Тяжелая рука судьбы упадаетъ на это невинное существо,—оно страдаетъ и терпитъ за грѣхи другихъ, отецъ ея гибнетъ;—весь мирный кружокъ ихъ осужденъ на казнь съ той минуты когда Калиновичь первый разъ ступилъ черезъ ихъ порогъ. Но на этомъ не можетъ окончиться. Начинающаяся драма не можетъ ограничиться одностороннимъ отношеніемъ палача къ своей жертвѣ,—ей нужна борьба, нужно противудѣйствіе и взаимодѣйствіе. Калиновичь не даромъ погубилъ единственныхъ людей, истинно его любившихъ. Онъ рвется на бой и топчетъ подъ ногами друзей, удерживающихъ его въ покоѣ. Онъ долженъ встрѣтиться наконецъ съ тѣми, противъ кого онъ озлобленъ;—это предчуствуется и предвѣщается на каждомъ шагу,—это неизбѣжный жребій его и этотъ жребій лежитъ въ его собственномъ сердцѣ какъ въ урнѣ судьбы. И вотъ, жребій его начинаетъ осуществляться. Появляются новыя лица. Появляются: князь Раменскій, его дочь и Полина, будущая жена Калиновича. Черезъ нихъ, открывается выходъ изъ уѣзднаго города сначала въ село и въ общество богатыхъ помѣщиковъ; а тамъ и въ Петербургъ, и все это въ общихъ чертахъ какъ нельзя лучше соотвѣтсвуетъ главной идеѣ. Все

это обѣщаетъ богатыя средства къ достиженію цѣли. Но только что вы начинаете вглядываться въ личности новыхъ актеровъ, какъ онѣ васъ поражаютъ своею блѣдностію и своими туманными очертаніями.—Онѣ дожны уравновѣшивать интересъ,—на нихъ будетъ лежать весь дальнѣйшій ходъ дѣйствія;—а между тѣмъ что такое онѣ въ сравненіи съ Калиновичемъ? Яснѣе ихъ всѣхъ очерченъ князь Раменскій и появись онъ не въ этомъ, серьезномъ романѣ, а вь какой нибудь мелкодонной повѣсти, легкомъ, нравоописательномъ разсказѣ, неимѣющемъ никакой другой цѣли, кромѣ того, чтобы набросать передъ нашими глазами нѣсколько эскизовъ, нѣсколько типовъ и сценъ; стой онъ рядомъ не съ Калиновичемъ и Настенькой, а съ какими нибудь вырѣзками и каррикатурами,—мы бы, можетъ быть, остались довольны его изображеніемъ, мы бы сказали—это недурно.—Но какъ противный полюсъ въ сферѣ такого широкаго объема;—онъ далеко несоотвѣтствуетъ требованьямъ искуства;—онъ слабъ и вялъ;—онъ даетъ намъ одну только внѣшность,—да и та неимѣетъ никакой индивидуальной особенности, рѣзко отличающей ее отъ сотни другихъ, ей подобныхъ. Князь—это общественный характеръ,—типъ класса и разряда; но никакъ не лица. Въ немъ нѣтъ единственности и самостоятельности; въ немъ слишкомъ много отвлеченія,—слишкомъ мало живаго и теплаго интереса. Одна скользкая манера его, однѣ уловки и штуки выходятъ наружу;—страсти и внутреннія побудительныя причины остаются въ потемкахъ. Человѣкъ двуличный—нѣтъ спору;—но во всякомъ двуличномъ характерѣ есть маска, есть вывѣска, изъ за которой выглядываетъ порою внутренняя, серьезная сторона его,—сторона глубокихъ страстей, или жадныхъ инстинктовъ, или привычекъ, ставшихъ необходимостію и предписывающихъ всякому шагу и слову свою опредѣленнуюя цѣль. У князя—этого нѣтъ. У него есть нѣсколько масокъ,—нѣсколько внѣшнихъ лицъ, которыя скрываются другъ за другомъ, какъ будто играя въ прятки. Серьезной стороны нѣтъ; на нее есть только темные намеки, скорѣе сбивающіе съ толку и приводящіе къ ряду вопросовъ, чѣмъ что нибудь объясняющіе.

Съ самаго начала, мы видимъ въ немъ интриганта, который прикидывается то скептикомъ, то свѣтски—любезнымъ и добро-

душнымъ бариномъ;—но что побуждаетъ его къ интригамъ,—зачѣмъ всѣ эти выходки—это загадка. Впослѣдствіи обнаруживается, что онъ не только интригантъ, а кромѣ того еще и спекуляторъ, и гастрономъ и наконецъ мошенникъ въ полномъ смыслѣ этого слова; но для чего онъ интригуетъ и спекулируетъ и плутуетъ? Прикидывается ли онъ гастрономомъ, человѣкомъ любящимъ пожить или дѣйствительно этого ищетъ въ жизни или чистое корыстолюбіе его увлекаетъ, или страсть къ оборотамъ, страсть коммерческаго игрока есть главная его черта, или наконецъ семейный, родовой интересъ заставляетъ его дѣйствовать такъ,—все это остается въ потемкахъ. Онъ балансируетъ между всѣми этими точками опоры, неостанавливаясь ни на одной и такимъ образомъ всѣ рѣзкія стороны его, стирая и сглаживая одна другую по очереди, не приводятъ ни къ какому окончательному результату,—или лучше сказать въ окончательномъ результатѣ остается безхарактерность, мелочность, вѣтренность, легкомысліе, отсутствіе принциповъ и цѣлей. Такіе экземпляры конечно, попадаются нерѣдко между людьми и особенно между испорченымъ классомъ людей; но ихъ типъ есть типъ отрицательный. Въ искуствѣ его пріятно увидѣть мимоходомъ, въ экстрактѣ, въ сжатомъ и сосредоточенномъ очертаніи; долгое вниманіе онъ не въ силахъ вознаградить;—драматическаго лица изъ него не сдѣлаешь;—а между тѣмъ авторъ очевидно пытался сдѣлать изъ князя—лицо драматическое—и это серьезный промахъ. Послѣдствія его были неизбѣжны. Князь не вынесъ обширныхъ надеждъ, которыя не него возлагались, и не могъ ихъ вынести ни въ какомъ случаѣ, потому что былъ слишкомъ жидокъ самъ и потому что никто не раздѣлялъ его ноши. Во второй половинѣ романа, кромѣ князя и Калиновича, нѣтъ ни одного серьезно дѣйствующаго лица, ни одного по крайней мѣрѣ, которое хоть сколько нибудь выдвигалось бы впередъ.—Все это китайскія тѣни, мимолетныя явленія, художественныя эфемеры, вся дѣятельность которыхъ ограничивается какимъ нибудь однимъ днемъ въ жизни Калиновича, часто даже и того менѣе, одною сценою, однимъ нѣмымъ выходомъ на сцену. Такимъ образомъ вся тяжесть драматическаго противовѣсія упадаетъ на одного только князя, которому слабо помагаютъ двѣ женщины:—княжна

и Полина.—Княжна—что остается от нея в воображении у читателя, когда он закроет последний том? Развѣ один только титул *грациозной* и *милой*, да *ароматное дыханіе, которое впрочем происходило от дорогой помады и духов.*—От Полины и этого не остается. Это вполнѣ безцвѣтное, жалкое, больное, и безхарактерное созданіе, которое автор, без малѣйшаго сострадания, затоптал совершенно в грязь,—не оставив ему ничего привлекательнаго, ни одной черты выкупающей его нравственное и физическое безобразіе. Он лишил ее даже нѣскольких ребер, лишил не только *ароматнаго*, но даже здороваго дыханія. Рука, которую она протянула к своему жениху,—была *потная и холодная, так что нервный трепет невольнаго отвращенія пробѣжал по тѣлу Калиновича, когда он принужден был до нея дотронуться.*—Все это гадко и выходит еще вдвое гаже оттого, что во всем этом не было ни малѣйшей надобности.—Женитьба молодаго, влюбленнаго человѣка не на той, которую он любит, а на другой, пожилой и некрасивой женщинѣ, которая покупает его на чистыя деньги,—и без того уже довольно отвратительна. К чему тут еще всѣ эти анатомическія и физіологическія подробности, от которых пахнет больницею,—это излишняя роскошь грязи,—это нельзя читать, не испортив себѣ аппетита. А между тѣм и на это были свои причины.—Также как княжна была бы совершенный нуль если бы ея красота не кружила голову Калиновичу, также точно и Полина осталась бы пустым номером в числѣ дѣйствующих лиц, если бы автор не выпачкал ее грязью со всѣх сторон. Грязь эта нужна была ему как отличительная черта, как Nota-Bene над тѣм, что без этого средства не моглобы остановить на себѣ наше вниманіе—так оно было безцвѣтно.

Но оставив характеры дѣйствующих лиц в аристократическом кругу дѣйствія,—самый ход этого дѣйствія, всѣ очерки, сцены и картины его, взятыя вмѣстѣ, составляют неоспоримо самую слабую сторону романа. Они то блѣдны, то невѣрны по краскам и по рисунку, то лишены всякаго движенья и хода вперед и притом постоянно вялы, постоянно растянуты до невѣроятности. Множество подробностей выдѣланы и выписаны до послѣдней мелочи, точка в точку, с подстроч-

ною, дагеротипическою отчетливостію, но неизвѣстно для чего, потому что въ нихъ вовсе не рисуются характеры дѣйствующихъ лицъ, въ нихъ нѣтъ ни поэзіи, ни сатиры, рѣдко даже попадается острая шутка; а промаховъ между тѣмъ много и промаховъ всякаго рода. Такъ напримѣръ аристократы говорятъ часто совсѣмъ не по аристократически.

« Вы вѣрно боитесь ѣздитъ верхомъ. — замѣтила вдругъ «Княжна.»

«Почему вы думаете, что я боюсь, возразилъ Калиновичь «нѣсколько кольнутый этимъ вопросомъ.»

«*Вы статскій; статскіе всѣ боятся*, отвѣчала княжна.»

Что это за княжна, которая дѣлитъ мужчинъ на военныхъ и статскихъ и которая не видала статскихъ, умѣющихъ ѣздить верхомъ не хуже любаго берейтора? Ея отвѣтъ не просто глупъ,—тутъ не было бы еще ничего удивительнаго,—онъ какъ то мѣщански глупъ. Женщина, хоть нѣсколько недѣль прожившая въ кругу вылощеннаго и вышлифованнаго общества, въ которомъ приличіе считается если не высшею то покрайней мѣрѣ самою необходимою добродѣтелью, никогда уже послѣ того не въ состояніи была бы сказать чего нибудь такого, что разомъ ставитъ ее наряду съ какою нибудь мелкопомѣстнаго деревенскою барышнею или съ какою нибудъ дочерью приказнаго секретаря.

«*Ма—тантенька пріѣхала ма—тантенька пріѣхала*» кричитъ маленькій князекъ, хлопая въ ладоши, когда Полина съ своею матерью пріѣхала въ гости къ князю.

Этого восклицанія уже вовсе нельзя понять. Это какая то неестественная помѣсь между русскою *тетенькою* и французскою *ma tante*, можетъ быть и возможная, какъ возможно всякое уродство, но едва ли приличная на языкѣ какого бы то ни было ребенка тѣмъ болѣе молодаго князька, у котораго есть французскій гувернеръ и англійская гувернантка и которому наука приличія, конечно преподавалась раньше азбуки.—Приличіе конечно очень условно; но его всегда можно опредѣлить тѣмъ что обще-принято и общеупотребительно; а такой языкъ не можетъ быть нигдѣ общепринятъ.

— «Папà, это какая птичка?»

— «Ворона, chère amie.»

Спрашивается: гдѣ должна была жить княжна, чтобы не видать воронъ каждый день;—а если и было какое нибудь такое пустынное мѣсто, то послѣ этого она могла бы спросить съ такою же степенью невѣжества:

— «Папà—это что за звѣрекъ?»

— «Кошка, chère amie.

Но княжна можетъ быть притворялась, или она была близорука? или спрашивала о другой какой нибудь птицѣ? или....но кто же ее знаетъ? Мы не обязаны дѣлать тысячу догадокъ, не имѣя никакихъ данныхъ, чтобы остановиться на которой нибудь одной изъ нихъ.

Но оставимъ разговоры. Тонъ самаго разсказа мѣстами довольно страненъ. Такъ напримѣръ, авторъ не нашелъ ничѣмъ лучше начать свою картину *уѣзднаго величія князя*, какъ сообщивъ намъ, что въ день его имянинъ—«еще съ ранняго утра засуетились передъ открытыми окошками кухни человѣкъ до пяти поваровъ и поваренковъ въ бѣлыхъ колпакахъ и фартухахъ.»— Это заглавная черта всей картины, первый стихъ торжественной оды; — все остальное идетъ своимъ порядкомъ впослѣдствіи. Правда, хронологическій порядокъ требуетъ чтобы разсказъ начинался сначала, а не съ середины и не съ конца;— но для чего же начинать съ такого факта, о которомъ можно было и вовсе не упоминатъ, потому что въ немъ нѣтъ ничего величественнаго. Пять поваровъ и поваренковъ съ ихъ обыкновеннымъ костюмомъ, въ богатомъ селѣ,—дѣло вовсе не удивительное и трудно себѣ преставить чтобы князь ихъ держалъ для однихъ имянинъ.

Но посмотримъ что будетъ далѣе.—Долго, утомительно долго собираются гости, одинъ за однимъ, какъ бы нарочно, чтобы дать время автору не опустить ни малѣйшей подробности въ спискѣ ихъ лицъ и костюмовъ. Становой, Священникъ съ причетомъ, стряпчій съ женою, судья съ инвалиднымъ начальникомъ и виннымъ приставомъ, Почтмейстеръ одинъ и проч. и проч.—все это является и описывается по очереди и до какой степени тщательно всякій соръ при этомъ выкапывается наружу, объ этомъ трудно дать вѣрное понятіе тому кто не прочелъ романа отъ доски до доски.

«Между тѣмъ пріѣхалъ исправникъ съ семействомъ. Вынувъ «въ лакейской изъ ушей морской канатъ и уложивъ его аккурат-«но въ жилеточный карманъ, онъ смиренно входилъ за своей су-«пругой и дочерью, молодой еще дѣвушкой, только что выпущен-«ной изъ учебнаго заведенія; но чрезвычайно полной и съ такой «развитой грудью, что даже трудно себѣ вообразить, чтобы «у дѣвушки, въ семнадцать лѣтъ, могла быть такая высокая «грудь....

Какова фотографія! Ничего, ровно ничего не пропущено! Даже то, что *трудно себѣ вообразить*, даже то что хотя и легко, но гадко себѣ вообразитъ,—все это дается вамъ совершенно даромъ, безъ всякаго требованія или желанья съ вашей стороны;—такъ, просто въ придачу. Но отъ этихъ придачъ мы охотно готовы были бы отказаться, особенно когда между ними мы встрѣчаемъ стариковъ, перевязывающихъ свои фонтанели и другія тому подобныя, вовсе неинтересныя выходки чисто-реальной школы.—Впрочемъ нѣтъ ни одной части въ романѣ, почти ни одной главы, въ которой не нашлось бы чего-нибудь въ этомъ родѣ.—Все обрызгано щедро широкими каплями грязи на томъ основаніи, что *naturalia non sunt odiosa*. Но если основаніе это допустить въ искуствѣ безъ всякаго ограниченія, то до чего же мы наконецъ дойдемъ? Есть наконецъ такія вещи, которыя не въ состояніи будетъ переварить самый здоровый желудокъ, потому что сама природа заставитъ его отъ нихъ отказаться. Есть вещи на заднихъ дворахъ нашей жизни, которымъ ни одинъ genriste, каковъ бы ни былъ его любимый genre, не рѣшится дать мѣста на своей картинѣ.

Но довольно объ этомъ, и возвратимся къ общему ходу романа. Изъ всего сказаннаго главная ошибка его обнаруживается довольно ясно. Это—бѣдность перваго плана дѣйствія съ той минуты когда семейный кругъ Годневыхъ сходитъ со сцены. Калиновичь парадируетъ на немъ почти одинъ. Всѣ остальныя лица,—за исключеніемъ князя, о которомъ мы уже высказали наше мнѣнье,—такъ мелки, явленія ихъ такъ мимолетны, интересъ такъ слабъ, что мы видимъ только толпу, массу очерковъ и виньетокъ, изъ которыхъ ни одна фигура не выдается впередъ въ довольно крупныхъ чертахъ, чтобы стать съ

нимъ рядомъ. Калиновичь ходитъ между ними одинъ какъ Гулливеръ между Лиллипутами. Мало того, толпа и масса его окружающая сама въ себѣ не сгруппирована;—въ ней нѣтъ гармонической постепенности, нѣтъ отдаленія, нѣтъ никакой, господствующей, художественной идеи, которая какъ зерно служила бы центромъ тяжести и точкою опоры и регуляторомъ для всѣхъ пестрыхъ случайностей своей периферіи. Недостатокъ этотъ авторъ старается вознаградить тѣмъ, что составляетъ славу и гордость реальной школы, то есть изъисканно—отчетливымъ изображеніемъ мелочей и поражающимъ количествомъ ихъ, вслѣдствіе чего, дѣйствительно, каждая отдѣльная фигура и сцена, въ свою очередь, продирается на первый планъ и всѣ части цѣлаго пріобрѣтаютъ необыкновенную явственность;но за то связь и пропорція исчезаютъ и цѣлое представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ ложныхъ эффектовъ искуства, за которые ничто уже не можетъ вознаградить. Выходитъ уже не картина народной жизни, а топографическая карта ея;—не сцена, а театральная кладовая; большой запасной магазинъ художественныхъ матеріаловъ, гдѣ можно найти все что угодно кромѣ того, что дѣйствительно нужно, то есть кромѣ общей художественной идеи и общей художественной цѣли;—или пожалуй есть и онѣ, да только онѣ не осуществлены, и не достигнуты въ цѣломъ. Онѣ не владѣютъ своимъ матерьяломъ. Матерьялъ этотъ давитъ душу его оживляющую; нервы и мускулы не соотвѣтствуютъ массѣ жира, которою имъ приходится двигать. Посмотрите какое богатство отдѣльныхъ сценъ, эпизодовъ, лицъ, явленій всякаго рода и во всякихъ мѣстахъ и сколько наблюдательности, сколько знанія жизни, сколько меткихъ ударовъ кисти встрѣчается тутъ и тамъ. Прочтите, напримѣръ, сцену Калиновича съ директоромъ или другую въ кабинетѣ редактора, или его разговоръ съ поваромъ Полины, или свидѣтельство мнимаго сумасшедшаго въ губернскомъ правленіи. Какъ все это хорошо само по себѣ; но опять таки какъ все это пропадаетъ въ общемъ. Одно противорѣчитъ другому, другое давитъ третье, третье не вяжется съ четвертымъ и вся эта неурядица самымъ безжалостнымъ образомъ губитъ интересъ. Потому что интересъ не дѣлится по частямъ, также какъ не

дѣлится по частямъ въ нашемъ ухѣ гамма звуковъ, образующихъ мелодію и мотивъ. Что пользы, что каждая нота сама по себѣ будетъ вѣрна и чиста и полнозвучна, если въ послѣдовательномъ сочетаніи съ другими, она даетъ диссонансъ? Что пользы, что мы будемъ разсматривать въ микроскопъ каждую точку на поверхности предмета нами изучаемаго и дѣлать вѣрные рисунки съ того что мы видимъ и изъ этихъ рисунковъ составимъ массивную тетрадь? Вся коллекція, такимъ образомъ собранная, не дастъ намъ не только художественнаго, но даже вѣрнаго понятія о предметѣ; потому что никакое понятіе не можетъ обойтись безъ отвлеченія второстепенныхъ особенностей въ томъ, чѣмъ оно извнѣ себя опредѣляетъ;—оно не можетъ обойтись безъ перспективы. Но реальная школа не знаетъ перспективы или, лучше сказать, не хочетъ ее знать. Въ своемъ стремленіи подражать природѣ, она требуетъ, чтобы всѣ моменты художественнаго изображенія имѣли другъ возлѣ друга ихъ натуральный размѣръ. Она проповѣдуетъ художественную нивелляцію и анархію и чтобы оправдать себя ссылается на пластику. Но развѣ въ пластикѣ нѣтъ перспективы? развѣ пластика также, какъ и всякая другая отрасль искуства не требуетъ типическаго воспроизведенія природы, которое можетъ быть достигнуто только первенствомъ того, что прежде и ближе выражаетъ собою художественную мысль и что составляетъ существенную ея особенность, надъ тѣмъ что принадлежитъ къ ея болѣе или менѣе случайной обстановкѣ и развѣ это не та же перспектива? Реальная школа убиваетъ духъ и анатомируетъ тѣло природы. Она гонитъ изъ нея идею и мысль; но такъ какъ безъ нихъ все таки нельзя и ни въ какомъ случаѣ нельзя обойтись, то дѣло оканчивается только изгнаніемъ *художественной* мысли и *художественной* идеи и подчиненіемъ искуства, какъ средства и орудія цѣлямъ болѣе или менѣе чуждымъ его природѣ. Такимъ то образомъ, идея науки и пользы мало по малу вытѣсняетъ собою идею художественную. Коллекціи этюдовъ и очерковъ, несшитыхъ между собою ничѣмъ, кромѣ голландской нитки переплетчика, являются представителями идеи общественнаго исправленія, или обличенія, или наказанія или нравоученія или правоизученія и т. п.,—доказывая собою ту истину, что какъ

ни гони изъ искусства идею, а отъ нея никакъ не отдѣлаешься. Не та, такъ другая; не утвердительная, такъ отрицательная; не свободная, такъ насильственная; а какая нибудь все таки нужна.

Подъ именемъ насильственной идеи въ искусствѣ мы разумѣемъ какой бы то ни было теоретическій взглядъ на искусство, науку или жизнь, вытекающій не изъ художественнаго сознанія автора, а предшествующій этому сознанію или навязанный ему со стороны и всегда болѣе или менѣе его угнѣтающій. Первое мѣсто въ числѣ насильственныхъ идей принадлежитъ неоспоримо вліянію школы, непримѣтно и безотчетно овладѣвающему вкусомъ автора и его критическимъ взглядомъ на свой предметъ. Вліяніе это имѣетъ самыя ядовитыя послѣдствія. Оно есть первый врагъ всякой самостоятельности и оригинальности, всякой свободы въ идеѣ и въ ея исполненіи. Какое богатство разнообразія, какую свѣжесть и новость на каждомъ шагу представляло бы намъ развитіе литературной дѣятельности въ молодомъ народѣ, если бы всякій талантливый авторъ имѣлъ довольно смѣлости идти своею дорогою, пользуясь только опытомъ своихъ предшественниковъ, но не придерживаясь тропинокъ, ими протоптанныхъ, и не вваливаясь въ нихъ колею! Къ несчастію, это рѣдко бываетъ такъ. Успѣхъ имѣетъ волшебную, притягательную силу, и рѣдко кто рѣшается имъ рисковать, прокладывая себѣ новый путь. Всякій предпочитаетъ дознанное, знакомое и общепринятое, надѣясь въ немъ найти себѣ обезпеченіе противъ ошибки или неудачи, и по этой-то причинѣ мы видимъ всегда такую густую толпу подражателей, ревностно устремляющихся вслѣдъ за каждымъ новымъ Колумбомъ по волнамъ необъятнаго океана творческихъ вымысловъ. Однимъ изъ послѣднихъ Колумбовъ, на нашей улицѣ, былъ покойный Гоголь, и посмотрите, какое множество мореплавателей, до сихъ поръ, направляютъ свои каравеллы вслѣдъ за этимъ счастливымъ путникомъ. Къ числу ихъ, до нѣкоторой степени, принадлежитъ и авторъ *Тысячи Душъ*. Мы говоримъ *до нѣкоторой степени*; потому что въ лучшей части своего произведенія, онъ неоспоримо является самостоятельнымъ художникомъ,— но тамъ гдѣ обрываются его собственные мотивы, тамъ нерѣдко звучатъ отголоски изъ Гоголевой

Поэмы, мелькаютъ тѣни изъ *Ревизора* и *Мертвыхъ Душъ*, слышны даже наслѣдственные пріемы слога и наслѣдственный юморъ его оборотовъ рѣчи.

Такимъ-то образомъ, тамъ гдѣ не хватаетъ самостоятельной, художественной идеи, или, лучше сказать, гдѣ у этой идеи не хватаетъ средствъ, чтобы осуществить себя и осуществляясь связать собою въ одно живое цѣлое безконечную косморяму образовъ, сценъ и лицъ, сквозь которую проходятъ двѣ трети романа,—тамъ эта идея,—свободная,—уступаетъ мѣсто другой идеѣ насильственной. Сходя со сцены, она уступаетъ вліянію реальной школы съ ея задачами, съ ея стремленіемъ къ дагерротипу и стереоскопу, и къ микроскопическимъ этюдамъ и съ ея отвращеніемъ отъ перспективы. Отъ этого романъ распадается на двѣ сферы, мѣстами захватывающія одна за другую, но нигдѣ не сливающіяся вполнѣ. Одна изъ нихъ, это драма въ семействѣ Годневыхъ, другая—это косморама приключеній Калиновича, въ Россійской Имперіи происходящихъ. Первая изъ нихъ стройна, изящна и оригинальна; но сама въ себѣ не завершена; вторая безсвязна и пестра до крайности, но богата мѣткими очерками и яркими сценами. Общая нить, связывающая ихъ между собою, слаба и тонка до нельзя, потому что вся уединена въ лицѣ Калиновича; но нельзя не согласиться, что лицо это имѣетъ само по себѣ такъ много живаго и сильнаго интереса, какъ дай Богъ всякому герою романа.

Высказавъ со всею возможною отчетливостію главнѣйшіе результаты нашего критическаго анализа, мы должны сказать въ заключеніе нѣсколько словъ о духѣ и направленіи романа вообще, или о томъ, что на условно-техническомъ языкѣ слѣдовало бы назвать его *тенденцією*. Тенденціи этой въ настоящемъ романѣ мы не придаемъ особенной важности; потому что она очевидно не составляетъ въ немъ главнаго дѣла, а является урывками и такъ сказать между дѣломъ, какъ отблескъ моды на самостоятельномъ воззрѣніи автора. Она не царапаетъ вамъ глаза и не выскакиваетъ первая изъ ряда другихъ впечатлѣній, и не давитъ собой художественнаго интереса, и надо очень внимательно прочесть романъ отъ доски до доски, чтобы убѣдиться окончательно въ ея присутствіи. Тѣмъ не менѣе, нельзя ее не

замѣтить и въ этомъ, подчиненномъ ея проявленіи, такъ хорошо успѣла она познакомить насъ съ собою въ другихъ случаяхъ и при другихъ встрѣчахъ.

Тенденція эта есть не иное что, какъ стремленіе установить особаго рода нравственный масштабъ, по которому глубокомысленное правило: *все понять—значитъ все оправдать*—примѣняется только въ тѣхъ случаяхъ жизни, когда дѣло идетъ объ отношеніяхъ человѣка къ семейству и къ лицу,—въ отношеніяхъ же лица къ обществу и общества къ лицу дѣлается оборотъ на лѣво-кругомъ и употребляется въ дѣло другое, менѣе глубокомысленное, но за то болѣе пылкое, страстное и полное драматическаго интереса, правило: *все понять — значитъ все обвинить.*

Мы сей часъ поговоримъ о томъ: изъ какихъ причинъ возникаетъ подобное стремленіе, и какимъ образомъ оно, въ свою очередь, можетъ быть понято и оправдано, или обвинено, смотря потому, съ какой точки зрѣнія мы станемъ на него смотрѣть, а здѣсь только постараемся доказать, что мы не безъ основанія взводимъ на автора *Тысячи душъ* подобнаго рода тенденцію.

Посмотрите, какимъ ловкимъ адвокатомъ является онъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы оправдать Калиновича передъ судомъ публики, въ его отношеніяхъ къ Настенькѣ, Петру Михайловичу, Полинѣ, княжнѣ, и т. д. Чувственное увлеченіе, за которое лучшимъ друзьямъ приходится платить жизнью и честью, обдуманный обманъ, умышленно-ложная клятва, торги и переторжки съ своею совѣстью, и съ своими убѣжденіями, продажа себя за наличныя деньги,—все это если не явно *оправдано, какъ понятное*, то по крайней мѣрѣ объяснено и выставлено съ такой стороны, что читатель, которому остается только понять и оправдать, невольно становится въ тупикъ и спрашиваетъ себя:—да о комъ же наконецъ тутъ слѣдуетъ сожалѣть? о палачѣ или жертвахъ?—Бѣдный палачъ! какъ онъ сильно страдалъ, будучи вынужденъ непреодолимою волею судьбы наносить такіе тяжелые удары людямъ, «*которыхъ онъ любилъ такъ, какъ сотни другихъ людей не въ состояніи ихъ любить.*» Виноватъ-ли онъ былъ, что сердце его было скроено на слишкомъ широкій аршинъ, и что вслѣдствіе этого покроя онъ не могъ помириться со скромною

долею, не могъ пожертвовать своими честолюбивыми мечтаніями чувствамъ долга, чести и любви? къ тому же, онъ принадлежалъ обществу, которое не могло обойтись безъ его высокихъ способностей и сильной воли. Онъ не имѣлъ права жертвовать высшими интересами жизни для всѣхъ этихъ нѣжностей и личныхъ мелочей. Все это онъ самъ высказываетъ вамъ очень краснорѣчиво и такъ ловко, что вы не вдругъ догадаетесь: къ чему все это ведетъ? Правда, Бѣлавинъ, не смотря на все это, назвалъ его подлецомъ;—но что такое Бѣлавинъ!—холодная сентеція, не болѣе того. Да и какъ же ему за это досталось. Настенька, въ концѣ романа, произнося о немъ послѣднее слово, назвала его *тряпкою*,—просто тряпкою, ни болѣе, ни менѣе того. Вотъ что значитъ: *понять и оправдать*. Чтожъ, какъ знать? Мы можетъ быть и съ этимъ готовы были бы согласиться, если бы это было послѣдовательно;—но вотъ бѣда: мѣрка эта никуда не годится въ другомъ случаѣ. Вездѣ, гдѣ дѣло идетъ объ отношеніяхъ общества къ Калиновичу,—общество выходитъ кругомъ виновато. Оно своими подлыми притѣсненіями развило въ немъ всю эту желчь и злобу. Оно вовлекло его во всѣ низости, какія только когда нибудь случалось ему сдѣлать. Оно же, потомъ, поносило его и клеветало на него и наконецъ погубило его, забывъ всѣ его великолѣпные подвиги и всѣ жертвы, которыя онъ принесъ ему своими или чужими руками. Да гдѣ же оно, наконецъ, это ужасное общество,—покажите намъ его, мы хотимъ видѣть этого тайнаго злодѣя. А вотъ, неугодно ли посмотрѣть. Вотъ вамъ князья и графы, княжны и баронессы и генеральши и генеральскія дочери, и губернаторы, и полицеймейстеры, исправники, засѣдатели, канцеляристы, секретари, откупщики и купцы, редакторы и сотрудники, и т. д., и такъ далѣе безъ конца. Каждый изъ нихъ виноватъ внѣ всякаго оправданія передъ обществомъ вообще и передъ каждымъ изъ членовъ его въ особенности; а такъ какъ всѣ они, вмѣстѣ взятые, составляютъ общество, то слѣдовательно и общество, съ своей стороны, непростительно виновато передъ всѣми и каждымъ изъ нихъ. Нѣтъ никакой пощады никому и ничему. Послушайте, напримѣръ, какъ Калиновичъ, вдвоемъ съ Бѣлавинымъ, отдѣлываютъ того директора, у котораго въ кабинетѣ происходила одна изъ самыхъ интересныхъ

сценъ, какія мы только находимъ во всѣхъ петербургскихъ похожденіяхъ героя; или какъ Калиновичъ въ послѣдней части романа отдѣлываетъ общество вообще и шайку губернскихъ плутовъ въ особенности. Виноваты, всѣ виноваты, невозвратно, внѣ всякаго оправданія виноваты! Но вы думаете, можетъ быть, что авторъ не раздѣляетъ воззрѣнія Калиновича на этотъ предметъ? Если такъ, то вы очень ошибаетесь; потому что вотъ онъ самъ, въ пятой главѣ послѣдней части, говоритъ намъ, что *на поприщѣ служебной дѣятельности онъ считаетъ Калиновича если не великимъ, то по крайней мѣрѣ замѣчательно полезнымъ человѣкомъ;* потому что онъ *сознательный юристъ*, проводящій на дѣлѣ свои убѣжденія, и какъ такой можетъ быть зачтенъ въ число первыхъ представителей нашей молодой администраціи. Ближайшій примѣръ его сознательно юридическаго стремленія мы видимъ не далѣе, какъ черезъ двѣ страницы, въ сценѣ Калиновича съ откупщикомъ Четвериковымъ, котораго онъ заставляетъ—volens—nolens, — пожертовать пятнадцать тысячъ на украшеніе города, грозя въ противномъ случаѣ запирать по праздникамъ кабаки и преслѣдовать цѣловальниковъ за участіе въ буйствѣ и воровствѣ. Намъ кажется, что не большимъ надо быть юристомъ, чтобы понять, до какой степени противна такого рода насильственная сдѣлка духу строго-юридическаго воззрѣнія на предметъ. Но не въ этомъ дѣло. Мы никого не беремся ни обвинять, ни оправдывать; потому что мы служимъ не по уголовной части, а для другаго суда и оправданія или обвиненія, надо лучше понимать сердце человѣка и лучше знать исторію общества, чѣмъ кто нибудь изъ насъ въ состояніи ихъ знать или понимать. Мы вовсе не къ суду приводили примѣры. Мы хотѣли только доказать, что противорѣчіе, нами замѣченное, дѣйствительно существуетъ въ романѣ, а хорошо оно, или дурно, и откуда оно взялось, и какъ его разрѣшить, это другой вопросъ, на который мы будемъ отвѣчать въ свою очередь.

Очень и очень уже давно, люди уразумѣли всю трудность достичь до вѣрной нравственной оцѣнки человѣческаго сердца съ его побужденіями и дѣлами, изъ этихъ побужденій возникающими. Сомнѣнія, которыя требовалось разъяснить при всякомъ данномъ случаѣ подобной оцѣнки, и противорѣчія, которыя воз-

никали при всякой попыткѣ придти къ такому разъясненію, вмѣсто того, чтобы сокращаться, какъ этого слѣдовало бы ожидать съ развитіемъ теоретической и практической мудрости,—постоянно росли. Дѣло доходило наконецъ до того, что просто хоть брось; такъ напримѣръ, простая справедливость, кажется, требуетъ, чтобы мы судили не фактическую сторону поступковъ, а намѣренія и побужденія, изъ которыхъ поступки эти возникли;—но какъ судить о намѣреніяхъ и побужденіяхъ мимо дѣла, которымъ они себя обнаруживаютъ? Дѣла никакъ не минуешь: а между тѣмъ оно едва ли когда нибудь обнаруживаетъ намѣренія и побужденія въ полномъ и всестороннемъ объемѣ ихъ. Что же тутъ дѣлать? Судить поступки, на сколько фактическая ихъ сторона обнаруживаетъ намѣренія и побужденія, не судя при этомъ лица? Но вопервыхъ, что такое будутъ поступки, если ихъ отдѣлить отъ лица? Они вовсе не будутъ поступки, а будутъ просто физіологическія или патологическія явленія животной природы, изъ которыхъ всякія намѣренія и побужденія выдохнутся отъ перваго прикосновенія нашихъ грубыхъ аналитическихъ инструментовъ. А во вторыхъ, какъ рѣшиться призвать намѣренія и побужденія человѣка къ суду, когда фактическая сторона его поступковъ обнаруживаетъ ихъ не въ полной мѣрѣ и не со всѣхъ сторонъ?

Мало того, положимъ наконецъ, что побужденія и намѣренія обнаружены въ полной ихъ мѣрѣ; козалось бы, тутъ и конецъ всѣмъ затрудненіямъ. Такъ нѣтъ, выростаютъ новыя, нисколько не менѣе, старыхъ. — Является напр. вопросъ, если намѣренія, какъ это обыкновенно случается, были разныя и одни изъ нихъ хороши а другія дурны, то какъ разрѣшить ихъ внутреннее противорѣчіе? Понять ли ихъ въ отношеніи средства къ цѣли и допустить ли, что цѣль оправдываетъ средство, или нѣтъ? А за тѣмъ является друдой вопросъ: если изъ числа побужденій, какъ это всегда бываетъ, одни окажутся внутренними и личными, то есть, до извѣстной степени зависящими отъ разумной воли, а другія внѣшними и отъ лица нисколько не зависящими, то въ какой мѣрѣ послѣднія могутъ быть приняты въ оправданіе первыхъ? Слѣдуетъ ли ихъ понять въ отношеніи причины къ слѣдствію и допустить, что причина оправдываетъ слѣдствіе, или нѣтъ? Мы отказываемся отъ рѣшенія этихъ за-

дачъ и привели ихъ здѣсь только какъ образецъ тѣхъ затрудненій, среди которыхъ вертѣлся вопросъ о нравственной вмѣнимости, до той знаменитой эпохи, когда произнесено было наконецъ вышеупомянутое мудрое и глубокомысленное правило: *все понять—значитъ все оправдать.* Напавъ на эту находку, самолюбіе философскихъ головъ вдругъ успокоилось. Имъ казалось, что всѣ затрудненія рѣшены и что остается только пересмотрѣть на скорую руку всѣ возможные роды и виды сознательнаго дѣла, чтобы безъ всякаго затрудненія подвести ихъ подъ хорошо извѣстныя формулы прикладной логики и такимъ образомъ понять, а слѣдовательно и оправдать.—Но какъ начали разбирать,—такъ и руки опустились. Оказалось, что всего оправдать, не впадая въ явную и грубую нелѣпость, ни коимъ образомъ невозможно. Какъ оправдать напримѣръ судью, продающаго свой приговоръ за наличныя деньги? или администратора, преслѣдующаго прогрессъ? или купца, продающаго ядъ? Никакой квіестистъ не рѣшался выступить на эту дорогу, а если иной, скрѣпя сердце, и дѣлалъ на ней нѣсколько робкихъ шаговъ, то совѣсть и стыдъ наконецъ брали свое. Дойдя до какой нибудь наглой безсмыслицы, онъ вдругъ останавливался, дѣлалъ на-лѣво кругомъ и быстрымъ шагомъ спѣшилъ назадъ. Тѣмъ неменѣе вышеупомянутаго правила никто изъ его послѣдователей не рѣшался объявить ложнымъ. Старались только ограничить его и до сихъ поръ еще стараются, и изъ этихъ-то стараній выросло то противорѣчіе, на которое мы указали выше. Какимъ образомъ, это не трудно понять. Дѣло объясняется простымъ историческимъ путемъ. Попытка всеобщаго оправданія оборвалась тамъ, гдѣ отъ семейныхъ и личныхъ отношеній человѣка, на первый взглядъ маловажныхъ, нужно было перейти къ отношеніямъ людей въ обществѣ и государствѣ. Зло въ этой сферѣ никто не смѣлъ ни отрицать, ни оправдывать, и потому оно предано было всеобщему проклятію, которое звучало тѣмъ громче и чаще, чѣмъ жарче горѣлъ укоръ бездушнаго квіетизма на лбу у людей, уличенныхъ въ ошибкѣ. Самолюбіе было уколото, гордость оскорблена, школьныя теоріи спутаны и сбиты съ толку, и все это конечно мало способствовало ясному уразумѣнію дѣла. Вопросъ сталъ въ тупикъ, потому что отъ одного вынуждены были отказаться.

другаго не хотѣли уступить. Кончилось тѣмъ, что имъ перестали заниматься серьезно, и онъ брошенъ былъ, какъ никуда болѣе негодный, на потѣху романистамъ и нувеллистамъ, которые жадно за него ухватились, съ невиннымъ намѣреніемъ выжать изъ него весь сокъ драматическаго интереса, какой только можно будетъ найти. Такимъ-то путемъ образовалось то направленіе или то стремленіе, отголосокъ котораго мы нашли въ романѣ *Тысяча Душъ:*—стремленіе вознаградить пуританизмомъ юриста и гражданина за всѣ поблажки и софистическія, іезуитическія вольности, которыми мы ласкаемъ свой эгоизмъ въ кругу семейной и личной жизни. Мода придала ему нѣкоторую долю своего щегольства и мишурнаго блеска, но ея нарядъ скоро изнашивается, тѣмъ болѣе, что онъ дырявъ по самой природѣ своей; и вотъ—мантія уже падаетъ съ плечь, ходули трещатъ и подламываются, и маска валится съ лица, и изъ—за маски уже выглядываетъ лукавая лисья морда *Тартюфа*, но не стараго, мольеровскаго, въ его заношенномъ іезуитскомъ подрясникѣ, а нашего новаго, современнаго, усовершенствованнаго, улучшеннаго, патентованнаго, самосознательнаго, самооправдательнаго, съ утра—еще дѣйствительно—разумнаго, а къ вечеру уже и матерьяльно—могущественнаго Тартюфа 19 вѣка, далеко опередившаго всѣхъ своихъ предшественниковъ въ искусствѣ морочить простой народъ.

---

2. ВОСПИТАННИЦА, Комедія *А. Н. Островскаго*. Библ. д. ч. Янв. 1859 г.

Есть грязные уголки жизни не только въ большихъ городахъ, гдѣ пестрое множество самыхъ разнообразныхъ явленій человѣческаго характера, сталкиваясь въ огромной массѣ, необходимо группируется на родственные элементы, но даже и тамъ, гдѣ люди живутъ гораздо просторнѣе и ближе къ природѣ,— среди зеленыхъ полей и тѣнистыхъ лѣсовъ и мирной тишины деревенскаго быта.—Столичный житель, никогда не выѣзжавшій изъ города далѣе Петергофа и Царскаго-Села, обыкновенно вовображаетъ себѣ деревню въ розовыхъ краскахъ идилліи и мечтаетъ о ней, какъ о какомъ-то раѣ патріархальной простоты или чистоты.—Гостепріимство, милая свобода въ одеждѣ и въ обращеніи, беззаботные часы досуга, пастухи и пастушки, сельское кладбище и сельскіе праздники:—все это представляется ему въ такомъ свѣтломъ контрастѣ съ утомительною обстановкою его ежедневной жизни и съ мишурнымъ блескомъ ея искусственныхъ украшеній, что этотъ контрастъ онъ переноситъ и на все остальное. Ему кажется уже, что и люди въ деревнѣ должны быть совсѣмъ не похожи на тѣхъ, которые его окружаютъ въ городѣ, что они должны быть добрѣе, честнѣе, чище во всѣхъ отношеніяхъ;—что у нихъ нѣтъ гнѣтущихъ заботъ и корыстныхъ разсчетовъ, нѣтъ жадности и лукавства и злобы. Какъ велика доля трезвой истины во всѣхъ этихъ представленіяхъ, объ этомъ пусть судитъ самъ тотъ, кто знаетъ деревню не по разсказамъ и слухамъ, а по собственному опыту. Скажемъ только, что бываютъ случаи, когда поэтическія грезы столичнаго жителя на счетъ деревенскаго рая разбиваются въ прахъ объ одинъ изъ тѣхъ жесткихъ угловъ, о которыхъ мы сей часъ говорили, и что въ числѣ этихъ угловъ бываютъ такіе, которые безъ большой обиды для нихъ можно поставить

наряду съ самыми черными гнѣздами разврата въ Парижѣ, Лондонѣ или Петербургѣ, не смотря на то, что на первыхъ до сихъ поръ еще не лежитъ той печати позора и отверженія, которою общественное мнѣніе всегда клеймило послѣдніе. Такого-то рода уголокъ открываетъ намъ авторъ *Воспитанницы* въ своихъ «сценахъ изъ деревенской жизни», и посмотрите, какая милая идиллія рисуется передъ нами.

Владѣтельница двухъ тысячъ душъ, помѣщица *Уланбекова*, старуха 60 лѣтъ, бѣлится и румянится, и рядится, и содержитъ любимца изъ крѣпостныхъ людей,—*Гришу*,—мальчика 19 лѣтъ, одѣтаго франтомъ, съ часами и золотою цѣпочкою, и властвуетъ неограниченно въ кругу подчиненныхъ ей лицъ. Кругъ этотъ, впрочемъ, на сколько мы видимъ изъ-за поднятаго надъ нимъ театральнаго занавѣса, не заключаетъ въ себѣ никакого общества. Тутъ нѣтъ ни сосѣдей, ни друзей или родныхъ, ни пріѣзжихъ гостей изъ города. Кромѣ сына, молодаго человѣка, отпущеннаго изъ Петербурга на каникулы и характеромъ сильно напоминающаго намъ Митрофана, да приживалки *Василисы Перегриновны*, онъ весь состоитъ изъ крѣпостныхъ людей, въ которыхъ всякое чувство человѣческаго достоинства давно задавлено гнѣтомъ подлаго, ежедневнаго, неутомимаго и неумолимаго притѣсненія.—Къ числу этихъ послѣднихъ, если не по праву и не по имени, то по крайней мѣрѣ по воспитанію и положенію въ жизни, принадлежитъ одна несчастная дѣвушка,—*Надя*, которую всѣ называютъ «воспитанницею». Старуха Уланбекова одѣваетъ ее приличнымъ образомъ и собирается выдать за мужъ также, какъ она выдала многихъ изъ ея предшественницъ,—т. е. или за бѣднаго человѣка изъ числа состоящихъ подъ ея покровительствомъ приказныхъ въ уѣздномъ городѣ, или за перваго встрѣчнаго. Уланбекова имѣла уже много воспитанницъ;—она постоянно держитъ ихъ при себѣ, отнимая почти насильно у бѣдныхъ родителей и совершенно—насильно выдавая за мужъ. Страсть къ сводничеству и властолюбіе у этой мерзкой старухи развиты выше всего остальнаго, и, для удовлетворенія ихъ, для своей потѣхи занимается она этимъ дѣломъ, а не изъ какихъ нибудь благотворительныхъ цѣлей. Воспитанницамъ своимъ она не даетъ никакого образованія, а только рядитъ, да сажаетъ ихъ

иногда съ собою за столъ, вслѣдствіе чего между Надею и молодыми служанками въ домѣ разница существуетъ только на взглядъ, а въ дѣйствительности, воспитанница и говоритъ и думаетъ, какъ простая горничная. Мало того, она даже несчастнѣе всякой горничной, потому что послѣднюю не пріучали рядиться, да ничего не дѣлать, и ей не грозятъ выдать ее за мужъ насильно, а бѣдная Надя знаетъ уже свою неминуемую судьбу. Одна надежда у нея еще остается, это то, что случаемъ достанется ей въ мужья человѣкъ порядочный; но и эта надежда скоро должна исчезнуть. У мерзкой старухи есть уже на примѣтѣ женихъ, крестникъ ея *Неглигентовъ*, сынъ какого-то приказнаго, существо, являющееся на сцену всего только разъ, на двѣ или на три минуты; но и того для насъ слишкомъ много; потому что существо это не имѣетъ на себѣ образа человѣческаго. Это какая-то гнусная и развратная обезьяна, вмѣсто души пропитанная насквозь эссенціею всевозможныхъ низостей, какія только существуютъ въ приказномъ быту.—Видъ его приводитъ въ ужасъ бѣдную Надю, и дурачокъ—хорошенькій баринъ, сынъ Уланбековой, въ сравненіи съ этимъ паукомъ кажется ей чистѣйшимъ ангеломъ свѣта. Дурачокъ этотъ давно уже волочится за всѣми горничными своей матери и особенно сильно за Надею; но до сихъ поръ, Надя не обращала на него вниманія; потому что она еще надѣялась быть порядочною женщиною, женою порядочнаго человѣка, и берегла себя для лучшей доли. Теперь она все поняла. Если не за этого урода Неглигентова, то за какого нибудь другаго подобнаго, ее непремѣнно и скоро заставятъ выйти за мужъ;—слѣдовательно для чего ей беречь себя; для чего стоять на сторожѣ у молодаго сердца и останавливать его порывы.

— «Что за жизнь моя, Господи!» говоритъ она горничной «Лизѣ, въ слезахъ;—что въ томъ проку то, что я живу честно, «что берегу себя не только отъ слова отъ какого, а и отъ взгляду «то! . . . . . Эхъ, Лиза, будь жизнь получше, не пошла бъ я ночью въ садъ. Помнишь, бывало, какъ я о себѣ раздумывала; да «и тебѣ самой чай тоже въ голову приходило, что вотъ ты дѣ«вушка честная, живешь ты себѣ какъ птичка какая, вдругъ тебѣ «понравился нѣкоторый человѣкъ, начинаетъ онъ за тебя сватать-

«ся, ходитъ къ тебѣ часто, цалуетъ тебя . . . . тебѣ и стыдно «тое го, и рада ты ему. Все это идетъ порядкомъ. Хоть и не «богато, хоть, можетъ быть, сидишь ты съ женихомъ въ люд-«ской, а словно ты княжна какая, словно у тебя каждый день «праздникъ. Потомъ обвѣнчаютъ, всѣ тебя поздравляютъ. Ну «тамъ хоть и трудно будетъ жить за мужемъ, можетъ быть ра-«боты много будетъ; да за то живешь ты, какъ въ раю; словно «ты гордишься чѣмъ!» . . . .

. . . . «А какъ тебѣ скажутъ: ступай за пьянаго, да «еще и разговаривать не смѣй, и поплакать то о себѣ не смѣй.»

. . . . «Ахъ, Лиза! . . . Да какъ подумаешь, что станетъ этотъ «безобразный человѣкъ издѣваться надъ тобой, да ломаться, да «свою власть показывать, загубитъ онъ твой вѣкъ такъ, ни за «что! Не живя, ты за нимъ состаришься!» . . . .

. . . . «Какъ пошли мнѣ такія «мысли въ голову, и какъ стала это я, Лиза, думать объ баринѣ, «— и такъ онъ мнѣ милъ сдѣлался! . . . . такъ милъ, что я ужъ «и не знаю! . . . Прежде, когда онъ ухаживалъ за мной, мнѣ было «ничего; а теперь словно что меня тянетъ къ нему . . . .

. . . . «И отъ чего это «такъ, не знаю. Жду, не дождусь ночи то! Такъ, кажется, на крыль-«яхъ бы къ нему полетѣла. То одно держу въ умѣ, что не да-«ромъ я, по крайней мѣрѣ, собой хороша, будетъ чѣмъ вспом-«нить молодость.» . . . .

. . . . «Пока она баловала меня, да ласкала, такъ и я «думала, что я такой же человѣкъ, какъ и всѣ люди; и мысли «у меня совсѣмъ другія были объ жизни. А какъ начала она «мной командовать, какъ куклой; да какъ увидѣла я, что никакой «мнѣ воли, ни защиты нѣтъ: такъ отчаянность на меня, Лиза, «напала. Куда страхъ, куда стыдъ дѣвался, не знаю. Хоть день, «да мой, думаю,—а тамъ, что будетъ, то будетъ, ничего я и «знать не хочу! . . .»

Много драматическаго, много глубоко - трогательнаго есть въ этомъ наивномъ сердечномъ разсчетѣ несчастной Нади; но ей и тутъ суждено было обмануться. Не многаго ждала она отъ судьбы, — да и того не получила. Леонидъ—достойный сынъ Уланбековой. Этотъ глупый и въ сердцѣ уже развращен-

ный мальчишка принимаетъ любовь Нади съ хладнокровіемъ барина, получающаго оброкъ отъ своей дворовой дѣвки. Ему нѣтъ дѣла до ея слезъ и вздоховъ. Ему скучно сидѣть съ ней обнявшись и говорить о любви. Онъ не понимаетъ сердечнаго языка;—ему нужно совсѣмъ не того. Онъ просто хочетъ войти въ чувственныя отношенія съ женщиной,—съ какой нибудь—все равно, только бы поскорѣе. Ясно, что дѣло это не можетъ долго тянуться. Развязка звучитъ у него въ каждомъ словѣ. Едва успѣлъ онъ сойтись съ воспитанницею своей матери и получить отъ нея все, чего ему хотѣлось, какъ приживалка Василиса Перегриновна—эта ехидна съ косымъ проборомъ и съ желтою шалью, около самаго горла заколотою булавкою, уже успѣла на нихъ донести. Мерзкая старуха Уланбекова, и безъ того уже взбѣшенная на своего любимца Гришу, за то, что онъ не ночевалъ дома, выходитъ изъ себя и отдаетъ Надю въ полное распоряженіе своему дворецкому, съ приказаніемъ немедленно выдать ее за Неглигентова.—Надя слабо противится. Леонидъ едва удостоиваетъ сказать ей нѣсколько словъ холоднаго сожалѣнія.

— «Что-жъ теперь дѣлать?» говоритъ онъ, узнавъ, что мать его сильно разсержена на Гришу и потому не расположена къ снисхожденію.

— «Да что вы хлопочете-то!»—возражаетъ Надя;—«ничего вѣдь вы сдѣлать не можете: ужъ оставьте лучше! Вы же теперь скоро уѣдете въ Петербургъ; веселитесь себѣ, что вамъ объ такихъ пустякахъ думать, себя безпокоить!»

Леонидъ.

Да вѣдь мнѣ тебя жалко!

Надя.

Не жалѣйте, пожалуйста! Я сама, какъ сумасшедшая, на бѣду лезла, не спросясь ума-разума.

Леонидъ.

Какъ же ты теперь думаешь?

Надя.

А ужъ это мое дѣло.

Леонидъ.

Да вѣдь тебѣ будетъ очень тяжело!

Надя.

Вамъ что за дѣло! Вамъ за то весело будетъ.

Леонидъ.

Да зачѣмъ же ты такъ говоришь?

Надя.

За тѣмъ, что вы мальчикъ еще!... Оставьте!

Леонидъ.

Да, вѣдь, онъ пьяный, скверный такой!

Надя.

Ахъ, Боже мой! Ужъ ѣхали бы вы куда нибудь,—съ глазъ долой.

Леонидъ.

А, въ самомъ дѣлѣ, я лучше поѣду къ сосѣдямъ на недѣлю;— . . . . так отвѣчаетъ Леонидъ и черезъ нѣсколько словъ все кончается.

Вотъ главныя черты того драматическаго интереса, на которомъ держутся *сцены изъ деревенской жизни* А. Н. Островскаго. Черты эти, не смотря на то, что онѣ набросаны на скорую руку, имѣютъ въ себѣ такъ много живаго, что при болѣе тщательномъ развитіи изъ нихъ могла бы выйти прекрасная драма, вмѣсто которой мы имѣемъ въ рукахъ только эскизы и намёки на то, что авторъ могъ бы сдѣлать изъ своего сюжета, если бы онъ захотѣлъ. Все, что дѣйствительно сдѣлано, вся обстановка *Воспитанницы* слишкомъ узка и тѣсна, чтобы дать нужную почву для такого прекраснаго зерна. Драматическихъ, то есть дѣйствующихъ, движущихся характеровъ, за исключеніемъ одной Нади, — вовсе нѣтъ, и не видно даже попытки создать что нибудь подобное; а есть только характеры, позирующіе съ какой нибудь одной, неподвижной ихъ стороны. Уланбекова, Леонидъ, Василиса Перегриновна, Потапычъ, Гавриловна, Лиза и Гриша—все это обозначено двумя или тремя яркими чертами; но все это не болѣе, какъ портреты, которые стоятъ почти безъ движенія въ своихъ рамкахъ;—заманчивые намеки на что-то такое, чего мы напрасно ожидаемъ впослѣдствіи;—аккорды, прелюдирующіе мотивамъ какой-то отсутствующей, неосуществленной мелодіи;—рѣзкія особенности человѣческой природы, лишенныя естественной своей полноты, лишенныя всего, что могло бы хоть сколько нибудь смягчить и округлить ихъ карриктурную угловатость. Человѣкъ

между ними—одна только Надя; остальныя лица—вовсе не лица, а какія то отвлеченныя, перегнанныя и фильтрированныя дозы разнаго рода человѣческой грязи, отъ которыхъ на душѣ у читателя остается самое тяжелое и непріятное впечатлѣніе.

Впечатлѣніе это довольно трудно передать со всѣми его оттѣнками. Оно похоже скорѣе всего на то, что происходитъ у насъ на душѣ, когда мы только—что вышли изъ комнаты человѣка, тяжко и неизлѣчимо больнаго. Но сходство это имѣетъ своимъ предѣломъ случайность и частность явленія, насъ возмущающаго. Что такое, думаемъ мы, одинъ несчастный калека между множествомъ другихъ, крѣпкихъ, здоровыхъ, цвѣтущихъ молодостью и красотою людей? Самъ ли онъ виноватъ въ своихъ страданіяхъ, или терпитъ по винѣ отцовъ, или наконецъ тяжелая рука судьбы отмѣтила его какъ искупительную жертву за грѣхи цѣлаго общества,—во всякомъ случаѣ мы можемъ утѣшать себя мыслью, что это не болѣе, какъ печальное исключеніе, и что, отдавъ страдальцу ту долю человѣческаго сострадавія, на которую онъ имѣетъ полное право, мы выйдемъ наконецъ изъ больницы на свѣтъ и просторъ и на свѣжій воздухъ.

Съ такими мыслями въ головѣ, читатель нашего времени, и самъ иногда не совсѣмъ здоровый,—прибѣгаетъ къ извѣстному, патентованному средству разсѣять свою тоску и горе. Онъ беретъ въ руки романъ, комедію или драму, желая вырваться хоть на минуту изъ той удушливой атмосферы страданія и недуга, которая такъ часто обхватываетъ его со всѣхъ сторонъ. Въ нихъ думаетъ онъ найти тотъ свѣтъ и просторъ и тотъ свѣжій воздухъ, которые такъ сильно нужны ему для его утѣшенія. Не вездѣ же, думаетъ онъ, люди чахнутъ отъ тѣсноты и удушья. Не вездѣ же ихъ силы задавлены, ихъ лучшія стороны затоптаны въ грязь, ихъ надежды на излеченіе вырваны съ корнемъ и навсегда. Есть же гдѣ нибудь здоровыя сферы жизни, гдѣ вся эта мелочь и грязь не подступаетъ вамъ къ горлу такъ неотвязчиво; — есть сферы жизни, гдѣ всему дано свое мѣсто, и гдѣ люди, не смотря на всѣ ихъ пороки и слабости, живутъ все же какъ люди, а не какъ идіоты, одержимые припадками тифуса или бѣлой горячки. Представьте же себѣ его удивленіе и ужасъ, когда романъ, комедія и драма наперерывъ спѣшатъ возразить ему, что все это

глупыя, дѣтскія мечты, или фантазіи изъ тысячи одной ночи, и что онъ долженъ привыкать къ больницѣ, потому что она есть вѣчный удѣлъ его на землѣ, и что дѣйствительность съ поэтическимъ ея элементомъ искони бѣ находятся въ полномъ, непримиримомъ противорѣчіи, и что дѣло искусства подмѣтить это противорѣчіе и выставить его въ полномъ объемѣ, а не льстить человѣку, лаская его несбыточными воплощеніями самодѣльныхъ его идеаловъ. Боже милостивый! Неужели же это правда? Неужели поэзія есть не болѣе какъ изящная ложь, и все, что мы слышали или читали, или своими глазами видѣли въ жизни прекраснаго и высокаго, или по крайней мѣрѣ сильнаго и живаго,—все это не болѣе, какъ праздничный, маскарадный костюмъ, надъ которымъ серьезные люди смѣются, и который безумная молодежь, шутя, надѣваетъ раза два въ свою жизнь, за тѣмъ, чтобы сбросить его потомъ и одѣться опять въ свой старый, засаленый халатъ съ протертыми локтями и въ свои старые, дырявые сапоги съ отваливающимися подошвами? Мы любимъ истину всею душою и, не смотря на всѣ ея мрачныя стороны, не промѣняемъ ея на пьяную фантазію; но неужли эта истина такъ гадка; неужли тѣ сцены и тѣ картины, которыя пишутъ съ нея наши художники, должны быть приняты за вѣрное ея изображеніе? Въ шумной жизни столицы или въ тиши деревенскаго быта, или въ тѣсномъ кругу провинціальнаго городка, неужли вездѣ все такъ заглохло и съежилось, сморщилось, сжалось, прогнило насквозь, что свѣжее во всѣхъ этихъ сферахъ только мелькнетъ порою, какъ неуловимая искра, и тотчасъ же тухнетъ въ какой нибудь грязной лужѣ, подобно тому, какъ тухнетъ любовь бѣдной воспитанницы Нади въ грязномъ омутѣ того развратнаго дома, въ который забросила ее судьба? Это ли истина жизни, взятой съ ея художественной стороны, или это только ея ночной кошемаръ, грязное и уродливое исключеніе изъ ея общихъ правилъ? Трудно рѣшить этотъ мудреный и сложный вопросъ во всемъ его пространномъ объемѣ, и сколько о немъ не толкуй, а наконецъ все таки придешь къ какому нибудь частному случаю, присядешь отдохнуть на какой нибудь примѣръ. Такъ и мы, поставивъ вопросъ съ общей его стороны, вернемся къ *Воспитанницѣ*, и спросимъ: можетъ ли человѣкъ, въ дѣйствительности, го-

ворить и дѣлать то, что дѣлаютъ и говорятъ—напримѣръ хоть эта злая дѣвка Василиса Перегриновна, или эта мерзкая старуха Уланбекова, или эта безстыдная обезьяна Неглигентовъ? Конечно можетъ; но допустить, чтобы кромѣ этого,—онъ не дѣлалъ и не говорилъ ничего другаго, болѣе приличнаго человѣческому достоинству, и чтобы живой человѣкъ изъ подобной абстракціи могъ выйти художественнымъ типомъ, а не голою каррикатурою,—это уже невозможно.—Другой вопросъ:—можетъ ли въ деревнѣ и въ подгородномъ селѣ русской помѣщицы происходить что нибудь подобное тому, что происходитъ въ домѣ Уланбековой? Конечно можетъ; но даютъ ли намъ сцены г-на Островскаго типическую картину жизни подобнаго рода, это уже довольно сомнительно. — Скопировать грязныя пятна съ какой нибудь сферы жизни и очертить самую жизнь,—двѣ вещи розныя. Пятна могутъ быть до гадости сходны; но они одни жизни все таки собой не дадутъ. Пусть будетъ человѣкъ весь съ головы до ногъ покрытъ самою отвратительною грязью; все таки изобразивъ одну его грязь вы не дадите о немъ живаго понятія; потому что онъ все таки человѣкъ, а не грязь. Подъ грязью у него бьется человѣческое сердце и думаетъ человѣческая голова, и какъ ни топчите природу его ногами, а до тѣхъ поръ, покуда она останется человѣческою природою, вы все таки не затопчете ее совершенно:—въ ней все таки останется что нибудь чистое и хорошее, безъ чего человѣкъ невозможенъ. Поставивъ читателя лицомъ къ лицу передъ этою невозможностью, мы попросимъ его сказать намъ чистосердечно;—какъ ему кажется: есть ли что нибудь человѣческое, кромѣ одной человѣческой грязи въ такихъ лицахъ, напримѣръ, какъ Уланбекова, Василиса Перегриновна и проч. Возьмемъ напримѣръ хоть Василису Перегриновну. Людей съ такими отборными качествами, какія мы находимъ у ней въ чистѣйшемъ экстрактѣ,—простой народъ называетъ: *змѣя подколодная*; но подумайте,—вѣдь и змѣя не вся состоитъ изъ яда.—Ядъ у нея находится въ маленькихъ пузырькахъ за нижнею челюстью, а весь остальной организмъ безвреденъ и для нея совершенно хорошъ. Ядъ выработывается у нея не изъ яда, а изъ чего нибудь совершенно инаго, чего даже и у змѣи очень много, и безъ чего мы не можемъ себѣ ее представить. Что

же бы мы сказали, если бы какой нибудь профессоръ зоологіи подалъ намъ ядовые пузырьки змѣи, отдѣленные отъ всего остальнаго, и сказалъ: вотъ вамъ—змѣя. Вотъ ея типъ, ея существенная особенность.—Мы бы конечно сказали, что это нелѣпо, какъ въ смыслѣ простой житейской истины, такъ и науки; но если оно уже и тамъ нелѣпо, то тѣмъ болѣе подобнаго рода односторонность не можетъ быть допущена въ дѣлѣ художественнаго изображенія, каковъ бы ни былъ его размѣръ и какъ бы ни были скромны его претензіи. Романъ или очеркъ,—полная драма или простыя сцены,—картина или эскизъ—все равно, вездѣ равно необходима истина живая, а не голое отвлеченіе, начисто отрѣшенное отъ того, чему оно хочетъ служить представителемъ. Анализъ имѣетъ право разлагать живое на какіе угодно атомы и доводить это разложеніе до какой угодно степени; но онъ не даетъ еще права выдавать за типъ органическаго недѣлимаго какой нибудь одинъ изъ составныхъ его элементовъ. Стрихнинъ не есть типъ чилибухи, и сахаръ не типъ свекловицы. Экстракты и эссенціи суть дѣло аптекаря или фабриканта, а не художника. Конечно художнику необходима перспектива и для достиженія ея онъ имѣетъ полное право взять свой предметъ съ какой угодно ему стороны и эту сторону выдвинуть ярко впередъ, а остальное оставить въ тѣни и въ раккурсѣ. Тѣмъ не менѣе, безъ этого остальнаго ему никакъ нельзя обойтись, и чѣмъ сильнѣе раккурсъ его, тѣмъ тщательнѣе онъ долженъ быть выполненъ, потому что на немъ лежитъ вся сила того магическаго эффекта, который живитъ плоское, сокращенное очертаніе и дѣлаетъ изъ него для нашего глаза выпуклую, округленную фигуру. На условномъ языкѣ мы часто говоримъ «*волосы черные какъ уголь*», — «*кожа бѣлая какъ снѣгъ*»; но пусть попробуетъ живописецъ написать кожу у человѣка чистыми кремницкими бѣлилами, а волосы чистою слоновью костью, и вмѣсто живаго лица выйдетъ воронье пугало, страшная маска, потому что цвѣтъ кожи и цвѣтъ волосъ и цвѣтъ всего живаго имѣетъ безчисленное множество тончайшихъ своеобразныхъ оттѣнковъ, безпрестанно измѣняющихся и безпрестанно образующихъ новыя сочетанія и всегда исчезающихъ въ общемъ эффектѣ, но безъ которыхъ живой колоритъ невозможенъ. Такихъ

то переливающихся оттѣнковъ мы не находимъ въ дѣйствующихъ лицахъ воспитанницы. Въ нихъ нѣтъ органической жизни;—они цѣликомъ вылиты изъ одного состава, механически лишены своихъ дополнительныхъ очертаній. Въ нихъ нѣтъ изгибовъ, нѣтъ внутренняго гармоническаго соотношенія между противуположными частями. Они какъ начнутъ одну ноту, такъ и тянутъ ее до конца въ томъ же тонѣ, выходъ изъ котораго оборванъ такъ рѣзко, что даже намека на какое нибудь возможное уклоненіе мы не находимъ почти нигдѣ. Отъ этого, не смотря на всю яркость красокъ, цвѣтъ ихъ имѣетъ въ себѣ что то мертвенное и поддѣльное, что похоже на природу не болѣе того, какъ парикъ похожъ на живыя кудри волосъ. Странно сказать и можетъ быть это ложный эффектъ, можетъ быть мы ошибаемся, но съ самаго начала намъ показалось и до сихъ поръ все кажется, какъ будто бы самая мѣткая характеристика нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ *Воспитанницы* находится не въ сценахъ ея, а въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ. Послушайте напримѣръ:

«*Уланбекова*,—старуха лѣтъ подъ 60, высокаго роста, худая, «съ большимъ носомъ, черными густыми бровями, типъ лица «восточный, небольшіе усы, нарумянена, одѣта богато, въ чер«номъ. Помѣщица 2000 душъ.

«*Василиса Перегриновна*,—приживалка, дѣвица 40 лѣтъ. Волосъ «мало, проборъ косой, коса зачесана высоко, съ большой гребен«кой. Постоянно коварно улыбается и страдаетъ зубами; желтая «шаль около самаго горла заколота булавкой.

«*Гриша*,—мальчикъ лѣтъ 19, любимецъ барыни, одѣтъ фран«томъ, часы съ золотой цѣпочкой. Красивъ, волосы кудрявые, «выраженіе лица глупое.

«*Лиза*,—горничная, недурна собой, но очень полна и курноса; «въ бѣломъ платьѣ, лифъ котораго коротокъ и сидитъ неловко, на «шеѣ маленькій красный платочекъ, волосы очень напомажены.»

Право, это отличная, мастерская живопись и во всемъ послѣдующемъ трудно отъискать что нибудь такое, что бы по сжатой, сосредоточенной мѣткости и по характерности своего очертанія могло стать наряду съ этой первой страницею.

Мы говоримъ конечно не о драматическомъ интересѣ сюжета и не о главной идеѣ *Воспитанницы*, концентрированной въ

миломъ образѣ Нади,—красоту ихъ мы вполнѣ признаемъ и объ ней мы уже высказали наше мнѣнье въ началѣ, прежде всего остальнаго;—а именно о характеристикѣ нѣкоторыхъ, отдѣльныхъ ролей,—задача которыхъ можетъ быть могла бы и лучше быть нами оцѣнена, если бы она была лучше исполнена. Въ настоящемъ же видѣ ея исполненія и за недостаткомъ существенныхъ данныхъ къ полному ея уразумѣнію, мы можемъ дѣлать только догадки и эти догадки приводятъ насъ къ слѣдующему заключенію.

Въ основѣ *Воспитанницы* лежитъ идея чистаго, но слабаго, хрупкаго и беззащитнаго созданія, заброшеннаго судьбою въ одну изъ самыхъ глухихъ и Богомъ забытыхъ извилинъ нашей боярской жизни;—въ одну изъ тѣхъ мрачныхъ *impasses* сельскаго быта, гдѣ тупое невѣжество и грубый развратъ лежатъ тяжкимъ гнѣтомъ надъ цѣлыми поколѣніями полу-татарскихъ семействъ, середи богатства и роскоши и общаго движенія впередъ, оставшихся во всѣхъ отношеніяхъ достойными потомками Золотой Орды. Въ такой серединѣ, что кромѣ гибели—неотвратимой, ужасной—могло ожидать такую бѣдную дѣвочку какъ Надя, и она дѣйствительно гибнетъ, гибнетъ на нашихъ глазахъ, и гибель ея должна производить очень сильный, почти трагическій эффектъ на всякаго сочувствующаго свидѣтеля. Эффектъ этотъ самъ авторъ понималъ и цѣнилъ конечно лучше чѣмъ кто нибудь изъ насъ въ состояніи это сдѣлать. Очень естественно было съ его стороны желаніе установить, поддержать и усилить этотъ эффектъ по мѣрѣ возможности контрактомъ свѣтлаго рисунка на мрачномъ фонѣ, и вотъ почему онъ старался зачернить какъ можно болѣе всю личную обстановку семейства старухи Уланбековой. Въ этомъ послѣднемъ онъ успѣлъ и успѣлъ даже болѣе чѣмъ ему было нужно; но результатъ вышелъ не тотъ какого слѣдовало желать. Слишкомъ черная обстановка Нади вышла одностороннимъ, монотоннымъ и невѣроятнымъ образомъ черна. Тѣни утратили свою прозрачность и силу и приняли мертвенный, убитый оттѣнокъ. Вмѣсто живыхъ характеровъ, явились на сцену эссенціи и экстракты, которые отравили художественную сторону эффекта и оставили во всей своей силѣ одно тяжелое, удушливое впечатлѣніе,—то самое впечат-

лѣніе, которое мы старались приблизительно высказать, сравнивъ его съ чувствомъ человѣка, выходящаго изъ комнаты тяжко и неизлечимо больнаго.

Впечатлѣніе это ведетъ невольно къ вопросу: зачѣмъ сцены изъ деревенской жизни въ заглавномъ листкѣ *Библіотеки для чтенія* названы *Комедіею?* Что въ нихъ комическаго, и какимъ невозмутимо-веселымъ человѣкомъ надо быть, чтобы смѣяться читая *Воспитанницу*. Мы не смѣялись. Намъ возмутила душу эта картина, въ которой сквозь всѣ ея промахи,—черная сторона жизни смотритъ намъ въ глаза съ такимъ безнадежнымъ, отчаяннымъ выраженіемъ на лицѣ, что сердце невольно сжимается.

---

3. **Дворянское гнѣздо**. *И. С. Тургенева* Совр. Янв. 1859 г.

Сколько, въ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, живетъ почтенныхъ дворянскихъ семействъ, на—взглядъ также мало отличныхъ другъ отъ друга, какъ и тѣ маленькіе мирки, которые заключаютъ ихъ скромныя гнѣзда въ своихъ прямолинейныхъ, однообразныхъ, уныло-скучныхъ улицахъ;—а между тѣмъ каждое изъ нихъ навѣрно имѣетъ въ характерѣ лицъ и событій, изъ которыхъ слагается его жизнь, какую нибудь особенность болѣе или менѣе замѣчательную;—но особенность эту не скоро откопаешь на свѣтъ, такъ глубоко и упорно бываетъ она зарыта подъ уровнемъ сплошнаго однообразія, гнѣтущимъ ее снаружи. Пословица не даромъ говоритъ: чтобы узнать человѣка, надо съ нимъ съѣсть пудъ соли. Истина этого изрѣченія носитъ на себѣ чисто Велико-Русскій характеръ; потому что едва ли гдѣ нибудь въ цѣломъ мірѣ, формы общественной жизни менѣе соотвѣтствуютъ родовымъ семейнымъ и личнымъ особенностямъ человѣка, какъ въ нашемъ отечествѣ и преимущественно въ нашемъ дворянскомъ быту. Отъ этой то несоотвѣтственности мы всѣ, въ прикосновеніи съ обществомъ, такъ жмемся и ежимся, несмотря на матеріальный просторъ, окружающій насъ извнѣ, что сквозь эти ужимки и съеживанья насъ дѣйствительно трудно узнать безъ большаго количества соли потраченной за однимъ столомъ. Просторъ у насъ есть; но онъ есть какъ то самъ для себя, а со всѣмъ не для того, что въ немъ пребываетъ.—Среди нашихъ безбрежныхъ равнинъ, при нашей степной безпечности , патріальхальномъ гостепріимствѣ и азіятской лѣни, мы живемъ тѣсно, окошками внутрь, мы держимъ на привязи и въ заперти все то, что выростаетъ изъ насъ самихъ и лично намъ принадлежитъ; а наружу выкидываемъ только осколки—какого то разбитаго зеркала, которые отражаютъ въ себѣ что угодно снаружи но о внутренней своей сторонѣ не говорятъ

ни полъ—слова.—Общее правило и битое мѣсто господствуютъ у насъ вездѣ и гнетутъ собой всякое исключюепіе, подъ часъ вырывающееся изъ ихъ холодныхъ оковъ. Отъ этого то у насъ свое, внутреннее, сомобытное, если и успѣваетъ пробить чуждую ему оболочку, то оно рѣдко идетъ далѣе этого перваго шага. Оно останавливается какъ въ карантинѣ, не сливаясь ни съ чѣмъ окружающимъ и не находя себѣ ни въ чемъ отголоска. Замкнутое со всѣхъ сторонъ охранною цѣпью, окаймленное, арестованное,—оно лишено всякой возможности высказаться и развиться съ дѣятельной своей стороны и всю жизнь свою остается въ страдательномъ, полувраждебномъ отношеніи къ окружающей его серединѣ и всѣ силы свои тратитъ на то, чтобы отстаивать себя въ своихъ укрѣпленіяхъ, за стѣнами которыхъ нерѣдко умираетъ голодною смертью.

Въ такомъ то осадномъ положеніи мы находимъ молодую, 19-ти лѣтнюю дѣвушку—Лизавету Михайловну Калитину,—главное, т. е. самое интересное лицо изъ того семейства, которое описываетъ намъ Авторъ въ *Дворянскомъ гнѣздѣ*.—Лизавета Михайловна или Лиза, какъ зовутъ ее дома, по своему характеру принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ самородковъ, явленіе которыхъ трудно себѣ объяснить чѣмъ нибудь предъидущимъ или современнымъ. Страстная и пылкая отъ природы, стройная, высокая, черноволосая, съ блѣднымъ, но свѣжимъ и серьезно-выразительнымъ лицомъ, она получила отъ природы все, что природа можетъ дать женщинѣ для жизни и наслажденія; но она не спѣшитъ на встрѣчу жизни и наслажденію. Она чиста сердцемъ и мыслію какъ ребенокъ;—печать невыразимой скромности и кротости лежитъ на ея дѣвственной красотѣ,—и она робко стоитъ на порогѣ жизни, не напрашиваясь ни на что и не отталкивая отъ себя ничего; а передъ ней, лицомъ къ лицу, уже выростаетъ загадка ея будущей участи, покрытая трауромъ тайнаго, грустнаго предчувствія. Загадка эта близка къ разрѣшенію; потому что Лиза уже невѣста по лѣтамъ и по своему положенію въ обществѣ. Маменька уже прочитъ ей жениха и женихъ уже ѣздитъ къ нимъ въ домъ; но Лиза не ласкаетъ себя радужными мечтаніями. Въ этомъ отношеніи, она непохожа на дѣвушку своихъ лѣтъ. Въ ней есть какая то ранняя зрѣлось сердца, ода-

реннаго вѣрнымъ инстинктомъ, а этотъ вѣрный инстинктъ пророчитъ ей крестъ и терновый вѣнокъ; потому что для нее нѣтъ мѣста между людьми ее окружающими. Она существо изъ другаго міра;—она присутствуетъ между ними, не смѣшиваясь съ ними, какъ образъ мученицы изъ первыхъ вѣковъ Христіанства, между толпою людей равнодушно идущихъ мимо.

Семейство Лизы состоитъ изъ матушки ея Марьи Дмитріевны, меньшой сестры Леночки и тетки—Марфы Тимофѣевны Пестовой,—крутой и оригинальной, но очень доброй и умной старушки, которая любитъ Лизу какъ родную дочь и бережетъ ее какъ свой глазъ, но дивится подъ часъ ея странностямъ и не можетъ ее понять. Что касается до Марьи Дмитріевны, то она слишкомъ глупа, чтобы кого нибудь понять и слишкомъ занята собой, чтобы кого нибудь сильно любить. Марья Дмитріевна—это типъ своего рода. Приторная, сентиментальная барыня лѣтъ 50-ти съ куринымъ мозгомъ и съ прокислыми институтскими ужимками, она весь свой вѣкъ нянчилась съ своимъ маленькимъ самолюбіемъ, какъ ребенокъ съ куклою и никогда не выходила изъ этой тѣсной черты, не потому чтобы не хотѣла, а потому что душа у ней была такъ мелка, что ея не хватало на какую нибудь другую болѣе просторную сферу сердечной или мысленной жизни. Марья Дмитріевна, какъ всѣ женщины этого рода, очень любитъ гостей; а изъ гостей—особенно тѣхъ, кто за нею ухаживаетъ; а изъ этихъ послѣднихъ она безъ души отъ одного молодаго человѣка, — Владиміра Николаевича Паншина, который имѣетъ виды на Лизу.

Паншинъ далекъ отъ Лизы во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ того довольно равнаго положенія въ свѣтѣ, на шаткомъ основаніи котораго строится такъ называемая *хорошая партія*. Паншинъ, это образецъ бойкаго чиновника и ловкаго свѣтскаго человѣка. Онъ камеръ-юнкеръ и родня Губернатору и присланъ изъ Петербурга, по особымъ порученіямъ, въ городъ О***;—короче сказать, его положеніе въ свѣтѣ прекрасно и открываетъ блестящую будущность впереди; а Лиза имѣетъ хорошее приданое, и въ этомъ смыслѣ они конечно пара. Но Паншинъ—человѣкъ холодный и хитрый; Паншинъ, несмотря на свою молодость, никогда не можетъ забыться или отдаться чему нибудь всею ду-

шою;—Паншинъ и Лиза—это два полюса самаго рѣзкаго противорѣчія, какое только можетъ быть встрѣчено въ нашемъ быту,—и если бы не тотъ уровень, о которомъ мы говорили сначала и который мѣшаетъ намъ знать другъ друга, не съѣвъ пуда соли, то между ними не могло бы родиться и мысли о союзѣ какого бы то ни было рода. Они бы оттолкнули другъ друга на первой встрѣчѣ.—Лиза, по крайней мѣрѣ, никогда не могла любить и дѣйствительно не любила Паншина; а между тѣмъ она едва не вышла за него замужъ.—Трудно это понять, зная дальнѣйшее развитіе ея характера, а между тѣмъ, мы не скажемъ, чтобы это было рѣшительно невозможно. Стоитъ только вглядѣться въ Лизу внимательнѣе и мы найдемъ въ ней такія черты, которыя дадутъ намъ достаточное объясненіе.

Мысли о Богѣ и пламенная любовь къ нему и дѣтская покорность волѣ его, съ раннихъ поръ заняли первое мѣсто въ сердцѣ Лизы и не дали хода тѣмъ розовымъ, но чисто эгоистическимъ грезамъ, которые обыкновенно бродятъ въ головѣ молодой дѣвушки ея лѣтъ. Она слишкомъ чиста и невинна и слишкомъ мало думаетъ о себѣ, чтобы останавливать свое воображеніе на личномъ смыслѣ того, что ее ожидаетъ. Она смотритъ на бракъ не со стороны тѣхъ правъ, которыя онъ даетъ, а со стороны тѣхъ обязанностей, которыя онъ налагаетъ. Паншина она вовсе не знаетъ, но думаетъ что онъ долженъ быть добръ и хорошъ потому что онъ нравится ея матери. Въ душѣ, она нечувствуетъ къ нему ничего, кромѣ простаго, дружескаго расположенія молодой дѣвушки къ молодому, ловкому и умному человѣку, который за нею ухаживаетъ, — но ей кажется, что болѣе ничего и не нужно.—Далѣе, она слишкомъ строга къ себѣ и слишкомъ скромна, чтобы цѣнить себя выше его въ какомъ нибудь смыслѣ и слишкомъ мало знаетъ людей, чтобы претендовать съ своей стороны на вѣрную оцѣнку его характера.—Наконецъ, она фаталистка по сердечнымъ своимъ убѣжденіямъ и ненаходя кругомъ себя ничего такого, что отвѣчало бы прямо на тайный призывъ ея сердца, она равнодушно готова на все,—готова съ покорностію встрѣтить свою судьбу какова бы она ни была. Что ни думай, а своего счастья не выдумаешь и отъ своей судьбы не уйдешь; потому что судьба человѣка и счастье его

зависятъ отъ высшей воли,—вотъ безотчетное, но глубокое убѣжденіе, которое звучитъ у ней въ каждомъ словѣ, и это убѣжденіе вполнѣ согласно съ ея строгимъ, величаво-спокойнымъ и непреклонно-рѣшительнымъ нравомъ. Она слишкомъ смѣла и горда, чтобы бояться будущаго;—она слишкомъ живо чувствуетъ въ себѣ достоинство человѣка, чтобы трепетать передъ своею участью, какова бы она ни была.—Горе или радость,—что нужды;—всему есть конецъ, все пройдетъ и исчезнетъ, потому что въ концѣ всего мы должны умереть.—На днѣ такого религіознаго и нравственнаго фатализма, мы встрѣчаемъ обыкновенно много, силы и чистоты, но мало огня; а между тѣмъ, огонь у Лизы есть, да и какой еще огонь.—Лиза, какъ мы уже говорили, необыкновенная дѣвушка. Это природа цѣльная и могучая, самобытность которой не терпитъ чужихъ элементовъ и не выноситъ чужой, насильственной формы. Религія для нея не схоластическій догматизмъ, а свободное стремленіе духа, имѣющее свою основу въ глубинѣ сердца отъ природы пламеннаго и страстнаго. И сердце это не чуждается ничего, ему доступны всѣ страстныя увлеченія, всѣ бурные порывы огненной юности. Оно незамкнуто въ себѣ и не отталкиваетъ внѣшняго прикосновенія. Оно готово отдать себя безъ разсчета; но оно не умѣетъ шутить. Если оно отдастъ себя разъ, то этотъ разъ будетъ одинъ во всю жизнь и тотъ кто получитъ его будетъ владѣть имъ одинъ, навсегда, безвозвратно. Но кто же будетъ этотъ одинъ? Неужли этотъ человѣкъ — пожилой и убитый духомъ, этотъ мужъ опозореный своею женою, которая успѣла уже пріобрѣсти себѣ за границей незавидную славу; — неужли Лаврецкій? — Какъ могла Лиза выбрать такъ неосторожно? Да и что такое Лаврецкій? чѣмъ заслужилъ онъ такую любовь? . . . . Пустой вопросъ, который разбивается въ прахъ о безпредѣльную тайну любви. Любовь не была бы любовь, если бы она давалась какъ орденъ въ вознагражденіе за заслуги, любовь потому и безцѣнна, что она дается даромъ, какъ все прекрасное въ жизни. Но есть одно условіе, безъ котораго она невозможна. Человѣкъ, страстно любимый, долженъ быть непохожъ на другихъ. Онъ долженъ имѣть въ себѣ много особеннаго;—иначе любовь не въ силахъ будетъ опредѣлить себя съ внѣшней и положитель-

ной стороны. Она останется неясным стремленіемъ къ самосозданному идеалу, къ своей личной мечтѣ;—и въ этомъ то отношеніи мы спрашиваемъ себя опять:—что такое Лаврецкій?—Особеннаго въ немъ такъ мало, что не за что ухватиться. Это просто умный и добрый русскій баринъ, который ни съ внутренней, ни съ внѣшней своей стороны не имѣлъ бы въ себѣ ровно ничего замѣчательнаго, если бы измѣна жены и ея поведеніе за границею не выработали для него одно изъ тѣхъ лирическихъ положеній, въ которыхъ всякій человѣкъ съ человѣческимъ сердцемъ и сколько нибудь развитою головою становится для насъ интересенъ. Лаврецкій — человѣкъ *хорошаго тона*; но что за не видаль *хорошій тонъ* и что въ немъ интереснаго? Положимъ, онъ рѣже встрѣчается чѣмъ дурной, но за то если кто разъ его видѣлъ, тотъ видѣлъ его весь и на другой разъ ему неостанется ничего увидать. Онъ самъ не творитъ и невыработываетъ ничего; напротивъ, онъ сглаживаетъ самобытную особенность человѣка и подводитъ ее подъ уровень общепринятыхъ, общеизвѣстныхъ законовъ моды со всѣми ея мелочными претензіями. Немало людей *хорошаго тона* видали мы въ повѣстяхъ г. Тургенева, а велика ли между ними есть разница? Она почти вся держится на внѣшней обстановкѣ лица, на разныхъ случайныхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ его жизни; а съ внутренней стороны, въ наше время, *хорошій тонъ* сталъ слишкомъ взыскателенъ и навязчивъ, чтобъ допустить какое нибудь самовольство, какое нибудь уклоненіе отъ принятой мѣрки. Давно уже прошла та счастливая для порядочнаго человѣка пора, когда его кодексъ довольствовался строгимъ опредѣленіемъ формы въ одеждѣ, въ обращеніи, въ способѣ выражаться и въ матерьяльной обстановкѣ жизни.—Нынче, *хорошій тонъ* въ своихъ требованіяхъ, далеко уже перешелъ за эту черту. Нынче, и вѣрованія и убѣжденія и образъ мыслей и стремленія человѣка,—онъ все забираетъ въ руки, во все суется и вмѣшивается и чрезъ все проводитъ ту тонкую черту строжайшаго опредѣленія, отъ которой порядочному человѣку нѣтъ возможности отступить ни на шагъ и эта черта для всѣхъ одна. Она не хочетъ знать никакихъ различій, недопускаетъ никакакой самостоятельности, оригинальности, никакихъ мѣстныхъ, лич-

ныхъ выходокъ человѣческаго характера. Все у ней либо принято, либо нѣтъ,—середины не существуетъ. Каждый шагъ по ней, каждая точка и поворотъ и изгибъ—*sont de rigueur* и бичь насмѣшки, презрѣнія, укоръ въ невѣжествѣ, въ хамствѣ,—занесены днемъ и ночью надъ головою отступника. Куды дѣваться ему съ своею особенностью? Эта послѣдняя дрожитъ и блѣднѣетъ подъ строгимъ осмотромъ моды и задыхается, застегнутая на всѣ пуговицы въ ея тѣснѣйшемъ мундирѣ.

Соображая всѣ эти обстоятельства, намъ не трудно понять отчего Федоръ Ивановичь Лаврецкій—этотъ чистѣйшій породы джентльменъ имѣетъ въ себѣ такъ мало особеннаго и личнаго; но трудно все таки понять, что нашла въ немъ Лиза такого, чего она не могла бы найти во всякомъ другомъ человѣкѣ хорошаго тона.—Сочувствіе что ли? Но развѣ Лаврецкій понялъ Лизу такъ, какъ мы ее понимаемъ, вглядываясь въ изящный рисунокъ г. Тургенева?—развѣ онъ сочувствовалъ всею душею тому, что горѣло такъ чисто и жарко на днѣ ея сердца?—Нѣтъ,—онъ понялъ сердцемъ своимъ только одну наружную и легко доступную сторону ея сердца; а на другую смотрѣлъ съ высоты своихъ европейскихъ убѣжденій,—смотрѣлъ какъ робкій формалистъ,—и въ душѣ Лизы до конца остался одинъ уголокъ, *куда онъ не могъ проникнуть*, истинный смыслъ котораго онъ не въ силахъ былъ разгадать.

«Наши убѣжденія на этотъ счетъ слишкомъ различны, Лиза-«вета Михайловна, мы не поймемъ другъ друга, говоритъ «Лаврецкій *довольно рѣзко*, когда Лиза напоминаетъ ему о женѣ «и уговариваетъ съ ней помириться.

«Лиза поблѣднѣла; все тѣло ея слегка затрепетало, но она не «замолчала.»

— «Вы должны простить,—промолвила она тихо,—если хоти-«те, чтобы и васъ простили.»

— «Простить!—подхватилъ Лаврецкій. Вы бы сперва долж-«ны были узнать за кого вы просите? Простить эту женщину, «принять ее опять въ свой домъ, ее, это пустое, безсердечное «существо! И кто вамъ сказалъ, что она хочетъ возвратиться ко «мнѣ?—Помилуйте, она совершенно довольна своимъ положені-«емъ. Да что тутъ толковать? Имя ея не должно быть произноси-

«мо вами. Вы слишкомъ чисты, вы не въ состояніи даже понять «такое существо.»

— «Зачѣмъ оскорблять?... съ усиліемъ проговорила Лиза; «дрожь ея рукъ становилась видимой» и т. д.

Но Лаврецкій и тутъ не догадался въ чемъ дѣло. Авторитетъ, понятіе, убѣжденіе, законъ вкуса, стояли у него постоянно передъ глазами и онъ думалъ что Лиза хочетъ ихъ опровергнуть, хочетъ навязать ему другіе догматы и теоріи, — между тѣмъ какъ она была далеко отъ догматики и отъ холодныхъ выводовъ изъ общаго правила. Пылкое вдохновеніе звучало въ ея словахъ, тайна прощенія и искупленія совершалась на днѣ души. Не о будничномъ правилѣ, а о праздничномъ исключеніи говорила она, не о судѣ и законѣ, а о дарѣ щедраго сердца. Она хотѣла сказать, что если всякому изъ насъ дать только то, что онъ заслужилъ, то мы всѣ остались бы нищими; что любовь безпредѣльно щедра, что она не знаетъ вѣсовъ и мѣры и даетъ больше чѣмъ просятъ у нея, больше чѣмъ кто нибудь имѣетъ право просить и ждать. Вотъ что она хотѣла сказать отъ полноты своего пылкаго сердца и вотъ отчего она блѣднѣла, дрожала, отчего голосъ ея трепеталъ. А онъ топалъ ногами, онъ думалъ о своей обидѣ и о своихъ правахъ и,—какъ знать,—можетъ быть думалъ еще о судѣ свѣта и о бичѣ насмѣшки, занесенномъ надъ его головою.—Въ его понятіяхъ, между нимъ и его женою, лежала пропасть непроходимая и французское *jamais* съ кодексомъ хорошаго тона въ рукахъ стояло съ его стороны на сторожѣ, карауля чтобы что нибудь черезъ нее не перелетѣло и не закралось невольно въ его сердце. Онъ ставилъ себя неизмѣримо выше ея. Онъ не хотѣлъ видѣть въ ней равнаго себѣ человѣка и бывшаго друга. Онъ видѣлъ въ ней только развратную женщину,—и мысль о томъ, чтобы протянуть ей руку, не смотря ни на что, чтобы простить и спасти ее,—эта мысль, не взирая на все, что говорила ему Лиза, до конца ни разу не посѣтила его головы. Не лучшее ли это доказательство, что онъ былъ порядочный человѣкъ съ головы до конца ногтей и что выйти изъ ряда, отступить отъ закона строжайшихъ приличій въ отношеніи къ падшей своей женѣ, для него было также невозможно, какъ невозможно для иныхъ людей выйти безъ перчатокъ на улицу.

Но какъ бы то ни было, несмотря на такой недостатокъ сочувствія, только что успѣлъ Лаврецкій, по возвращеніи на родину, посѣтить раза два или три домъ родственниковъ своихъ Калитиныхъ, какъ между нимъ и Лизою началось быстрое сближеніе. Съ первыхъ встрѣчъ, она уже краснѣла и слушала его, смотрѣла на него неравнодушно. Съ своей стороны и онъ, пользуясь правомъ еще не отнятымъ модою у порядочнаго человѣка, сталъ чувствовать первые припадки и первый бредъ той сладкой болѣзни, о которой уже нѣсколько тысячь лѣтъ твердятъ намъ поэты, не опасаясь наскучить. Паншинъ скоро остался совсѣмъ въ сторонѣ. Напрасно пѣлъ онъ свои романсы и куражился въ домѣ Калитиныхъ, какъ молодой пѣтухъ въ завоеванныхъ имъ владѣніяхъ:—о немъ думала одна только Марья Дмитріевна. Наконецъ, въ отвѣтъ на предложеніе сдѣланное имъ съ полной увѣренностію въ успѣхѣ, — Лиза, къ большому его изумленію, просила его подождать. Она могла бы и просто ему отказать; но она еще колебалась. Она недавала еще себѣ яснаго отчета въ чувствахъ своихъ къ Лаврецкому: ее пугалъ еще призракъ жены, оставленной имъ за границею, жены, съ которою она сама желала его помирить. Но вотъ, какъ будто нарочно почти въ тоже самое время, какъ Паншинъ сдѣлалъ Лизѣ свое предложеніе, Лаврецкій принесъ ей номеръ французской газеты съ извѣстіемъ о смерти этой несчастной женщины. Извѣстіе это рѣшило ея судьбу;—она отдалась всѣмъ сердцемъ тому, кого она уже втайнѣ любила съ первыхъ встрѣчъ, съ первыхъ словъ услышанныхъ отъ него. Дѣло ихъ быстро пошло впередъ;—они уже угадывали другъ друга; недоставало только признанія, но и оно не заставило долго себя ожидать. Въ одну безлунную ночь, случай свелъ ихъ въ саду и тамъ, на деревянной скамьѣ, подъ навѣсомъ кустовъ, при звукѣ перваго поцалуя, мелькнула для нихъ одна минута восторга и сладкаго забытья. Но дорого заплатили они за эту минуту; развязка шла за ней по пятамъ. Предчувствія Лизы сбылись. Не даромъ она рыдала, когда Лаврецкій признался ей въ любви: — счастье только мелькнуло передъ ея глазами на мигъ и почти въ тотъ же мигъ исчезло на вѣки.

Въ одно прекрасное утро, Лаврецкій, возвратясь изъ деревни на свою городскую квартиру, застаетъ тамъ жену свою Варвару

Павловну, которая со всѣмъ и недумала умирать. Въ полной силѣ и цвѣтѣ лѣтъ, съ едва помятою красотою, нарядная, раздушеная, ловкая,—она вернулась изъ за границы съ явно высказаннымъ намѣреніемъ выпросить себѣ у мужа прощенье и помириться съ нимъ во имя ихъ дочери,—съ заднею мыслію: устроить свои дѣла и стать на болѣе твердую ногу въ жизни. — Съ отвращеніемъ выслушиваетъ онъ ея заученыя рѣчи. Онъ видитъ передъ собой, на колѣняхъ, не кающуюся грѣшницу, а французскую актрису, ловко разъигрывающую свою роль,—камелію съ разрисованными глазами, — женщину безъ души, безъ вѣры, безъ націи и безъ чести,—съ французскими фразами и ужимками вмѣсто приличія,—съ театральнымъ паѳосомъ вмѣсто сердца. Отъ нея пахнетъ пачули, вѣетъ романами Дюма и Поля Феваля, мелодрамою, водевилемъ....... Лаврецкій пораженъ и взбѣшенъ. Онъ отвѣчаетъ ей презрительными насмѣшками и едва удерживаетъ себя въ границахъ приличія,—едва не отталкиваетъ ее ногою прочь отъ себя;—но она, нпчѣмъ не смущаясь, доигрываетъ свою роль до конца..... Все кончено, всѣ надежды на счастье рухнули въ прахъ;—для него нѣтъ выхода изъ этого положенія.—Но что скажетъ Лиза, какъ приметъ она эту новость?—Поплачетъ, погруститъ и потомъ, скрѣпя сердце,—выйдетъ за мужъ за Паншина или, за кого нибудь другаго?—Нѣтъ, она не знаетъ что значитъ забыть. Твердо выслушиваетъ она свой приговоръ и не ропщетъ на него, не проклинаетъ свою судьбу,—но для нея нѣтъ возврата. Она тоскуетъ и сохнетъ. Не прошло и недѣли, какъ глаза ея потухли отъ слезъ, лицо исхудало и черты его заострились; — но что нужды, она несогнетъ головы подъ грозой, и покуда сердце бьется въ груди неотступитъ ни шагу назадъ. Она требуетъ, чтобы Лаврецкій помирился съ женой и принялъ къ себѣ свою дочь; а потомъ проситъ его, чтобы онъ не приходилъ больше въ ихъ домъ, — чтобы онъ уѣзжалъ скорѣе,—и онъ дѣйствительно уѣзжаетъ послѣ холоднаго и формальнаго мирнаго договора съ Варварой Павловной. Лиза осталась одна. Все прошло для нея и загадка жизни ее разгадана. Всѣ дороги кончаются тутъ;—далѣе нѣтъ пути;—далѣе Богъ и вѣчность на небесахъ; а на землѣ черная ряса монахини, да безутѣшное сердце, да постоянная, неумолкающая молитва.—Лиза

рѣшилась идти въ монастырь и сообщила объ этомъ намѣреніи своей теткѣ. Эту печальную развязку Авторъ описываетъ намъ въ слѣдующихъ чертахъ.

«У Лизы была особая, небольшая комнатка во второмъ этажѣ «дома ея матери, чистая, свѣтлая, съ бѣлой кроваткой, съ горш-«ками цвѣтовъ по угламъ и передъ окнами, съ маленькимъ пись-«меннымъ столомъ, горкою книгъ и распятіемъ на стѣнѣ, комна-«та эта прозывалась дѣтской; Лиза родилась въ ней. Вернувшись «изъ церкви, гдѣ ее видѣлъ Лаврецкій, она тщательнѣе обыкно-«веннаго привела все у себя въ порядокъ, отвсюду смела пыль, «пересмотрѣла и перевязала ленточками всѣ свои тетради и письма «пріятельницъ, заперла всѣ ящики, полила цвѣты и коснулась «рукою каждаго цвѣтка. Все это она дѣлала не спѣша, безъ шума, «съ какой то умиленной и тихой заботливостію на лицѣ. Она оста-«новилась наконецъ посреди комнаты, медленно оглянулась и, по-«дойдя къ столу, надъ которымъ висѣло распятіе, опустилась на «колѣни, положила голову на стиснутыя руки и осталась непо-«движной.»

«Марѳа Тимофѣевна вошла и застала ее въ этомъ положеніи. «Лиза не замѣтила ея прихода. Старушка вышла на цыпочкахъ «за дверь и нѣсколько разъ громко кашлянула, Лиза проворно «поднялась и отèрла глаза, на которыхъ сіяли свѣтлыя, не про-«лившіеся слезы.

— «А ты, я вижу, опять прибирала свою келейку, промолвила «Марѳа Тимофѣевна, низко наклоняясь къ горшку съ молодымъ «розаномъ.—Какъ славно пахнетъ?

«Лиза задумчиво посмотрѣла на свою тетку.

— «Какое вы это произнесли слово, прошептала она.

— «Какое слово, какое, съ живостью подхватила старушка.—«Ч̀то ты хочешь сказать?—Это ужасно, —заговорила она, вдругъ «сбросивъ чепецъ и присѣвши на Лизиной кроваткѣ:—это сверхъ «силъ моихъ. Четвертый день сегодня, какъ я словно въ котлѣ «киплю; я не могу больше притворяться что ничего не замѣчаю, «не могу видѣть какъ ты блѣднешь, сохнешь, плачешь,—не мо-«гу, не могу.»

— «Да что съ вами, тетушка? промолвила Лиза:—я ничего....

— «Ничего! воскликнула Марѳа Тимофѣевна; — это ты дру-«гимъ говори, а не мнѣ!—Ничего! а кто сейчасъ стоялъ на колѣ-

«нихъ? У кого рѣсницы еще мокры отъ слезъ?—Ничего! Да ты «посмотри на себя что ты сдѣлала съ своимъ лицомъ, куда глаза «свои дѣвала?—Ничего! развѣ я не все знаю?»

— «Это пройдетъ, тетушка; дайте срокъ.»

— «Пройдетъ, да когда? Господи, Боже мой, Владыко! неужли «ты такъ его полюбила? Да вѣдь онъ старикъ, Лизочка. Ну, я не «спорю, онъ хорошій человѣкъ, не кусается; да вѣдь чтожъ та-«кое? всѣ мы хорошіе люди; земля не клиномъ сошлась, этого до-«бра всегда будетъ много.»

— «Я вамъ говорю, все это пройдетъ, все это уже прошло.»

— «Слушай, Лизочка, что̀ я тебѣ скажу, промолвила вдругъ «Марѳа Тимофѣевна, усаживая Лизу подлѣ себя на кровати и по-«правляя то ея волосы, то косынку.—Это тебѣ только такъ сгоря-«ча кажется что горю твоему пособить нельзя. Эхъ, душа моя, на «одну смерть лекарства нѣтъ! Ты только вотъ скажи себѣ: «не «поддамся молъ я, ну его?» и сама потомъ, какъ диву дашься,—«какъ оно скоро, хорошо проходитъ. Ты, только потерпи.»

— «Тетушка, возразила Лиза:—оно уже прошло; все прошло!»

— «Прошло! Какое прошло! Вотъ у тебя носикъ даже заво-«стрился, а ты говоришь: прошло. Хорошо: прошло!»

— «Да, прошло, тетушка, если вы только захотите мнѣ по-«мочь, произнесла съ внезапнымъ одушевленіемъ Лиза и бросилась «на шею Марфы Тимофѣевны.—Милая текушка, будьте другомъ, «помогите мнѣ, не сердитесь, поймите меня....»

— «Да что̀ такое, что̀ такое, мать моя? Не пугай меня пожа-«луйста; я сейчасъ закричу, не гляди такъ на меня; говори ско-«рѣе, что такое?»

— «Я....я хочу....—Лиза спрятала свое лицо на груги Марфы «Тимофѣевны....— Я хочу идти въ монастырь, проговорила она «глухо.

«Старушка такъ и подпрыгнула на кровати.

— Перекрестись, мать моя, Лизочка; опомнись, что̀ ты это, «Богъ съ тобою, пролепетала она наконецъ:—лягъ, голубушка, «усни немножко; это все у тебя отъ безсонницы, душа моя.»

Лиза подняла голову; щеки ея пылали.»

— «Нѣтъ, тетушка, промолвила она: не говорите такъ; я рѣ-«шилась, я молилась, я просила совѣта у Бога; все кончено, кон-

«чена моя жизнь съ вами. Такой урокъ не даромъ; да я ужъ не «въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло; даже «когда у меня были надежды на счастіе сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство наше нажилъ; я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо. «Васъ мнѣ жаль, жаль мамаши, Леночки: но дѣлать нечего; «чувствую я что мнѣ не житье здѣсь; я уже со всѣмъ простилась, «всему въ домѣ поклонилась въ послѣдній разъ; отзываетъ меня «что-то, тошно мнѣ, хочется запереться на вѣкъ».... и. т. д.»

На этой прекрасной сценѣ оканчивается повѣсть Г-на Тургенева и мы не можемъ себѣ представить ничего трогательнѣе, изящнѣе этой развязки. Она завершаетъ энергическою чертою постепенное развитіе характера Лизы, который и съ самаго начала уже ярко дѣлится отъ всего остальнаго по своей поэтической красотѣ; но въ концѣ и особенно въ этой послѣдней сценѣ достигаетъ почти до трагической высоты. Вотъ истинная причина, отчего легкій, простой и милый разсказъ Г-на Тургенева, несмотря на свои безконечные эпизоды и на свой мѣстами небрежно шутливый тонъ, пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ серьезное значеніе. Лиза, ея характеръ, ея положеніе и судьба все это рѣзко выходитъ изъ круга обыкновенныхъ явленій нашей литературы и жизни, по своей тѣсной связи съ труднымъ, но въ высшей степени интереснымъ вопросомъ о религіи нашего общества и о соціальномъ значеніи между нами людей, въ характерѣ которыхъ преобладаетъ религіозное направленіе.

Переходя отъ Лизы къ той группѣ лицъ, въ прикосновеніи съ которыми характеръ ея развивается и обнаруживаетъ передъ нами внутреннее свое содержаніе, мы находимъ во первыхъ, что герой повѣсти Федоръ Ивановичъ Лаврецкій, не смотря на свою замѣчательную лирическую красоту, слишкомъ вялъ для такой героини какъ Лиза. Онъ не довольно явственно дѣлится отъ прежнихъ героевъ Г-на Тургенева, чтобы удержать между ними свою индивидуальность;—въ немъ также мало упругости и дѣятельной энергіи, также мало инциціативы. Все что случается съ нимъ случается неожиданно для него и почти противъ воли его;—самъ же онъ не даетъ никакого отпора внѣшнимъ

вліяніямъ его увлекающимъ; — самъ онъ выходитъ страдающимъ, а не дѣйствующимъ лицомъ. Словомъ онъ не заслуживаетъ той чести, которую авторъ сдѣлалъ ему, поставивъ его на первый планъ и на одну доску съ Лизою. Гораздо болѣе оригинальнаго мы находимъ въ Марфѣ Тимофѣевнѣ или въ Марьѣ Дмитріевнѣ или въ Варварѣ Павловнѣ, или даже въ Паншинѣ, Леммѣ и Михалевичѣ. Всѣ эти типы схвачены мѣтко и выполнены съ большимъ вкусомъ, съ чисто художественнымъ мастерствомъ; но и имъ равно недостаетъ тѣхъ крупныхъ, яркихъ очертаній, которыя выдвигаютъ лицо изъ рамки и придаютъ ему сильную занимательность. Причина этого недостатка лежитъ впрочемъ не въ выборѣ лицъ, а въ отсутствіи дѣла. Его почти вовсе нѣтъ. Сюжетъ весь построенъ изъ чисто лирическаго матеріала положеній, контрастовъ, настроеній души, ея впечатлѣній и зараждающихся или угасающихъ порывовъ. Эпическій интересъ если и присоединяется ко всему этому мѣстами, то присоединяется какъ то съ боку, особо, не смѣшиваясь со всѣмъ остальнымъ. Для него отведено особое поле родословныхъ и чисто ретроспективныхъ взглядовъ на предъидущую исторію лицъ и по этому полю онъ постоянно пятится ракомъ, Кстати или не кстати, разсказъ прерывается безпрестанно на самыхъ лучшихъ мѣстахъ и мы узнаемъ факты очень мало для насъ интересные по причинѣ ихъ малой связи съ господствующимъ, дѣйствительнымъ интересомъ повѣсти,—факты въ хронологическомъ порядкѣ отстоящіе на цѣлые десятки и сотни лѣтъ отъ настоящей эпохи разсказа. Мы узнаемъ, напримѣръ, кто былъ отецъ Паншина и какую роль игралъ онъ въ столичномъ кругу и какіе имѣлъ глаза, лицо, носъ, привычки, манеры, вслѣдствіе чего отецъ Паншина, вовсе ненужная для насъ особа, становится рядомъ съ сыномъ и эффектъ выходитъ въ родѣ того какъ если бы задняя стѣна декораціи на театральной сценѣ, съ какою нибудь особенною, неизвѣстною намъ цѣлію придвинута была къ самымъ шкаликамъ. Далѣе, мы узнаемъ въ какомъ году и въ какомъ городѣ родился нѣмецъ Леммъ и на какихъ инструментахъ играли его отецъ и мать и такъ далѣе, всю исторію этого чисто побочнаго актера. Такимъ же образомъ, къ каждому лицу приложено нѣчто въ родѣ его формулярнаго списка, почти всегда

захватывающаго на двѣ или на три ступени въ восходящее поколѣніе;—но когда очередь доходитъ до Лаврецкаго, то авторъ уже не довольствуется одной или двумя ступенями, а даетъ намъ цѣлую исторію его предковъ едва ли не со временъ Іоанна Грознаго и въ этой исторіи такое множество подробностей, лицъ и событій, портретовъ и сценъ и вся эта пестрая толпа, на зло перспективѣ, съ такимъ упорствомъ стремится на первый планъ, что фигурамъ, по праву его занимающимъ, становится тѣсно и душно; онѣ блѣднѣютъ на нашихъ глазахъ и теряютъ свои размѣры тѣмъ легче, что всѣ онѣ сами отчасти похожи на фамильные портреты по своей неподвижности. Всѣ онѣ, какъ истинные дворяне нашихъ временъ, или вовсе ничегонедѣлаютъ, или только собираются и готовятся что нибудь дѣлать; но до дѣла все таки недоходятъ. По крайней мѣрѣ, на сценѣ, мы вовсе не видимъ дѣла. О немъ только упоминается какъ о прошедшемъ или будущемъ, а въ настоящемъ все, что не много покрупнѣе происходитъ или за сценою или вовсе не происходитъ. Такъ напримѣръ жена измѣняетъ Лаврецкому за сценою; а на сценѣ мы видимъ только лирическія послѣдствія этой измѣны въ душѣ героя. Лиза идетъ въ монастырь за сценою, а на сценѣ занавѣсъ опускается надъ ея намѣреніемъ постричься.

Вотъ все, что мы имѣемъ сказать объ общемъ складѣ и ходѣ разсказа. Анализируя его содержаніе, мы не могли ввести въ нашъ анализъ почти ни одного второстепеннаго лица не потому чтобы лица эти, сами по себѣ, не заслуживали особеннаго вниманія или терялись въ ряду другихъ; а по той же самой причинѣ, о которой мы сей часъ говорили; то есть именно потому, что они стоятъ вокругъ главной нити разсказа какъ портреты, развѣшанные по стѣнамъ, не принимая въ ходѣ событій никакого дѣятельнаго участія, что не покажется удивительно если мы сообразимъ, что самыхъ событій на сценѣ нѣтъ. Одна только Варвара Павловна съ своимъ пріѣздомъ изъ за-границы до нѣкоторой степени дѣлаетъ исключеніе въ этомъ смыслѣ. Лицо это и всѣ сцены въ семействѣ Калитиныхъ, происходящія вслѣдствіе его появленія, очерчены ловко и колко и нерѣдко увлекаютъ насъ своей сатирической красотой. Одно только мы позволимъ себѣ замѣтить въ отношеніи къ нимъ,—это то, что они,

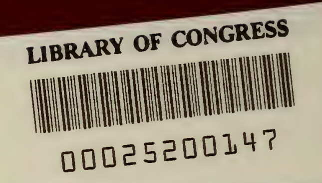
какъ намъ кажется, выиграли бы много со стороны ихъ психологическаго и общежитейскаго правдоподобія, если бы Авторъ изобразилъ намъ Варвару Павловну въ менѣе односложномъ тонѣ того же самаго характера. Трудно себѣ вообразить, чтобы, возвратясь на родину, къ мужу и къ тѣмъ мѣстамъ: которые видѣли ее еще чистою, незапятнанною, молодою женою Лаврецкаго,— женщина эта не почувствовала въ своей душѣ ни малѣйшей искры чистосердечнаго раскаянія и сожалѣнія о прошедшемъ;— чтобы все русское, семейное и родное искоренено было въ ней до тла;—однимъ словомъ, чтобы камелія и актриса наполняли все ея существо, неоставивъ ни малѣйшаго уголка ни для чего посторонняго, болѣе теплаго, благороднаго и живаго. Одна черта, одинъ намекъ въ этомъ родѣ—и какъ бы выиграла Варвара Павловна въ нашихъ глазахъ, не только со стороны психологическаго своего правдоподобія, а даже и съ чисто сатирической, чисто смѣшной своей стороны.—Тогда и Лаврецкій можетъ быть могъ бы сдѣлать хоть шагъ изъ колеи своего строго-приличнаго тона и встрѣча его съ женою можетъ быть не напомнила бы ему и намъ «*одну сцену изъ мелодрамы*».

Возвращаясь къ общему характеру повѣсти, мы находимъ, что много пестраго входитъ въ составъ ея и большею частію довольно случайно, въ видѣ какихъ то арабесковъ и украшеній цѣлаго, неимѣющихъ съ нимъ никакой внутренней связи. Но между этою пестротою есть одна черта, которая преобладаетъ надъ всѣми другими и сильнѣе всѣхъ другихъ привлекаетъ насъ своей красотой;—это лирическій тонъ, лирическое настроеніе главныхъ характеровъ въ ихъ отношеніи другъ къ другу и къ жизни. Эта черта, или этотъ тонъ мѣстами не замѣтно сливается со всѣмъ остальнымъ, но мѣстами дѣлится и выходитъ наружу такъ ярко, съ такимъ увлекательнымъ, вдохновеннымъ порывомъ, что мы забываемъ отсутствіе мѣтра и рифмы и видимъ передъ собой уже не главы романа, а пѣсни поэмы. Дѣйствительно, есть страницы въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ* Г. Тургенева, которымъ недостаетъ только музыкальной формы, чтобы занять свое мѣсто въ ряду лучшихъ пѣсень, звучавшихъ когда нибудь на нашемъ родномъ языкѣ. Нужно ли говорить, что читая ихъ, мы не жалѣемъ нисколько объ отсутствіи этой формы. Время господства

ея прошло и можетъ быть навсегда. Въ наше время, она осталась по праву только за тѣмъ, что дѣйствительно можетъ быть спѣто. Все остальное ужъ вышло изъ тѣсныхъ ея границъ. Во всемъ остальномъ, мы уже слишкомъ выросли и созрѣли, чтобы смотрѣть на музыку какъ на необходимую няньку и спутницу изящнаго слова:—а безъ нея, наивная дѣтски нарядная обувь стиха уже какъ-то смѣшна въ наши лѣта. Она уже нейдетъ къ нашей важной походкѣ и толстымъ ступнямъ. Она, какъ узкій башмакъ, жметъ и стѣсняетъ насъ на ходу; потому что она, какъ форма, годится только для чисто поэтическаго содержанія, а чисто поэтическое содержаніе, для насъ стало почти недоступно. Порывы юношескаго восторга еще находятъ на насъ порой; но мы уже не въ силахъ отдаться имъ всею душою. Уступая ихъ вліянію, мы не можемъ забыть какъ предки наши забывали, другихъ элементовъ жизни, другихъ кумировъ, тяжелой рукою удерживающихъ насъ при себѣ. Другими словами, поэзія уже не всплываетъ у насъ цѣликомъ на поверхность души, отдѣленная и очищенная отъ всего остальнаго. Нѣтъ, она—загнана внутрь и смутно бродитъ въ нашей крови,—часто придавленная и угнетенная иными началами, но порой отстаивающая свое и согрѣвающая и утѣшающая своимъ затаеннымъ огнемъ того, кто не отрекся еще отъ нея въ глубинѣ своего сердца и не продалъ себя Маммону.

НИК. АХШАРУМОВЪ,

Конецъ.


LIBRARY OF CONGRESS
00025200147